ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ.

(КРАТКІЙ ОЧЕРКЪ АСКЕТИКИ).

Заключительное прибавленіе

КЪ ПИСЬМАМЪ О ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ.

Сочиненіе Епископа Ѳеофана.

ИЗДАНІЕ ШЕСТОЕ.

Аѳонскаго Русскаго Пантелеимонова Монастыря.

ОТДѢЛЪ 1.

Послѣ общаго введенія,—О НАЧАЛѢ ХРИСТІАНСКОЙ ЖИЗНИ ЧРЕЗЪ СВ. КРЕЩЕНІЕ, съ указаніемъ какъ сохранить сію благодать въ періодъ воспитанія, и съ приложеніемъ мыслей святаго отца нашего Іоанна Златоустаго о воспитаніи.

ОДЕССА.

Типо-литографія Е. И. Фесенко, Ришельевская, собст. д. № 47.

1886

Дозволено цензурою. С.-Петербургъ, Іюля 8 дня 1886 года.

Библиотека ООН
Академии Наук СССР
640
37

ВВЕДЕНІЕ.

Въ письмахъ о христіанской жизни изображены обязательныя для насъ чувства и расположенія *); но этимъ сказано далеко не все, потребное къ устроенію своего спасенія. Главное дѣло у насъ дѣйствительная жизнь въ духѣ Христовомъ. А этого только коснись, сколько откроется недоумѣній и сколько, поэтому, потребно указаній, и притомъ, почти на каждомъ шагу!

Правда, тамъ послѣдняя цѣль человѣка указана—въ общеніи съ Богомъ — и путь къ ней изображенъ: это — вѣра съ хожденіемъ въ заповѣдяхъ, при помощи благодати Божіей. Приложить бы только слово: вотъ путь!—Иди.

*) Выпуски 3-й и 4-й.

Легко сказать: вотъ путь, иди! — Но какъ сдѣлать это? Большею частью недостаетъ желанія идти. Упорно отрѣваетъ душа, увлеченная какою-либо страстію, всякое понужденіе и всякій позывъ; очи отъ Бога отвращаетъ и смотрѣть на Него не хочетъ. Законъ Христовъ не по сердцу; ей и слушать о немъ нѣтъ расположенія: душа, какъ говорятъ, не лежитъ. Спрашивается, какъ же дойти до того, чтобы родилось желаніе идти къ Богу путемъ Христовымъ; какъ сдѣлать, чтобы законъ напечатлѣлся въ сердцѣ, и человѣкъ, дѣйствуя по этому закону, дѣйствовалъ какъ бы отъ себя, непринужденно, чтобы законъ сей не лежалъ на немъ, а какъ бы исходилъ отъ него.

Но пусть обратился кто къ Богу, пусть возлюбилъ законъ Его: самое шествіе къ Богу, самое хожденіе путемъ закона Христова необходимо ли уже и будетъ успѣшно, потому только, что мы возжелали сего? Нѣтъ. Кромѣ желанія необходимо еще имѣть силы и умѣнье дѣйствовать:

нужна мудрость дѣятельная. Кто вступитъ на истинный путь богоугожденія, или начнетъ при благодатной помощи стремиться къ Богу, путемъ предначертаннаго закона Христова, тому неминуемо будутъ угрожать опасности сбиться на распутіи, заблудиться и погибать, воображая себя спасаемымъ. Сіи распутія неизбѣжны по остающемуся, даже и въ обращенномъ грѣховному позыву и разстройству силъ, которыя и въ семъ состояніи способны представлять вещи въ превратномъ видѣ —прельщать и губить человѣка. Къ сему присоединяется лесть отъ сатаны, который неохотно разстается съ своими жертвами, и когда кто въ области его пойдетъ къ свѣту Христову, гонится вслѣдъ его и всякія разставляетъ сѣти, чтобы снова уловить; и нерѣдко дѣйствительно уловляетъ. Слѣдовательно, и тому, кто имѣетъ уже желаніе идти указаннымъ путемъ къ Господу, необходимо еще указать всѣ уклоненія, возможныя на семъ пути, чтобы шествующій напередъ былъ предваренъ о семъ, видѣлъ имѣющія

встрѣтиться опасности и зналъ, какъ избѣжать ихъ.

Эти общія всѣмъ неизбѣжности на пути спасенія дѣлаютъ необходимыми особыя руководительныя въ христіанской жизни правила, коими должно быть опредѣлено: какъ дойти до спасительнаго желанія богообщенія и ревности пребывать въ немъ, и какъ безбѣдно пройти къ Богу, среди всѣхъ распутій, возможныхъ на семъ пути по всѣмъ степенямъ, — иначе какъ начать жить по-христіански и какъ, начавши, усовершиться въ этомъ. Сіе руководство должно взять человѣка внѣ Бога, обратиться къ Нему и потомъ привесть предъ лице Его; должно прослѣдить жизнь христіанскую въ ея явленіяхъ, на дѣлѣ, отъ начала до конца, т. е. какъ она засѣменяется, развивается, зрѣетъ и приходитъ въ полноту, или — что тоже — написать исторію дѣйствительной жизни каждаго христіанина, съ показаніемъ того, какъ въ какомъ случаѣ долженъ онъ дѣйствовать, чтобы устоять въ своемъ чинѣ.

Засѣмененіе и развитіе жизни христіанской существенно различно отъ засѣмененія и развитія жизни естественной. Это зависитъ отъ особеннаго характера христіанской жизни и отношенія его къ нашей природѣ. Человѣкъ не раждается христіаниномъ, а становится таковымъ послѣ рожденія. Сѣмя Христово падаетъ на землю сердца уже біющаго. Но какъ естественно рожденный человѣкъ поврежденъ и противоположенъ требованіямъ христіанства, то,—тогда какъ, напримѣръ, въ растеніи начало жизни есть возбужденіе ростка въ сѣмени; пробужденіе какъ бы спящихъ силъ,—начало истинно-христіанской жизни въ человѣкѣ есть нѣкоторое возсотвореніе, дарованіе новыхъ силъ, новой жизни. Далѣе, пусть воспринято христіанство, какъ законъ, т. е. положена рѣшимость жить по христіански: это сѣмя жизни (рѣшимость) не бываетъ окружено въ человѣкѣ благопріятствующими ему стихіями; и при этомъ весь человѣкъ, его тѣло и душа остаются неприспособленными къ новой жизни, непокорными

игу Христову; потому съ сей минуты начинается у человѣка потовой трудъ—образовать всего себя, всѣ свои силы по христіански. Вотъ почему, тогда какъ возрастаніе, напримѣръ, у растеній, есть постепенное развитіе силъ, легкое, непринужденное, у христіанина оно есть многотрудная борьба съ самимъ собою — напряженная и скорбная, и ему надо настроивать свои силы на то, къ чему у нихъ нѣтъ расположенія: онъ, какъ воинъ, каждый шагъ земли, хотя своей же, долженъ отнимать у враговъ войною — обоюду острымъ мечемъ самопринужденія и самопротивленія. Наконецъ, уже послѣ долгихъ трудовъ и усилій, начала христіанскія являются побѣдоносными, господствующими безъ сопротивленія, проникаютъ весь составъ естества человѣческаго, вытѣснивъ изъ него враждебныя себѣ требованія и стремленія, и поставляютъ его въ состояніе безстрастія и чистоты, сподобляя блаженства чистыхъ сердцемъ —зрѣть Бога въ себѣ въ пріискреннемъ съ Нимъ общеніи.

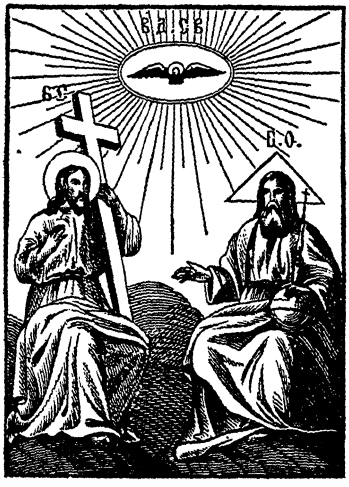
Таково положеніе въ насъ жизни христіанской. Она имѣетъ три степени, которыя, по свойству ихъ, можно назвать такъ: 1-ю—обращеніемъ къ Богу, 2-ю очищеніемъ или самонаправленіемъ, 3-ю —освященіемъ. На первой—человѣкъ обращается отъ тмы къ свѣту, отъ области сатанины къ Богу; на второй—очищаетъ храмину сердца своего отъ всѣхъ нечистотъ, чтобы принять грядущаго къ нему Христа Господа; на третьей — Господь приходитъ, вселяется въ сердце и вечеряетъ съ нимъ. Это состояніе блаженнаго богообщенія — цѣль всѣхъ трудовъ и подвиговъ!

Изобразить все сіе и опредѣлить правилами и будетъ значить—указать *путь ко спасенію*. Полное въ семъ дѣлѣ руководство беретъ человѣка на распутіяхъ грѣха, проводитъ огненнымъ путемъ очищенія и возводитъ до возможной для него степени совершенства, въ мѣру возраста исполненія Христова. Иначе, оно должно показать:

1) какъ начинается въ насъ христіанская жизнь;

2) какъ совершенствуется—зрѣетъ и крѣпнетъ, и

3) какою является въ полномъ своемъ совершенствѣ.



I.

КАКЪ НАЧИНАЕТСЯ ВЪ НАСЪ ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ?

Надобно намъ уяснить себѣ, когда и какъ начинается истинно христіанская жизнь для того, чтобы видѣть, положено ли въ насъ начало жизни сей, и, въ случаѣ, если не положено, знать какъ положить оное, на сколько это отъ насъ зависитъ.

То нерѣшительный еще признакъ истинной жизни во Христѣ, если кто нибудь именуется христіаниномъ и принадлежитъ къ Церкви Христовой. *Не всякъ глаголяй ми, Господи, Господи, внидетъ въ царствіе* (Матѳ. 7, 21). И *не вси сущіе отъ Израиля, суть Израиль* (Рим. 9, 6). Можно быть въ числѣ христіанъ, и не быть христіаниномъ. Это всякій знаетъ.

Есть моментъ, и моментъ весьма замѣтный, рѣзко обозначающійся въ теченіе жизни нашей,—когда кто начинаетъ жизнь по-христіански. Это тотъ моментъ, когда въ немъ начинаютъ качествовать отличительныя черты жизни христіанской. Христіанская жизнь есть

ревность и сила пребывать въ общеніи съ Богомъ дѣятельномъ, по вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, при помощи благодати Божіей, исполненіемъ святой воли его, во славу пресвятаго имени Его *). Существо жизни христіанской состоитъ въ богообщеніи о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, — въ богообщеніи, въ началѣ обычно сокровенномъ не только отъ другихъ, но и отъ себя. Видимое же, или ощущаемое внутрь насъ, свидѣтельство о ней суть жаръ дѣятельной ревности, исключительно о христіанскомъ богоугожденіи, съ полнымъ самоотверженіемъ и ненавидѣніемъ всего тому противнаго. Такъ когда начинается сей жаръ ревности, тогда полагается начало христіанской жизни; и въ комъ онъ постоянно дѣйствуетъ, тотъ живетъ по-христіански.

На этой отличительной чертѣ надобно остановить немного подолѣе наше вниманіе.

Огня пріидохъ вовргщи на землю, говоритъ Спаситель, *и какъ желалъ бы Я, чтобы онъ возгорѣлся* (Лук. 12, 49). Это говоритъ Онъ о христіанской жизни, и говоритъ потому, что видимое ея свидѣтельство составляетъ возжигаемая въ сердцѣ Духомъ Божіимъ ревность о богоугожденіи, похожая на огонь, ибо какъ огонь снѣдаетъ то вещество, въ которомъ внѣдряется, такъ и ревность о жизни по Христѣ снѣдаетъ душу, которая воспріяла ее. И какъ во время пожара пламя охватываетъ все зданіе, такъ и воспринятый огнь ревности объемлетъ и наполняетъ все существо человѣка.

*) См. «Письма о христ. жизни», вып. 3, письмо 10-е.

Въ другомъ мѣстѣ Господь говоритъ: *всякъ огнемъ осолится* (Мар. 9, 49). И это есть указаніе на огнь духа, ревностію проникающаго все существо наше. Какъ соль, проникая, удоборазлагаемое вещество, предохраняетъ его отъ гніенія, такъ и духъ ревности, проникая все наше существо, изгоняетъ грѣхъ, растлѣвающій нашу природу и по душѣ, и по тѣлу, изъ всѣхъ даже малѣйшихъ его вмѣстилищъ и хранилищъ, и тѣмъ спасетъ насъ отъ нравственной порчи и растлѣнія.

Апостолъ Павелъ заповѣдуетъ: *Духа не угашать* (1 Солун. 5, 19), быть *тщаніемъ нелѣнивыми, духомъ горѣть* (Рим. 13, 11),—заповѣдуетъ сіе всѣмъ христіанамъ, чтобы помнили, что горѣніе духа, или нелѣностное тщаніе, есть неотъемлемое свойство христіанской жизни. Въ другомъ мѣстѣ о себѣ говоритъ онъ: *задняя забывая, въ предняя же простираяся со усердіемъ, гоню къ почести вышняго званія о Христѣ Іисусѣ* (Фил. 3, 13, 14); и другимъ внушаетъ: *тако тецыте, да постигнете* (1 Кор. 9, 24). Значитъ, въ жизни христіанской, вслѣдствіе жара ревности, есть нѣкоторая быстрота и живость духовная, съ которою берутся за дѣла богоугодныя, попирая себя и охотно принося въ жертву Богу всякаго рода труды, безъ сожалѣнія себя.

Утверждаясь на такомъ понятіи, легко можно заключить, что холодное исполненіе уставовъ Церкви, равно какъ регулярность въ дѣлахъ, установляемая расчетливымъ разсудкомъ, исправность, степенность и честность въ поведеніи еще не суть рѣшительные

указатели, что качествуетъ въ насъ истинно-христіанская жизнь. Все это хорошо, но коль скоро не носитъ въ себѣ духа жизни о Христѣ Іисусѣ, не имѣетъ никакой предъ Богомъ цѣны. Такого рода дѣла будутъ тогда какъ бы бездушные истуканы. И часы хорошіе идутъ исправно; но кто скажетъ, что въ нихъ есть жизнь?! Такъ и тутъ: часто *имя только имѣютъ, что живы,* будучи на дѣлѣ *мертвы* (Апок. 3, 2). Эта добропорядочность поведенія больше всего можетъ вводить въ обольщеніе. Истинное ея значеніе зависитъ отъ внутреннихъ расположеній, въ которыхъ возможны значительныя уклоненія отъ существенной правды при дѣлахъ правыхъ. Какъ, удерживаясь внѣшно отъ дѣлъ грѣховныхъ, можно питать къ нимъ привязанность или соуслажденіе въ сердцѣ; такъ равно, дѣлая дѣла правыя внѣшно, можно не имѣть къ нимъ расположенія сердечнаго. Только истинная ревность какъ доброхочетъ совершать во всей полнотѣ и чистотѣ, такъ и грѣхъ преслѣдуетъ до малѣйшихъ его оттѣнковъ. Перваго ищетъ она какъ насущнаго хлѣба, съ послѣднимъ поступаетъ какъ съ врагомъ смертельнымъ. Врагъ врага ненавидитъ не только въ лицѣ его собственномъ, но ненавидитъ родныхъ его и знаемыхъ, даже вещи его, цвѣтъ ему любимый, вообще все, что сколько нибудь напоминаетъ о немъ. Тоже и ревность о богоугожденіи истинная: преслѣдуетъ грѣхъ въ малѣйшихъ объ немъ напоминаніяхъ или намекахъ; ибо ревнуетъ о рѣшительной чистотѣ. Не будь этого, сколько нечистоты можетъ залечь въ сердцѣ!

И какого успѣха можно ожидать, когда нѣтъ стре-

мительной ревности о христіанскомъ богоугожденіи? Въ чемъ нѣтъ труда, то будетъ еще исполняться; но коль скоро потребуется въ чемъ либо усиленный трудъ, или какое либо самопожертвованіе, - - тотчасъ послѣдуетъ отказъ, по невозможности совладѣть съ собою. Ибо когда не на что будетъ опереться, чтобы подвинуть себя на доброе дѣло: саможалѣніе подорветъ всѣ опоры. Если же примѣшается другое какое побужденіе кромѣ указаннаго, то оно и доброе дѣло сдѣлаетъ недобрымъ. Соглядатаи убоялись отъ того, что себя жалѣли. Мученики охотно шли на смерть отъ того, что ихъ сожигалъ внутренній огонь. Истинный ревнитель не законное только дѣлаетъ, но и совѣтъ, и всякое благое внушеніе, тайно печатлѣемое въ душѣ; дѣлаетъ не представляющееся только, но бываетъ изобрѣтателенъ на добро, весь въ заботахъ объ одномъ добрѣ прочномъ, истинномъ, вѣчномъ. „Вездѣ потребно намъ, говоритъ св. Іоаннъ Златоустъ (бесѣд. 31 на Дѣян.), усердіе и многое разженіе души, готовое ополчиться противъ самой смерти; ибо иначе невозможно царствіе получить“.

Дѣло благочестія и богообщенія есть дѣло многотрудное и многоболѣзненное, особенно на первыхъ порахъ. Гдѣ взять силъ, чтобы подъять всѣ эти труды? При помощи благодати Божіей—въ одушевленной ревности. Купецъ, воинъ, судья, ученый проходятъ службу многозаботливую и многотрудную. Чѣмъ поддерживаютъ они себя въ трудахъ своихъ? — Воодушевленіемъ и любовію къ своему дѣлу. Не инымъ чѣмъ можно поддерживать себя и на пути благочестія. А безъ

сего мы будемъ находить въ служеніи Богу томность, тяготу, скуку, вялость. И тихоходъ идетъ, но съ болѣзнію, тогда какъ для быстрой серны или проворной бѣлки движеніе и переходъ составляютъ удовольствіе. Богоугожденіе ревностное есть отрадное, окрыляющее духъ шествіе къ Богу. Безъ него можно испортить все дѣло.—Надо все дѣлать во славу Божію, наперекоръ живущему въ насъ грѣху; а безъ сего мы будемъ все исполнять только по привычкѣ, по требованію приличія, потому что такъ издавна дѣлалось и такъ дѣлаютъ другіе. Надо дѣлать *все*; а въ противномъ случаѣ мы иное сдѣлаемъ, а иное нѣтъ, и притомъ безъ всякаго сокрушенія и даже памяти о пропускахъ. Надо все дѣлать со вниманіемъ и осмотрительностію, какъ *главное дѣло*; а иначе мы будемъ дѣлать, какъ пришлось.

Итакъ, ясно, что безъ ревности христіанинъ плохой христіанинъ,—вялый, разслабленный, безжизненный, ни тепелъ, ни хладенъ,—и жизнь такая не жизнь. Сіе вѣдая, потщимся явить себя истинными ревнителями добрыхъ дѣлъ, чтобы быть истинно угодными Богу, не имѣя скверны или порока, или нѣчто отъ таковыхъ.

Итакъ, вѣрное свидѣтельство о жизни христіанской есть огнь дѣятельной ревности о богоугожденіи. Спрашивается теперь, какъ возжигается сей огнь? Кто его производители?

Такая ревность производится дѣйствіемъ благодати, однако же и не безъ участія свободной нашей воли. Жизнь христіанская не есть жизнь естественная.

Таково же должно быть и ея начало, или первое ея побужденіе. Какъ въ сѣмени растительная жизнь пробуждается тогда, какъ къ сокрытому въ немъ ростку проникаетъ влага и теплота, и чрезъ нихъ—всевозстановляющая сила жизни; такъ и въ насъ жизнь божественная пробуждается, когда проникаетъ въ сердце Духъ Божій и полагаетъ тамъ начало жизни по духу, очищаетъ и собираетъ во едино омраченныя и разбитыя черты образа Божія. Пробуждается желаніе и свободное исканіе (дѣйствіемъ извнѣ), потомъ нисходитъ благодать (чрезъ таинства) и, сочетавшись съ свободою, раждаетъ мощную ревность. И никто не думай самъ собою родить такую силу жизни: объ ней должно молиться и быть готовымъ пріять ее. Огнь ревности съ силою — это благодать Господня. Духъ Божій, сходя въ сердце, начинаетъ дѣйствовать въ немъ не снѣдающею только, но и вседѣйствующею ревностію.

Инымъ приходитъ на мысль: зачѣмъ это дѣйствіе благодати? Неужели мы сами не можемъ дѣлать добрыхъ дѣлъ? Вотъ мы сдѣлали то и то доброе дѣло. Поживемъ, и еще что-либо сдѣлаемъ. Рѣдкій, можетъ быть, не останавливался на этомъ вопросѣ. Иные говорятъ, что мы не можемъ сами собою ничего добраго сдѣлать?! Но здѣсь дѣло не объ отдѣльныхъ добрыхъ дѣлахъ, а о перерожденіи всей жизни, о жизни новой, о жизни въ цѣломъ ея составѣ — такой, которая приводитъ ко спасенію. При случаѣ нетрудно что нибудь сдѣлать даже очень хорошее, какъ дѣлали и язычни-

ки. Но пусть кто намѣренно опредѣлитъ себя на неопустительное добродѣланіе, опредѣлитъ порядокъ его по указанію слова Божія,—и это не на одинъ мѣсяцъ или годъ, но на всю жизнь,—и положитъ неуклонно пребывать въ семъ порядкѣ, и потомъ, когда пребудетъ вѣренъ тому, — пусть хвалится своею силою; а безъ сего не лучше ли заградить уста свои. Мало ли бывало и бываетъ опытовъ самодѣльнаго начинанія и устроенія христіанскаго житія? И всѣ они оканчивались и оканчиваются ничѣмъ. Постоитъ немного человѣкъ въ новоизбранномъ порядкѣ—и бросаетъ. И какъ иначе? Нѣтъ силъ. Только вѣчной силѣ Божіей свойственно поддерживать насъ неизмѣнными въ расположеніи, среди безпрерывныхъ приливовъ измѣненій временныхъ. Потому надобно преисполниться своею силою, испросить ее и принять по чину,—и она приподниметъ насъ и извлечетъ изъ этого треволненія временнаго.

Обратитесь еще къ опыту и посмотрите, когда приходятъ такія помышленія самодовольства? Когда человѣкъ бываетъ въ покойномъ состояніи, когда его ничто не смущаетъ, ничто не прельщаетъ и не влечетъ ко грѣху, тогда онъ готовъ на самое святое и чистое житіе. Но чуть движеніе страсти или соблазнъ,—куда всѣ обѣты?! Не говоритъ ли себѣ часто человѣкъ, ведущій невоздержную жизнь: теперь не буду больше. Но насыщеніе страсти прошло, новый позывъ возстаетъ, и онъ опять является во грѣхахъ. Хорошо разсуждать о перенесеніи обидъ, когда все идетъ по нашей волѣ, не на перекоръ самолюбію. Тутъ, пожалуй,

страннымъ покажется чувство оскорбленія или серчанія, какому предаются другіе. Но случись самимъ быть въ подобномъ положеніи, тогда и одинъ взглядъ, не только слово, выведетъ изъ себя. Такъ можно въ самонадѣянности мечтать о возможности самому собою, безъ высшей помощи, вести жизнь христіанскую, когда покоенъ духъ. Но когда зло, слегшееся на днѣ сердца, возмятется, какъ прахъ, вѣтромъ, тогда въ собственномъ опытѣ найдетъ каждый осужденіе своей заносчивости. Когда помыслъ за помысломъ, желаніе за желаніемъ—одно другаго хуже—начинаютъ тревожить душу, тогда забудетъ всякій про себя и невольно воззоветъ съ Пророкомъ: *воды внидоша до души моея: углъбохъ въ тинѣніи глубины* (Псал. 68, 2). *О, Господи, спаси же! О, Господи, поспѣши же!* (Псал. 117, 25).

Не бываетъ ли часто такъ: мечтаетъ иной въ самоувѣренности пребывать въ добрѣ. Но вотъ воображено лице или вещь, родилось желаніе, возбудилась страсть; человѣкъ увлеченъ и палъ. Послѣ сего оставалось бы только посмотрѣть на себя и сказать: какъ это худо? Но вотъ представился случай къ развлеченіямъ, и онъ снова готовъ забыться. Далѣе, кто нибудь оскорбилъ: началась брань, укоры, судъ; представилась неправая, но выгодная сдѣлка, — берется и за то: одного унизилъ, съ другими подѣлился, третьяго столкнулъ съ мѣста,—и все это послѣ того, какъ хвалился возможностію самому, безъ особой помощи свыше, вести себя свято. Гдѣ же сила? — *Духъ бодръ, плоть же немощна* (Мат. 26, 41). Видишь добро и

творишь зло: *хотящу творити доброе, злое прилежитъ* (Рим. 7, 21). Мы въ плѣну: искупи насъ, Господи!

Одинъ изъ первыхъ вражескихъ навѣтовъ на насъ есть помыслъ самонадѣянности, т. е. если не отверженіе, то не чувствованіе нужды въ благодатной помощи. Врагъ какъ бы такъ говоритъ: „не ходи туда—къ свѣту, гдѣ хотятъ тебѣ дать какія то новыя силы!—Ты у меня и такъ хорошъ“. Человѣкъ и предается покою. А врагъ между тѣмъ — гдѣ подкинетъ камень (непріятности), гдѣ наведетъ на скользкое мѣсто (прелести страстей), гдѣ усѣетъ цвѣтами закрытые силки (свѣтлая обстановка). Не оглядываясь, человѣкъ стремится все далѣе и далѣе, и не догадывается, что ниспадаетъ все ниже и ниже, пока, наконецъ, не низойдетъ на самое дно зла — къ преддверію ада. Не нужно ли въ такомъ случаѣ крикнуть ему, какъ первому Адаму: „человѣкъ, гдѣ ты? Куда ты зашелъ?“ Вотъ это то воззваніе и есть дѣйствіе благодати, которое заставляетъ грѣшника въ первый разъ остотрѣться на себя.

И такъ, желаешь начать жить по-христіански, взыщи благодати. Минута, когда низойдетъ благодать и сочетается съ твоею волею, будетъ минутою рожденія жизни христіанской—сильной, твердой, многоплодной.

Гдѣ обрѣсти и какъ принять благодать, зачинающую жизнь?—Стяжаніе благодати и освященіе ею нашего естества совершается въ таинствахъ. Здѣсь мы предлагаемъ дѣйствію Божію, или предносимъ Богу

свою непотребную природу,—и Онъ дѣйствіемъ Своимъ претворяетъ ее. Богу угодно было, для пораженія гордаго ума нашего, въ самомъ началѣ истинной жизни, сокрыть силу Свою подъ сѣнію вещества простаго. Какъ это будетъ, не постигаемъ, но опытъ всего христіанства свидѣтельствуетъ, что иначе не бываетъ.

Таинствъ, преимущественно относящихся къ началу жизни христіанской, два: *крещеніе* и *покаяніе*. Потому и правила касательно начала жизни истинно-христіанской собираются одни вокругъ крещенія, а другія —вокругъ покаянія.

а) Какъ начинается жизнь христіанская въ таинствѣ крещенія.

Крещеніе есть первое въ христіанствѣ таинство, содѣлывающее человѣка христіанина достойнымъ сподобляться даровъ благодати и чрезъ другія таинства. Безъ него нельзя войти въ міръ христіанскій — сдѣлаться членомъ Церкви. Превѣчная премудрость создала себѣ домъ на землѣ: дверь, вводящая въ сей домъ, есть таинство крещенія. Сею дверью не только входятъ въ домъ Божій, но при ней же облекаются и въ достойную его одежду, получаютъ новое имя и знакъ, отпечатывающійся во всемъ существѣ крещаемаго, посредствомъ коего разузнаютъ и различаютъ его потомъ и небесные, и земные.

Аще кто во Христѣ, нова тварь, учитъ Апостолъ (2 Кор. 5, 17). Сею новою тварію христіанинъ становится въ крещеніи. Изъ купели человѣкъ выходитъ

совсѣмъ не такимъ, какимъ туда входитъ. Какъ свѣтъ тмѣ, какъ жизнь смерти, такъ крещенный противоположенъ некрещенному. Зачатый въ беззаконіяхъ и рожденный во грѣхахъ, человѣкъ до крещенія носитъ въ себѣ весь ядъ грѣха, со всею тяготою его послѣдствій. Онъ состоитъ въ немилости Божіей, есть естествомъ чадо гнѣва; поврежденъ, разстроенъ самъ въ себѣ*), въ соотношеніи частей и силъ и въ ихъ направленіи, преимущественно на размноженіе грѣха; подчиненъ вліянію сатаны, который дѣйствуетъ въ немъ властно, по причинѣ грѣха, живущаго въ немъ, вслѣдствіе всего этого, онъ, по смерти, неминуемо есть оброчникъ ада, гдѣ долженъ мучиться вмѣстѣ съ своимъ княземъ и его клевретами и слугами.

Крещеніе избавляетъ насъ отъ всѣхъ сихъ золъ. Оно снимаетъ клятву силою креста Христова и возвращаетъ благословеніе: крещенные суть чада Божія, какъ именоваться и быть далъ имъ область Самъ Господь. *Аще же чада, то и наслѣдницы,—наслѣдницы убо Богу, сонаслѣдницы же Христу* (Рим. 8, 16, 17). Царство небесное принадлежитъ крещаемому уже по самому крещенію. Онъ изъемлется изъ-подъ владычества сатаны, который теперь теряетъ власть надъ нимъ и силу самовольно дѣйствовать въ немъ. Вступленіемъ въ Церковь, — домъ прибѣжища — сатанѣ заграждаются входы къ новокрещенному. Онъ здѣсь какъ въ безопасной оградѣ.

---

*) Въ письмахъ о христіанской жизни. Вып. 3-й, письмо 22-е и далѣе представлено подробное описаніе поврежденнаго состоянія человѣка.

Все это—духовно-внѣшнія преимущества и дарованія. Что происходитъ внутри?—Исцѣленіе болѣзни и поврежденія. Сила благодати проникаетъ внутрь и возстановляетъ здѣсь божественный порядокъ во всей его красотѣ, врачуетъ разстройство, какъ въ составѣ и отношеніи силъ и частей, такъ и въ главномъ направленіи отъ себя къ Богу,—на богоугожденіе и умноженіе добрыхъ дѣлъ. Почему крещеніе и есть возрожденіе или новое рожденіе, поставляющее человѣка въ обновленное состояніе. Апостолъ Павелъ всѣхъ крещенныхъ сравниваетъ съ воскресшимъ Спасителемъ, давая разумѣть, что и у нихъ такое-же свѣтлое въ обновленіи существо, какимъ явилось человѣчество въ Господѣ Іисусѣ, чрезъ воскресеніе Его въ славѣ (Рим. 6, 4). Что и направленіе дѣятельности въ крещенномъ измѣняется—это видно изъ словъ того же Апостола, который говоритъ въ другомъ мѣстѣ, что они уже *не кто-му себѣ живутъ, но умершему за нихъ и воскресшему* (2 Кор. 5, 15). *Еже бо умре, грѣху умре единою, а еже живетъ, Богови живетъ* (Рим. 6, 9). — *Мы спогребаемся Ему крещеніемъ, въ смерть* (Рим. 6, 4), и *ветхій нашъ человѣкъ съ Нимъ распинается, яко къ тому не работати намъ грѣху* (Рим. 6, 6). Такъ вся дѣятельность человѣка силою крещенія обращается отъ себя и грѣха къ Богу и правдѣ.

Замѣчательно слово Апостола: *яко къ тому не работати намъ грѣху...* и другое: *грѣхъ вами да не обладаетъ* (Рим. 6, 14). Это даетъ намъ разумѣть, что то, что въ разстроенной падшей природѣ составляетъ силу, влекущую ко грѣху, не истребляется въ конецъ въ

крещеніи, а только поставляется въ такое состояніе, въ коемъ не имѣетъ надъ нами власти, не обладаетъ нами, и мы не работаемъ ему. Оно въ насъ же находится, живетъ и дѣйствуетъ, только не какъ господинъ. Равенство съ сихъ поръ принадлежитъ уже благодати Божіей и духу, сознательно себя ей предающему. Св. Діодохъ, объясняя силу крещенія, говоритъ, что до крещенія грѣхъ живетъ въ сердцѣ, а благодать извнѣ дѣйствуетъ; послѣ же сего, благодать вселяется въ сердце, а грѣхъ влечетъ извнѣ. Онъ изгоняется изъ сердца, какъ врагъ укрѣпленія, и поселяется внѣ, въ частяхъ тѣла, откуда и дѣйствуетъ раздробленно набѣгами. Почему и есть непрестанный искуситель, соблазнитель, но уже не властелинъ; безпокоитъ и тревожитъ, но не повелѣваетъ (Добротол. ч. 4. 80, гл. 9).

Такъ зараждается новая жизнь въ крещеніи! Что при этомъ требуется со стороны человѣка, или какъ доходитъ онъ до того, что обновляется въ крещеніи,— изображено въ „Письмахъ о христіанской жизни“, особенно въ статьѣ о началѣ христіанской жизни. Здѣсь этого не повторяется, потому что возрастный, приступающій къ крещенію, есть тоже, что грѣшникъ, обратившійся къ Богу въ покаяніи; а о семъ послѣднемъ рѣчь будетъ впереди не краткая, будетъ второй отдѣлъ! Тогда вполнѣ будетъ удовлетворено слабовѣдѣніе всякаго о семъ предметѣ.

Здѣсь обращается вниманіе на то, какъ начинается чрезъ крещеніе жизнь христіанская въ тѣхъ, кои крестятся младенцами, какъ это бываетъ преимущественно между нами. Ибо здѣсь начало христіанской жизни

устрояется съ нѣкоторою характеристическою особенностію, вытекающею изъ отношенія благодати къ свободѣ.

Вы уже знаете, что благодать нисходитъ на свободное желаніе и исканіе, и что только взаимнымъ сочетаніемъ ихъ зачинается сообразная съ благодатію и свойствомъ свободной твари новая благодатная жизнь. Господь подаетъ благодать туне; но требуетъ, чтобы человѣкъ искалъ ее и желательно воспринималъ ее, посвящая себя всецѣло Богу. Исполненіе сего условія въ покаяніи и въ крещеніи возрастныхъ очевидно. Но какъ оно исполняется въ крещеніи младенцевъ? Младенецъ не имѣетъ употребленія разума и свободы, слѣдовательно не можетъ исполнить условія къ началу христіанской жизни съ своей стороны, т. е. желанія посвятить себя Богу. Между тѣмъ, сіе условіе непремѣнно должно быть исполнено. Отъ способа исполненія сего условія начало жизни, чрезъ крещеніе младенцевъ, совершается съ нѣкоторою характеристическою особенностію. Именно.

Благодать нисходитъ на младенческую душу и производитъ въ ней все *одна*, такъ какъ бы при семъ участвовала и свобода, на томъ единственно основаніи, что въ будущемъ сей, несознающій себя и недѣйствующій лично, младенецъ, когда придетъ въ сознаніе, самъ охотно посвятитъ себя Богу, желательно воспріиметъ благодать, нашедши въ себѣ ея дѣйствія, радъ будетъ, что она есть, возблагодаритъ, что такъ сдѣлано для него, и исповѣдуетъ, что, еслибы, въ минуту крещенія даны были ему смыслъ и свобода, онъ не

иначе поступилъ бы, какъ поступлено, и не захотѣлъ бы инаго. Ради такого будущаго свободнаго посвященія себя Богу и сочетанія свободы съ благодатію, божественная благодать вся подается младенцу и безъ него все въ немъ производитъ, что производить ей свойственно, по одному увѣренію, что требуемое желаніе и преданіе себя Богу будетъ несомнѣнно,—увѣренію, какое даютъ воспріемники, поручаясь Богу предъ Церковію, что сей младенецъ пришедши въ сознаніе, явитъ именно такое употребленіе свободы, какое требуется для благодати, пріемля на себя обязанность самымъ дѣломъ довесть до того младенца воспріемлемаго.

Такимъ образомъ, чрезъ крещеніе въ младенцѣ полагается сѣмя жизни о Христѣ и есть въ немъ; но она еще какъ бы не его,—дѣйствуетъ какъ образующая его сила. Жизнь духовная, зарожденная благодатію крещенія въ младенцѣ, станетъ собственною человѣку, явится въ полномъ своемъ видѣ, сообразною не только съ благодатію, но и съ свойствомъ разумной твари съ того времени, когда онъ, возникши къ сознанію, свободнымъ произволеніемъ посвятитъ себя Богу и желательнымъ, радостнымъ и благодарнымъ воспріятіемъ усвоитъ себѣ обрѣтенную въ себѣ благодатную силу. И до сего времени въ немъ дѣйствуетъ жизнь истинно христіанская, но какъ бы безъ его вѣдома, дѣйствуетъ въ немъ, а есть еще какъ бы не его; съ минуты же сознанія и избранія она становится его собственною, не благодатною только, но и свободною.

По причинѣ этого, болѣе или менѣе продолжительнаго, промежутка между крещеніемъ и посвяще-

ніемъ себя Богу, начало христіанско-нравственной жизни чрезъ благодать крещенія въ младенцахъ расширяется, такъ сказать, на неопредѣленное пространство времени, въ продолженіе коего младенецъ зрѣетъ и образуется въ христіанина въ св. Церкви среди христіанъ, какъ прежде тѣлесно образовался въ утробѣ матери.

Установитесь, читатель, покрѣпче въ сей мысли. Она намъ крайне будетъ нужна при опредѣленіи того, какъ родители и воспитатели должны обходиться съ крещеннымъ младенцемъ, который ввѣряется имъ отъ св. Церкви и Господа.

Понятно само собою, что послѣ крещенія младенца очень важное дѣло—предложить родителямъ и воспріемникамъ такъ вести крещеннаго, чтобы онъ, пришедши въ сознаніе, созналъ въ себѣ благодатныя силы, съ радостнымъ желаніемъ воспріялъ ихъ, равно какъ и сопряженныя съ ними обязанности требуемый ими образъ жизни. Это лицемъ къ лицу поставляетъ съ вопросомъ о христіанскомъ воспитаніи или о воспитаніи по требованію благодати крещенія, съ цѣлію сохраненія сей благодати.

Чтобы яснѣе было, какъ должно обходиться съ крещеннымъ младенцемъ въ показанныхъ цѣляхъ, надо привести себѣ на память высказанную прежде мысль, что благодать осѣняетъ сердце и обитаетъ въ немъ, когда въ немъ качествуетъ обращеніе отъ грѣха и себя къ Богу. Ради этого настроенія, дѣятельно являемаго, далѣе подаются и всѣ другіе дары благодати и всѣ преимущества облагодатствованныхъ, благоволеніе Бо-

жіе, сонаслѣдіе Христу, поставленіе внѣ области сатаны, внѣ опасности быть осуждену въ адъ. Коль же скоро сіе настроеніе ума и сердца умаляется или теряется, тотчасъ грѣхъ снова начинаетъ обладать сердцемъ, а чрезъ грѣхъ налагаются узы сатаны и отъемлются благоволеніе Божіе и сонаслѣдство Христу. Благодать въ младенцѣ укрощаетъ и заглушаетъ грѣхъ; но онъ можетъ снова ожить и возстать, если дать ему пищу и свободу. И такъ, все вниманіе тѣхъ, на коихъ лежитъ обязанность блюсти въ цѣлости принятое изъ купели дитя-христіанина, должно быть обращено на то, чтобы никакъ не допустить опять возобладать надъ нимъ грѣху, всячески подавлять сей послѣдній и обезсиливать, а направленіе къ Богу возбуждать и укрѣплять. Должно сдѣлать, чтобы такое настроеніе въ растущемъ христіанинѣ росло, хотя по чужому руководству, несамонадѣятельно, чтобы онъ болѣе и болѣе привыкалъ преобладатъ надъ грѣхомъ и одолѣвать его ради благоугожденія, привыкалъ такъ употреблять силы духа и тѣла, чтобы это было не работа грѣху, а служеніе Богу. Что это возможно, видно изъ того, что рожденный и крещенный есть весь — сѣмя будущаго, или земля, исполненная сѣмянъ. Влитое благодатію крещенія новое настроеніе не есть мысленное только или вмѣняемое, а дѣйствительное, т. е. тоже есть сѣмя жизни. Если, вообще, всякое сѣмя развивается по роду своему, то можетъ развиваться и сѣмя благодатной жизни въ крещенномъ. Если въ немъ положено сѣмя преобладающаго надъ грѣхомъ обращенія къ Богу, то оно также можетъ быть развито и возвращено,

какъ и другія сѣмена. Должно только употребить на сіе дѣйствительныя средства или опредѣлить цѣлесообразный способъ дѣйствовать на крещеннаго младенца.

Цѣль, къ какой все при этомъ должно быть направлено, состоитъ въ томъ, чтобы сей новый человѣкъ, пришедши въ сознаніе, созналъ себя не человѣкомъ только, существомъ разумно-свободнымъ, но вмѣстѣ лицомъ, вступившимъ въ обязательство съ Господомъ, съ коимъ соединена неразрывно его вѣчная участь; и не только созналъ себя такимъ, но и находилъ себя способнымъ дѣйствовать по сему обязательству и видѣлъ въ себѣ преимущественно къ тому тяготѣніе. Спрашивается, какъ сего достигнуть? Какъ поступать съ крещеннымъ, чтобы, пришедши въ возрастъ, онъ ничего болѣе не желалъ, какъ быть истиннымъ христіаниномъ. Или—какъ воспитывать по-христіански?

Въ отвѣтъ на это составляются цѣлыя науки, пишутся многотомныя сочиненія. Не беремся разсматривать все подробно. Ограничимся однимъ общимъ обозрѣніемъ всего дѣла христіанскаго воспитанія, имѣя въ виду указать, какъ въ какомъ случаѣ поддерживать и укрѣплять добрую въ дѣтяхъ сторону, и какъ обезсиливать и подавлять худую.

Здѣсь прежде всего вниманіе останавливается на младенцѣ въ колыбели, до пробужденія въ немъ какихъ либо способностей. Младенецъ живетъ, слѣдовательно можно вліять на его жизнь. Здѣсь приложимы

св. тайны, за ними вся церковность; и съ ними вмѣстѣ вѣра и благочестіе родителей.

Все сіе, въ совокупности, составитъ спасительную вокругъ младенца атмосферу. Всѣмъ симъ таинственно наитствуется благодатная жизнь, зачатая въ младенцѣ.

Частое причащеніе св. Христовыхъ Таинъ (можно прибавить: сколько можно частое) живо и дѣйственно соединяетъ съ Господомъ новый членъ Его, чрезъ пречистое тѣло и кровь Его, освящаетъ его, умиротворяетъ въ себѣ и дѣлаетъ неприступнымъ для темныхъ силъ. Поступающіе такимъ образомъ замѣчаютъ, что въ тотъ день, когда причащаютъ дитя, оно бываетъ погружено въ глубокій покой, безъ сильныхъ движеній всѣхъ естественныхъ потребностей, даже тѣхъ, кои въ дѣтяхъ сильнѣе дѣйствуютъ. Иногда оно исполняется радостію и играніемъ духа, въ коемъ готово всякаго обнимать, какъ своего. Нерѣдко св. причащеніе сопровождается и чудодѣйствіями. Св. Андрей Критскій въ дѣтствѣ долго не говорилъ. Когда сокрушенные родители обратились къ молитвѣ и благодатнымъ средствамъ, то во время причащенія Господь благодатію Своею разрѣшилъ узы языка, послѣ напоившаго Церковь потоками сладкорѣчія и премудрости. Одинъ докторъ по своимъ наблюденіямъ свидѣтельствовалъ, что въ большей части дѣтскихъ болѣзней слѣдуетъ носить дѣтей къ св. причащенію, и очень рѣдко имѣлъ нужду употреблять потомъ медицинскія пособія.

Большое вліяніе имѣетъ на дѣтей частое ношеніе въ церковь, прикладываніе къ св. кресту, Еванге-

лію, иконамъ, накрыванію воздухами; также и дома—частое поднесеніе подъ иконы, частое осѣненіе крестнымъ знаменіемъ, окропленіе св. водою, куреніе ладономъ, осѣненіе крестомъ колыбели, пищи и всего прикасающагося къ нимъ, благословеніе священника, приношеніе въ домы иконъ изъ церкви и молебны; вообще—все церковное чуднымъ образомъ возгрѣваетъ и питаетъ благодатную жизнь дитяти, и всегда есть самая безопасная и непроницаемая ограда отъ покушенія невидимыхъ темныхъ силъ, которыя всюду готовы проникнуть въ развивающейся только душѣ, чтобы своимъ дыханіемъ заразить ее.

Подъ этимъ видимымъ охраненіемъ есть невидимое: Ангелъ Хранитель, Господомъ приставленный къ младенцу съ самой минуты крещенія. Онъ блюдетъ его, своимъ присутствіемъ невидимо вліяетъ на него и въ нужныхъ случаяхъ внушаетъ родителямъ, что́ надо сдѣлать съ находящимся въ крайности дѣтищемъ.

Но всѣ эти столь крѣпкія ограды, эти сильныя и дѣйствительныя наитія можетъ раззорить и лишить плода невѣріе, небрежность, нечестіе и недобрая жизнь родителей. Это уже и потому, что при этомъ средства тѣ или не употребляются, или употребляются не такъ какъ должно; но особенно по вліянію внутреннему. Правда, Господь милосердъ, особенно къ невиннымъ: но есть непостижимая для насъ связь души родителей съ душею дѣтей, и мы не можемъ опредѣлить, до какой степени простирается вліяніе первыхъ на послѣднихъ; и вмѣстѣ, до какой степени, при заразительномъ вліяніи первыхъ, простирается милосердіе и снисхо-

жденіе Божіе къ послѣднимъ. Бываетъ, что оно прекращается, и тогда заготовленныя причины приносятъ свой плодъ. Потому, Духъ вѣры и благочестія родителей должно почитать могущественнѣйшимъ средствомъ къ сохраненію, воспитанію и укрѣпленію благодатной жизни въ дѣтяхъ.

Духъ младенца какъ бы не имѣетъ еще движенія въ первые дни, мѣсяцы, даже и годы. Что-нибудь передать ему для усвоенія обычнымъ путемъ нельзя. Но можно дѣйствовать на него посредственно.

Есть нѣкоторый особенный путь общенія душъ чрезъ сердце. Одинъ духъ вліяетъ на другой чувствомъ. Такое вліяніе на душу младенца тѣмъ удобнѣе, чѣмъ полнѣе и глубже родители сердцемъ своимъ обращены въ младенца. Отецъ и мать исчезаютъ въ дитяти и, какъ говорятъ, не чаютъ души. И если ихъ духъ проникнутъ благочестіемъ, то быть не можетъ, чтобы оно по своему роду не дѣйствовало на душу дитяти. Лучшій внѣшній проводникъ при этомъ—взоръ. Тогда какъ въ другихъ чувствахъ душа остается сокрытою, глазъ открываетъ ее взору другимъ. Это точка встрѣчи одной души съ другою. Пусть же чрезъ сіе отверстіе проходятъ до души дитяти души матери и отца съ чувствами святыми. Онѣ не могутъ не намащать ея этимъ святымъ елеемъ. Надобно, чтобы во взорѣ ихъ свѣтилась не одна любовь, которая такъ естественна, но и вѣра, что на рукахъ у нихъ болѣе, чѣмъ простое дитя, и надежда, что Тотъ, Кто далъ имъ подъ надзоръ сіе сокровище, какъ нѣкоторый сосудъ благодати, снабдитъ ихъ и достаточными силами къ тому, чтобы со-

хранять его, и, наконецъ, непрерывно въ духѣ, совершается молитва, возбуждаемая надеждою по вѣрѣ.

Когда такимъ образомъ, родители оградятъ колыбель своего дитяти этимъ духомъ искренняго благочестія, когда при семъ, съ одной стороны, Ангелъ Хранитель, съ другой—св. тайны и вся церковность будутъ дѣйствовать на него со внѣ и внутрь, то этимъ составится вокругъ зачинающейся жизни сродная ей духовная атмосфера, которая перельетъ въ нее и свой характеръ, подобно тому, какъ и кровь, начало жизни животной, въ свойствахъ своихъ много зависитъ отъ окружающаго воздуха. Говорятъ, что вновь устроенный сосудъ хранитъ долго, если не всегда, запахъ того вещества, которое волютъ въ него въ ту пору. Тоже должно сказать и о показанномъ устроеніи около дѣтей. Оно благодатноспасительно проникнетъ въ установляющіяся формы жизни дитяти и будетъ полагать на нихъ печать свою. Здѣсь же и непроходимая преграда вліянію духовъ злобы.

Начавши такое устроеніе отъ колыбели, должно уже продолжать его потомъ и во все время воспитанія: и въ дѣтствѣ, и въ отрочествѣ, и въ юношествѣ. Церковь, церковность и св. тайны — какъ скинія для дѣтей, подъ коею они должны быть неисходно. Примѣры показываютъ, какъ это спасительно и многоплодно. (Самуилъ, Θеодоръ Сикеотъ, апрѣля 22 и другіе). Даже однимъ этимъ могутъ быть замѣнены, какъ и замѣняются не безъ успѣха, всѣ средства воспитанія.

Древній способъ образованія въ этомъ преимущественно и состоитъ.

Когда у дитяти начинаютъ пробуждаться силы, одна за другою, родителямъ и воспитателямъ должно усугубить вниманіе. Ибо когда, подъ осѣненіемъ показанныхъ средствъ, будетъ возрастать и усиливаться въ нихъ тяготѣніе къ Богу и увлекать вслѣдъ за собою силы, въ тоже самое время и живущій въ нихъ грѣхъ не дремлетъ, а усиливается завладѣть тѣми же силами. Неизбѣжное слѣдствіе этого — брань внутренняя. Такъ какъ дѣти неспособны ее вести сами, то мѣсто ихъ разумно замѣняютъ родители. Но какъ она должна быть ведена все же силами дѣтей, то родители строго должны блюсти первые начатки ихъ пробужденія, чтобы съ первой минуты дать имъ склоненіе, сообразное съ главною цѣлію къ какой они должны быть направляемы.

Такъ начинается брань у родителей съ грѣхомъ живущимъ въ дитяти. Хотя грѣхъ сей и лишенъ точки опоры, однакожъ дѣйствуетъ и, чтобы остановиться на чемъ нибудь прочномъ, старается завладѣть силами тѣла и души. Должно не допускать до сего и какъ бы вырывать силы изъ рукъ грѣха и передавать духу. Но чтобы дѣйствовать при этомъ не безъ основанія, а съ разумнымъ видѣніемъ вѣрности избраннаго способа, надобно хорошо себѣ уяснить, чего ищетъ оставшійся грѣхъ, чѣмъ питается, чрезъ что именно завладѣваетъ нами. Основные возбудители, влекущіе ко грѣху, суть своеуміе (или пытливость) въ умѣ, своеволіе—въ волѣ, самоуслажденіе — въ чувствѣ. Поэтому,

должно такъ вести и направлять развивающіяся силы души и тѣла, чтобы не отдать ихъ въ плѣнъ плотоугодію, пытливости, своеволію и самоуслажденію,—ибо это будетъ плѣнъ грѣховный,—а напротивъ, пріучать отрѣшаться отъ нихъ и преобладать надъ ними и, такимъ образомъ, сколько можно обезсиливать ихъ и доводить до безвредности. Это главное начало. Съ нимъ должно потомъ сообразовать и все воспитаніе. Пересмотримъ съ этою цѣлью главнѣйшія дѣйствія тѣла, души и духа.

Прежде всего пробуждаются, и потомъ постоянно состоятъ въ живой дѣятельности, до самой смерти, потребности тѣла. Тѣмъ необходимѣе поставить ихъ въ должные предѣлы и закрѣпить навыкомъ, чтобы потомъ меньше было отъ нихъ безпокойства. Здѣсь источное для тѣлесной жизни отправленіе есть питаніе. Въ нравственномъ отношеніи оно есть сѣдалище страсти къ грѣховному услажденію плоти или поприще его развитія и питанія. Поэтому должно такъ питать дитя, чтобы, развивая жизнь тѣла, доставляя ему крѣпость и здоровье, не разжечь въ душѣ плотоугодія. Не должно смотрѣть, что дитя мало, — надобно съ первыхъ лѣтъ начинать остепенять преклонную къ грубому веществу плоть и пріучать дитя къ обладанію надъ нею, чтобы и въ отрочествѣ, и въ юношествѣ, и послѣ нихъ, легко и свободно можно было управляться съ этою потребностію. Первая закваска очень дорога. Отъ дѣтскаго питанія многое зависитъ въ послѣдующемъ. Незамѣтно можно развить сластолюбіе и неумѣренность въ пищѣ — два вида чревоугодія, эти губитель-

ныя для тѣла и души склонности, прививающіяся къ питанію.

Потому даже врачи и педагоги совѣтуютъ: 1) избирать здоровую и годную пищу, судя по возрасту воспитываемаго: ибо одна пища пригодна для младенца, другая для отрока и юноши; 2) подчинить употребленіе ея извѣстнымъ правиламъ (опять приспособительно къ возрасту), въ коихъ бы опредѣлялось время, количество и способъ питанія: и 3) потомъ отъ установленнаго такимъ образомъ порядка безъ нужды не отступать. Этимъ пріучится дитя не всегда требовать пищи, какъ захочется ѣсть, а ждать опредѣленнаго часа: здѣсь же первые опыты упражненія въ отказываніи себѣ въ своихъ желаніяхъ. Гдѣ кормятъ дитя всякій разъ, какъ оно заплачетъ, и потомъ всякій разъ, какъ запроситъ ѣсть, тамъ до того разслабляютъ его, что послѣ уже оно не иначе, какъ съ болѣзнію можетъ отказываться отъ пищи. Вмѣстѣ съ симъ оно привыкаетъ къ своенравію оттого, что успѣваетъ выпрашивать или выплакивать все желаемое. Той-же мѣрѣ должно подчинить и сонъ, и теплоту съ холодомъ, и другія удобства, естественно необходимыя въ дѣлѣ питанія, имѣя неопустительно въ виду—не разжечь страсти къ чувственнымъ наслажденіямъ и пріучить отказывать себѣ. Это должно строго соблюдать во все время воспитанія,—измѣняя, какъ само собою разумѣется, правила въ примѣненіяхъ, а не въ существѣ, — до тѣхъ поръ, пока воспитываемый, утвердившись въ нихъ, возьметъ самъ себя въ руки.

Второе отправленіе тѣла есть движеніе; органъ

его—мускулы, въ которыхъ лежатъ сила и крѣпость тѣла,—орудія труда. Въ отношеніи къ душѣ оно—сѣ далище воли, и очень способно развивать своеволіе. Мѣрное, благоразумное развитіе этого отправленія, сообщая тѣлу возбужденность и живость, пріучаетъ къ трудамъ и образуетъ степенность. Напротивъ, развитіе превратное, оставленное на произволъ, въ однихъ развиваетъ непомѣрную рѣзвость и разсѣянность, въ другихъ — вялость, безжизненность, лѣность. Первое укрѣпляетъ и обращаетъ въ законъ своенравіе и непокорность, въ связи съ коими находятся задорность, гнѣвливость, неудержимость въ желаніяхъ. Послѣднее погружаетъ въ плоть и предаетъ чувственнымъ наслажденіямъ. И такъ, должно имѣть въ виду, чтобы укрѣпляя силы тѣла, не раздуть чрезъ то своеволія и ради плоти не погубить духа. Для этого главное — мѣрность, предписаніе, надзоръ. Пусть дитя рѣзвится, но въ то время, въ томъ мѣстѣ и тѣмъ родомъ, какъ ему приказано. Воля родителей должна запечатлѣвать всякій ихъ шагъ, разумѣется, въ общемъ. Безъ этого, легко можетъ покривиться нравъ дитяти. Своевольно порѣзвившись, дитя всегда возвращается не съ готовностью слушаться даже въ какихъ нибудь малостяхъ. И это—съ одного раза; чтоже сказать, гдѣ эта часть совсѣмъ въ небреженіи? Какъ трудно послѣ истребить своенравіе, коль скоро оно осядетъ въ тѣлѣ, какъ въ крѣпости. Не гнется шея, не движется рука и нога, и глазъ даже не хочетъ смотрѣть, какъ приказываютъ. Напротивъ, дитя выходитъ преподвижное на всякое приказаніе, гдѣ съ самаго начала не даютъ воли его

движеніямъ. Сверхъ того, нельзя лучше привыкнуть владѣть своимъ тѣломъ, какъ заставляя его напрягаться по указаніямъ.

Третье отправленіе тѣлесное лежитъ на нервахъ. Изъ нервовъ чувства—орудія наблюденійи пищ а пытливости. Но о семъ послѣ. Теперь же о другомъ общемъ назначеніи нервовъ, какъ сѣдалищѣ чувствительвости тѣла, или способности принимать пріятныя и непріятныя для него внѣшнія впечатлѣнія. Въ этомъ отношеніи должно поставить правиломъ пріучить тѣло безболѣзненно переносить всякаго рода вліянія внѣшнія: отъ воздуха, воды, перемѣнъ температуры, сырости, жара, холода, уязвленій, болей и проч. Кто пріобрѣлъ такой навыкъ, тотъ счастливѣйшій человѣкъ, способный на самыя трудныя дѣла, во всякое время и во всякомъ мѣстѣ. Душа въ такомъ человѣкѣ является полною владычицею тѣла, не отсрочиваетъ, не измѣняетъ, не оставляетъ дѣлъ, боясь непріятностей тѣлесныхъ; напротивъ, съ нѣкоторымъ желаніемъ обращается къ тому, чѣмъ можетъ озлобляться тѣло. А это очень важно. Главное зло въ отношеніи къ тѣлу—тѣлолюбіе и жалѣніе тѣла. Оно отнимаетъ всякую власть у души надъ тѣломъ и дѣлаетъ первую рабою послѣдняго; напротивъ, не жалѣющій тѣла не будетъ въ своихъ предпріятіяхъ смущаться опасеніями со стороны слѣпаго животолюбія. Какъ счастливъ пріученный къ сему съ дѣтства! Сюда относятся медицинскіе совѣты касательно купаній, времени и мѣста гуляній, платья; главное—содержать тѣло не такъ, чтобы оно принимало одни только пріятныя впечатлѣнія, а напротивъ, болѣе содержать подъ впечатлѣніями, обезпокоиваю-

щими. Тѣми разнѣживается тѣло, а этими укрѣпляется; при томъ дитя всегда боится, а при этомъ на все готово и способно стоять въ начатомъ терпѣливо.

Такого рода обращеніе съ тѣломъ предписывается педагогикою. Здѣсь показывается только, какъ эти совѣты пригодны и къ развитію христіанской жизни, именно тѣмъ, что ревностное ихъ исполненіе заграждаетъ входъ въ душу непотребному зелью чувственныхъ наслажденій, своеволія, тѣлолюбія или саможалѣнія, образуетъ противоположныя имъ расположенія и вообще пріучаетъ владѣть тѣломъ, какъ органомъ и не подчиняться ему. А это очень важно въ жизни христіанской, по самому существу своему отрѣшенной отъ чувственности и всякаго угодія плоти. И такъ, не должно оставлять на произволъ развитіе тѣла дитяти, а надо держать его подъ строгою дисциплиною съ самаго начала, чтобы потомъ передать его въ руки самаго воспитываемаго уже приспособленнымъ къ жизни христіанской, а не враждебнымъ ей. Истинно любящіе дѣтей родители-христіане не должны жалѣть ничего, ни даже своего родительскаго сердца, чтобы доставить сіе благо дѣтямъ. Ибо иначе всѣ послѣдующія дѣла ихъ любви и попеченія будутъ или малоплодны, или даже безплодны. Тѣло—сѣдалище страстей, и большей частью самыхъ свирѣпыхъ, каковы похоть и гнѣвъ. Оно же и органъ, чрезъ который демоны проникаютъ въ душу, или приселяются къ ней. Само собою разумѣется, что при этомъ не должно упускать изъ вида церковности, и изъ ней ничего такого, чѣмъ можно прикасаться къ тѣлу, ибо тѣмъ будетъ освящаться тѣло и усмиряться жадная животность.

Всего здѣсь не пишется, и только указывается главный тонъ дѣйствованія на тѣло. Подробности укажетъ дѣло, кому нужно. По этому очертанію разумѣется и то, какъ должно обходиться съ тѣломъ и во все прочее время жизни: ибо дѣло у насъ съ нимъ одно.

Вмѣстѣ съ обнаруженіемъ тѣлесныхъ потребностей, и въ душѣ не замедляются высказываться низшія способности, въ естественной ихъ послѣдовательности. Вотъ дитя начинаетъ останавливать взоръ свой на томъ или другомъ предметѣ, и на одномъ больше, на другомъ меньше, какъ будто одинъ ему нравится болѣе, а другой менѣе. Это первые начатки употребленія чувствъ, за коимъ тотчасъ слѣдуетъ пробужденіе дѣятельности, воображенія и памяти. Способности эти стоятъ на переходѣ отъ тѣлесной дѣятельности къ душевной и дѣйствуютъ совмѣстно, такъ что сдѣланное одною, тотчасъ передается другой. Судя по важности, какую онѣ имѣютъ къ настоящее время въ нашей жизни, какъ хорошо и спасительно первые начатки ихъ освятить предметами изъ области вѣры. Первыя впечатлѣнія глубоко остаются памятными. Помнить надобно, что душа является въ міръ голою силою, возрастаетъ, богатѣетъ во внутреннемъ содержаніи, а разнообразится въ дѣятельности она уже послѣ. Первый матеріалъ, первую пищу для образованія своего она получаетъ извнѣ, отъ чувствъ, чрезъ воображеніе. Очевидно само собою, какого характера должны быть первые предметы чувствъ и воображенія, чтобы не только не препятствовать, а еще болѣе способствовать образующейся христіанской жизни. Ибо извѣстно, что какъ пер-

вая пища имѣетъ значительное вліяніе на темпераментъ тѣла, такъ и первые предметы, коими занимается душа, имѣютъ сильное вліяніе на характеръ души или толъ ея жизни.

Развивающіяся чувства доставляютъ матеріалъ воображенію; воображенный предметъ хранится въ памяти и составляетъ, такъ сказать, содержаніе души. Пусть чувства получаютъ первыя впечатлѣнія отъ предметовъ священныхъ: икона и свѣтъ лампады — для глазъ, священныя пѣсни—для слуха и проч. Дитя не понимаетъ еще ничего изъ того, что у насъ предъ глазами, но его глазъ и слухъ привыкаютъ къ симъ предметамъ, и они, предзанимая сердце, тѣмъ самымъ ставятъ вдали другіе предметы. За чувствами и первыя упражненія воображенія будутъ священны; ему легче будетъ воображать эти предметы, чѣмъ другіе: таковы его первые сгибы. Затѣмъ, на будущее время, изящное, которое одною стороною существенно связано съ формами чувствъ и воображенія, будетъ привлекать его не иначе, какъ подъ священными формами.

Итакъ, пусть ограждаютъ дитя священными предметами всѣхъ видовъ; все же могущее развратить въ примѣрахъ, изображеніяхъ, вещахъ — удаляютъ. Но потомъ и во все послѣдующее время надо хранить тотъ же порядокъ. Извѣстно, какъ сильно дѣйствуютъ на душу растлѣнные образы, въ какомъ бы видѣ они не касались ея! Какъ несчастно дитя, которое, закрывъ глаза, или оставшись одно и углубившись въ себя, бываетъ подавляемо множествомъ непотребныхъ образовъ, суетныхъ, соблазнительныхъ, дышащихъ страстями! Это тоже для души, что чадъ для головы.

Не должно также упускать изъ вида и образа дѣятельности этихъ силъ. Дѣло чувствъ — видѣть, слышать, осязать, вообще испытывать, пытать. Потому они суть первые возбудители пытливости, которая потомъ ради ихъ переходитъ въ воображеніе и память, и, пріобрѣтши въ нихъ осѣдлость, становится несокрушимымъ тираномъ для души. Не употреблять чувствъ нельзя: ибо не иначе, какъ чрезъ нихъ и познаются вещи, кои знать должно, ради славы Божіей и блага нашего. Но при этомъ неизбѣжна и пытливость, которая есть неудержимая склонность— безъ цѣли видѣть и слышать, что гдѣ дѣлается и какъ что бываетъ. Какъ же при этомъ поступить? Испытываніе не необходимо есть уже пытливость. Пытливость состоитъ въ томъ, гдѣ стараются все разузнать безпорядочно, безцѣльно, не различая нужно ли то, или не нужно. И такъ, слѣдуетъ только при упражненіи чувствъ соблюдать мѣру и порядокъ и обращать ихъ на одно нужное и по сознанію нужды, — тогда для пытливости не будетъ пищи; т. е. должно пріучить дитя то испытывать, что считается для него необходимымъ; отъ всего же другаго удерживаться и отстраняться. Потомъ въ самомъ дѣйствіи испытыванія соблюдать постепенность,—не перебѣгать съ предмета на предметъ, или отъ одной черты къ другой, а пересматривая одно за другимъ, о томъ заботиться, чтобы вообразить послѣ предметъ какъ должно. Такой родъ занятія избавитъ дитя отъ настроенія развлекаться даже среди позволеннаго, пріучитъ владѣть чувствами, а чрезъ нихъ и воображеніемъ. И оно не будетъ перебѣгать отъ одного къ другому

безъ нужды, слѣдовательно, мечтать и развлекаться образами и тѣмъ не давать покоя душѣ, мутя ее приливомъ и отливомъ своихъ безпутныхъ видѣній. Неумѣющій владѣть чувствами и воображеніемъ необходимо бываетъ разсѣянъ и непостояненъ, будучи томимъ пытливостію, которая будетъ гонять его отъ одного предмета къ другому до разслабленія силъ, и все это безъ плода.

Современно этимъ способностямъ возникаютъ у дитяти страсти и начинаютъ тревожить его съ ранняго времени. Дитя еще не говоритъ, не ходитъ, только что пріучилось сидѣть и брать игрушки: но уже серчаетъ, завидуетъ, присвояетъ себѣ, особится и проч., вообще являетъ дѣйствіе страстей. Это зло, утверждающееся на животной жизни, тлетворно; потому должно противодѣйствовать ему съ первыхъ его проявленій. Какъ это сдѣлать — опредѣлить трудно. Все дѣло зависитъ отъ благоразумія родителей. Можно, впрочемъ, постановить слѣдующее: 1) предупреждать всячески ихъ возникновеніе; 2) потомъ, если проявилась какая страсть, надобно спѣшить погасить ее придуманными и испытанными средствами. Этимъ предотвратится укорeніе ихъ, или предрасположеніе къ нимъ. Страсть, чаще другихъ обнаруживающуюся, врачевать должно съ особымъ вниманіемъ, потому что она можетъ быть господствующею распорядительницею жизни. Благонадежнѣйшій способъ врачеванія страстей—употребленіе благодатныхъ средствъ. Къ нимъ съ вѣрою должно обращаться. Страсть — явленіе душевное, между тѣмъ дѣйствовать на душу у родителей сначала нѣтъ спосо-

бовъ... Потому прежде всего должно молить Господа, да совершитъ Свое дѣло. Дальнѣйшимъ въ этомъ руководителемъ для ревностнаго отца, или матери, или няньки будетъ опытъ. Когда дитя будетъ со смысломъ, тогда могутъ быть употребляемы уже и общія противъ страстей средства. Всячески на нихъ должно вооружаться вначалѣ и преслѣдовать потомъ во все время воспитанія, чтобы дитя умѣло и привыкло владѣть ими; ибо ихъ возмутительные набѣги не прекратятся до конца жизни.

Если будетъ строго соблюдаемъ предписанный порядокъ дѣйствованія на тѣло и низшія способности, то душа получитъ отъ этого прекрасное подготовленіе къ истинно-доброму настроенію; однако-жъ только подготовленіе,—самое же настроеніе надобно созидать положительнымъ дѣйствіемъ на всѣ его силы: умъ, волю и сердце.

На умъ. У дѣтей скоро обнаруживается смышленность. Она современна говоренію, и растетъ вмѣстѣ съ усовершеніемъ послѣдняго. Поэтому начать образованіе ума нужно вмѣстѣ съ словомъ. Главное, что должно имѣть въ виду, это здравыя понятія и сужденія по началамъ христіанскимъ о всемъ встрѣчающемся, или подлежащемъ вниманію дитяти: что добро и зло, что хорошо и худо. Это сдѣлать очень легко посредствомъ обыкновенныхъ разговоровъ и вопросовъ. Родители сами говорятъ между собою: дѣти прислушиваются и почти всегда усвояютъ себѣ не только мысли, но даже обороты ихъ рѣчи и манеры. Пусть же родители, когда говорятъ, называютъ вещи всегда собствен-

ными ихъ именами. Напр.: что значитъ настоящая жизнь, чѣмъ она кончится, отъ кого все получается, что такое удовольствія, какое достоинство имѣютъ тѣ или другіе обычаи и проч. Пусть говорятъ съ дѣтьми и толкуютъ имъ или прямо, или, всего лучше, посредствомъ разсказовъ: хорошо ли, напримѣръ, наряжаться, счастье ли это, когда получишь похвалу, и проч. Или пусть спрашиваютъ дѣтей, когда они думаютъ о томъ и другомъ, и поправляютъ ихъ ошибки. Въ непродолжительномъ времени этимъ простымъ средствомъ можно передать здравыя начала для сужденій о вещахъ, кои потомъ не изгладятся надолго, если не на всю жизнь. Такимъ способомъ, въ самомъ корнѣ будетъ подавлено мірское мудрованіе и пытливость злая, ненасытимая. Истина связываетъ умъ тѣмъ, что насыщаетъ его. Мірское же мудрованіе не насыщаетъ и тѣмъ разжигаетъ пытливость. Избавивъ отъ него, большое благо доставятъ дѣтямъ. И это еще прежде, чѣмъ они возьмутся за книги. Далѣе, стоитъ только не давать дѣтямъ книгъ съ растлѣнными понятіями, и умъ ихъ сохранится цѣлымъ, во здравости святой и божественной. Напрасно не заботятся такимъ образомъ упражнять дитя, въ томъ предположеніи, что оно еще мало. Истина доступна всякому. Что малое христіанское дитя премудрѣе философовъ—показалъ опытъ. Онъ и теперь повторяется, но прежде онъ былъ повсюду. Напримѣръ, во время мученичества, малыя дѣти разсуждали о Господѣ Спасителѣ, о безуміи идолопоклонства, о будущей жизни и проч.; это оттого, что мать или отецъ натолковали имъ о томъ въ простой бесѣдѣ.

Истины эти сроднились съ сердцемъ, которое стало дорожить ими до готовности на смерть за нихъ.

На волю. Дитя многожелательно: все его занимаетъ, все влечетъ къ себѣ и рождаетъ желанія. Не умѣя различать добраго отъ злаго, оно всего желаетъ и все, что желаетъ, готово выполнить. Дитя, предоставленное самому себѣ, дѣлается неукротимо своевольнымъ. Потому родителямъ строго должно блюсти эту отрасль душевной дѣятельности. Самое простое средство къ заключенію ея въ должные предѣлы состоитъ въ томъ, чтобы расположить дѣтей ничего не дѣлать безъ позволенія. Пусть со всякимъ желаніемъ прибѣгаютъ къ родителямъ и спрашиваютъ: можно ли сдѣлать то или другое? Убѣдить ихъ опытами собственными и чужими въ томъ, что имъ опасно, не спросясь, исполнять свои желанія, настроить ихъ такъ, чтобы они даже боялись своей воли. Это расположеніе будетъ самое счастливое, но вмѣстѣ оно и самое легкое для напечатлѣнія, ибо дѣти и такъ большею частію обращаются съ распросами къ взрослымъ, сознавая свое невѣдѣніе и слабость; стоитъ только возвысить это дѣло и поставить его имъ въ законъ непремѣнный. Естественнымъ слѣдствіемъ такого настроенія будетъ полное послушаніе и покорность во всемъ волѣ родителей, наперекоръ своей, расположеніе во многомъ отказывать себѣ и навыкъ къ этому, или умѣнье; а главное, опытное убѣжденіе въ томъ, что не должно слушать во всемъ себя. Это всего понятнѣе для дѣтей изъ ихъ же опытовъ, что они многое желаютъ, а между тѣмъ это желаемое вредно для ихъ тѣла и души. Отучая отъ своей воли,

надо пріучать дитя дѣлать добро. Для этого пусть родители сами представятъ истинный примѣръ доброй жизни и знакомятъ дѣтей съ тѣми, у коихъ главныя заботы не о наслажденіяхъ и отличіяхъ, а о спасеніи души. Дѣти любоподражательны. Какъ рано они умѣютъ копировать мать или отца! Здѣсь происходитъ нѣчто похожее на то, что бываетъ съ одинаково настроенными инструментами. Вмѣстѣ съ тѣмъ и самихъ дѣтей надо вызывать на добрыя дѣла, и сначала приказывать имъ дѣлать ихъ, а потомъ наводить, чтобы сами дѣлали. Самыя обыкновенныя при этомъ дѣла суть: милостыня, состраданіе, милосердіе, уступчивость и терпѣніе. Всему этому весьма не трудно пріучить. Случаи поминутны, стоитъ взяться. Отсюда выйдетъ воля съ настроеніемъ на разныя добрыя дѣла и вообще съ тяготѣніемъ къ добру. И добродѣланію надобно научить, какъ и всему другому.

На сердце. Подъ такимъ дѣйствованіемъ ума, воли и низшихъ силъ, само собою и сердце будетъ настроиваться къ тому, чтобы имѣть чувства здравыя, истинныя, пріобрѣтать навыкъ услаждаться тѣмъ, что дѣйствительно истинно услаждаетъ, и нисколько не сочувствовать тому, что, подъ прикрытіемъ сладости, вливаетъ ядъ въ душу и тѣло. Сердце—способность вкушать и чувствовать насыщеніе.

Когда человѣкъ былъ въ союзѣ съ Богомъ,— находилъ вкусъ въ вещахъ божественныхъ и освященныхъ благодатію Божіею. По паденіи онъ потерялъ этотъ вкусъ, и жаждетъ чувственнаго. Благодать крещенія отрѣшила отъ сего, но чувственность снова го-

това наполнить сердце. Не должно допустить до этого, должно оградить сердце. Самое дѣйствительное средство къ воспитанію истиннаго вкуса въ сердцѣ есть церковность, въ которой неисходно должны быть содержимы воспитываемыя дѣти. Сочувствіе ко всему священному, сладость пребыванія среди его, ради тишины и теплоты, отрѣваніе отъ блестящаго и привлекательнаго къ мірской суетѣ, не могутъ лучше напечатлѣваться въ сердцѣ. Церковь, духовное пѣніе, иконы —первые изящнѣйшіе предметы по содержанію и по силѣ. Надобно помнить, что по вкусу сердца будетъ назначаться и будущая вѣчная обитель, а вкусъ у сердца тамъ будетъ такой, какимъ образуютъ его здѣсь. Очевидно, что театры, балаганы и тому подобное негодны для христіанъ.

Усмиренная и организованная такимъ образомъ душа не будетъ, свойственною ей безпорочностію, препятствовать развитію духа. Духъ легче развивается, нежели душа, и прежде ея обнаруживаетъ свою силу и дѣятельность. Къ нему относятся: *страхъ Божій* (въ соотвѣтствіе разуму), *совѣсть* (въ соотвѣтствіе волѣ) *и молитва* (въ соотвѣтствіе чувству). *Страхъ Божій* рождаетъ молитву и освѣжаетъ совѣсть. Нѣтъ нужды, что все это обращается къ иному, невидимому міру. У дѣтей есть къ тому предрасположеніе, и они скоро усвоиваютъ себѣ эти чувства. Особенно молитва прививается очень легко и дѣйствуетъ не языкомъ, а сердцемъ. Оттого они охотно и безъ устали участвуютъ въ домашнихъ молитвахъ и церковномъ богослуженіи, и рады этому. Потому не должно лишать ихъ этой части

образованія, а мало по малу вводить ихъ въ сіе святилище нашего существа. Чѣмъ раньше напечатлѣется страхъ Божій и возбудится молитва, тѣмъ прочнѣе будетъ благочестіе во все послѣдующее время. Въ нѣкоторыхъ дѣтяхъ духъ этотъ проявился самъ собою, даже среди видимыхъ препятствій къ его обнаруженію. Это очень естественно. Духъ благодати, полученный при крещеніи, если онъ не погашенъ неправымъ развитіемъ тѣла и души, не можетъ не оживлять духа нашего,—а при этомъ—что можетъ препятствовать ему являться въ своей силѣ? Ближайшаго, впрочемъ, руководства требуетъ совѣсть. Здравыя понятія, съ добрымъ примѣромъ родителей и другими способами обученія добру, и молитва освятятъ ее и напечатлѣются достаточныя основанія для послѣдующей доброй дѣятельности. Но главное, въ нихъ должно образовать настроеніе въ совѣстливости и сознательности. Сознательность есть дѣло чрезвычайной важности въ жизни; но какъ легко ее образовать, такъ легко и заглушить въ дѣтяхъ. Воля родителей для малыхъ дѣтей есть законъ совѣсти и Божій. Сколько есть у родителей благоразумія, пусть такъ распоряжаются своими повелѣніями, чтобы не поставлять дѣтей въ необходимость быть преступниками ихъ воли; а если уже сдѣлались такими —сколько можно располагать ихъ къ раскаянію. Что морозъ для цвѣтовъ, то и отступленіе отъ родительской воли для дитяти; оно не смѣетъ смотрѣть въ глаза, не желаетъ пользоваться ласками, хочетъ убѣжать и быть одно, а между тѣмъ душа грубѣетъ, дитя начи-

наетъ дичать. Какъ хорошо предварительно расположить его къ раскаянію, сдѣлать, чтобы безъ боязни, съ довѣріемъ и со слезами пришло и сказало: „вотъ я то и то сдѣлалъ худо.“ Само собою, что все это будетъ касаться однихъ обыкновенныхъ предметовъ; но хорошо и то, что здѣсь положится основаніе будущему постоянному истинно-религіозному характеру—тотчасъ возставать по паденіи, образуется умѣнье скораго покаянія и очищенія себя или обновленія слезами.

Вотъ порядокъ; пусть дитя растетъ въ немъ, и болѣе будетъ развиваться у него духъ благочестія. Родители должны слѣдить за всѣми движеніями раскрывающихся силъ и все направлять къ одному. Это законъ — начать съ самаго перваго дыханія дитяти, начать всѣмъ вдругъ, а не однимъ чѣмъ, вести все это непрерывно, ровно, степенно, безъ порывовъ, съ терпѣніемъ и ожиданіемъ, наблюдая однако-жъ мудрую постепенность, подмѣчая ростки и пользуясь ими, не считая ничего маловажнымъ въ дѣлѣ столь важномъ. Подробности не раскрываются; ибо имѣется въ виду указать только главное направленіе воспитанія.

Нельзя опредѣлить, когда человѣкъ приходитъ къ сознанію себя христіаниномъ и самостоятельной рѣшимости жить по-христіански. На дѣлѣ это бываетъ разновременно: въ 10, 15 лѣтъ и позже. Можетъ быть, прежде этого настанетъ время обученія, какъ и бываетъ большею частію. При этомъ непремѣнно правило—хранить весь прежній порядокъ безъ измѣненія и на все время обученія: ибо онъ существенно вытекаетъ

изъ природы силъ нашихъ и требованій христіанской жизни. Порядокъ обученія никакъ не долженъ быть противоположенъ показанному настроенію, иначе будетъ разорено все, что тамъ создано; т. е., должно оградить и дѣтей-учениковъ, какъ и младенцевъ, благочестіемъ всѣхъ окружающихъ, церковностію, таинствами, и также должно дѣйствовать на ихъ тѣло, душу и духъ. При этомъ, примѣнительно къ ученію должно только присовокупить: пусть обученіе будетъ такъ расположено, чтобы видно было, что̀ главное и что̀ подчиненное. Мысль о семъ всего легче напечатлѣть распредѣленіемъ предметовъ обученія и времени. Пусть считается главнымъ—изученіе вѣры, пусть лучше время назначается на дѣла благочестія и, въ случаѣ столкновенія, преимуществуютъ послѣднія надъ научностію; пусть одобреніе заслуживаетъ не одна успѣшность въ наукахъ, а также вѣра и добронравіе. Вообще, надобно такъ расположить духъ учениковъ, чтобы у нихъ не погасло убѣжденіе, что главное у насъ дѣло есть Богоугожденіе, а научность есть придаточное качество, случайность годная только на время настоящей жизни. И потому никакъ не должно ставить ее такъ высоко, и въ такомъ блестящемъ видѣ, чтобы она занимала все вниманіе и поглощала всю заботу. Нѣтъ ничего ядовитѣе и гибельнѣе для духа жизни христіанской, какъ эта научность и йсключительная объ ней забота. Она прямо ввергаетъ въ охлажденіе, и потомъ навсегда можетъ удержать въ немъ, а иногда еще и присовокупить развратъ, если встрѣтятся благопріятныя тому обстоятельства.

Другое, на что должно обращать вниманіе, это духъ преподаванія или воззрѣнія на предметы обученія. Должно быть поставлено непреложнымъ закономъ, чтобы всякая, преподаваемая христіанину, наука, была пропитана началами христіанскими, и притомъ православными. Всякая наука способна къ тому, и даже тогда только и будетъ истинною наукою въ своемъ родѣ, когда исполнитъ это условіе. Христіанскія начала несомнѣнно истинны. Потому, не сомнѣваясь, поставляй ихъ общею мѣркою истины. У насъ самое опасное заблужденіе то, что преподаютъ науки безъ всякаго вниманія къ истинной вѣрѣ, позволяя себѣ вольность и даже ложь, въ томъ предположеніи, что вѣра и наука — двѣ области, рѣшительно разъединенныя. Духъ у насъ одинъ. Онъ же принимаетъ и науки, и напитывается ихъ началами, какъ принимаетъ вѣру, и проникается ею. Какъ же можно, чтобы онѣ не приходили въ благопріятное или неблагопріятное соприкосновеніе здѣсь? При томъ же и область истины одна. Зачѣмъ и набивать въ голову то, что не изъ этой области, или съ чѣмъ нельзя показаться во дворѣ ея свѣтломъ.

Если въ такомъ порядкѣ будетъ ведено обученіе, чтобы вѣра и жизнь въ духѣ вѣры высились надъ всѣмъ во вниманіи обучаемыхъ, и по образу занятія, и по духу преподаванія, то нѣтъ сомнѣнія, что положенныя въ дѣтствѣ начала не только будутъ сохранены, но и возвысятся, укрѣпятся и придутъ въ соразмѣрную зрѣлость. А какъ это благодѣтельно!

Если вести въ такомъ порядкѣ воспитаніе человѣка съ первыхъ лѣтъ, то мало по малу будетъ разобла-

чаться предъ нимъ характеръ, какой должна имѣть его жизнь, больше будетъ привыкать онъ къ мысли о томъ, что на немъ лежитъ обязанность отъ лица Бога и Спасителя нашего--жить и дѣйствовать по Его предписаніямъ; что всѣ другія дѣла и занятія ниже ихъ и умѣстны только въ продолженіе настоящей жизни; и что есть другое мѣсто жительства, другое отечество, къ которому и надобно устремлять всѣ свои мысли и всѣ свои желанія. Въ естественномъ ходѣ развитія силъ, каждый естественно доходитъ до сознанія, что онъ человѣкъ. Но если къ естеству его привито новое начало благодатно-христіанское, въ самый первый моментъ пробужденія его силъ и ихъ движенія (въ крещеніи), и если потомъ во всѣхъ точкахъ развитія сихъ силъ это новое начало не только не уступало первенства, а напротивъ, всегда преобладало, давало какъ бы форму всему, то, приходя къ сознанію, человѣкъ вмѣстѣ съ тѣмъ найдетъ себя дѣйствующимъ по началамъ христіанскимъ, найдетъ себя христіаниномъ. А это и есть главная цѣль христіанскаго воспитанія, чтобы человѣкъ вслѣдствіе этого сказалъ въ себѣ, что онъ христіанинъ. Если же, пришедши въ полное сознаніе себя самого, онъ скажетъ: я христіанинъ, обязанный отъ Спасителя и Бога жить такъ и такъ съ тѣмъ, чтобы удостоиться блаженнаго общенія съ Нимъ и избранными Его въ жизни будущей, то, возникши къ самостоятельности, или къ своеличному разумному учрежденію жизни, онъ поставитъ для себя первымъ существеннымъ дѣломъ—самостоятельно хранить и возгрѣ-

вать духъ благочестія, въ которомъ ходилъ прежде, по чужому руководству.

Прежде было припоминаемо, что долженъ быть особый моментъ, когда надобно намѣренно возобновить въ сознаніи всѣ обязательства христіанства и наложить на себя иго ихъ, какъ непреложный законъ. Въ крещеніи они были приняты не сознательно, потомъ были хранимы болѣе чужимъ умомъ по чужому настроенію, и въ простотѣ. Теперь сознательно должно положить на себя благое иго Христово, избрать христіанское житіе, исключительно посвятить себя Богу, чтобы потомъ всѣ дни жизни служить Ему съ одушевленіемъ. Здѣсь только человѣкъ самъ собою собственно начинаетъ жизнь христіанскую. Она была въ немъ и прежде, но, можно сказать, исходила не отъ самодѣятельности, какъ бы не отъ лица его. Теперь онъ самъ, отъ своего лица, начнетъ дѣйствовать въ духѣ христіанина. Тогда свѣтъ Христовъ былъ въ немъ такъ, какъ свѣтъ перваго дня, несцентрированный, разлитый. Но какъ свѣту нужно было дать центры, привлекши его къ солнцамъ, средоточіямъ планетъ, такъ и этому свѣту надобно какъ бы собраться около исходной точки нашей жизни, нашего сознанія. Человѣкъ становится вполнѣ человѣкомъ, когда приходитъ къ самосознанію и разумной самостоятельности, когда становится полнымъ владыкою и распорядителемъ своихъ мыслей и и дѣлъ, держится какихъ-либо мыслей не потому, что другіе ему передали ихъ, а потому, что онъ самъ находитъ ихъ вѣрными. Человѣкъ и въ христіанствѣ остается человѣкомъ. Потому ему и здѣсь должно быть

разумнымъ, только сію разумность онъ долженъ обратить въ пользу святой вѣры. Пусть разумно убѣдится, что исповѣдуемая имъ святая вѣра есть единственно вѣрный путь спасенія и что всѣ другіе пути, несогласные съ нимъ, ведутъ въ пагубу. Не слѣпымъ исповѣдникомъ быть есть честь человѣку, а сознающимъ, что, поступая такъ, онъ дѣйствуетъ, какъ должно. Все это онъ и сдѣлаетъ, когда сознательно наложитъ на себя благое иго Христово.

Только здѣсь его личная вѣра, или добрая по вѣрѣ жизнь, получаетъ твердость и непоколебимость. Онъ не соблазнится примѣромъ, не увлечется пустыми мыслями, потому что ясно сознаетъ обязательство мыслить и дѣйствовать уже опредѣлительнымъ образомъ. Но если онъ этого не созналъ, то какъ прежде добрый примѣръ настроилъ его дѣлать такъ, какъ онъ дѣлаетъ, такъ теперь недобрый примѣръ можетъ расположить его къ недоброму, увлечь ко грѣху; и какъ добрыя мысли другихъ прежде владѣли его умомъ легко и безъ прекословія, такъ теперь завладѣваютъ имъ злыя мысли. И на опытѣ видно, какъ шатки исповѣданія вѣры и доброта жизни у того, кто раньше не сознавалъ себя христіаниномъ. Кто мало встрѣтитъ соблазновъ, тотъ и дольше будетъ продолжать зрѣть въ простотѣ сердца. Но кому нельзя миновать ихъ, тотъ стоитъ предъ лицемъ большой опасности. Мы видимъ въ житіи всѣхъ, сохранившихъ благодать крещенія, что у нихъ была минута, когда они рѣшительно посвящали себя Богу. Это обозначается словами: возгорѣлся духомъ, божественнымъ желаніемъ воспламенился.

Сознавшій себя христіаниномъ, или сознательно рѣшившійся жить по христіански, пусть теперь самъ хранитъ, со всѣмъ тщаніемъ, принятое отъ прежняго возраста совершенство и чистоту жизни, какъ прежде хранили ее другіе. Особенныхъ правилъ въ руководство ему предлагать нѣтъ нужды. На сей точкѣ онъ сходится съ покаявшимся, который, отставъ отъ грѣха, пріемлетъ воодушевленную рѣшимость жить по-христіански. Потому, отселѣ онъ долженъ руководиться одними съ нимъ правилами, о коихъ сказано будетъ въ 3-мъ отдѣлѣ.

Какое отличіе есть у него съ покаявшимся въ восходѣ къ совершенству, это выяснится само собою.

Теперь нужно сдѣлать только нѣкоторыя, весьма, впрочемъ важныя, предостереженія для возраста юношескаго, исключительно къ нему относящіяся. Какъ хорошо и спасительно не только быть настроену въ воспитаніи по-христіански, но и потомъ сознать себя и рѣшиться быть христіаниномъ, — прежде вступленія въ юношескія лѣта. Это необходимо, въ виду великихъ опасностей, какимъ неизбѣжно подвергается юноша 1) по свойству своего возраста и 2) по великимъ въ продолженіе его соблазнамъ.

1) Рѣка жизни нашей пресѣкается волнистою полосою юности. Это время воскипѣнія тѣлесно-духовной жизни. Тихо живетъ дитя и отрокъ, мало быстрыхъ порывовъ у мужа, почтенныя сѣдины склоняются къ покою; одна юность кипитъ жизнію. Надобно имѣть очень твердую опору, чтобы устоять въ это время отъ напора волнъ. Самая безпорядочность и порывистость

движеній опасна. Начинаются первыя его собственныя движенія—начатки пробужденія его силъ, и имѣютъ для него всю прелесть: силою своего вліянія они вытѣсняютъ все, что прежде было положено на мысль и сердце. Прежнее для него станетъ мечтой, предразсудкомъ. Только настоящія чувства истинны, только они имѣютъ дѣйствительность и значеніе. Но если онъ, прежде пробужденія сихъ силъ, связалъ себя обязательствомъ исповѣданія и жизни христіанской; тогда всѣ возбужденія, какъ уже вторичныя, будутъ слабѣе и легче уступятъ требованію первыхъ, уже потому, что тѣ старѣе, прежде испытаны и избраны сердцемъ, а главное—скрѣплены обѣтомъ. Юноша рѣшительно хочетъ держать всегда свое слово. Что сказать о томъ, кто не только не любилъ христіанской жизни и истины, и даже никогда не слышалъ о нихъ?

Въ этомъ случаѣ онъ—домъ безъ ограды, преданный разграбленію, или сухой хворостъ, преданный горѣнію въ огнѣ. Когда своеволіе юношеской мысли на все кидаетъ тѣнь сомнѣнія, когда сильно тревожатъ его возбужденія страстей, когда вся душа наполняется искусительными помыслами и движеніями,—юноша въ огнѣ. Кто дастъ ему каплю росы для прохлады, или подастъ руку помощи, если изъ сердца не выйдетъ голосъ за истину, за добро и чистоту? А онъ не выйдетъ, если любовь къ нимъ не поселена прежде. Даже совѣты въ этомъ случаѣ, не помогутъ. Ихъ тогда не къ чему привить. Силенъ совѣтъ и убѣжденіе, если, сходя чрезъ слухъ въ сердце, они пробудятъ тамъ чувства, кои есть и имѣютъ для насъ цѣну, но только въ на-

стоящій моментъ отстранены другими, а сами мы не найдемся, какъ ихъ высвободить и сообщить имъ свойственную силу. Въ этомъ случаѣ совѣтъ—драгоцѣнный даръ юношѣ отъ совѣтника. Но если въ сердцѣ нѣтъ начатковъ чистой жизни, онъ безполезенъ.

Юноша живетъ самъ по себѣ, и кто изслѣдуетъ всѣ движенія и уклоненія его сердца? Это тоже, что изслѣдовать путь птицы въ воздухѣ или бѣгъ корабля въ водѣ!! Что броженіе вскисающей жидкости, что движеніе стихій при разнородной ихъ смѣси, то сердце юноши. Всѣ потребности такъ называемой природы въ живомъ возбужденіи, каждая подаетъ голосъ, ищетъ удовлетворенія. Какъ въ природѣ нашей качествуетъ разстройство, такъ и совокупность этихъ голосовъ тоже, что безпорядочные крики шумной толпы. Чтожъ будетъ съ юношею, если онъ напередъ не пріученъ влагать въ нѣкоторый строй свои движенія и не наложилъ на себя обязательства хранить ихъ въ строгомъ подчиненіи нѣкоторымъ высшимъ требованіямъ. Если сіи начала глубоко напечатлѣны въ сердцѣ въ первоначальномъ воспитаніи и потомъ сознательно приняты въ правило, то всѣ волненія будутъ происходить какъ бы на поверхности, переходно, не сдвигая основанія, не колебля души.

Какими мы выходимъ изъ лѣтъ юношескихъ, очень много зависитъ отъ того, какими вступаемъ въ нихъ. Вода, падающая съ утеса, кипитъ внизу и клубится, а потомъ идетъ уже тихо разными протоками. Это—образъ юности, въ которую каждый ввергается, какъ вода въ водопадъ. Изъ ней выходятъ два порядка людей:

одни сіяютъ добротою и благородствомъ, другіе омрачены нечестіемъ и развратомъ; а третій—средній классъ, смѣсь добра со зломъ, коимъ подобіе — головня отъ огня, кои склоняются то на добро, то на зло, какъ испорченные часы то идутъ вѣрно, то бѣгутъ или отстаютъ.

Кто заранѣе скрѣпилъ себя обязательствомъ, тотъ какъ бы укрылся въ крѣпкомъ, непропускающемъ въ себя воды корабликѣ, или провелъ по водовороту покойный желобъ. Безъ этого же и доброе воспитаніе не всегда спасетъ. Пусть иной и не впадетъ въ грубые пороки, но все же, если онъ не сомкнутъ въ себѣ, то сердце его, не отрѣшенное отъ всего обѣтомъ, будетъ изорвано увлеченіями, и онъ неминуемо выйдетъ изъ лѣтъ юности охлажденнымъ, не приставшимъ ни туда, ни сюда.

Такъ спасительно прежде лѣтъ юности не только получить доброе настроеніе, но и скрѣпить себя обѣтомъ — быть истиннымъ христіаниномъ. Рѣшившійся пусть боится самой юности, какъ огня, и потому бѣгаетъ всѣхъ случаевъ, въ коихъ юность легко развязывается и дѣлается неукротимою.

2) И сама по себѣ юность опасна; но къ этому присоединяются еще два, свойственныя этому возрасту, влеченія, отъ которыхъ юношескія возбужденія сильнѣе разгораются и пріобрѣтаютъ большую силу и опасность. Это: а) жажда впечатлѣній, и б) склонность къ общенію. По этому, какъ средство къ избѣжанію опасности юношескаго возраста, можно совѣтовать — подчинить правиламъ эти влеченія, чтобы вмѣсто добра

они не принесли зла. Добрыя расположенія, возбужденныя прежде, останутся во всей силѣ, если ихъ не погашать и не утѣснять.

а) *Жажда впечатлѣній* сообщаетъ нѣкоторую стремительность, непрерывность и разнообразіе дѣйствіямъ юноши. Ему хочется все испытать самому, все видѣть, все слышать, вездѣ побывать. Ищите его тамъ, гдѣ есть блескъ для очей, гармонія для слуха, просторъ для движенія. Онъ хочетъ быть подъ безпрерывнымъ потокомъ впечатлѣній, всегда новыхъ и потому разнообразныхъ. Ему не сидится дома, не стоится на одномъ мѣстѣ, не внимается къ одному предмету. Его стихія — развлеченія. Но этого для него мало; онъ не довольствуется дѣйствительнымъ, личнымъ испытаніемъ, а хочетъ усвоить и какъ бы перенесть на себя впечатлѣнія другихъ, извѣдать, что чувствовали, какъ дѣйствовали другіе сами по себѣ, или въ подобныхъ ему обстоятельствахъ. Затѣмъ онъ кидается на книги и начинаетъ читать; перебираетъ одну книгу за другою, часто не разбирая содержанія ихъ; у него главное—найти такъ называемый эффектъ, изъ какого бы рода вещей онъ ни былъ и чего бы ни касался. Ново, изобразительно, остро — самая лучшая для него рекомендація книгѣ. Здѣсь обнаруживается и образуется склонность къ легкому чтенію—та же жажда впечатлѣній, только въ другомъ видѣ. Но и здѣсь еще не все. Юноша часто наскучиваетъ дѣйствительнымъ тѣмъ, что какъ бы навязываютъ ему со стороны: это связываетъ его и заключаетъ слишкомъ въ опредѣленныхъ границахъ, а онъ ищетъ нѣкоторой свободы. Затѣмъ онъ часто от-

рывается отъ дѣйствительнаго, уходитъ въ свой созданный міръ и тамъ начинаетъ дѣйствовать на славу. Фантазія строитъ ему цѣлыя исторіи, гдѣ большею частію герой—его собственное лицо. Юноша только вступаетъ въ жизнь. Предъ нимъ обольстительное, заманчивое будущее. Со временемъ и ему такимъ надобно быть: что же онъ будетъ? Нельзя ли какъ приподнять эту завѣсу и посмотрѣть? Фантазія, очень подвижная въ эти лѣта, не медлитъ удовлетвореніемъ. Здѣсь обнаруживается и въ такомъ родѣ дѣйствій воспитывается мечтательность.

Мечты, легкое чтеніе, развлеченія, все это одно почти по духу — дѣти жажды впечатлѣній, жажды новаго, разнообразнаго. И вредъ отъ нихъ одинаковъ. Ничѣмъ нельзя лучше заморить добрыхъ сѣмянъ, положенныхъ прежде на сердцѣ юноши, какъ ими. Молодой цвѣтъ, посаженный на такомъ мѣстѣ, гдѣ со всѣхъ сторонъ дуютъ на него вѣтры, немного потерпитъ и засохнетъ; трава, по которой часто ходятъ, не растетъ; часть тѣла, которую подвергаютъ долгому тренію, нѣмѣетъ. Тоже бываетъ и съ сердцемъ и съ добрыми въ немъ расположеніями, если предаться мечтамъ, или пустому чтенію, или развлеченіямъ. Кто долго стоялъ на вѣтрѣ, особенно сыромъ, тотъ зашедши въ затишье, чувствуетъ, что все въ немъ будто какъ не на своемъ мѣстѣ, тоже бываетъ и въ душѣ, развлекшейся какимъ бы ни было образомъ. Возвратившись изъ разсѣянія въ себя, юноша находитъ въ душѣ своей все въ извращенномъ порядкѣ; а главное— нѣкоторымъ покрываломъ забвенія задергивается все

доброе, и на первомъ планѣ стоятъ одни прелести, оставленныя впечатлѣніемъ; слѣдовательно, уже не то, что было и чему всегда слѣдуетъ быть: расположенія помѣнялись главенствомъ. Отъ чего, возвратившись въ себя послѣ какого-нибудь разсѣянія, душа начинаетъ тосковать? Отъ того, что находитъ себя окраденною. Разсѣянный сдѣлалъ душу свою большою дорогою, по которой, чрезъ воображеніе, какъ тѣни, проходятъ соблазнительные предметы и манятъ за собою душу. Но тогда, какъ она такимъ образомъ оторвется какъ бы отъ себя, тайно подходитъ діаволъ, уноситъ доброе сѣмя и полагаетъ злое. Такъ учитъ Спаситель, когда объясняетъ, кто похищаетъ посѣянное при пути, и кто есть всѣявый плевелы. То и другое врагъ человѣчь творитъ.

И такъ, юноша! Желательно тебѣ сохранить чистоту и невинность дѣтства, или обѣтъ христіанскаго житія безъ укоровъ? Сколько есть силъ и благоразумія, удерживайся отъ развлеченій, безпорядочнаго чтенія соблазнительныхъ книгъ и мечтаній! Какъ хорошо подчинить себя въ этомъ случаѣ строгой и престрогой дисциплинѣ и быть во все время юношества подъ руководительствомъ. Тѣхъ юношей, коимъ не позволяютъ распоряжаться самимъ своимъ поведеніемъ до возмужалости, можно назвать счастливыми. И всякому юношѣ надобно радоваться, если онъ поставленъ въ такихъ обстоятельствахъ. Самъ юноша, очевидно, дойти до этого едва ли можетъ; но онъ покажетъ много ума, если повѣритъ совѣту быть больше дома за дѣломъ, не мечтать и не читать пустаго. Развлеченіе

пусть отклонитъ трудолюбіемъ, мечтательность—серьезными занятіями подъ руководствомъ, которому особенно должно быть подчинено чтеніе, и въ выборѣ книгъ, и въ образѣ чтенія. Какъ бы, впрочемъ, это кто ни сдѣлалъ, пусть только сдѣлаетъ. Страсти, сомнѣнія, увлеченія разгораются именно въ этомъ, такъ сказать, шаткомъ броженіи ума юноши.

б) Вторая, столь же опасная, склонность у юноши есть *склонность къ общенію*. Она обнаруживается въ потребности товарищества, дружбы и любви. Всѣ они въ истинномъ порядкѣ хороши, но вставить ихъ въ этотъ порядокъ должно не юношѣ.

Юношескій возрастъ есть время живыхъ чувствъ. Они у его сердца—какъ приливъ и отливъ у береговъ моря. Его все занимаетъ, все удивляетъ. Природа и общество открыли предъ нимъ свои сокровища. Но чувства не любятъ быть скрытыми въ себѣ, и юноша хочетъ дѣлиться ими. Затѣмъ имѣетъ нужду въ лицѣ, которое бы могло раздѣлять его чувства, т. е. въ товариществѣ и другѣ. Потребность благородная, но она можетъ быть и опасною! Кому ввѣряешь свои чувства, тому даешь нѣкоторымъ образомъ власть надъ собою. Какъ же надобно быть осторожнымъ въ выборѣ близкаго лица! Встрѣтишь такого, который далеко, далеко можетъ завести отъ прямаго пути. Само собою разумѣется, что добрый естественно стремится къ доброму, а отклоняется отъ недобраго. Есть на это нѣкоторый вкусъ у сердца. Но, опять, какъ часто случается простосердечію быть завлеченнымъ хитростію? Затѣмъ, справедливо всякому юношѣ совѣтуютъ быть

осторожнымъ въ выборѣ друга. Хорошо не заключать дружбы, пока не испытаешь друга. Еще лучше имѣть первымъ другомъ отца, или того, кто во многомъ замѣняетъ отца, или кого изъ родныхъ—опытнаго и добраго. Для положившаго жить по-христіански первый Богомъ данный другъ — это духовный отецъ; съ нимъ бесѣдуй, ему повѣряй тайны, взвѣшивай и поучайся. Подъ его руководствомъ, при молитвѣ, Богъ пошлетъ, если нужно, и другаго друга. Не столько, впрочемъ, опасности въ дружбѣ, сколько въ товариществѣ. Рѣдко видимъ друзей, но больше знакомыхъ и пріятелей. А здѣсь сколько возможно и сколько бываетъ зла? Есть кружки пріятельскіе съ очень недобрыми правилами. Склонившись къ нимъ, не замѣтишь, какъ объединишься съ ними въ духѣ, подобно тому, какъ незамѣтно, наполнишься смрадомъ въ смрадномъ мѣстѣ. Они сами часто теряютъ сознаніе непотребства своего поведенія, и спокойно грубѣютъ въ немъ. Если и пробуждается въ комъ это сознаніе, онъ не имѣетъ силъ отстать. Каждый опасается объявить о томъ, ожидая что его послѣ всюду будутъ преслѣдовать колкостями и говорить: „такъ и быть, можетъ быть пройдетъ“. *Тлятъ обычаи благи бесѣды злы.* Избави, Господи, всякаго отъ этихъ глубинъ сатаниныхъ. Для рѣшившагося работать Господу одно товарищество съ благочестивыми, ищущими Господа; отъ другихъ же надо удаляться и искренно съ ними не обращаться, послѣдуя примѣру святыхъ Божіихъ.

Самый верхъ опасностей для юноши — отъ обращенія съ другимъ поломъ. Тогда какъ въ первыхъ со-

блазнахъ юноша только сбивается съ прямаго пути, здѣсь онъ кромѣ того теряетъ себя. Въ первомъ своемъ пробужденіи дѣло это смѣшивается съ потребностію прекраснаго, которая со времени пробужденія своего заставляетъ юношу искать себѣ удовлетворенія. Между тѣмъ прекрасное мало по малу начинаетъ въ душѣ его принимать образъ, и обыкновенно человѣческій, потому что мы не находимъ ничего краше его... Созданный образъ носится въ головѣ юноши. Съ этого времени онъ ищетъ будто прекраснаго, т. е. идеальнаго, не земнаго, а между тѣмъ встрѣчается съ дщерью человѣческою и ею уязвляется. Этого-то уязвленія больше всего надлежитъ избѣгать юношѣ, потому что это есть болѣзнь, и болѣзнь тѣмъ опаснѣйшая, что больному хочется болѣть до безумія.

Какъ отвратить эту язву? Не ходи тѣмъ путемъ, которымъ доходятъ до уязвленія.

Этотъ путь вотъ какъ изображенъ въ одной психологіи. Онъ имѣетъ три поворота.

1) Сначала пробуждается у юноши какое-то горестное чувство неизвѣстно о чемъ и отъ чего, отзывающееся однако-жъ тѣмъ особенно, что онъ будто одинъ. Это—чувство одиночества. Изъ этого чувства тотчасъ отраждается другое—нѣкоторая жалость, нѣжность и вниманіе къ себѣ. Прежде онъ жилъ, какъ бы не замѣчая самъ себя. Теперь онъ обращается къ себѣ, осматриваетъ себя и всегда находитъ, что онъ не худъ, не изъ послѣднихъ, есть лице стоющее: начинаетъ чувствовать свою красоту, пріятность формъ своего тѣла, или — нравиться себѣ. Этимъ оканчивается

первое движеніе соблазна къ себѣ. Съ сихъ поръ юноша обращается къ внѣшнему міру.

2) Это вступленіе въ внѣшній міръ воодушевляется увѣренностію, что онъ долженъ нравиться другимъ. Въ сей увѣренности онъ смѣло и какъ бы побѣдительно выходитъ на поприще дѣйствія, и, можетъ быть, впервые поставляетъ себѣ закономъ опрятность, чистоту, нарядность до щегольства; начинаетъ бродить, или искать знакомствъ, какъ будто безъ опредѣленной цѣли, по тайному, однако-жъ, влеченію чего-то ищущаго сердца, и при этомъ старается блистать умомъ, пріятностію въ обращеніи, предупредительнымъ вниманіемъ, вообще всѣмъ, чѣмъ надѣется нравиться. Вмѣстѣ съ тѣмъ онъ даетъ всю волю преимущественному органу душеобщенія — глазу.

3) Въ этомъ настроеніи онъ похожъ на порохъ, подставленный подъ искры и скоро встрѣчается съ своею болѣзнью. Взоромъ очей, или голосомъ особенно пріятнымъ, какъ стрѣлою пораженный или подстрѣленный, стоитъ онъ сначала нѣсколько въ изступленіи и остолбененіи, отъ котораго пришедши въ себя и опомнившись, находитъ, что его вниманіе и сердце обращены къ одному предмету и влекутся къ нему съ непреодолимою силою. Съ сей поры сердце начинаетъ снѣдаться тоскою; юноша унылъ, погруженъ въ себя занятъ чѣмъ-то важнымъ, ищетъ, какъ будто что потерялъ и что ни дѣлаетъ, дѣлаетъ для одного лица, и какъ бы въ присутствіи его. Онъ точно потерянный, сонъ и ѣда нейдутъ ему на умъ, обычныя дѣла забыты и приходятъ въ разстройство; ему ничто не доро-

го. Онъ боленъ лютою болѣзнію, которая щемитъ сердце, стѣсняетъ дыханіе, сушитъ самые источники жизни. Вотъ постепенный ходъ уязвленій! И само собою видно, чего должно опасаться юношѣ, чтобы не впасть въ эту бѣду. Не ходи этою дорогою! Прогоняй предвѣстниковъ—неопредѣленную грусть и чувство одиночества. Дѣлай имъ наперекоръ: стало грустно—не мечтай, а начни дѣлать что нибудь серьезное со вниманіемъ—и пройдетъ. Стала зарождаться жалость къ себѣ или чувство своего хорошества, — поспѣши отрезвить себя и отогнать эту блажь какою-нибудь суровостію и жестокостью къ себѣ, особенно выясненіемъ здраваго понятія и ничтожности того, что лѣзетъ въ голову. Случайное или намѣренное униженіе въ этомъ случаѣ было бы какъ вода на огонь... Подавить и прогнать это чувство надобно озаботиться особенно потому, что тутъ начало движенія. Остановись тутъ—дальше не пойдешь: не родится ни желаніе нравиться, ни исканіе нарядовъ и щегольства, ни охоты на посѣщенія. Прорвутся эти —и съ ними борись. Какая надежная въ семъ случаѣ ограда — строгая дисциплина во всемъ, трудъ тѣлесный и еще болѣе головной! Усиль занятія, сиди дома, не развлекайся. Нужно выйти, — храни чувства, бѣгай другаго пола, главное же — молись.

Кромѣ этихъ опасностей, вытекающихъ изъ свойствъ юношескаго возраста, есть еще двѣ: во 1-хъ—настроеніе, по которому до небесъ возносится знаніе разсудочное, или своеличное постиженіе. Юноша считаетъ преимуществомъ — на все налагать тѣнь сомнѣнія, и

все то ставитъ въ сторонѣ, что не совпадаетъ съ мѣркою его пониманія. Этимъ однимъ онъ отсѣкаетъ отъ сердца все настроеніе вѣры и Церкви, слѣдовательно, отпадаетъ изъ нея и остается одинъ. Ища замѣны оставленному, кидается на теоріи, построенныя безъ соображенія съ откровенною истиною, опутываетъ себя ими, и изгоняетъ изъ своего ума всѣ истины вѣры. Еще больше бѣды, если поводъ къ тому подастъ преподаваніе наукъ въ училищахъ и если подобный духъ становится тамъ преобладающимъ. Думаютъ обладать истиною, а набираются туманныхъ идей, пустыхъ, мечтательныхъ, большею частію противныхъ даже здравому смыслу, которыя, однако-же, увлекаютъ неопытныхъ и становятся идоломъ для юноши любознательнаго. Во 2-хъ—свѣтскость. Пусть она можетъ представлять нѣчто полезное, но преобладаніе ея въ юношѣ пагубно. Она знаменуется жизнію по впечатлѣніямъ чувствъ, такимъ состояніемъ, въ коемъ человѣкъ мало бываетъ въ себѣ, а все почти во внѣ, или дѣломъ, или мечтою. Съ такимъ настроеніемъ ненавидятъ внутреннюю жизнь и тѣхъ, кои говорятъ о ней и живутъ ею. Истинные христіане для нихъ мистики, запутавшіеся въ понятіяхъ, или лицемѣры и проч. Разумѣть истину мѣшаетъ имъ духъ міра, качествующій въ кругу свѣтской жизни, соприкасаться которой невозбранно позволяютъ и даже совѣтуютъ юношамъ. Этимъ соприкосновеніемъ міръ, со всѣми своими растлѣнными понятіями и обычаями, набивается въ воспріимчивую душу юноши, не предвареннаго, не настроеннаго противно тому, а еще только принимающаго настроеніе, и отпечатлѣвается

на ней, какъ на воскѣ, — и онъ невольно становится чадомъ его. А это чадство противно чадству Божію во Христѣ Іисусѣ.

Вотъ опасности для юношей отъ юности! И какъ трудно устоять! Но хорошо воспитанному и рѣшившемуся посвятить себя Богу прежде лѣтъ юности, она не такъ опасна, немного потерпѣть, а тамъ настанетъ покой чистѣйшій и блаженнѣйшій. Сохрани только обѣтъ христіанской чистой жизни и въ это время; а послѣ будешь жить съ нѣкоторою святою непоколебимостію. Кто прошелъ безопасно юношескія лѣта, тотъ какъ будто переплылъ бурную рѣку и, оглянувшись назадъ, благословляетъ Бога. А иной со слезами на глазахъ, въ раскаяніи, обращается назадъ и окаявается себя. Того никогда не воротишь, что потеряешь въ юности. Кто надалъ, тотъ достигнетъ ли еще того, чѣмъ обладаетъ непадавшій?

Изъ сказаннаго доселѣ легко дойти до уразумѣнія того, гдѣ причина, что такъ рѣдки хранящіе благодать крещенія? Воспитаніе всему причиною, и доброму и злому.

Отъ того не сохраняется благодать крещенія, что не соблюдается порядокъ, правила и законы примѣненнаго къ тому воспитанія. Главнѣйшія причины суть: а) отдаленіе отъ церкви и благодатныхъ ея средствъ. Это заморяетъ ростокъ христіанской жизни, разобщая ее съ источниками и она увядаетъ, какъ увядаетъ цвѣтъ, поставленный въ темномъ мѣстѣ. б) Невниманіе къ отправленіямъ тѣлеснымъ. Думаютъ, что тѣло можетъ всячески развиться безъ вреда для ду-

ши: между тѣмъ, въ его отправленіяхъ сѣдалища страстей, кои вмѣстѣ съ его развитіемъ развиваются, коренятся и овладѣваютъ душею. Проникая тѣлесныя отправленія, страсти получаютъ въ нихъ себѣ осѣдлость, или устрояютъ изъ нихъ неприступную нѣкоторую крѣпость и тѣмъ упрочиваютъ за собою власть на все послѣдующее время. в) Безразборное, не направленное къ одной цѣли развитіе силъ души. Не видятъ цѣли впереди,—не видятъ пути къ ней. Отсюда, при всей заботѣ о современнѣйшемъ образованіи, ничего болѣе не дѣлаютъ, какъ только раздуваютъ пытливость, своеволіе и жажду наслажденій. г) Совершенное забвеніе о духѣ. Молитва, страхъ Божій, совѣсть рѣдко берутся во вниманіе. Была бы исправность видимая, а тѣ внутреннѣйшія состоянія всегда предполагаются и всегда потому оставляются себѣ. д) Во время обученія —закрытіе главнѣйшаго дѣла побочными, заслоненіе его *единаго*—множествомъ другихъ. е) Наконецъ, вступленіе въ юность безъ предварительнаго положенія добрыхъ началъ и рѣшимости жить по-христіански, и далѣе,—неудерживаніе влеченій юношеской жизни въ должномъ порядкѣ, преданіе себя всей жаждѣ впечатлѣній, чрезъ развлеченіе, легкое чтеніе, разгоряченіе воображенія мечтами, неразборчивое общеніе съ подобными себѣ и особенно съ другимъ поломъ, исключительная научность и преданность духу міра, ходячимъ мыслямъ, правиламъ и обычаямъ, кои никогда не бываютъ благопріятны благодатной жизни, но всегда враждебно вооружаются противъ нея и стремятся подавить ее.

Каждой изъ этихъ причинъ и одной достаточно къ кому, чтобы погасить въ человѣкѣ благодатную жизнь. Но бываетъ большею частію, что онѣ дѣйствуютъ совмѣстно, и одна неминуемо привлекаетъ другую; все же въ совокупности онѣ такъ забываютъ духовную жизнь, что и малѣйшихъ слѣдовъ ея не бываетъ иногда замѣтно,—какъ будто человѣкъ и не имѣетъ духа, созданъ не для общенія съ Богомъ, не имѣетъ къ тому предназначенныхъ силъ и не получалъ благодати, оживляющей ихъ.

Почему не соблюдается цѣлесообразный порядокъ воспитанія,—причина этому или въ невѣдѣніи такого порядка, или въ небреженіи о немъ. Воспитаніе, оставленное безъ вниманія самому себѣ, по необходимости принимаетъ направленія превратныя, ложныя и вредныя, сначала въ домашнемъ быту, а потомъ во время обученія. Но и тамъ, гдѣ, повидимому, воспитаніе совершается не безъ вниманія и подчиняется извѣстнымъ правиламъ, оно оказывается нерѣдко безплоднымъ и уклоняющимъ отъ цѣли, по причинѣ ложныхъ идей и началъ, на которыхъ построивается порядокъ его. Не то имѣется въ виду, не то поставляется главнымъ, что должно; именно не богоугожденіе, не спасеніе души, а совсѣмъ другое, или усовершенствованіе силъ только естественныхъ, или приспособленіе къ должностямъ, или годность къ жизни въ свѣтѣ и проч. Но когда не чисто и ложно начало, по необходимости и утверждающееся на немъ не можетъ вести къ добру.

Какъ на главныя уклоненія, можно указать: 1) на отстраненіе благодатныхъ средствъ. Оно есть есте-

ственное слѣдствіе забвенія того, что воспитываемый есть христіанинъ и обладаетъ не естественными только, но и благодатными силами. А безъ этихъ средствъ христіанинъ есть разгороженный садъ, который топчутъ рыщущіе бѣсы, ломаетъ буря грѣха и міра, которыхъ некому и нечѣмъ остепенять и прогонять. 2) На преимущественное приготовленіе къ счастію въ жизни временной, съ заглушеніемъ памяти о вѣчной. Объ этомъ говорятъ дома, объ этомъ толкуютъ въ классахъ, это главнымъ выставляется въ простыхъ бесѣдахъ. 3) На преобладаніе внѣшности во всемъ, не исключая даже священнослуженія.

Не подготовленный дома, прошедши такъ воспитаніе,—неизбѣжно отуманенъ въ головѣ, на все смотритъ не тѣми глазами, какими должно; все представляетъ въ извращенномъ видѣ, какъ сквозь разбитые или ложные очки. Поэтому и слушать не хочетъ ни о послѣдней истинной своей цѣли, ни о средствахъ къ тому. Все это у него дѣло стороннее, какъ бы шуточное.

Послѣ этого не трудно опредѣлить,—что же именно нужно, чтобы исправить такой худой порядокъ вещей? Нужно 1) хорошо понять и усвоить начала истиннаго христіанскаго воспитанія и дѣйствовать по нимъ прежде всего дома. Домашнее воспитаніе есть корень и основаніе всему послѣдующему. Хорошо воспитаннаго и заправленнаго дома, превратное школьное воспитаніе не такъ легко собьетъ съ прямаго пути.

2) Вслѣдъ за тѣмъ, перестроить по новымъ, ис-

тиннымъ началамъ школьное воспитаніе, внести въ него христіанскіе элементы, неисправное исправить; главное—держать во все время воспитанія воспитываемаго подъ обильнѣйшимъ вліяніемъ св. Церкви, которая всѣмъ своимъ устроеніемъ спасительно дѣйствуетъ на созиданіе духа. Это не давало бы разгораться грѣховнымъ возбудителямъ, отвѣвало бы духъ міра и отгоняло духъ отъ бездны. Вмѣстѣ съ этимъ надо направлять все отъ временнаго къ вѣчному, отъ внѣшняго къ внутреннему, воспитывать чадъ церкви, членовъ царствія небеснаго.

Нужнѣе всего 3) воспитывать *воспитателей* подъ руководствомъ такихъ лицъ, кои знаютъ истинное воспитаніе не по теоріи, а по опыту. Образуясь подъ надзоромъ опытнѣйшихъ воспитателей, они опять передадутъ свое искусство другимъ, послѣдующимъ и т. д. Воспитатель долженъ пройти всѣ степени христіанскаго совершенства, чтобы впослѣдствіи въ дѣятельности умѣть держать себя, быть способнымъ замѣчать направленія воспитываемыхъ, и потомъ дѣйствовать на нихъ съ терпѣніемъ, успѣшно, сильно, плодотворно. Это должно быть сословіе лицъ чистѣйшихъ, богоизбранныхъ и святыхъ. Воспитаніе изъ всѣхъ святыхъ дѣлъ самое святое.

Плодъ добраго воспитанія есть сохраненіе благодати святаго крещенія. Послѣднее вознаграждаетъ съ избыткомъ всѣ труды по первому. Ибо нѣкоторыя высокія преимущества принадлежатъ тому, кто сохранилъ благодать крещенія и съ первыхъ лѣтъ посвятилъ себя Богу.

1) Первое преимущество, какъ бы основаніе всѣхъ другихъ преимуществъ, есть цѣлость естественно благодатнаго состава. Человѣкъ назначенъ быть вмѣстилищемъ необыкновенно высокихъ силъ, готовыхъ излиться на него изъ источника всѣхъ благъ, только пусть не разстроиваетъ себя. И кающійся можетъ быть исцѣленъ совершенно; но ему, кажется, не дается то знать и чувствовать, что непадавшему, или онъ не можетъ услаждаться тою цѣлостью и обладать тѣмъ дерзновеніемъ, которое бываетъ ея слѣдствіемъ.

2) Отсюда сами собою вытекаютъ живость, легкость, непринужденность добродѣланія. Онъ ходитъ въ добрѣ, какъ въ единственно сродномъ себѣ мірѣ. Кающемуся надобно долго напрягать и пріучать себя къ этому добру, чтобы совершать его легко, но и достигши этого, постоянно держать себя въ напряженіи и страхѣ. Напротивъ, тотъ живетъ въ простотѣ сердца, въ нѣкоторой ублажающей его увѣренности спасенія, и увѣренности необманчивой.

3) Затѣмъ, въ его жизни устрояется нѣкоторая ровность и безостановочность. Въ немъ нѣтъ ни порывовъ, ни ослабленія; и какъ дыханіе у насъ совершается большею частью ровно, такъ и у него хожденіе въ добрѣ. Бываетъ тоже и у покаявшагося, но не скоро пріобрѣтается и не въ такомъ совершенствѣ является. Колесо починенное не рѣдко даетъ знать о своемъ порокѣ; и часы починенные уже не такъ исправны, какъ нечиненные и новые.

4) Не падавшій всегда юнъ. Въ чертахъ нравственнаго его характера отражаются чувства дитяти,

пока оно еще не сдѣлалось виноватымъ предъ отцемъ. Здѣсь первое чувство невинности, — дѣтство во Христѣ, какъ бы невѣдѣніе зла. Сколько оно отсѣкаетъ у него помысловъ и томительныхъ волненій сердца! Затѣмъ необыкновенное радушіе, искренняя доброта, тихость нрава. Въ немъ во всей силѣ обнаруживаются указанныя Апостоломъ плоды Духа: любы, радость, миръ, долготерпѣніе, благость, милосердіе, вѣра, кротость, воздержаніе (Гал. 5, 22). Онъ какъ будто облеченъ въ утробы щедротъ, благость, смиреномудріе, кротость, долготерпѣніе (Кол. 3, 12). Затѣмъ онъ сохраняетъ непритворное веселонравіе, или радость духовную; ибо въ немъ царствіе Божіе, которое есть міръ и радость о Духѣ Святѣ. Затѣмъ, ему свойственна нѣкоторая прозорливость и мудрость, видящая все въ себѣ и около себя и умѣющая распоряжаться собою и дѣлами своими. Сердце его принимаетъ такое настроеніе, что тотчасъ говоритъ ему, что и какъ надо сдѣлать. Наконецъ, можно сказать, ему свойственна небоязнь паденій, чувство безопасности въ Богѣ. Кто ны разлучитъ отъ любви Божія? (Рим. 8, 35). Все это въ совокупности дѣлаетъ его и достоуважаемымъ и достолюбезнымъ. Онъ невольно влечетъ къ себѣ. Существованіе въ мірѣ подобныхъ лицъ есть великая благодать Божія. Они замѣняютъ Апостольскія мрежи. Какъ около сильнаго магнита собирается множество опилковъ или какъ сильный характеръ увлекаетъ слабыхъ, такъ обитающая въ нихъ сила Духа влечетъ къ себѣ всѣхъ, особенно же тѣхъ, у коихъ есть начатки духа.

5) Главнѣйшее же нравственное совершенство, принадлежащее сохранившемуся цѣлымъ въ лѣта юности, есть нѣкоторая непоколебимость добродѣтели во всю жизнь. Самуилъ остается твердымъ при всѣхъ искушеніяхъ соблазна въ домѣ Иліи и среди волненій народныхъ въ обществѣ. Іосифъ, среди недобрыхъ братьевъ, въ домѣ Пентефрія, въ темницѣ и въ славѣ, равно сохранилъ свою душу непорочною. Поистинѣ, благо есть мужу, егда возметъ яремъ въ юности своей (Плачъ Іер. 3, 27). Чадо, отъ юности твоея избери наказаніе и тогда до сѣдинъ обрящеши премудрость. Въ дѣланіи ея мало потрудишися, и скоро ясти будеши плоды ея (Сирах. 6, 18, 19). Первое настроеніе обращается какъ бы въ природу, и если иногда нѣсколько нарушается, скоро приходитъ въ первый строй. Потому въ Четь-Минеяхъ святыми находимъ большею частію тѣхъ, кои сохранили нравственную чистоту и благодать крещенія въ юности.

Сверхъ того, кто сохранивъ чистоту, посвящаетъ себя Богу съ раннихъ лѣтъ, тотъ

1) Дѣлаетъ дѣло самое угодное Богу, приноситъ Ему жертву самую пріятную: а) потому что Богу вообще, по закону оправданій, угоднѣе всего *первое*: начатки плодовъ, первенцы людей, животныхъ, и, слѣдовательно, первыя лѣта юности; б) потому что приносится жертва чистая,—непорочная юность,—что главнымъ образомъ и требовалось отъ всякой жертвы; в) потому что совершаютъ это съ преодолѣніемъ немалыхъ препятствій и въ себѣ и извнѣ,—съ отреченіемъ

отъ удовольствій, къ какимъ, особенно въ это время, чувствуютъ позывъ.

Тотъ 2) совершаетъ дѣло самое благоразумное. Надобно же посвятить себя Богу, ибо въ этомъ одно спасеніе. Развѣ только кто предался отчаянію. Но нѣтъ лучше и надежнѣе для сего времени, какъ первое, въ какое мы сознали себя, — ибо кто знаетъ, что будетъ на завтрашній день? Но еслибы и надѣялся кто прожить долѣе, все не посвящая сего времени Богу, онъ будетъ только затруднять себя, привыкая къ противоположной жизни, и Богъ знаетъ, одолѣетъ ли себя послѣ. Пусть даже и одолѣетъ: что то за жертва Богу,—больная, истощенная, поврежденная въ членахъ, не цѣлая? Впрочемъ, хотя все это бываетъ, но какъ рѣдко? Какъ рѣдко потерявшій невинность успѣваетъ возвратить ее? Какъ трудно обратиться не познавшему доброй жизни съ дѣтства, живо изображаетъ, по собственному опыту, блаженный Августинъ, въ своемъ исповѣданіи. „Лѣта отрочества, говоритъ онъ, провелъ я въ рѣзвости и шалостяхъ, даже непозволительныхъ, въ непослушаніи и невниманіи къ родителямъ. Со вступленіемъ въ юность началось распутство, и въ три года я до того развратился, что послѣ, въ продолженіи 12 лѣтъ, все полагалъ намѣреніе исправиться и не находилъ силъ этого выполнить. Даже послѣ того, какъ сдѣлалъ я поворотъ къ рѣшительному перелому воли, еще медлилъ два года, отлагая обращеніе со дня на день. Такъ разслабла воля отъ первыхъ страстей! Но, по рѣшительномъ обращеніи и принятіи благодати въ св. крещеніи, что я долженъ былъ претерпѣть, борясь

съ своими страстями, сильно влекшими меня на прежній путь?

Удивительно ли, что такъ мало спасающихся изъ неисправно проведшихъ юность?! Этотъ примѣръ яснѣе всего показываетъ, въ какой великой опасности находится лице, не получившее добрыхъ правилъ въ юности и Богу себя заранѣе не посвятившее. Какое поэтому счастіе получить доброе истинно-христіанское воспитаніе, вступить съ нимъ въ лѣта юности, и потомъ въ томъ же духѣ вступить въ лѣта мужества.

СВЯТАГО ОТЦА НАШЕГО ІОАННА ЗЛАТОУСТАГО МЫСЛИ О ВОСПИТАНІИ *).

1. Родить дѣтей есть дѣло природы: но образовать и воспитать ихъ въ добродѣтели — дѣло ума и воли.

2. Подъ долгомъ воспитать своихъ дѣтей я разумѣю не одно то, чтобы не допустить ихъ умереть съ голоду, чѣмъ люди, кажется, и ограничиваютъ свои обязанности по отношенію къ дѣтямъ. Для этого не нужно ни книгъ, ни постановленій: объ этомъ весьма громко говоритъ природа. Я говорю о попеченіи образовать сердца дѣтей въ добродѣтели и благочестіи, — долгъ священный, котораго нельзя преступить, не сдѣлавшись виновнымъ въ нѣкотораго рода дѣтоубійствѣ.

3. Эта обязанность обща какъ для отцевъ, такъ и для матерей. Есть отцы, которые не щадятъ ничего, чтобы доставить дѣтямъ своимъ учителей въ удовольствіяхъ и потворствовать прихотямъ ихъ, какъ бога-

*) Началу взято изъ Хр. чт. 1838 г. ч. IV, стр. 242—253, а туда извлечено изъ том. V Benedict. in Mund; vidua Eligatur.

тыхъ наслѣдниковъ; а чтобы дѣти были христіанами, чтобы упражнялись въ благочестіи,—до этого имъ мало нужды. Преступное ослѣпленіе! Этой-то грубой невнимательности должно приписывать всѣ безпорядки, отъ которыхъ стонетъ общество. Положимъ, что вы пріобрѣли для нихъ большое имущество, но если они не будутъ умѣть благоразумно вести себя, оно сохранится у нихъ недолго. Имущество будетъ расточено; оно погибнетъ съ обладателями своими, оно будетъ самымъ печальнымъ для нихъ наслѣдіемъ.

4. Ваши дѣти всегда будутъ довольно богаты, если получатъ отъ васъ хорошее воспитаніе, способное упорядочить ихъ нравы и хорошо устроить ихъ поведеніе. И такъ, старайтесь не о томъ, чтобы сдѣлать ихъ богатыми, но о томъ, чтобы сдѣлать ихъ благочестивыми, владыками своихъ страстей, богатыми въ добродѣтеляхъ. Пріучите ихъ не вымышлять мнимыхъ нуждъ, и блага міра сего цѣнить такъ, чего они стоятъ. Внимательно наблюдайте за ихъ поступками, за ихъ сообществами, за ихъ связями — и не ожидайте отъ Бога никакой милости, если не исполняете сего долга.

5. Если Апостолъ заповѣдуетъ намъ болѣе пещись о другихъ, чѣмъ о себѣ, и если мы бываемъ виновны, когда не радимъ о ихъ пользѣ, то не гораздо ли болѣе бываемъ виновны въ томъ случаѣ, когда это относится къ тѣмъ, кои къ намъ такъ близки? Не Я ли, скажетъ намъ Господь, далъ мѣсто симъ дѣтямъ въ семействѣ вашемъ? Не Я ли ввѣрилъ ихъ вашему попеченію, поставивъ васъ ихъ владыками, попечителями, судіями; Я далъ вамъ полную власть надъ ними; Я возложилъ

на васъ всѣ заботы о ихъ воспитаніи. Вы скажете мнѣ, что они не хотѣли подклониться подъ иго, что они его свергли. Но это-то и надлежало предотвратить въ самомъ началѣ; вы должны были овладѣть первыми ихъ впечатлѣніями, наложить узду, когда они еще не имѣли силы разорвать ее; подклонить эту юную душу подъ иго долга, пріучить ее къ нему, образовать ее по ономy, обвязать рану, когда она только-что зарождалась; исторгнуть терніе, когда оно начинало только появляться около этого нѣжнаго растенія, а не ожидать, пока оно пуститъ глубокіе корни, пока страсти, усилясь постепеннымъ развитіемъ, сдѣлаются необузданными и неукротимыми.

6. Премудрый говоритъ: суть ли ти чада, накажи я, и преклони отъ юности выю ихъ (Сир. 7, 25). Но Господь не только внушаетъ намъ это повелѣніе устами Своего пророка,—но еще беретъ нашу сторону, обезпечивая исполненіе сей заповѣди страшнымъ наказаніемъ, коимъ угрожаетъ дѣтямъ, непокорнымъ власти своихъ родителей; человѣкъ, иже аще зло речетъ отцу своему или матери своей, смертію да умретъ (Лев. 20, 9). Онъ наказываетъ смертію тѣхъ, которые становятся виновными противъ васъ, а вы хладнокровно смотрите на тѣ вины, которыя они совершаютъ противъ самой верховной власти. Они возстаютъ противъ Самого Бога, преступая Его заповѣди, а вы на это взираете безъ всякаго негодованія, безъ малѣйшаго дѣтямъ укора. Что теряетъ Онъ отъ ихъ оскорбленій? Ничего. Но вы, чего вы не должны страшиться за са-

михъ себя? Потому что кто оставляетъ Господа, тотъ не станетъ уже уважать ни своего отца, ни себя самого.

7. Дѣти покорныя и вѣрныя Богу въ повиновеніи закону Его нашли бы обильный источникъ счастія, даже временнаго. Бѣдный съ христіанскими нравами заставляетъ уважать и любить себя, между тѣмъ какъ при зломъ и развращенномъ сердцѣ, все ваше богатство не спасетъ отъ негодованія и отвращенія всѣхъ васъ окружающихъ.

8. Юноша, которому вы дадите доброе воспитаніе, мало того, что пріобрѣтаетъ себѣ всеобщее уваженіе, сколько онъ дѣлается милѣе для васъ самихъ! Ваша привязанность къ нему не будетъ однимъ простымъ влеченіемъ природы; она будетъ плодомъ его добродѣтели. За это, во время вашей старости, вы въ свою очередь получите отъ него всѣ услуги сыновней любви; онъ будетъ вашею опорою. Потому что, какъ тѣ, кои не почитаютъ Господа, презираютъ и своихъ родителей; такъ, напротивъ, тѣ, кои чтутъ Бога, Отца всѣхъ человѣковъ, всегда будутъ всячески уважать и тѣхъ, отъ кого они получили жизнь.

9. Положимъ, что вы исполните заповѣди закона во всѣхъ другихъ отношеніяхъ, но будучи невѣрны этой одной заповѣди, вы будете наказаны строго. Выслушайте на это доказательство, взятое изъ исторіи одного древняго народа. Вы тотчасъ увидите, какому страшному наказанію подвергаютъ себя отцы, небрегущіе о воспитаніи дѣтей своихъ. У Іудеевъ былъ одинъ священникъ, уважаемый за кротость своего нрава; онъ назывался Илій. Сей священникъ имѣлъ двухъ сыновъ,

которые предавались всѣмъ порокамъ. Отецъ не заботился объ этомъ и едва обращалъ на то свое вниманіе; или ежели развратъ ихъ, доходя до высшей степени, заставлялъ его дѣлать имъ выговоры, онъ дѣлалъ это безъ должной ревности и власти. Ему слѣдовало бы строго наказать ихъ, прогнать ихъ съ своихъ глазъ, употребить мѣры строгія, чтобы прекратить ихъ безпорядки. Ничего не бывало; онъ ограничивался тѣмъ, что говорилъ имъ въ видѣ увѣщанія: Ни, чада, не творите тако; яко не благъ слухъ, его же азъ слышу о васъ (1 Цар. 2, 24). Это ли надлежало говорить? Они оскорбляли Бога, — и онъ называлъ ихъ своими чадами? Они забывали Того, Которому обязаны своимъ существованіемъ, а онъ признавалъ еще ихъ за свое семейство? Напрасно и безполезно онъ дѣлалъ имъ увѣщанія. Нѣтъ, —здѣсь требовались не увѣщанія, но уроки сильные, истязанія строгія, врачевство столь же крѣпкое, какъ и зло. Онъ долженъ былъ дѣйствовать страхомъ и исторгнуть это юное сердце изъ его оцѣпененія. Увѣщанія! Дѣти Илія не имѣли въ нихъ недостатка. Безполезныя слова! Преступная кротость, которой они сдѣлались жертвами! Начинается война, несчастные дѣлаются добычею непріятеля; отецъ, узнавъ о ихъ злополучіи, падаетъ на землю и, разбивъ голову, умираетъ.

10. Я сейчасъ говорилъ вамъ, что отцы, которые не заботятся дать христіанское воспитаніе дѣтямъ своимъ, суть чадоубійцы, убійцы собственныхъ дѣтей. Не правда ли? Кого долженъ винить Илій въ смерти своихъ дѣтей? Самого себя. Правда; мечъ врага умертвилъ

ихъ; но безпечность лже-отца направила его ударъ; оставленные небесною помощію, они явились нагими противъ стрѣлъ филистимлянскихъ. Отецъ погубилъ и себя и ихъ. Между тѣмъ мы ежедневно видимъ предъ собою тоже самое. Сколько есть родителей, которые не хотятъ взять на себя труда исправить своихъ дѣтей, непокорныхъ и развращенныхъ! Они какъ будто боятся огорчить дѣтей, если будутъ строгимъ словомъ обуздывать порочныя наклонности, которымъ они предаются. Что же выходитъ? Безпорядки увеличиваются; безнаказанность доводитъ до государственныхъ преступленій; суды пробуждаются; несчастные умираютъ на мѣстѣ казни. Не исправляя ихъ — дѣлаетесь ихъ сообщниками. Вы отказались отъ личныхъ правъ своихъ надъ ними и подвергли ихъ строгости общественнаго наказанія; и вотъ человѣческое правосудіе употребило надъ ними свои строгія права. Вы страшитесь унизить ихъ легкимъ наказаніемъ въ вашемъ присутствіи; но какое ужасное безчестіе падаетъ на васъ, когда сына вашего болѣе не станетъ и отецъ, всюду преслѣдуемый взорами обвинителей, не осмѣлится уже нигдѣ показаться.

11. И такъ, умоляю васъ, позаботьтесь о добромъ воспитаніи дѣтей вашихъ. Прежде всего помышляйте о спасеніи душъ ихъ. Богъ поставилъ васъ главами и учителями всего вашего семейства; вашъ долгъ — наблюдать, и наблюдать непрестанно, за поведеніемъ своей жены и своихъ дѣтей. Послушайте св. Павла. Если жены ваши, говоритъ онъ, хотятъ чему научиться, пусть спрашиваютъ о томъ у мужей своихъ. Воспиты-

вайте дѣтей своихъ въ ученіи и наставленіи Господнемъ (1 Кор. 14, 35; Ефес. 6, 4). Подражайте Іову, который постоянно смотрѣлъ за дѣтьми своими и приносилъ умилостивительныя жертвы за тайные поступки, какіе могли они сдѣлать (Іов. 1, 5). Подражайте Аврааму, который менѣе заботился о пріобрѣтеніи богатства, нежели о сохраненіи закона Божія всѣми домашними своими, и о которомъ Господь свидѣтельствовалъ: вѣмъ, яко заповѣсть сыномъ своимъ... И сохранятъ пути Господни творити правду и судъ (Быт. 18, 19). Давидъ, приближаясь къ смерти, хочетъ оставить Соломону самое прочное наслѣдство; онъ призываетъ его къ себѣ, чтобы повторить ему слѣдующія мудрыя наставленія: аще сохранятъ сынове твои пути своя, еже ходити предо Мною во истинѣ всѣмъ сердцемъ своимъ и всею душею своею, не искоренится тебѣ мужъ съ престола Израилева (3 Цар. 2, 4). Вотъ образцы, которымъ мы должны подражать и во время жизни и при послѣднемъ издыханіи!

12. Если бы добрые отцы старались дать своимъ дѣтямъ доброе воспитаніе, то не нужны были бы ни законы, ни суды, ни судилища, ни наказанія. Палачи есть потому, что нѣтъ нравственности.

13. Мы не щадимъ ни трудовъ, ни издержекъ, на то, чтобы обучить дѣтей свѣтскимъ наукамъ, чтобы выучить ихъ хорошо служить властямъ земнымъ. Безразлично для насъ одно знаніе св. вѣры, одно служеніе Царю небесному. Мы позволяемъ имъ посѣщать зрѣлища; а чтобы они не убѣгали Церкви, чтобы не стояли въ ней неблагоговѣйно — о томъ мало заботимся.

Мы заставляемъ ихъ давать отчетъ въ томъ, что они выучили въ своихъ свѣтскихъ училищахъ; почему же не требовать отъ нихъ отчета въ томъ, что они слышали въ дому Господнемъ?

14*). Сдѣлавъ увѣщаніе, какъ нужно было дѣтямъ, Апостолъ обращается и къ отцамъ, говоря: и отцы, не раздражайте чадъ своихъ, но воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни (Еф. 6, 4). Хочешь ли, чтобы сынъ твой былъ послушенъ? Съ дѣтства воспитывай его въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Не думай, чтобы слушаніе Божественныхъ Писаній было для него дѣломъ излишнимъ. Тамъ онъ услышитъ прежде всего: „чти отца твоего и матерь твою“—слова, направленныя къ твоей пользѣ. Не говори: „это—слушаніе Писаній—дѣло монаховъ; ужели мнѣ его сдѣлать монахомъ?“ Нѣтъ надобности быть ему монахомъ. Сдѣлай его христіаниномъ. Ибо и мірянамъ весьма нужно внимать ученію, заключающемуся въ Писаніи, а особенно дѣтямъ, такъ какъ въ этомъ возрастѣ еще многаго не знаютъ. Но, не зная Божественныхъ истинъ, они знаютъ нѣчто изъ сочиненій языческихъ, изучая въ нихъ жизнь дивныхъ, по ихъ понятіямъ, героевъ, которые служили страстямъ и боялись смерти. Каковъ примѣръ—Ахиллесъ, безутѣшный и умирающій за наложницу, или другой, предающійся пьянству, и проч. и проч.!—И такъ, сынъ твой нуждается въ этомъ спасительномъ руководствѣ—въ наказаніи и ученіи Господни.

15. Не безразсудно ли учить дѣтей искусствамъ, посылать ихъ въ училище, ничего не жалѣть для та-

*) Отселѣ—изъ 21 Бесѣд. на посланіе къ Ефес.

кого ихъ образованія—а о воспитаніи ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ не заботиться? За то-то сами мы и пожинаемъ плоды такого воспитанія дѣтей своихъ, видя ихъ дерзкими, невоздержными, непослушными, развратными! Не будемъ же поступать такимъ образомъ и послушаемъ увѣщанія блаженнаго Павла; станемъ воспитывать дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ, подадимъ имъ примѣръ благочестія, заставимъ ихъ съ ранняго возраста упражняться въ чтеніи св. Писанія. Ахъ! Я постоянно говорю это; только мнѣ думается, не напрасно ли я теряю слова свои? Но, при всемъ томъ, я не перестану говорить объ этомъ; это—мой долгъ.

16. Отчего, скажите вы мнѣ, не подражаете древнимъ? Особенно вы, женщины, должны бы соревновать дивнымъ древнимъ женамъ. Родилось у тебя дитя,—подражай Аннѣ, матери Самуила. Послушай, какъ поступила она: она не замедлила представить свое дитя въ храмъ Божій. Кто изъ васъ не пожелалъ бы имѣть сына своего однажды навсегда Самуиломъ, нежели тысячу разъ царемъ всей вселенной?! Скажете: какъ это можно? Почему же невозможно? Ты только пожелай этого и поручи его Тому, Кто можетъ сдѣлать его таковымъ. Кто же, спросите, можетъ это сдѣлать? Богъ. Потому она (Анна) Ему и поручила своего сына. Самъ Илій не очень былъ способенъ къ тому, чтобы развить и образовать его; да и какъ онъ могъ это сдѣлать, когда не въ силахъ былъ управиться съ своими собственными дѣтьми? Но вѣра женщины и ея усердіе всего достигли. Родивъ первенца, одного, и еще не

зная, будутъ ли у ней другія дѣти, она не говорила: „подожду, вотъ выростетъ ребенокъ; пусть насладится жизнію; позволю ему провести у себя отроческія лѣта". Нисколько не думая объ этомъ, она помышляетъ объ одномъ, какъ бы поскорѣе посвятить его Богу. Устыдимся мы, мужчины, такого любомудрія женщины; она представила сына своего въ храмъ Божій, и тамъ его оставила. Это прославило и супружескій союзъ ея, потому что, принесши первый плодъ сего союза въ даръ Богу, она этимъ показала, что въ этомъ союзѣ она искала не чувственныхъ наслажденій, а Богоугожденія; по этому-то и чрево ея сдѣлалось многоплоднымъ, и она, прежде неплодная, имѣла потомъ другихъ дѣтей; за тоже, безъ сомнѣнія, она видѣла, какою славою и какимъ почетомъ отъ людей пользовался сынъ ея.

17. Все у насъ должно быть второстепеннымъ въ сравненіи съ заботой о дѣтяхъ и съ тѣмъ, чтобы воспитывать ихъ въ наказаніи и ученіи Господнемъ. Кто прежде всего научится быть любомудрымъ, тотъ чрезъ это пріобрѣтаетъ богатство, превосходящее всякое богатство и величайшую славу. Не такъ полезно образовать сына, преподавая ему науки и внѣшнія знанія, посредствомъ которыхъ онъ станетъ пріобрѣтать деньги. Если хочешь сдѣлать его богатымъ, поступай такимъ образомъ. Богатъ не тотъ, кто заботится о большомъ стяжаніи имѣнія и владѣетъ многимъ, а тотъ, кто ни въ чемъ не имѣетъ нужды. Это внушай твоему сыну, этому учи его; въ этомъ величайшее богатство. Не заботься о томъ, чтобы сдѣлать его извѣстнымъ по внѣшней учености и доставить ему славу; но старайся

о томъ, чтобы научить его презирать славу настоящей жизни: отъ этого онъ будетъ славнѣе и знаменитѣе. Это возможно сдѣлать и богатому и бѣдному. Этому научаются не отъ свѣтскихъ учителей, и не при пособіи наукъ, а изъ Божественныхъ Писаній. Не заботься, чтобы сынъ твой здѣсь пожилъ долго, но чтобы тамъ удостоился жизни безпредѣльной и не скончаемой; давай ему великое, а не малое. Внимай словамъ Апостола Павла: воспитывайте ихъ въ наказаніи и ученіи Господни. Не риторомъ старайся сдѣлать его, а научи его любомудрію. Если онъ не будетъ риторомъ, отъ этого не произойдетъ еще никакого вреда; а при недостаткѣ любомудрія самое обильное риторство не принесетъ никакой пользы. Благоповеденіе нужно, а не остроуміе; нравственность, а не сила рѣчи; дѣла, а не слова: это доставляетъ царствіе, это даруетъ и дѣйствительныя блага. Не языкъ изощряй, но очищай душу. Говорю это не съ тѣмъ, чтобы запретить свѣтское образованіе, но для того, чтобы не привязывались къ нему исключительно.

18. Не думай, будто однимъ монахамъ нужны наставленія въ Писаніи; весьма многія изъ этихъ наставленій потребны и для тѣхъ дѣтей, которыя должны вступить въ мірскую жизнь. Какъ при снаряженіи корабля нуженъ бываетъ кормчій и полное число пловцевъ не для того, кто всегда стоитъ на пристани, но тому, кто постоянно занимается мореходствомъ, точно тоже должно сказать и относительно монаха и мірскаго человѣка. Первый, какъ бы находясь на необуреваемой пристани, проходитъ жизнь неозабоченную и

устраненную отъ всякаго волненія, а послѣдній постоянно обуревается и плыветъ среди моря, сражаясь съ множествомъ треволненій. Хотя бы онъ самъ (мірской человѣкъ) и не имѣлъ нужды (въ наставленіи) но ему оно можетъ быть нужно, чтобы, если случится, онъ былъ въ состояніи заградить уста другихъ.

19. Кто чѣмъ большимъ пользуется почетомъ въ настоящей жизни, тѣмъ болѣе нужно для него такое образованіе. Служитъ ли кто въ царскомъ дворцѣ, — тамъ много эллиновъ философовъ, людей надменныхъ временною славою. Тамъ напыщены и надменны; а кто нѣтъ, тѣ стараются сдѣлаться такими. Каково же, подумай, если сынъ твой, вступивши туда, входитъ, какъ самый лучшій врачъ, съ орудіемъ, которое въ состояніи укротить надменность каждаго, подходитъ къ каждому и разговариваетъ, врачуетъ больное тѣло, прикладываетъ пластырь изъ Писаній, расточаетъ любомудренныя доказательства.

20. Инокъ съ кѣмъ будетъ говорить? Развѣ со стѣной своей кельи, или съ кровлей? Съ пустыней, или дебрями? Съ горами, или деревьями?! И такъ, для него не столько нужно подобное ученіе; не смотря на то, онъ старается усовершить себя въ немъ, не съ тѣмъ, чтобы другихъ наставлять, а самого себя. Что же касается людей, живущихъ въ сей (мірской) жизни, то имъ весьма нужно таковое ученіе; потому что мірскому человѣку болѣе представляется соблазновъ ко грѣху, нежели монаху. И если тебѣ угодно, знай, что онъ такимъ образованіемъ вмѣстѣ съ тѣмъ будетъ и самымъ пріятнымъ человѣкомъ; всѣ станутъ уважать

его, когда увидятъ, что онъ не вспыльчивъ и не домогается власти. Зная это, воспитывайте дѣтей своихъ въ наказаніи и ученіи Господни. А если кто нибудь бѣденъ? Пусть останется бѣднымъ. Что онъ не будетъ находиться при дворѣ, этимъ онъ нисколько не будетъ хуже того, кто служитъ при дворѣ; напротивъ, можетъ сдѣлаться предметомъ удивленія. Ибо, если эллины,—люди стоющіе не болѣе трехъ пенязей,—циники, принявшіе такую же, стоющую не болѣе трехъ пенязей, философію (подлинно такова греческая философія), или вѣрнѣе, — не самую философію, а только ея имя, облекшись въ мантію и опустивши волосы, посрамляютъ многихъ; то не къ большему ли способенъ истинный любомудръ? Если одинъ ложный видъ, только тѣнь философіи такъ возвышаетъ, что сказать о томъ, если мы полюбимъ истинно свѣтлое любомудріе? Не всѣ ли станутъ уважать его? Не поручатъ ли любомудрамъ, безъ всякаго опасенія и домы, и женъ, и дѣтей.

21. Скажи мнѣ, какія изъ растеній самыя лучшія? Не тѣ ли, которыя сами по себѣ содержатъ силу, и ни отъ дождя, ни отъ града, ни отъ стремленія вѣтровъ, ни отъ другихъ какихъ нибудь подобныхъ причинъ, не терпятъ вреда, но стоя открыто и не имѣя нужды ни въ кровлѣ, ни въ огражденіи, какъ бы всѣмъ презираютъ? Таковое его богатство... Онъ ничего не имѣетъ, и имѣетъ все; и все имѣетъ, и ничего нѣтъ у него. Ибо стѣна не внутри, а извнѣ, и ограда не отъ природы, а отвнѣ воздвигается. Еще скажи мнѣ также, какое тѣло бываетъ особенно крѣпко? То ли, ко-

торое здорово, которое удобно переноситъ голодъ, не требуетъ пресыщенія, не терпитъ отъ стужи, равно какъ и отъ жара, или то, которое неспособно переносить всего этого и, кромѣ того, для своего здоровья нуждается въ поварахъ, ткачахъ, охотникахъ и врачахъ? Подлинно, только истинный любомудръ, который не нуждается ни въ чемъ подобномъ, есть истинный богачъ. Поэтому то блаженный Павелъ и говорилъ: воспитывайте ихъ (дѣтей) въ наказаніи и ученіи Господни. И такъ, не во внѣшнихъ благахъ ищите огражденія для дѣтей своихъ, но воспитывайте ихъ по наставленію Апостола; въ этомъ заключается богатство, въ этомъ состоитъ слава.

22. Богатство вредитъ слишкомъ много, когда дѣлаетъ насъ негодными къ перенесенію превратностей жизни. И такъ, воспитаемъ дѣтей такъ, чтобы они могли переносить все и знали, какъ должно поступать среди несчастій; воспитаемъ ихъ въ наказаніи и ученіи Господни, и намъ воздастся великая награда. Въ самомъ дѣлѣ, если люди, занимающіеся изображеніемъ царей, пишущіе ихъ портреты, пользуются большимъ почетомъ, то мы, которые украшаемъ образъ Царя небеснаго (ибо человѣкъ есть образъ Божій), не будемъ ли наслаждаться гораздо большими благами за то, что возстановляемъ Божіе подобіе? Именно съ этимъ можетъ сравниться добродѣтель души, когда научимъ дѣтей быть добрыми, нераздражительными, непамятозлобными, готовыми на благодѣянія, человѣколюбивыми (что все свойственно Богу), и когда наставимъ ихъ не дорожить земными благами. И такъ, образовать и

упорядочить себя и ихъ — вотъ наша обязанность! Иначе, какъ мы дерзнемъ предстать престолу Господню? Ежели тотъ, у кого дѣти необузданны, недостоинъ епископства, то тѣмъ болѣе онъ недостоинъ царствія небеснаго. Ужели, если наши дѣти будутъ безпорядочны, то мы будемъ подлежать за нихъ отвѣту? Да, —если это случится потому, что мы не употребили съ своей стороны строгихъ мѣръ, какія слѣдовало употребить.

23 *). Нерадѣніе о дѣтяхъ есть величайшій изъ всѣхъ грѣховъ и въ немъ крайняя степень нечестія. И что я такъ заключаю не безъ основанія, докажу это самымъ опытомъ, дабы знали вы, что хотя бы у насъ все, касающееся насъ, было устроено прекрасно, однако жъ, мы подвергнемся крайнему наказанію, если не радимъ о спасеніи дѣтей. Вы знаете повѣсть о первосвященникѣ Иліи, содержащуюся въ Божественномъ Писаніи. Если священника, престарѣлаго, знаменитаго, двадцать лѣтъ безпорочно начальствовавшаго надъ еврейскимъ народомъ, жившаго во времена, нетребовавшія великой строгости (въ жизни), ничто не могло оправдать, — напротивъ, онъ погибъ ужасно и бѣдственно за то, что не пекся о дѣтяхъ съ полнымъ стараніемъ, и виновность этой малопопечительности, какъ сильная и великая вина, превысила всѣ эти преимущества и покрыла всѣ добрыя дѣла Илія,—то какое осужденіе постигнетъ насъ, которыя живемъ во времена, требующія гораздо большаго любомудрія, но не

*) Отселѣ изъ Слова къ вѣрующему отцу. Слова св. Іоан. Златоуст. при Хр. чт. т. 3, стр. 145.

имѣемъ и его добродѣтели, и не только сами не наставляемъ дѣтей, но и противъ желающихъ дѣлать это строимъ козни и вооружаемся, и поступаемъ съ чадами своими жесточаѣ всякаго варварства? Ибо жестокость варваровъ доводитъ только до рабства, до опустошенія и плѣненія отечества, и вообще до бѣдствій тѣлесныхъ; а вы порабощаете самую душу, и, связавши ее, какъ какого-нибудь плѣнника, предаете такимъ образомъ злымъ и свирѣпымъ демонамъ и ихъ страстямъ. Точно это, а не другое что дѣлаете вы, когда и сами не внушаете (дѣтямъ) ничего духовнаго, и другимъ дѣлать это не позволяете.

24. И никто не говори мнѣ, что многіе, и больше Илія нерадѣвшіе о своихъ дѣтяхъ, не потерпѣли ничего подобнаго Иліи; нѣтъ, многократно потерпѣли, и многіе, и гораздо больше еще, и за этотъ самый грѣхъ. Ибо откуда преждевременныя смерти? Откуда тяжкія и продолжительныя болѣзни и у насъ, и у нашихъ дѣтей? Откуда потери, откуда несчастія, откуда огорченія, откуда безчисленное множество золъ? Не отъ того ли, что мы не стараемся исправлять порочныхъ дѣтей своихъ? И для удостовѣренія въ томъ, что это не догадка, достаточно бы и бѣдствій этого старца (Илія): но я скажу вамъ еще слово одного изъ нашихъ мудрецовъ. Онъ, разсуждая о дѣтяхъ, вотъ какъ говоритъ: не веселися о сынѣхъ нечестивыхъ; аще нѣсть страха Господня съ ними, не вѣруй животу ихъ (Сир. 16. 1—2). Ибо зарыдаешь плачемъ преждевременнымъ, и не ожидавши узнаешь о ихъ гибели. И такъ, многіе, какъ я сказалъ, потерпѣли много подоб-

наго; если нѣкоторые избѣгли (наказанія), то не избѣгнутъ навсегда; если и избѣгли здѣсь, то на погибель своей головы, потому что понесутъ жесточайшее наказаніе по отшествіи отсюда.

25. Не будемъ поступать безразсудно изъ-за того, что Богъ теперь не посылаетъ пророка и не предвозвѣщаетъ наказанія, какъ было съ Иліемъ: теперь не время пророковъ, а впрочемъ, Онъ посылаетъ ихъ и теперь. Откуда же извѣстно намъ? Имутъ (сказано) Моисея и пророки (Лук. 16, 30). Сказанное тѣмъ (при которыхъ жили Моисей и пророки) сказано также и намъ, и Богъ говоритъ не одному Иліи, но чрезъ него и его страданія, всѣмъ, подобно ему согрѣшающимъ. Богъ нелицепріятенъ и если Онъ такъ истребилъ со всѣмъ домомъ менѣе виновнаго, то не оставитъ безъ наказанія сдѣлавшихъ болѣе тяжкія преступленія.

26. Самъ Богъ имѣетъ великое попеченіе о воспитаніи дѣтей. Для того Онъ и вложилъ въ природу такое влеченіе (родителей къ дѣтямъ), чтобы поставить родителей какъ бы въ неизбѣжную необходимость пещися о дѣтяхъ. А впослѣдствіи, бесѣдуя съ нимъ, поставилъ и законы касательно попеченія о нихъ, и учредивъ праздники, повелѣлъ объяснять установленія ихъ. Такъ, сказавъ о пасхѣ, Онъ присовокупилъ наставленіе: и возвѣстиши сыну твоему въ день онъ, глаголя: сего ради сотворилъ Господь Богъ мнѣ, егда исхождалъ изъ Египта (Исх. 13, 8). Тоже самое дѣлаетъ Онъ и въ законѣ. Ибо сказавъ о первородженныхъ, опять прибавляетъ: аще вопроситъ тя сынъ твой по сихъ, глаголя: что сіе, и речеши ему: яко рукою крѣп-

кою изведе насъ Господь изъ земли Египетскія, изъ дому работы. Егда бо ожесточися фараонъ отпустити насъ, изби Господь всякаго первенца человѣча до первенца скотія; сего ради азъ въ жертву приношу (Господу) всякое разверзающее ложесна (14, 15). Всѣмъ этимъ Онъ повелѣваетъ вести дѣтей къ Богопознанію. Да и самимъ дѣтямъ онъ заповѣдуетъ многое въ отношеніи къ родителямъ, награждая послушныхъ (дѣтей), а непризнательныхъ наказывая, и такимъ образомъ дѣлая ихъ еще болѣе драгоцѣнными для родителей. Въ самомъ дѣлѣ, когда кто сдѣлаетъ насъ господами надъ кѣмъ либо, то этою честію онъ налагаетъ на насъ самое сильное обязательство пещись о немъ, такъ что это одно, безъ всего другаго, въ состояніи убѣдить насъ, что вся судьба того человѣка въ нашихъ рукахъ, и мы нескоро рѣшимся сдѣлать вредъ тому, кто ввѣренъ намъ такимъ образомъ. Когда же онъ, послѣ этого, еще и гнѣвается и негодуетъ болѣе, чѣмъ сами оскорбляемые, и является строгимъ карателемъ, то этимъ еще болѣе побуждаетъ насъ (къ исполненію долга). Такъ сдѣлалъ и Богъ. Къ этимъ (двумъ) Онъ присовокупилъ еще треть, естественное обязательство, а если хочешь, такъ—это первое. Именно, чтобы родители, получивъ повелѣніе воспитывать дѣтей, не пренебрегали Его заповѣдями, Богъ связалъ ихъ естественною необходимостію. А чтобы эта связь, бывъ оскорбляема со стороны дѣтей, не расторглась совсѣмъ, Онъ ограничилъ ее наказаніями и отъ Себя, и со стороны самихъ родителей, а такимъ образомъ и дѣтей подчинилъ родителямъ, и въ родителяхъ возбудилъ лю-

бовь къ дѣтямъ. Впрочемъ не этимъ только, но и другимъ еще, четвертымъ способомъ Богъ крѣпко и тѣсно связалъ насъ съ ними. Онъ не только дѣтей злыхъ — въ отношеніи къ родителямъ—наказываетъ, а добрыхъ —награждаетъ, но то же самое дѣлаетъ и съ родителями, жестоко наказывая нерадящихъ о дѣтяхъ, а попечительныхъ удостоивая почестей и похвалъ. Такъ и этого старца (Илія), во всѣхъ другихъ отношеніяхъ достойнаго хвалы, Онъ наказалъ за одну непопечительность о дѣтяхъ; а патріарха Авраама наградилъ за его попечительность не менѣе, какъ за другія добродѣтели. Ибо говоря о тѣхъ многихъ и великихъ дарахъ, которые обѣщалъ дать ему, Богъ представляетъ причиною такого обѣщанія именно эту добродѣтель: вѣмъ бо, говоритъ, яко заповѣсть (Авраамъ) сыномъ своимъ и дому своему по ссбѣ: и охранять пути Господни творити правду и судъ.

27. Это мною сказано теперь для того, чтобы вы узнали, что Богъ не будетъ снисходителенъ къ нерадящимъ о тѣхъ, о которыхъ самъ Онъ столько печется. Ибо невозможно, чтобы одинъ и тотъ же (Богъ) и столько дѣлалъ Самъ для спасенія этихъ (дѣтей) и оставлялъ безъ вниманія то, когда объ нихъ же не брегутъ родители. Такъ Онъ не оставитъ этого безъ вниманія, напротивъ, еще сильно вознегодуетъ и прогнѣвается, какъ и оказалось на самомъ дѣлѣ. Поэтому и блаженный Павелъ настоятельно убѣждаетъ, говоря: отцы воспитывайте чада въ наказаніи и ученіи Гос-

подни (Еф. 6, 4). Если уже мы *) обязаны неусыпно печься о душахъ ихъ, яко слово воздати хотяще (Евр. 13, 17); тѣмъ болѣе (обязанъ дѣлать это) отецъ, который родилъ сына, воспиталъ и постоянно живетъ съ нимъ. Ибо какъ не можетъ онъ найти себѣ извиненія и оправданія въ своихъ собственныхъ грѣхахъ, также точно и въ поступкахъ дѣтей. И это также показалъ блаженный Павелъ. Предписывая, каковы должны быть принимающіе начальство надъ другими, онъ, сверхъ всѣхъ необходимыхъ для нихъ качествъ, требуетъ отъ нихъ и попечительности о дѣтяхъ, такъ, что нѣтъ намъ никакого извиненія, когда дѣти у насъ развратны (Тим. 3, 4, 5). И совершенно справедливо! Если бы зло въ людяхъ было отъ природы, то всякій по праву прибѣгалъ бы къ извиненію; но такъ какъ мы бываемъ развратны и честны по собственной волѣ, то какое благовидное оправданіе можетъ представить тотъ, кто допустилъ до разврата и нечестія сына (любимаго) имъ больше всего? То ли, что не хотѣлъ онъ сдѣлать его честнымъ? Но ни одинъ отецъ не скажетъ этого; сама природа настоятельно и непрерывно побуждаетъ его къ тому. Или то, что онъ не могъ? Но и этого нельзя сказать; ибо все,—и то, что онъ взялъ сына на свое попеченіе еще въ нѣжномъ возрастѣ, и то, что ему первому и одному вручена власть надъ нимъ и то, что онъ постоянно имѣлъ его при себѣ,—все это дѣлаетъ для него образованіе сына очень легкимъ и удобнымъ. Значитъ, развращеніе дѣтей проис-

*) Духовные наставники.

ходить не отъ другаго чего, какъ отъ безумной привязанности отцевъ къ житейскому; обращая вниманіе только на это и не считая ничего выше этого, они по неволѣ уже нерадятъ о дѣтяхъ и о душѣ ихъ. О такихъ отцахъ скажу я (и никто не считай этихъ словъ порожденіемъ гнѣва), что они хуже даже дѣтоубійцъ. Эти отдѣляютъ тѣло отъ души, а тѣ и то и другую вмѣстѣ ввергаютъ въ огнь геенскій. Той смерти подвергаются необходимо и по естественному порядку, а этой можно было бы избѣжать, если бы не довела до нея безпечность отцевъ. Къ тому же смерть тѣлесную можетъ прекратить воскресеніе тотчасъ, какъ наступитъ оно, а потери души ничто уже не вознаградитъ; за нею слѣдуетъ уже не спасеніе, но необходимость вѣчно страдать. Значитъ, мы не несправедливо назовемъ такихъ отцовъ худшими дѣтоубійцъ. Не такъ жестоко изострить мечъ и, взявъ его въ правую руку, погрузить его въ самое сердце дѣтища, какъ погубить и развратить душу; потому что у насъ нѣтъ ничего равнаго ей.

28. Если бы зло только и ограничивалось тѣмъ, что родители не давали бы дѣтямъ никакихъ полезныхъ совѣтовъ, — тогда зло не было бы такъ велико. Но вотъ вы, родители, побуждаете ихъ (дѣтей) еще и къ противному. Въ самомъ дѣлѣ, когда отцы убѣждаютъ дѣтей заниматься науками, то въ ихъ разговорѣ съ дѣтьми не услышишь ничего другаго, кромѣ такихъ словъ: „какой-то,—говорятъ,—человѣкъ низкій и изъ низкаго состоянія, усовершившись въ краснорѣчіи, получилъ весьма высокую должность, пріобрѣлъ весьма

большое имѣніе, взялъ богатую жену, построилъ великолѣпный домъ, сталъ для всѣхъ страшенъ и знаменитъ". Другой говоритъ: „Такой то изучилъ латинскій языкъ, блистаетъ при дворѣ и всѣмъ распоряжается тамъ". Иной опять указываетъ на другаго, и всѣ — только на славныхъ на землѣ: а о прославившихся на небесахъ никто не вспомнитъ и однажды; даже если иной и рѣшится напомнить объ нихъ, его преслѣдуютъ какъ человѣка, который все разстроиваетъ. И такъ, вы, когда внушаете это дѣтямъ съ юныхъ лѣтъ, учите ихъ не другому чему, какъ основанію всѣхъ пороковъ, вселяя въ нихъ двѣ самыя неистовыя страсти, — т. е. сребролюбіе и еще болѣе порочную страсть—тщеславіе. Каждая изъ нихъ и порознь можетъ низвратить все; а когда онѣ обѣ вмѣстѣ вторгнутся въ нѣжную душу юноши, то, подобно соединившимся бурнымъ потокамъ, губятъ все доброе и наносятъ столько тернія, столько песку, столько сору, что дѣлаютъ душу безплодною и не способною ни къ чему доброму. Ты думаешь, что сынъ твой легко можетъ избѣгнуть діавольскихъ сѣтей, будучи молодъ, живя среди Египта, или лучше среди воинства діавольскаго, не слыша между тѣмъ ни отъ кого полезнаго совѣта, и видя, что всѣ, а больше всѣхъ родители и воспитатели, ведутъ его къ противному, и, не позволяя ему вспомнить о слабомудріи, даже и во снѣ, напротивъ постоянно занимая его настоящею жизнью и выгодами ея,—только еще больше содѣйствуешь его потопленію. Какъ же могъ бы онъ сдѣлать это? При помощи ли твоихъ увѣщаній, или самъ собою? Совсѣмъ нѣтъ; юноша самъ

по себѣ не имѣетъ довольно силъ къ совершенію добродѣтели, и если и породитъ что либо доброе, то это доброе скоро, прежде нежели возрастаетъ, погибнетъ отъ сильнаго дождя словъ твоихъ. Ибо какъ тѣло не можетъ жить долго, когда питается не здоровою, но вредною пищею, такъ и душа, получая такія внушенія, не можетъ и помыслить о чемъ либо добромъ и великомъ; нѣтъ, будучи разстроиваема и разслабляема, какъ какою нибудь заразою, она, наконецъ, неизбѣжно низвергается въ геенну и въ тамошнюю погибель.

29. Вѣдь вы, какъ будто намѣренно стараясь погубить дѣтей, приказываете имъ дѣлать только то, что дѣлая, невозможно спастись. Вотъ, посмотрите прежде всего. Горе, сказано, смѣющимся (Лук. 6, 25); а вы подаете дѣтямъ множество поводовъ къ смѣху. Горе богатымъ (ст. 24); а вы только о томъ и стараетесь, чтобы они разбогатѣли. Горе, егда добрѣ рекутъ вамъ вси человѣцы (ст. 28); а вы часто тратите все имущество изъ-за славы людской. Опять, поносящій брата своего повиненъ есть геенѣ (Матѳ. 5, 22); а вы считаете слабыми и трусливыми тѣхъ, кто молчаливо сноситъ обидныя рѣчи отъ другихъ. Христосъ повелѣваетъ отвращаться брани и распри; а вы постоянно занимаете дѣтей этими злыми дѣлами. Онъ повелѣлъ во многихъ случаяхъ вырывать око, если оно ведетъ ко злу (ст. 29); а вы тѣхъ то особенно и дѣлаете ихъ друзьями, кто только можетъ дать денегъ, хоть бы и научилъ крайнему разврату. Онъ не позволилъ бросить жену, развѣ только за прелюбодѣяніе (ст. 32), а вы, когда можно получить деньги, приказываете пренебре-

гать и этою заповѣдію. Клятву Онъ запретилъ совершенно (ст. 34); а вы даже смѣетесь, когда видите, что это запрещеніе соблюдается. Любяй душу свою, сказалъ Господь, погубитъ ю (Іоан. 12, 25); а вы всячески вовлекаете ихъ въ эту любовь. Аще не отпустите, говоритъ онъ, человѣкомъ согрѣшеній ихъ, ни Отецъ вашъ небесный отпуститъ вамъ (Матѳ. 6, 15): а вы даже попрекаете дѣтямъ, когда они не захотятъ мстить обидѣвшимъ, и стараетесь скорѣе привести ихъ въ состояніе сдѣлать это. Христосъ сказалъ, что любящіе славу, — постятся ли, молятся ли, подаютъ ли милостыню,—все это дѣлаютъ безъ пользы (Матѳ. 6, 1); а вы только и стараетесь о томъ, чтобы ваши дѣти получили ее. И для чего перечислять все? Если уже и сказанные пороки, не только всѣ вмѣстѣ, но и каждый самъ по себѣ, въ состояніи приготовить тысячу геенъ; а вы, собравъ ихъ всѣ вмѣстѣ и возложивъ на дѣтей эту невыносимо-тяжкую ношу грѣховъ, съ нею посылаете ихъ въ огненную рѣку; то какъ же они могутъ спастись, неся столько пищи для огня?

30. И худо не это одно, что вы внушаете дѣтямъ противное заповѣдямъ Христовымъ, но и то еще, что нечестіе прикрываете благозвучными именами, называя постоянное пребываніе на конскихъ ристалищахъ и въ театрахъ свѣтскостію, обладаніе богатствомъ — свободою, дерзость—откровенностію, расточительность—человѣколюбіемъ, несправедливость — мужествомъ. Потомъ, какъ будто еще мало этого обмана, вы и добродѣтель называете противными именами: скромность—необразованностію, кротость — трусостію, справедли-

вость — слабостію, смиреніе—раболѣпствомъ, незлобіе—безсиліемъ. Вы будто боитесь — какъ бы дѣти, услышавъ отъ другихъ настоящее названіе этихъ добродѣтелей и пороковъ, не убѣжали отъ заразы. Ибо названіе пороковъ прямыми и настоящими ихъ именами не мало способствуетъ къ отвращенію отъ оныхъ. Я знаю много и такихъ, которые этимъ способомъ были образумлены, и слыша поносныя себѣ названія, сдѣлались скромнѣе по жизни. Но вы отняли у дѣтей и это пособіе къ исправленію. И, что еще хуже, внушаете имъ зло не только словами, но и дѣлами,—строите великолѣпные домы, покупаете дорогія поля, окружаете ихъ и прочимъ блескомъ, и всѣмъ этимъ, какъ бы гнуснымъ какимъ облакомъ, омрачаете ихъ душу. Такъ чѣмъ же могу я убѣдиться, что имъ возможно спастись, когда вижу, что вы склоняете ихъ къ такимъ дѣламъ, за которыя Христосъ опредѣлилъ неизбѣжную погибель; когда вижу, что вы о ихъ душѣ, какъ о чемъ-то ненужномъ, небрежете, а о томъ, что дѣйствительно излишне, заботитесь какъ о необходимомъ и важнѣйшемъ. Вы все дѣлаете, чтобы былъ у сына слуга, конь и самая лучшая одежда; а чтобы онъ самъ былъ хорошъ—объ этомъ и подумать не хотите; нѣтъ, простирая до такой степени заботливость о деревѣ и камняхъ, души не удостоиваете и малѣйшей части такого попеченія. Все дѣлаете, только бы на домѣ стояла чудная статуя и кровля была золотая, а чтобы драгоцѣннѣйшее изваяніе—душа была золотая, объ этомъ и помыслить не хотите.

31. Далѣе, желая ознакомить дѣтей съ науками,

мы не только отдаляемъ препятствующее ученію, но и доставляемъ имъ все, что содѣйствуетъ этому: приставляемъ къ нимъ пѣстуновъ и учителей, издерживаемъ деньги, освобождаемъ ихъ отъ всѣхъ другихъ занятій, и чаще чѣмъ учители на олимпійскихъ играхъ, кричимъ имъ о бѣдности отъ неученія и о богатствѣ отъ ученія, — дѣлаемъ и говоримъ все, и сами, и чрезъ другихъ, только бы довести ихъ до окончанія предлежащаго имъ ученія; однако-жъ и при всемъ этомъ часто не успѣваемъ. А скромность нравовъ и тщательность о честномъ поведеніи, по нашему мнѣнію, придутъ сами собой и не смотря на столь многія къ тому препятствія? Что можетъ быть хуже этого неразумѣнія,—на самое легкое обращать столько вниманія и заботъ, какъ будто бы иначе и нельзя успѣть въ этомъ,—а о гораздо труднѣйшемъ думать, что оно, какъ какая-нибудь пустая и ничтожная вещь, придетъ къ намъ, хоть бы мы и спали? Вѣдь упражненіе души въ благочестивой жизни во столько разъ труднѣе и тяжелѣе изученія наукъ, во сколько исполнять труднѣе, чѣмъ говорить; во сколько дѣла труднѣе словъ.

32. Но для чего, скажешь, нашимъ дѣтямъ нужно любомудріе и строгое поведеніе? Вотъ это-то самое и сгубило все, что дѣло, столь необходимое и служащее опорою нашей жизни, считается излишнимъ и ненужнымъ. Увидѣвши сына больнаго по тѣлу, никто вѣдь не скажетъ, для чего нужно ему совершенное и крѣпкое здоровье? Напротивъ, всемѣрно постарается привести въ такое благосостояніе, чтобы болѣзнь болѣе уже не возвращалась. А когда у дѣтей больна душа,

не нужно имъ, говорятъ, никакого лѣченія, — и послѣ такихъ словъ осмѣливаются называть себя отцами. Такъ что же, скажешь,—станемъ мы всѣ любомудрствовать, а житейское все погибнетъ? Нѣтъ, почтеннѣйшіе, не любомудріе, а уклоненіе отъ него погубило и разстроило все. Ибо кто, скажи мнѣ, разстроиваетъ настоящее положеніе дѣлъ,—тѣ ли, которые живутъ воздержно и скромно, или тѣ, которые изобрѣтаютъ новые и беззаконные способы наслажденія? Тѣ ли, которые стараются захватить себѣ все чужое, или тѣ, которые довольствуются своимъ? Человѣколюбивые ли и кроткіе и не ищущіе чести у народа, или тѣ, которые отъ собратьевъ своихъ требуютъ ея болѣе всякаго долга и дѣлаютъ тысячу непріятностей тому, кто не встанетъ предъ ними, не скажетъ первый привѣтствія, не поклонится, не выкажетъ подобострастія? Тѣ ли, которые любятъ повиноваться, или тѣ, которые ищутъ власти и начальства, и для этого готовы сдѣлать и перенести все? Тѣ ли, которые почитаютъ себя лучше всѣхъ, и поэтому думаютъ, что имъ можно говорить и дѣлать все, или тѣ, которые считаютъ себя послѣдними, и этимъ укрощаютъ въ себѣ безумное своеволіе страстей? Тѣ ли, которые сознаютъ немощь человѣческой природы, или тѣ, которые не хотятъ и узнать этого, но отъ чрезмѣрной гордости перестали считать себя и людьми? Тѣ ли, которые содержатъ блудницъ и оскверняютъ чужія ложа, или тѣ, которые воздерживаются и отъ своей жены? Первые не тоже ли въ обществѣ человѣческомъ, что опухоли на тѣлѣ и бурные вѣтры на морѣ, и своею невоздержностію не потупляютъ ли тѣхъ, кои сами по

себѣ могли бы спастись? А послѣдніе не такъ ли, какъ яркія свѣтила среди глубокаго мрака, призываютъ бѣдствующихъ среди моря къ своей безопасности, и возжегши вдали на высотѣ свѣтильники любомудрія, не руководятъ ли такимъ образомъ всѣхъ, кто желаетъ, въ спокойную пристань? Не изъ-за тѣхъ ли возмущенія, и войны, и брани, и разрушеніе городовъ, и плѣнъ, и рабство, и лишенія свободы, и убійства, и безчисленныя бѣдствія въ жизни. Бѣдствія, не только наносимыя людямъ отъ людей, но и всѣ насылаемыя съ неба, какъ-то: засухи, и наводненія, и землетрясенія, и потопленіе городовъ, и голодъ, и язвы, и все прочее, что оттуда насылается на насъ? Такъ они-то извращаютъ порядокъ общественный и губятъ общее благо; они-то причиняютъ безчисленныя бѣдствія и другимъ, они, которые возмущаютъ людей, ищущихъ спокойствія, влекутъ ихъ и разрываютъ со всѣхъ сторонъ. Для нихъ-то судилища, и законы, и взысканія и различные виды наказаній.

33. Если бы мы захотѣли образовать дѣтей съ самаго юнаго возраста и передать желающимъ воспитывать ихъ, они, конечно, могли бы стать въ первомъ ряду воинства; потому что Богъ не презрѣлъ бы такого усердія и ревности, но простеръ бы руку свою и наложилъ бы ее на изваяніе. А когда дѣйствуетъ рука Его, тогда невозможно не имѣть успѣха въ дѣлахъ, или лучше—невозможно не дойти до высшей степени блеска и славы, только было бы выполнено то, что заситъ отъ насъ. Если и жены могли преклонить Бога, чтобы Онъ помогъ въ воспитаніи дѣтей, тѣмъ болѣе

мы могли бы сдѣлать это, если бы хотѣли. Чтобы не слишкомъ распространить слова, я пройду молчаніемъ прочихъ женъ, хотя и могъ бы указать на многихъ, а упомяну только объ одной. Была одна іудеянка — Анна Эта Анна родила одного сына и уже не надѣялась имѣть другаго, потому что и этого едва получила, послѣ многихъ слезъ, по причинѣ своего безплодія. Хотя соперница ея часто оскорбляла ее за это безплодіе, она, однако-жъ, не поступила такъ, какъ поступаете вы, но и получивъ того сына, держала его только до тѣхъ поръ, пока нужно было питать его молокомъ. А какъ скоро онъ уже не сталъ нуждаться въ этой пищѣ, она, взявъ его, тотчасъ посвятила Богу и не просила, чтобы онъ возвратился въ домъ родительскій, но оставила его жить постоянно въ храмѣ Божіемъ. И если когда, по чувству материнскому, хотѣла видѣть его, то не вызывала отрока къ себѣ, но сама съ отцомъ приходила къ нему и уже обращалась съ нимъ осторожно, какъ съ даромъ, принесеннымъ въ жертву Богу. Отъ того и юноша сдѣлался столь доблестнымъ и великимъ, что когда Богъ отвратился отъ народа еврейскаго, за его крайнее нечестіе, не изрекалъ пророчествъ и не открывалъ видѣній, — онъ своею добродѣтелію опять привлекъ Бога и умилилъ даровать іудеямъ тоже, что и прежде, и возобновить прекратившіяся пророчества. И это сдѣлалъ онъ, будучи не въ зрѣломъ возрастѣ, но еще малымъ отрокомъ. И глаголъ Господень, говоритъ Писаніе, бѣ честенъ въ тыя дни, не бѣ видѣніе посылаемо (1 Цар. 3, 1); а между тѣмъ, ему (Самуилу) Богъ часто открывалъ волю Свою. Такъ-то полезно

отдавать всегда свои стяжанія Богу и отказываться не только отъ денегъ и вещей, но и отъ самыхъ дѣтей. Ибо если это заповѣдано намъ дѣлать по отношенію къ душѣ нашей (Матѳ. 10, 37), тѣмъ болѣе по отношенію ко всему прочему. Это сдѣлалъ и патріархъ Авраамъ, или, лучше сказать, гораздо больше этого, потому и получилъ сына съ большою славою. И подлинно, мы тогда-то особенно и имѣемъ при себѣ дѣтей своихъ, когда отдаемъ ихъ Господу. Ибо Онъ гораздо лучше насъ сохранитъ ихъ, потому что больше печется объ нихъ. Не видите ли, что такъ бываетъ и въ домахъ богачей? И тамъ низшіе слуги, живущіе съ отцами, не такъ уважаются и не имѣютъ такой силы, а тѣ, коихъ господа, взявъ отъ родителей, опредѣляютъ къ себѣ на службу и дѣлаютъ хранителями сокровищъ, пользуются большимъ благоволеніемъ и свободою. Если же люди такъ добры и благосклонны къ своимъ людямъ слугамъ, тѣмъ болѣе — безпредѣльная Благость, т. е. Богъ.

34. Позволимъ дѣтямъ служить Богу, вводя ихъ не въ храмъ только, какъ Самуила, но на самое небо (служить) вмѣстѣ съ Ангелами и Архангелами. Ибо что посвятившіе себя этому цѣломудрію дѣйствительно будутъ служить съ ними (Ангелами), это очевидно для всякаго. Притомъ такія дѣти будутъ предстательствовать съ великимъ дерзновеніемъ не только за себя, но и за насъ. Ибо, если нѣкоторыя (дѣти) получили помощь отъ Бога ради отцевъ, тѣмъ болѣе отцы могутъ получить ради дѣтей; потому что въ первомъ случаѣ правомъ на помощь служитъ только единство природы, а въ по-

слѣднемъ— и воспитаніе, которое гораздо важнѣе природы. То и другое докажу вамъ изъ Божественнаго Писанія. Такъ Езекію, царя добродѣтельнаго и благочестиваго, но неимѣвшаго по своимъ дѣламъ дерзновенія стать противъ угрожавшей ему великой опасности, Богъ спасъ за добродѣтель отца, какъ говоритъ Самъ Онъ: и защищу градъ сей, еже спасти его Мене ради, и Давида раба Моего (4 Цар. 19, 34). А Павелъ въ посланіи къ Тимоѳею о родителяхъ сказалъ: жена.... спасется чадородія ради, аще пребудетъ въ вѣрѣ и любви и во святыни съ цѣломудріемъ (1 Тимоѳ. 2, 15). И Іова Писаніе восхваляетъ какъ за то, что онъ бѣ человѣкъ истиненъ, непороченъ, праведенъ, благочестивъ, удаляяйся отъ всякія лукавыя вещи (Іов. 1, 1), такъ и за попеченіе о дѣтяхъ (ст. 5). А это попеченіе состояло не въ собираніи для нихъ богатства, и не въ стараніи сдѣлать ихъ славными и знаменитыми, но въ чемъ? Послушай, что говоритъ Писаніе: егда скончавашася дніе пира, посылаша Іовъ и очищаше ихъ, востая заутра, и приношаше о нихъ жертвы по числу ихъ, и тельца единаго о грѣсѣ, о душахъ ихъ; глаголаше бо Іовъ: негли когда сынове мои согрѣшиша, и въ мысли своей злая помыслиша противу Бога (Іов. 1, 5). Какое же мы будемъ имѣть оправданіе, поступая такъ небрежно? Ибо, если жившій прежде благодати и прежде закона и не слышавшій никакого ученія, имѣлъ столь великое попеченіе о дѣтяхъ, что трепеталъ и за тайные грѣхи ихъ: кто же оправдаетъ насъ, которые живемъ во время благодати, имѣемъ столько учителей, столько примѣровъ и увѣщаній, а между тѣмъ

не только не опасаемся за тайные, но не обращаемъ вниманія и на явные грѣхи, и не только сами не обращаемъ вниманія, но и желающихъ исправить оные гонимъ? И Авраамъ, какъ я сказалъ прежде, отличался между прочими этою добродѣтелью.

35. И такъ, имѣя столько примѣровъ, будемъ приготовлять Богу благочестивыхъ служителей и рабовъ. Если тотъ, кто воспитываетъ борцевъ для городовъ, или образуетъ воиновъ для царя, удостоивается великой чести, то какой даръ можемъ получить мы, воспитывая для Бога столь доблестныхъ и великихъ мужей, или, лучше сказать, ангеловъ? Будемъ же дѣлать все, чтобы оставить имъ богатство благочестія, которое пребываетъ постоянно, сопровождаетъ насъ и по смерти и можетъ принести величайшую пользу не только здѣсь, но и тамъ. Богатство мірское не перейдетъ въ вѣчность вмѣстѣ съ людьми, но еще и здѣсь погибнетъ прежде ихъ, а часто погубляетъ и своихъ владѣльцевъ; но богатство благочестія и здѣсь и тамъ, и само пребудетъ постоянно, и стяжавшихъ его хранить въ великой безопасности. Это дѣйствительно такъ: кто земное предпочитаетъ духовному, тотъ лишится и того, и другаго, а кто стремится къ (духовному) небесному, тотъ навѣрное получитъ и земное. Это не мои слова, но Самого Господа, Который обѣщаетъ подать сіи блага: ищите, говоритъ онъ, прежде царствія Божія, и сія вся приложатся вамъ (Матѳ. 6, 33). Что можетъ сравниться съ этою честію? Заботься, говоритъ, о духовномъ, а все прочее предоставь Мнѣ. Какъ сердобольный отецъ принимаетъ на себя все попеченіе

о домѣ, управленіи слугами и всѣмъ прочимъ, а сыну совѣтуетъ заниматься только любомудріемъ: такъ точно поступаетъ и Богъ. Будемъ же послушны, станемъ искать царствія Божія, тогда и дѣтей вездѣ увидимъ почтенными, и сами прославимся съ ними, насладимся и настоящими благами, если только возлюбимъ будущія и небесныя. Если вы послушаете, то получите великую награду, а если будете противиться, и не послушаете, потерпите особенно тяжкое наказаніе. Ибо нельзя намъ оправдаться и говорить: „никто насъ не училъ этому“.

36*). Юность неукротима и имѣетъ нужду во многихъ наставникахъ и учителяхъ, руководителяхъ, надсмотрщикахъ, воспитателяхъ. И только при такихъ усиліяхъ возможно обуздать ее. Что конь необузданный, что звѣрь неукротимый, — тоже самое есть и юность. Поэтому, если въ началѣ и съ перваго возраста поставимъ для нея настоящіе предѣлы, то въ послѣдствіи не будемъ имѣть нужды въ великихъ усиліяхъ; напротивъ, потомъ привычка обратится для нихъ въ законъ. Не позволимъ имъ дѣлать того, что пріятно и вмѣстѣ вредно; не будемъ угождать имъ, потому что они дѣти; но преимущественно будемъ сохранять въ цѣломудріи. Ибо это болѣе всего приноситъ вреда юности. Объ этомъ болѣе всего должны заботится, къ этому мы особенно должны быть внимательны. Скоро будемъ брать для нихъ женъ, чтобы они имѣя чистое и нерастлѣнное тѣло, соединились съ невѣстами. Такая

*) Отсюдѣ изъ 9 бес. на 1-е посл. къ Тимоѳею.

любовь бываетъ особенно пламенна. Кто былъ цѣломудреннымъ до брака, тотъ большею частію остается такимъ и послѣ брака. Напротивъ, кто до брака научился любодѣйствовать, тотъ и послѣ брака станетъ дѣлать тоже самое. Ибо сказано въ писаніи: человѣку блудну всякъ хлѣбъ сладокъ (Сир. 23, 23). Для того и возлагаются на голову вѣнцы,—въ знакъ побѣды, что они, не бывъ побѣждены, вступаютъ въ брачный чертогъ,—что они не были одолѣны похотью. Если же кто, увлеченный сладострастіемъ, предался блудницамъ; то для чего послѣ этого онъ имѣетъ и вѣнецъ на головѣ, когда онъ побѣжденъ? Это имъ будемъ внушать, этимъ будемъ ихъ вразумлять, устрашать, угрожать, дѣлая то—то́, то другое.

37. Намъ ввѣренъ важный залогъ—дѣти. Будемъ поэтому заботиться объ нихъ и употребимъ всѣ мѣры, чтобы лукавый не похитилъ ихъ у насъ. Между тѣмъ, теперь у насъ все происходитъ наоборотъ. Мы употребляемъ всевозможныя усилія для того, чтобы поле было хорошимъ и чтобы ввѣрить его благонадежному человѣку. И погонщикаословъ и муловъ, и надзирателя, и повѣреннаго мы отыскиваемъ самаго искуснаго; а на то, что для насъ всего дороже, именно—на то, чтобы поручить сына человѣку, который бы могъ его сохранить въ цѣломудріи, не обращаемъ вниманія, не смотря на то, что сіе стяжаніе цѣннѣе всѣхъ прочихъ и ради его приходятъ остальныя блага. Объ имуществѣ для нихъ мы заботимся, а объ нихъ самихъ нѣтъ. Видишь ли, какое безуміе овладѣло нами! Прежде образуй душу сына твоего, а стяжанія онъ уже послѣ получитъ.

Если душа у него не хороша, то онъ не будетъ имѣть ни малѣйшей пользы отъ денегъ; и наоборотъ, если ей дано правильное образованіе, то бѣдность нисколько не повредитъ ему. Хочешь ли оставить его богатымъ? Научи его быть добрымъ. Ибо для дѣтей, не получившихъ правильнаго образованія, бѣдность лучше богатства; даже мимо ихъ воли, удерживаетъ ихъ въ предѣлахъ добродѣтели; между тѣмъ послѣднее, хотя бы даже кто и желалъ сего, не позволяетъ вести жизни цѣломудренной, но увлекаетъ, ниспровергаетъ и вводитъ въ безчисленное множество преступленій.

38. Вы, матери, больше всего смотрите за дочерьми; попеченіе это для васъ не трудно. Наблюдайте за тѣмъ, чтобы онѣ сидѣли дома, а прежде всего учите ихъ быть благочестивыми, скромными, презирать деньги и неслишкомъ заботиться о нарядахъ. Такъ и въ замужество отдавайте ихъ. Если такъ образуете дочь вашу, то спасете не только ее, но и мужа, который возьметъ ее, и не только мужа, но и дѣтей, и не однихъ дѣтей, но и внуковъ. Если корень будетъ хорошъ, то и вѣтви будутъ лучше развиваться, и за все это получите награду. Поэтому всѣ будемъ такъ дѣлать, какъ прилично заботящимся о благѣ не одной души, но и о благѣ многихъ чрезъ одну. Ибо онѣ (дочери), при вступленіи въ бракъ, должны такъ выходить изъ отеческаго дома, какъ выходятъ борцы изъ мѣста состязаній, т. е. онѣ должны знать въ точности всю науку, помощію которой онѣ могли бы, подобно закваскѣ, все смѣшеніе возвести къ собственной красотѣ.

39. И сыновья опять до того должны быть скромны, чтобы скорѣе всего можно было узнать ихъ по ихъ благонравію и цѣломудрію, чтобы они заслужили великую похвалу и отъ людей, и отъ Бога. Пусть они научатся воздерживаться отъ лишнихъ издержекъ, быть разсчетливыми, нѣжно любящими, пусть они научатся повиноваться власти. Ибо такимъ образомъ они могутъ доставить родителямъ великую награду. Тогда все будетъ направлено къ славѣ Божіей и нашему спасенію, о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, съ Которымъ Отцу, вмѣстѣ со Святымъ Духомъ, слава, держава, честь нынѣ и присно и во вѣки вѣковъ. Аминь.

ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ.

ОТДѢЛЪ II.

О началѣ христіанской жизни чрезъ покаяніе, или о покаяніи и обращеніи грѣшника къ Богу.

II.

КАКЪ НАЧИНАЕТСЯ ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ ВЪ ТАИНСТВѢ ПОКАЯНІЯ?

Начало благодатной христіанской жизни полагается въ крещеніи. Но рѣдкіе сохраняютъ благодать сію; большая часть христіанъ теряетъ ее. Видимъ, что одни являются въ дѣйствительной жизни больше или меньше развращенными, съ недобрыми началами, которымъ попущено развиться въ нихъ и укорениться. Въ иныхъ, можетъ быть, и положены добрыя начала, но въ раннія лѣта юноши, по собственному ли влеченію, или по соблазну отъ другихъ, забываютъ ихъ, начинаютъ привыкать къ худому, и привыкаютъ. Всѣ таковые не имѣютъ уже въ себѣ жизни истинно-христіанской; имъ снова надобно начинать ее. Святая вѣра наша предлагаетъ для сего таинство покаянія. *Аще кто согрѣшитъ, Ходатая имамы къ Отцу, Іисуса Христа* Праведника (Іоан. 2, 1). Согрѣшилъ ли, познай грѣхъ и покайся. Богъ проститъ грѣхъ и опять дастъ тебѣ *сердце новое и духъ новый* (Іезек. 36, 26). Другаго

пути уже нѣтъ: или грѣши, или кайся. Даже, судя по многочисленности падающихъ по крещеніи, надобно сказать, покаяніе стало для насъ единственнымъ источникомъ истинно-христіанской жизни.

Надобно знать, что въ таинствѣ покаянія у однихъ возочищается только и возгрѣвается даръ благодатной жизни, уже воспринятой и дѣйствующей въ нихъ; у другихъ полагается только начало сей жизни, или жизнь сія снова даруется и пріемлется. Мы будемъ разсматривать его съ сей послѣдней стороны.

Въ сказанномъ второмъ отношеніи, оно есть рѣшительное измѣненіе на лучшее, переломъ воли, отвращеніе отъ грѣха и обращеніе къ Богу, или возгнетеніе огня ревности объ исключительномъ богоугожденіи, съ отверженіемъ себя и всего другаго. Больше всего характеризуетъ его болѣзненный переломъ воли. Человѣкъ привыкъ къ худому; надобно теперь какъ бы раздирать себя. Онъ оскорблялъ Бога; надобно теперь горѣть въ огнѣ суда неумытнаго. Кающійся испытываетъ болѣзни раждающихъ, и въ чувствахъ сердца, нѣкоторымъ образомъ прикасается мученіямъ ада. Плачущему Іереміи заповѣдалъ Господь разорять, и паки созидать и насаждать (Іер. 1, 10). И плачевный духъ покаянія посланъ Господомъ на землю, чтобы, проходя, въ пріемлющихъ его, до раздѣленія *души и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. 4, 12), разорялъ ветхаго человѣка и полагалъ основы для созиданія новаго. Въ кающемся—то страхъ, то легкая надежда, то болѣзнь, то легкое утѣшеніе, то ужасы почти отчаянія, то вѣяніе отрады милосердія смѣняются одни другими, и по-

ставляютъ или держатъ его въ состояніи разлагающагося, или разстающагося съ жизнію, въ чаяніи, однако-жъ воспріятія новой.

Это болѣзненно, но спасительно, и такъ неизбѣжно, что кто не ощущалъ такого болѣзненнаго перелома, тотъ не начиналъ еще жить чрезъ покаяніе. И нѣтъ надежды, чтобы человѣкъ возмогъ и сталъ очищать себя во всемъ, не прошедши чрезъ это горнило. Рѣшительное и живое противленіе грѣху бываетъ только отъ ненависти къ нему; ненависть къ нему—отъ чувства зла отъ него; чувство же зла отъ него испытывается во всей силѣ въ этомъ болѣзненномъ переломѣ въ покаяніи. Тутъ только всѣмъ сердцемъ ощущаетъ человѣкъ, сколь великое зло есть грѣхъ; затѣмъ послѣ и будетъ бѣжать отъ него, какъ отъ огня геенскаго. Безъ этого же болѣзненнаго испытанія, хоть и станетъ себя очищать иной, но будетъ очищать только слегка, больше внѣшно, чѣмъ внутренно, больше въ дѣлахъ, чѣмъ въ расположеніяхъ; а потому и сердце его будетъ все оставаться нечистымъ, какъ не переплавленная руда.

Такое измѣненіе производится въ человѣческомъ сердцѣ божественною благодатію. Только одна она можетъ воодушевить человѣка поднять руку на себя, чтобы заклать себя и принести Богу въ жертву. *Никто же можетъ пріити ко Мнѣ, аще не Отецъ, Пославый Мя, привлечетъ его* (Іоан. 6, 44). Сердце новое и духъ новый подаетъ самъ Богъ (Іезек. 36, 26). Человѣку самому жаль себя. Слившись съ плотію и грѣ-

хомъ, онъ сталъ одно съ ними. Раздвоить его и вооружить противъ себя можетъ только сторонняя, высшая сила.

Такъ, измѣненіе грѣшника производитъ благодать, однако-жъ не безъ свободнаго желанія. Въ крещеніи благодать дается намъ въ моментъ совершенія надъ нами сего таинства; а свободное произволеніе приходитъ послѣ и усвояетъ себѣ данное. Въ покаяніи же свободное желаніе должно участвовать въ самомъ актѣ измѣненія.

Измѣненіе на лучшее обращеніе къ Богу, какъ будто должно быть мгновеннымъ или минутнымъ, какъ это и бываетъ. Но, приготовительно, оно проходитъ нѣсколько оборотовъ, означающихъ сочетаніе свободы съ благодатію, гдѣ благодать овладѣваетъ свободою, и свобода подчиняется благодати,—оборотовъ необходимыхъ у всякаго. Одни проходятъ ихъ скоро, у другихъ же это продолжается цѣлые годы. Все, что здѣсь происходитъ, кто можетъ изслѣдить, особенно когда очень разнообразны способы благодатнаго дѣйствованія на насъ, и безчисленны состоянія людей, на коихъ она начинаетъ дѣйствовать? Должно, однако-жъ, ожидать, что, при всемъ разнообразіи, есть здѣсь одинъ общій порядокъ измѣненія, котораго никто миновать не можетъ. Всякій кающійся есть живущій во грѣхѣ, — и всякаго изъ таковыхъ перетворяетъ благодать. Посему, на основаніи понятія о состояніи грѣшника вообще, и отношенія свободы къ благодати, и можно теперь изобразить сей порядокъ и опредѣлить правилами.

Состояніе грѣшника.

Грѣшника, коему предлежитъ необходимость обновляться въ покаяніи, слово Божіе большею частію изображаетъ погруженнымъ въ глубокій сонъ. Отличительная черта такихъ лицъ не всегда явная порочность, но собственно отсутствіе этой воодушевленной, самоотверженной ревности о богоугожденіи, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ ко всему грѣховному, — то, что у нихъ благочестіе не составляетъ главнаго предмета заботъ и трудовъ, что они заботливые о многомъ другомъ, совершенно равнодушны къ своему спасенію, не чувствуютъ, въ какой опасности находятся, нерадятъ о доброй жизни, и проводятъ жизнь, холодную къ вѣрѣ, хоть иногда исправную и безукоризненную со-внѣ.

Это общая черта. Въ частностяхъ безблагодатный вотъ какимъ является:

Отвратившись отъ Бога, человѣкъ останавливается на себѣ и себя поставляетъ главною цѣлію всей своей жизни и дѣятельности. Это уже и потому, что послѣ Бога нѣтъ для него ничего выше себя самого; особенно же потому, что, получивъ прежде отъ Бога всякую полноту, а теперь опустѣвши отъ Него, спѣшитъ онъ и заботится, какъ бы и чѣмъ бы себя наполнить. Образовавшаяся въ немъ пустота, чрезъ отпаденіе отъ Бога, непрестанно возжигаетъ въ немъ ничѣмъ неудовлетворимую жажду,—неопредѣленную, но непрестанную. Человѣкъ сталъ бездонною пропастью; всеусиленно заботится онъ наполнить сію бездну,—но не ви-

дить и не чувствуетъ наполненія. Отъ того весь свой вѣкъ онъ въ потѣ, трудѣ и великихъ хлопотахъ: занятъ разнообразными предметами, въ коихъ чаетъ найти утоленіе снѣдающей его жажды. Предметы сіи поглощаютъ все вниманіе, все время и всю дѣятельность его. Они — первое благо, въ коихъ живетъ онъ сердцемъ. Отсюда понятно, почему человѣкъ, поставляя себя исключительною цѣлію, никогда не бываетъ въ себѣ, а все — внѣ себя, въ вещахъ сотворенныхъ или изобрѣтенныхъ суетою. Отъ Бога, Который есть полнота всего, отпалъ; самъ пустъ; осталось какъ бы разлиться по безконечно-разнообразнымъ вещамъ и жить въ нихъ. Такъ грѣшникъ жаждетъ, заботится, суетится о предметахъ внѣ себя и Бога, о вещахъ многихъ и разнообразныхъ. Почему характеристическая черта грѣховной жизни есть, при безпечности о спасеніи, забота о многомъ, *многопопечительность* (Лук. 10, 41).

Оттѣнки и отличія сей многопопечительности зависятъ отъ свойства образовавшихся въ душѣ пустотъ. Пустота ума, забывшаго о Единомъ, Который есть все, раждаетъ заботу о многознаніи, развѣдываніе, пытаніе, пытливость. Пустота воли, лишившейся обладанія Единымъ, Который есть все, производитъ многожеланіе, стремленіе къ многообладанію или всеобладанію, чтобы все было въ нашей волѣ, въ нашихъ рукахъ: это любоиманіе. Пустота сердца, лишившагося наслажденія Единымъ, Который есть все, образуетъ жажду удовольствій многихъ и разнообразныхъ, или исканіе тѣхъ безчисленныхъ предметовъ, въ коихъ чаемъ найти услажденіе своихъ чувствъ, внутреннихъ и внѣшнихъ.

Такъ грѣшникъ непрестанно въ заботахъ о многознаніи, многообладаніи, многонаслажденіи, услаждается, овладѣваетъ, пытаетъ. Это—круговращеніе, въ коемъ кружится онъ весь свой вѣкъ. Пытливость манитъ, сердце чаетъ вкусить сласти и увлекаетъ волю. Что это такъ,—всякій можетъ повѣрить самъ, устроивъ наблюденіе надъ движеніями души своей въ продолженіе хоть одного дня.

Въ круговращеніи этомъ и пребывалъ бы грѣшникъ, еслибы его оставить одного: такова ужъ природа наша, когда состоитъ въ рабствѣ грѣху. Но это круговращеніе въ тысячу разъ увеличивается и усложняется отъ того, что грѣшникъ не одинъ. Есть цѣлый міръ лицъ, кои то и дѣлаютъ, что пытаютъ, услаждаются, стяжаваютъ, кои всѣ, въ сихъ видахъ, пріемы привели въ порядокъ, подчинили законамъ, поставили въ необходимость всѣмъ, принадлежащимъ къ ихъ области, кои при взаимномъ союзѣ, приходя неизбѣжно въ соприкосновеніе, трутъ другъ друга, и въ семъ треніи только возвышаютъ въ десятыя, сотыя и тысячныя степени пытливость, любоиманіе и самоуслажденіе, въ ихъ распаленіи поставляя все счастіе, блаженство и жизнь. Это *міръ суетный*, коего занятія, обычаи, правила, связи, языкъ, увеселенія, развлеченія, понятія—все, отъ малаго до великаго, пропитано духомъ тѣхъ трехъ изчадій многопопечительности, и составляетъ безотрадное крушеніе духа міролюбцевъ. Состоя въ живомъ союзѣ со всѣмъ этимъ міромъ, всякій грѣшникъ опутывается тысячесплетенною его сѣтію, закутывается въ нее глубоко-глубоко, такъ что его самого и не видно.

Тяжелое бремя лежитъ на всемъ лицѣ грѣшника-міролюбца и на каждой его части; такъ что и малымъ чѣмъ пошевельнуться не по-мірски не имѣетъ онъ силъ, потому что тогда необходимо бываетъ ему поднять, какъ бы, тысячепудовую тяжесть. Потому за такое неосиливаемое дѣло и не берется никто, и не думаетъ никто браться, но всѣ живутъ, движась, по той колеѣ, въ какую попали.

Къ большей еще бѣдѣ, въ мірѣ семъ есть свой князь, единственный по лукавству, злобѣ и опытности въ обольщеніяхъ. Чрезъ плоть и вещественность, съ коими смѣсилась душа по паденіи, имѣетъ онъ къ ней свободный доступъ и, подступая разносторонно, разжигаетъ въ ней пытливость, любоиманіе, сластолюбивую самоутѣшность; разными своими прельщеніями держитъ въ нихъ безвыходно, разными подущеніями наводитъ на планы въ удовлетвореніе ихъ и потомъ или помогаетъ выполнить ихъ, или разоряетъ указаніемъ другихъ сильнѣйшихъ плановъ, все съ одною цѣлью — продлить и углубить пребываніе въ нихъ. Это и составляетъ смѣну мірскихъ неудачъ и удачъ, Богомъ неблагословенныхъ. Князь сей имѣетъ цѣлое полчище слугъ, подчиненныхъ себѣ духовъ злобы. Въ каждое мгновеніе быстро носятся они по всѣмъ предѣламъ обитаемаго міра, чтобы тамъ засѣменять одно, въ другомъ мѣстѣ другое, углублять запутанныхъ въ сѣти грѣха, подновлять путы, ослабѣвшіе и порвавшіеся,—особенно же блюсти, чтобы никто не вздумалъ разрѣшиться отъ ихъ узъ и выйти на свободу. Въ семъ послѣднемъ случаѣ, они поспѣшно стекаются вокругъ своевольни-

ка, сначала по одному, потомъ отрядами и легіонами, а наконецъ, всѣмъ полчищемъ,—и это въ разныхъ видахъ и пріемахъ, чтобы заградить всѣ исходы, починивать нити и сѣти, и, по другому сравненію, опять столкнуть въ бездну начавшаго выбираться изъ ней по крутизнѣ. Есть у этого невидимаго царства духовъ особыя мѣста—тронныя, гдѣ составляются планы, получаются распоряженія, принимаются отчеты съ одобреніемъ или укоромъ дѣятелей. Это глубины сатанины, по выраженію св. Іоанна Богослова. На землѣ, въ средѣ царства ихъ изъ людей, мѣста сіи суть союзы злодѣевъ, развратниковъ, особенно невѣровъ-кощунниковъ, кои дѣломъ, словомъ и писаніемъ всюду разливаютъ мракъ грѣховный и заслоняютъ свѣтъ Божій. Органъ, коимъ выражаютъ они здѣсь свою волю и власть, есть совокупность обычаевъ мірскихъ, пропитанныхъ грѣховными стихіями, всегда одуряющихъ и отвлекающихъ отъ Бога.

Вотъ строй грѣховной области! Всякій грѣшникъ —весь въ ней, но держится преимущественно чѣмъ-либо однимъ. И это одно, можетъ быть, на видъ иногда очень сносно, и даже одобрительно. У сатаны одна забота, чтобы то, чѣмъ человѣкъ весь занятъ, гдѣ его сознаніе, вниманіе, сердце, — было не Богъ единственно и исключительно, а что нибудь внѣ Его, чтобы, прилѣпившись къ сему умомъ, волею и сердцемъ, онъ имѣлъ то вмѣсто Бога, и о томъ только заботился, о тотъ развѣдывалъ, тѣмъ услаждался и обладалъ. Здѣсь не только страсти плотскія и душевныя, но и вещи благовидныя, какъ, напримѣръ, ученость, художественность,

житейкость —могутъ служить узами, коими держитъ сатана ослѣпленныхъ грѣшниковъ въ своей власти, не давая имъ опомниться.

Если посмотрѣть на грѣшника, въ его внутреннемъ настроеніи и состояніи, то окажется, что онъ иногда и много знаетъ, но слѣпъ въ отношеніи къ дѣламъ Божіимъ и къ дѣлу своего спасенія; что онъ хоть непрестанно въ хлопотахъ и заботахъ, но бездѣйственъ и безпеченъ въ отношеніи къ устроенію своего спасенія,—что онъ хоть непрестанно испытываетъ тревоги или услады сердца, но совершенно нечувствителенъ ко всему духовному. Въ отношеніи къ сему, грѣхомъ поражены всѣ силы существа, и въ грѣшникѣ качествуютъ ослѣпленіе, нерадѣніе и нечувствіе. Не видитъ онъ своего состоянія, а потому не чувствуетъ и опасности своего положенія; не чувствуетъ опасности своей, а потому не заботится и избавиться отъ ней. Ему и на мысль не приходитъ, что нужно измѣняться и спасаться. Онъ въ полной, ничѣмъ не колеблемой увѣренности, что состоитъ въ своемъ должномъ чинѣ, что ему нечего желать, что такъ всему и должно оставаться, какъ оно есть. А потому всякое напоминаніе о другомъ родѣ жизни считаетъ лишнимъ для себя, не внимаетъ ему, даже понять не можетъ, къ чему оно, -чуждается его и бѣгаетъ.

Дѣйствіе Божіей благодати.

Мы сказали, что грѣшникъ есть тоже, что человѣкъ, погруженный въ глубокій сонъ. Какъ крѣпко

спящій, какая бы ни приблизилась опасность, не проснется самъ и не встанетъ, если не подойдетъ кто сторонній и не разбудитъ его, — такъ и тотъ, кто погруженъ въ грѣховный сонъ, не опомнится и не встанетъ, если не придетъ къ нему на помощь божественная благодать. По безпредѣльному милосердію Божію, она и готова для всѣхъ, всѣхъ обходитъ и всякому внятно взываетъ: *востани спяй и воскресни отъ мертвыхъ, и освятитъ тя Христосъ* (Ефес. 5, 14).

Такое сравненіе грѣшниковъ съ спящими даетъ точки для всесторонняго разсмотрѣнія обращенія ихъ къ Богу. Именно: спящій пробуждается, встаетъ, собирается идти на дѣло. И грѣшникъ, обращающійся и кающійся, *возбуждается* отъ грѣховнаго усыпленія, доходитъ до *рѣшимости* измѣниться (встаетъ), и, наконецъ, *облекается силою* на новую жизнь въ таинствахъ покаянія и причащенія (готовъ на дѣло). Въ притчѣ о блудномъ сынѣ эти моменты указаны такъ: въ *себѣ пришедъ*—опомнился; *востав̀ иду*—рѣшился оставить прежнюю жизнь; и *востав̀ иде*; причемъ онъ говоритъ отцу: *согрѣшихъ*—покаяніе, а отецъ облекаетъ его въ одежды (оправданіе и разрѣшеніе отъ грѣховъ) и уготовляетъ ему трапезу (св. причащеніе).

Такимъ образомъ, въ обращеніи грѣшниковъ къ Богу есть три момента: 1) возбужденіе отъ грѣховнаго сна; 2) восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя богоугожденію; 3) облеченіе силою свыше на дѣло сіе въ таинствахъ покаянія и причащенія.

Пробужденіе грѣшника отъ грѣховнаго сна.

Пробужденіе грѣшника есть такое дѣйствіе благодати Божіей въ сердцѣ его, вслѣдствіе котораго онъ, какъ отъ сна пробужденный, *видитъ* свою грѣховность, *чувствуетъ* опасность своего положенія, начинаетъ страшиться за себя и *заботится* о томъ, какъ бы избавиться отъ своей бѣды и спастись. Прежде онъ былъ въ отношеніи къ спасенію слѣпъ, нечувственъ и безпеченъ; теперь и видитъ, и чувствуетъ, и заботится. Но это еще не измѣненіе, а только возможность измѣненія и призваніе къ тому. Благодать только говоритъ здѣсь грѣшнику: „видишь, куда зашелъ; смотри же, возьми мѣры ко спасенію“. Она только изъемлетъ его изъ всегдашнихъ его узъ, ставитъ и держитъ внѣ ихъ, давая ему такимъ образомъ возможность избрать совсѣмъ новую жизнь и опредѣлить себя на нее. Воспользуется симъ,—благо ему; не воспользуется, опять будетъ брошенъ, опять погрузится въ тотъ же сонъ и ту же бездну пагубы.

Достигаетъ сего Божія благодать тѣмъ, что раскрываетъ предъ сознаніемъ и чувствомъ человѣка ничтожность и срамоту того, чему онъ преданъ и что такъ цѣнитъ. Какъ слово Божіе проходитъ до раздѣленія *души же и духа, членовъ же и мозговъ* (Евр. 4, 14), такъ и благодать проходитъ до раздѣленія сердца и грѣха, и разлагаетъ незаконный ихъ союзъ и сочетаніе. Видѣли мы, что грѣшникъ всѣмъ своимъ суще-

ствомъ ниспадаетъ въ такую область, гдѣ начала, понятія, сужденія, правила, обычаи, наслажденія, порядки—и все совершенно противоположно истинной жизни духовной, къ коей предназначенъ человѣкъ. Ниспадши же сюда, не пребываетъ здѣсь особнымъ, отрѣзаннымъ, но проникается всѣмъ, срастворяется со всѣмъ: есть весь во всемъ. Отсюда естественно ему не знать и не помышлять о томъ, что противно сему порядку и не имѣть къ тому никакого сочувствія. Область духовная совсѣмъ закрыта отъ него. Очевидно, послѣ сего, что дверь къ обращенію открыться можетъ только подъ тѣмъ условіемъ, если предъ сознаніемъ грѣшника во всей свѣтлости раскрытъ будетъ порядокъ духовной жизни, и не только раскрытъ, но и прикоснутъ къ сердцу; порядокъ же грѣховной жизни осрамленъ, отверженъ и разоренъ—тоже предъ его сознаніемъ и чувствомъ. Только тогда и можетъ родиться забота—покинуть сей и вступить въ тотъ. Все это и совершается въ одномъ актѣ благодатнаго возбужденія грѣшника.

Въ образѣ своего дѣйствія возбудительная Божія благодать всегда соображается не только съ узами, въ коихъ держится грѣшникъ, но и съ особымъ состояніемъ грѣшника. Въ семъ послѣднемъ отношеніи паче всего надо взять во вниманіе ту разность въ дѣйствіи благодати, какую являетъ она, дѣйствуя на тѣхъ, кои никогда не были возбуждаемы, и на тѣхъ, кои испытывали уже сіе возбужденіе. Тому, кто ни однажды не имѣлъ возбужденія, оно дается какъ бы туне, какъ

всеобщая предваряющая или зовущая благодать. Отъ него самого предварительно нечего и требовать, потому что онъ весь направленъ не туда. Но тому, кто уже былъ возбуждаемъ, зналъ и ощущалъ, что такое жизнь во Христѣ, и опять предался грѣху, возбужденіе не дается даромъ. Нѣчто требуется и отъ него самого предварительно. Онъ какъ бы долженъ еще заслужить и вымолить; не только желать, но и дѣлать нѣчто надъ собою, чтобы привлечь благодатное возбужденіе. Такой, воспоминая прежнее пребываніе въ добромъ порядкѣ христіанскомъ, по часту желаетъ снова его, но не получаетъ власти надъ собою; хотѣлъ бы исправиться, но не можетъ совладать съ собою и одолѣть себя. Онъ въ безсиліи безнадежномъ, оставленъ самому себѣ за то, что прежде самъ оставилъ даръ, укорилъ *Духа благодати* и *смерть Сына Божія попралъ* (Евр. 10, 29). Теперь дается ему ощутить, какъ велика благодатная сила эта тѣмъ уже, что она не скоро подается. Поищи и потрудись, и трудностію пріобрѣтенія научись цѣнить ее. Такой человѣкъ бываетъ въ томительномъ нѣкоторомъ состояніи: жаждетъ и не напаяется, алчетъ и не питается, ищетъ и не обрѣтаетъ, напрягается и не пріемлетъ. Иной оставляется въ семъ состояніи очень-очень долго, до того, что чувствуетъ какъ бы отверженіе Божіе, будто Богъ забылъ и отвергъ его, предалъ клятвѣ, какъ землю, которая напаялась многократно сходившимъ на нее дождемъ и осталась безплодною (Евр. 6, 7). Но это медленіе прикосновенія благодати къ сердцу ищущаго есть только испытательное. Проходитъ срокъ испытанія, нисходитъ

и на него снова возбудительный духъ, труда ради его и потоваго искаянія, какъ на иныхъ сходитъ онъ туне. Такой образъ дѣйствія спасительной благодати указываетъ намъ: а) на чрезвычайныя дѣйствія благодати Божіей въ возбужденіи грѣшника и б) на обыкновенный порядокъ стяжанія дара возбудительной благодати.

Чрезвычайныя дѣйствія благодати Божіей въ возбужденіи грѣшниковъ отъ сна грѣховнаго.

Живущимъ благодатною жизнію душеспасительно знать сіи дѣйствія, чтобы, видя многопопечительность Божію о грѣшникахъ, прославлять неизреченную благодать Божію и воодушевляться благонадежіемъ помощи свыше на всякое благое дѣло. Ищущимъ же божественной благодати того ради особенно нужно знать ихъ, что въ нихъ яснѣе, чѣмъ гдѣ-либо, выражаются свойства благодатнаго возбужденія, которыя намъ надо хорошо сознать и уяснить, чтобы опредѣлить—благодатное ли возбужденіе есть то, что испытываемъ мы, —и если уже дѣйствуетъ кто, то по благодатному ли возбужденію дѣйствуетъ, или по самодѣльному воодушевленію. Истинно-христіанская жизнь есть жизнь благодатная. Самодѣльная жизнь, какъ бы она ни была красна на видъ и какъ бы ни держалась формъ христіанской жазни, никогда не будетъ христіанскою. Начало ея полагается въ благодатномъ возбужденіи, которому внявшій не лишается потомъ благодатнаго ру-

ководства и общенія во все время, какъ пребываетъ вѣрнымъ ея внушеніямъ. Вотъ почему надо хорошо себѣ уяснить, есть ли, или было ли въ насъ благодатное возбужденіе. Можно въ удовлетвореніе сего требованія сказать: суди себя по свойствамъ благодатнаго возбужденія, открывающимся въ чрезвычайныхъ случаяхъ, ибо они одинаковы какъ въ чрезвычайныхъ случаяхъ, такъ и въ обыкновенномъ порядкѣ, — только въ первыхъ открываются ярче, опредѣленнѣе и различительнѣе.

При благодатномъ возбужденіи, какъ было уже указано, совершается мгновенно разореніе въ сознаніи всего установившагося тамъ порядка самоугодливой грѣховной жизни, и раскрытіе предъ нимъ инаго, лучшаго, божественнаго порядка, единаго истиннаго и ублажающаго. Сокращенно сей порядокъ можно изобразить такъ: Богъ, во св. Троицѣ покланяемый, міръ сотворившій и о немъ промышляющій, спасаетъ насъ, падшихъ, въ Господѣ Іисусѣ Христѣ, благодатію Святаго Духа, подъ руководствомъ и блюстительствомъ св. Церкви, чрезъ крестную, испытательную здѣсь жизнь, преводя къ вѣчному, нескончаемому блаженству въ будущей жизни. Онъ совмѣщаетъ и лица, и событія, и учрежденія, и самыя начала, по которымъ все движется. Весь сей порядокъ дѣйствіемъ благодати живо печатлѣется въ духѣ человѣка-грѣшника, и, разительно представляя противоположность ему и самого человѣка съ его настроеніями, и всего, чѣмъ онъ прежде жилъ и услаждался, тогда какъ обязанъ быть въ совершенномъ съ нимъ согласіи и подобо-настроеніи, — поражаетъ его. Всякая черта его издаетъ обличенье и укоръ человѣ-

ку въ неразумiи и недобросовѣстности прежней, которыя тѣмъ бываютъ впечатлительнѣе, что въ тоже время въ духѣ видится вся достойная презрѣнiя ничтожность прежняго грѣшнаго порядка. Подъ симъ дѣйствiемъ, сердце разрѣшается отъ прежнихъ узъ и стоитъ свободно, и потому свободно избрать новый родъ жизни. Это предѣлъ дѣйствiя благодатнаго возбужденiя. Оно разоряетъ въ сознанiи и чувствѣ все прежнее—худшее, и живо представляетъ лишь новое—лучшее, оставляя въ семъ положенiи человѣка, пораженнаго, свободнымъ избрать новое, или обратиться опять на старое. Замѣчательно, что благодатное возбужденiе всегда сопровождается пораженiемъ и нѣкотораго рода испугомъ; потому ли, что оно вдругъ, какъ бы въ расплохъ, схватываетъ грѣшника на распутiяхъ жизни, какъ преступника, и представляетъ неотклонимому судилищу Божiю,—или потому, что новый порядокъ, раскрываемый въ сознанiи совершенно новъ для него и разительно противоположенъ прежнему,—и не новъ только, но и совершенно, во всѣхъ частяхъ, и блаженствоподателенъ, тогда какъ въ первомъ, ничтожномъ, одна туга сердца и крушенiе духа.

Все же исходная точка всѣхъ благихъ дѣйствiй благодатнаго возбужденiя есть это живое сознанiе новаго божественнаго порядка. Исходя изъ сего понятiя, приведемъ на память всѣ бывшiе опыты благодатнаго сего дѣйствiя. Сознанiе новаго порядка бытiя и жизни производится двоякимъ образомъ: аа) *иногда* тотъ самый порядокъ, весь или въ частяхъ, видимо, ощутительно, самымъ дѣломъ представляется взыскиваемому грѣшни-

ку; бб) *иногда* же духъ человѣка вводится въ него и ощущаетъ его внутренно.

аа) Милосердый Господь различнымъ образомъ раскрываетъ предъ сознаніемъ обращаемаго свой божественный міръ, въ которомъ опредѣлено жить духу нашему. 1) *Нерѣдко* для сего Онъ является Самъ, видимо, подъ какимъ-либо образомъ, при бодрственномъ состояніи человѣка, или во снѣ. Такъ явился Онъ апостолу Павлу на пути его въ Дамаскъ, Константину Великому, Евстафію Плакидѣ (20 сентября), Неанію шедшему мучить христіанъ (это Прокопій, муч. іюля 8), Патермуфію (во снѣ, 9 іюля), и многимъ другимъ. 2) *Иногда* благоволитъ посылать изъ того міра разныя лица, тоже въ явѣ, или въ сновидѣніяхъ, въ своемъ видѣ, или подъ какимъ-либо другимъ образомъ. Такъ многократно являлась *Матерь Божія*, одна, или съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, или въ сопровожденіи святыхъ—одного, двухъ и многихъ: великомученица Екатерина, напримѣръ, обращена явленіемъ ей Божіей Матери во снѣ съ Предвѣчнымъ Младенцемъ, обручившимъ ее Себѣ въ невѣсту (24 ноября). Многократно являлись *ангелы*, по одному и цѣлыми сонмами: напримѣръ, св. Андрею юродивому во снѣ представился весь міръ св. ангеловъ, въ противоположность полчищу темныхъ силъ (2 октября); многократно являлись *святые:* напримѣръ, святитель Митрофанъ—врачу-лютеранину, дѣвицѣ больной и многіе многимъ. 3) *Иногда* самый міръ тотъ и особенно его чинъ и какъ бы основныя начала живописуются предъ не вѣдущимъ сознаніемъ въ поразительномъ какомъ-либо образѣ, какъ это видно изъ приве-

деннаго уже случая со св. Андреемъ юродивымъ, и изъ многихъ другихъ примѣровъ, въ которыхъ лицамъ обращаемымъ были представлены *или* блаженныя селенія праведныхъ, какъ царю индійскому и брату его, послѣ того, какъ св. апостолъ Ѳома роздалъ бѣднымъ данныя ему на построеніе дома деньги (6 октября),—*или* страшныя мученія грѣшниковъ, какъ Исихію Хоревиту (30 октября, Прол.),—*или* производство посмертнаго суда, какъ Петру булочнику, бросившему булку въ лицо нищему, — *или* была напечатлѣваема глубокая мысль о смерти и участи послѣ нея, какъ Іоасафу царевичу (19 ноября), св. Клименту (25 ноября) и одному юношѣ развратному, которому умирающій отецъ завѣщалъ не премѣнно каждый вечеръ заходить въ комнату, гдѣ онъ умираетъ. 4) *Иногда* дается осязательно ощутить невидимую нѣкоторую силу, среди видимыхъ силъ и явленій дѣйствующую, но разительно отличную отъ нихъ, и исходящую изъ инаго міра. Сюда относятся всѣ вообще чудеса, помощію которыхъ бывшія обращенія исчислить и возможности нѣтъ. И Спаситель сказалъ, что невѣрующіе и не увѣруютъ, если не увидятъ знаменій. Большая часть ихъ явлена послѣ Христа Спасителя, въ первыя времена христіанства апостолами, а за ними св. мучениками. Разительность присутствія здѣсь силы невидимой Божіей часто обращала цѣлыя села и города, но никогда не оставалась совсѣмъ безплодною. Кровь мучениковъ дѣйствительно лежитъ въ основаніи Церкви... *Бывали* и *такіе случаи*, что сила Божія являлась сама, безъ посредства лица человѣческаго, какъ при обращеніи Маріи египетской, или при

посредствѣ святыхъ вещей, иконъ, мощей и др. Такъ обращеніе евреевъ въ Виритѣ совершилось отъ чудныхъ явленій на иконѣ Распятія Господня. При всѣхъ такихъ явленіяхъ, сознаніе, запутанное разными предметами и обольщеніями міра и держимое безвыходно въ порядкѣ видимомъ, чувственномъ, внѣшнемъ,—разительнымъ, нечаяннымъ и мгновеннымъ представленіемъ ему высшихъ лицъ и силъ, изъ невидимой нѣкоторой области, мгновенно исторгается изъ своихъ узъ и втѣсняется въ иной чинъ бытія и жизни, и, пораженное, стоитъ въ немъ. Здѣсь происходитъ тоже, что при возбужденіи электричества въ какомъ-либо тѣлѣ электричествомъ другаго тѣла. Это послѣднее исторгаетъ то, изъ узъ вещества, и привлекши къ поверхности, держитъ предъ собою.

бб) Духъ нашъ, какъ мы видѣли, закрытъ и заглушенъ многими покровами. Но по природѣ своей онъ есть зритѣль божественнаго порядка. Способность къ тому тотчасъ бываетъ готова явить и дѣйствительно являетъ силу свою, коль скоро устраняются вяжущія ее препятствія. Посему, для возбужденія дремлющаго въ человѣкѣ духа и введенія его въ созерцаніе божественнаго порядка, благодать Божія или а) *непосредственно* дѣйствуетъ на него, и, исполняя его силою, даетъ возможность разорвать обдержащія его узы, или б) *посредственно*, стрясая съ него покровы и сѣти и давая чрезъ то свободу быть въ своемъ чинѣ.

а) *Непосредственно* наитствуетъ духъ человѣка божественная, вездѣсущая и всепроникающая благодать, напечатлѣвая въ немъ мысли и чувства, отрѣвающія

отъ всѣхъ вещей конечныхъ и обращающія къ другому лучшему, хотя незримому и невѣдомому, міру. Общая черта сихъ возбужденій есть *недовольство* собою и всѣмъ своимъ и *туга* о чемъ-то. Становится человѣкъ неудовлетворяющимся ничѣмъ, что окружаетъ его — ни своими совершенствами, ни тѣмъ, что имѣетъ, хотя бы то были несмѣтныя сокровища, и ходитъ, какъ будто горемъ убитый. Не находя отрады ни въ чемъ видимомъ, обращается онъ къ невидимому, и пріемлетъ его съ готовностію и искренно присвояетъ его себѣ, и себя — ему. Многіе съ вопросомъ: чѣмъ все это кончится и къ чему приведетъ,—оставляли все и измѣняли не только чувства и поведеніе, но и родъ жизни. Бывали случаи, что такое недовольство выражалось преимущественно въ части *знательной*, какъ у Іустина философа, который преимущественно искалъ свѣта вѣдѣнія божественнаго существа; иногда въ части *сердечной*, какъ у Августина, который преимущественно искалъ покоя своему мятущемуся сердцу; а иногда, большею впрочемъ частію,—въ части *дѣятельной*, въ *совѣсти*, какъ у разбойниковъ Моисея и Давида. Множество бывало случаевъ, что вдругъ озарялась внутренняя храмина духа, засѣменялось влеченіе и устремляло духъ инуды. *Ни вѣси, откуду приходитъ, и камо идетъ*, сказалъ о семъ Господь (Іоан. 3, 8). Часто духъ пробуждается напоминаніемъ прошедшаго. Такъ обращена Марія, племянница Авраамія затворника,—погибавшій въ разбойничествѣ ученикъ св. Іоанна Богослова,—Ѳеофилъ, экономъ церковный. Откуда-то входитъ внутрь и внятно совѣсти произносится рѣчь: „помяни, откуду ниспалъ

еси“—и сильно поражаетъ забывшагося. Сюда можно отнести всѣ обращенія послѣ юношескихъ паденій. Нѣтъ сомнѣнія, что и такія измѣненія промышленіемъ Божіимъ издали подготовляются разными случаями, располагающими къ воспріятію благодатнаго воздѣйствія; потому и здѣсь непосредственность только относительная. Но, съ другой стороны, и то надо вѣдать, что и всякое благодатное возбужденіе обнаруживается въ подобныхъ симъ влеченіяхъ и пробужденіяхъ духа нашего. Благодать, хотя чрезъ видимое посредство, всегда однако-жъ невидимо и непосредственно прикасается къ духу и извлекаетъ его изъ томящихъ его узъ во свѣтъ Божій, въ область жизни божественной.

б) *Всѣ посредства,* относящіяся сюда, направлены на разореніе узъ духа. Разрѣши духъ, дай ему свободу, и онъ самъ собою потечетъ туда, откуда взятъ — къ Богу. Узы духа, какъ мы видѣли, треплетены, составляемы будучи: аа) *самоугодіемъ*, bb) *міромъ*, сс) *діаволомъ*. Противъ нихъ и направляются разрушительныя дѣйствія возбуждающей духъ благодати.

аа) Ближайшіе на духѣ узы суть узы *самоугодія* всесторонняго, качествующаго въ нашей животно-душевности. Они—точка соприкосновенія и другихъ узъ, тѣхъ, кои идутъ отъ міра и діавола. Потому разорваніе ихъ очень важно, хотя очень трудно и многосложно. Ибо, такъ какъ необращенный весь живетъ животно-душевностію, то узы съ сей стороны расширяются, много и разно сплетаются на такое пространство, какъ далеко расходится жизнь животно-душевная. Чтобы понять, какъ разоряются эти узы, надо взять во вни-

маніе, что здѣсь *то*, къ чему примыкаетъ сія жизнь, чѣмъ питается, въ чемъ преимущественно выражается, составляетъ твердую для нея опору, на которой, утверждаясь, она стоитъ и не боится пораженія, не думаетъ о немъ и не чаетъ его. Когда кто, напримѣръ, пристрастился къ художественности или житейскости или даже учености и весь живетъ въ какой-нибудь изъ нихъ, то на нее онъ опирается и въ ней почиваетъ всѣми силами, помышленіями и надеждами. Такъ какъ отсюда исходитъ вся затѣмъ самоугодная жизнь, вяжущая духъ, то сія опора самоугодія естественно становится основаніемъ твердости и крѣпости узъ, отъ него налагаемыхъ на духъ, какъ бы точкою, къ коей прикрѣпляются сіи узы. Посему обратно, чтобы освободить духъ отъ узъ самоугодія, божественная возбуждающая благодать обыкновенно разоряетъ опоры, на коихъ почиваетъ самоугодливая самость. Поколебавъ сіи опоры въ основаніи, она ослабляетъ узы и даетъ возможность приподнять главу умученному и истомленному духу.

Опоръ у нашего самоугодія много; онѣ есть и въ нашемъ существѣ, то есть, въ тѣлѣ и душѣ, и во внѣшней жизни нашей и вообще во всемъ порядкѣ быта нашего. Таково плотоугодіе въ разныхъ видахъ, то есть, сластолюбіе, роскошь, похотность, празднолюбіе, страсть къ развлеченіямъ, житейская многопопечительность, честолюбіе, властолюбіе, видимая въ дѣлахъ успѣшность, зажиточность, лестный внѣшній бытъ, цѣнность связей, мирность внѣшнихъ отношеній, пристрастіе къ художественности, учености, предпріятіямъ. Все это, въ многоразличнѣйшихъ видахъ, составляетъ твер-

дую опору нашей самости, которая, съ увѣренностію въ ея надежности и прочности, спокойно почиваетъ на томъ и, пространно питаясь, возрастаетъ день ото дня, у одного преимущественно въ одномъ родѣ, у другаго —въ другомъ.

Спасительная божественная благодать, для пробужденія грѣшника отъ усыпленія, направляя свою силу на разореніе той опоры, на которой кто утверждается и почиваетъ своею самостію, — вотъ что дѣлаетъ:

Кто связанъ плотоугодіемъ, того ввергаетъ въ болѣзни, и, ослабляя плоть, даетъ духу свободу и силу прійти въ себя и отрезвиться. Кто прельщенъ своею красотою и силою, того лишаетъ красоты и держитъ въ постоянномъ изнеможеніи. Кто упокоевается на своей власти и силѣ, того подвергаетъ рабству и униженію. Кто много полагается на богатство, у того отнимается оно. Кто высокоумничаетъ, тотъ посрамляется, какъ маловѣдущій. Кто опирается на прочность связей, у того онѣ разрываются. Кто положился на вѣчность установившагося вокругъ него порядка, у того онъ разоряется смертію лицъ или потерею вещей нужныхъ. Держимыхъ въ узахъ безпечности внѣшнимъ счастіемъ, чѣмъ инымъ отрезвить, какъ не скорбями и несчастіями? И не для сего ли вся жизнь наша преисполнена бѣдствій, чтобы она споспѣшествовала намѣренію Божію держать насъ въ трезвенности?...

Всѣ такого рода разоренія опоръ безпечнаго самоугодія составляютъ повороты жизни, кои, потому что они бываютъ всегда нечаянны, дѣйствуютъ поразитель-

но и спасительно. Сильнѣе всего въ семъ отношеніи дѣйствуетъ чувство опасности за жизнь. Это чувство разслабляетъ всѣ узы и убиваетъ самость въ самомъ корнѣ; человѣкъ не знаетъ, куда дѣваться. Такого же свойства и тѣснота обстоятельствъ, или чувство всеобщаго оставленія. То и другое оставляетъ человѣка одного съ самимъ собою, и отъ себя, ничтожнѣйшаго, тотчасъ препосылаетъ къ Богу, или обращаетъ.

bb) Вторые узы духа налагаются отъ міра и лежатъ поверхностнѣе тѣхъ. Міръ, съ своими понятіями, началами, правилами, вообще со всѣмъ своимъ порядкомъ, возведеннымъ въ неизмѣнный законъ, налагаетъ тяжелую, владычественную руку на всѣхъ своихъ чадъ; вслѣдствіе чего никто изъ нихъ не смѣетъ и подумать о возстаніи противъ него, или отверженіи его власти. Передъ нимъ всѣ благоговѣютъ, съ какою-то робостію держатся его правилъ и нарушеніе ихъ считаютъ какъ бы уголовнымъ преступленіемъ. Міра нѣтъ, какъ лица, но духъ его какимъ-то образомъ держится въ свѣтѣ, вліяетъ на насъ и связываетъ какъ узами. Очевидно, что власть его мысленная, воображаемая, а не дѣйствительная, не физическая. Слѣдовательно, стоитъ только развѣять сію воображаемую силу міра, — и къ намъ близка будетъ возможность отрезвленія отъ его обаяній. Такъ и дѣйствуетъ Божіе спасительное промышленіе о насъ. Съ сею цѣлію, оно

α) Постоянно предъ лицемъ міра и нами держитъ два другихъ міра, святыхъ, божественныхъ, и въ нихъ и чрезъ нихъ представляя вниманію и даже давая ощутить лучшее, непрестанно твердитъ о пустотѣ мірской

жизни и мірскихъ надеждъ. Это Божіи міры суть: видимая природа и Церковь Божія. Опытъ показываетъ, какъ нерѣдко умъ, отуманенный чадомъ мірскимъ, отрезвлялся созерцаніемъ твореній Божіихъ, или вступленіемъ въ Церковь. Одинъ зимою смотрѣлъ на дерево, стоявшее предъ окномъ, и очнулся; другой, послѣ шумной бесѣды, ощутивъ сладость душевнаго покоя въ храмѣ, оставилъ прежніе обычаи и посвятилъ себя служенію Богу. Природа видимая и храмъ Божій не только вразумляли и отрезвляли часто христіанъ, безпечныхъ и грѣшныхъ, но обращали даже язычниковъ къ истинному боговѣдѣнію и богоугожденію. Одной женщинѣ пало на сердце слово: *осанна*, и сдѣлало ее христіанкою. Обращеніе нашихъ предковъ окончательно утвердилось воздѣйствіемъ на нихъ храма. Великомученицу Варвару обратило отъ идоловъ къ Богу созерцаніе красотъ видимыхъ твореній Божіихъ. Сила ихъ и вліятельность зависятъ отъ того, что они, утомленному, изможденному, обезсиленному, умученному суетою міра духу, живо и ощутительно представляютъ лучшій, блаженнѣйшій порядокъ жизни, и мгновенно изливая въ него отраду сей жизни, вразумляетъ человѣка тѣмъ, что, предаваясь владычеству міра, онъ только терзаетъ и мучитъ себя, что счастіе сокрыто совсѣмъ въ другомъ мірѣ и что если теперь такъ мучительно содружество съ міромъ, то чего должно ожидать послѣ? Этимъ зараждается призывъ къ міру Божію и отрываніе отъ міра суетнаго, кои, иногда въ видѣ сильнаго порыва, а иногда постепенно, и совсѣмъ, наконецъ, исторгаютъ духъ человѣка изъ узъ міра. Такимъ образомъ природа

и Церковь суть отгнатели, развѣватели, оттиратели обаяній суетнаго и многопрелестнаго міра. Они того ради Господомъ и поставлены въ такой съ нами связи, чтобы тѣмъ чаще и непрерывнѣе дѣйствовать на насъ, разительнѣйше представляя противоположность одной жизни съ другою.

β) Второй способъ благодатнаго исторженія изъ узъ міра состоитъ въ томъ, что благодатію Бога-всепромыслителя иному предъ очи представляется на дѣлѣ жизнь, совершенно противоположная той, въ которой онъ движется. Сюда относятся особенно всѣ обращенія посредствомъ *мученичества*, и примѣровъ тому было безчисленное множество. Иногда мученическій подвигъ одного обращалъ цѣлые вѣси и города. Тутъ, очевидно, присутствіе нравственной силы изъ другаго, не нашего міра. Иногда, кажется, надлежало бы быть вѣрному пораженію, а нѣтъ его; мучимый остается непобѣжденнымъ, благодушествующимъ, не знать отъ чего и какъ. Мгновенное соображеніе сего и ударяетъ въ умъ, и разгоняетъ въ немъ обаяніе прежнихъ порядковъ жизни. Сюда же относится обращеніе разбойника царемъ Маврикіемъ, который, вмѣсто казни ему, обошелся съ нимъ милостиво, какъ съ заслуженнымъ человѣкомъ;—обращеніе блудницы, которую одна мать просила помолиться и возвратить къ жизни умершаго единственнаго сына ея, и еще другой блудницы, пришедшей въ раскаяніе отъ одного возрѣнія на иноковъ, смиренно занявшихся молитвою и богомысліемъ, когда она въ томъ же домѣ предавалась роскоши и разврату. И всѣ обращенія *примѣрами жизни* принадлежатъ сюда же. Сила дѣй-

ствія ихъ въ томъ, что лицомъ къ лицу видятся лица довольныя и покойныя, безъ удовольствій и успокоительныхъ предметовъ, коими обильно обладая другой, не находитъ однако-жъ ни довольства, ни покоя. Отсюда разочарованіе и измѣненіе жизни.

γ) Третій способъ отвлеченія отъ міра есть посрамленіе его въ лицѣ чадъ своихъ. Іуліанъ превозносится надъ всѣмъ, свирѣпо возстаетъ противъ христіанъ и грозитъ подавить ихъ своею силою,—но потомъ неожиданно падаетъ. Это не только утвердило вѣровавшихъ, но много и невѣровавшихъ обратило къ Богу истинному. На св. Макарія, по лжесвидѣтельству, возстаетъ цѣлое селеніе, бьетъ, терзаетъ, налагаетъ наказаніе: міръ восторжествовалъ; но потомъ истина открывается, посрамляетъ всѣхъ и всѣхъ возвращаетъ къ благоговѣйству и страху Божію. Сюда относятся всѣ вразумленія паденіями и нечаемою смертію сильныхъ и великихъ міра. Посрамленіе міра здѣсь унижаетъ его предъ лицемъ своихъ приверженцевъ, обличаетъ его безсиліе, и тѣмъ, съ одной стороны, отвращаетъ отъ него, съ другой—даетъ смѣлость противостать ему.

δ) Нерѣдко, наконецъ, міръ самъ тѣснитъ и гонитъ изъ себя какъ бы самимъ собою, именно тѣмъ, что не удовлетворяетъ или постыждаетъ ожиданія. Ищемъ счастія; въ мірѣ и есть только слава, честь, власть, богатство, утѣхи,—но ничто такое не удовлетворяетъ искателя. Разсудительный скоро замѣчаетъ обманъ и берется за умъ. Въ святыхъ Божіихъ видимъ, что многіе изъ нихъ, разсмотрѣвъ суету и мятежность міра,

удалялись отъ него и рѣшительно посвящали себя Богу. Блудный сынъ, въ притчѣ, говорилъ: *азъ же гладомъ гиблю* (Лук. 15, 17).

сс) Третьи узы духа идутъ отъ сатаны и духовъ его. Они невидимы и большею частію совпадаютъ съ узами самоугодія и міра, которые сатана своимъ вліяніемъ укрѣпляетъ и чрезъ нихъ держитъ умъ въ омраченіи. Но есть нѣчто и непосредственно исходящее отъ сатаны. Отъ него нѣкоторая неопредѣленная робость и боязнь, мятущая душу грѣшника во всякое время, а тѣмъ болѣе тогда, когда задумаетъ онъ о добрѣ. Это почти то же, что господинъ грозитъ слугѣ, когда тотъ начинаетъ что-либо дѣлать не по его волѣ и планамъ. Отъ него разныя лести духовныя, какъ-то: у однихъ чрезмѣрная, безъ вѣрныхъ основаній, надежда на милосердіе Божіе, не отрезвляющая, а все болѣе и болѣе углубляющая въ грѣхолюбіе; у другихъ, напротивъ того, отчаяніе; у этого — сомнѣніе и невѣріе; у того — самоувѣренность и самооправданіе, заглушающее всякое чувство раскаянія. Да, многое, многое прямо зависитъ отъ сатаны, хотя опредѣлить это трудно. Но и все грѣховное надо относить къ нему, какъ къ источнику, ибо онъ царь грѣшнаго міра. Одна изъ хитрыхъ его уловокъ — скрывать себя, то есть, наводить на грѣшниковъ увѣренность, что его нѣтъ, вслѣдствіе чего онъ и самовольничаетъ съ свирѣпостію въ грѣшной душѣ, слагая грѣховныя стремленія, имъ внушаемыя, на природу, и располагая къ ропоту на Бога, запрещающаго, будто бы естественное и повелѣвающа-

го то, что выносить у нихъ силъ не достаетъ. Вразумляющая божественная благодать нерѣдко исхищала грѣшниковъ изъ челюстей ада посрамленіемъ сатаны. Она выводила его на позоръ и предавала посмѣянію, обнажая его безсиліе и глупость, и разоблачая хитрости. Такъ постыженъ онъ въ лицѣ Симона волхва, въ лицѣ Кипріана антіохійскаго и многихъ другихъ. Всѣ такіе случаи сопровождались обращеніемъ и вразумленіемъ немалаго числа ослѣпленныхъ. Во дни Господа на земли, бѣсы, источникъ невѣрія и сомнѣній, становились проповѣдниками вѣры. И св. мученики, силою всемогущаго Бога, часто заставляли и отца и дѣтей лжи говорить истину чрезъ кумиры въ капищахъ. Такое раскрытіе козней лукаваго приводитъ грѣшника къ увѣренности, что онъ въ злобныхъ и вражескихъ рукамъ, что его дурачатъ на зло ему самому, что обманно ведутъ какимъ-то мрачнымъ путемъ къ погибели и хотятъ порадоваться ею. Это неминуемо рождаетъ чувство опасенія за свое собственное благо, осторожность, подозрѣніе, отвращеніе и къ хитрецу, и къ его изобрѣтеніямъ—порокамъ и страстямъ, и ко всей прежней жизни. Отсюда уже не далекъ переходъ къ источнику истины, добра и блаженства—Богу.

Вотъ пути и способы, коими воздѣйствуетъ Божія благодать на духъ человѣка, исторгаетъ его изъ узъ несвойственной ему жизни и лицемъ къ лицу показываетъ другую, лучшую, ту, въ которой его радость и покой. Но, очевидно, что всѣ они, сами по себѣ, неполны, будто не договариваютъ всего. Напримѣръ, родилась жажда лучшаго: но гдѣ же это лучшее, и какъ

его достигнуть? Или потрясъ страхъ смерти и суда,— что же дѣлать, чтобы избыть отъ бѣды? Такъ и во всѣхъ другихъ случаяхъ. Они нѣмы: ко всѣмъ имъ долженъ быть приложенъ еще способъ дополнительный и совершительный. Это — слово, или проповѣдь. Слово Божіе, въ разныхъ его видахъ, дѣйствительно и сопровождаетъ всѣ показанные способы, поясняя ихъ и указывая послѣднюю ихъ межу. Безъ него они оставляютъ еще человѣка въ неопредѣленномъ нѣкоторомъ состояніи и, слѣдовательно, не производятъ всего, что должно. Такъ апостолъ Павелъ вразумленъ небеснымъ явленіемъ. Но Господь не все совершилъ въ немъ здѣсь, а сказалъ: „Поди къ Ананіи и онъ скажетъ, что дѣлать". Іустинъ философъ, Варвара великомученица, Іоасафъ царевичъ увидѣли ложь, но, чтобы познать истину, имѣли нужду въ особыхъ руководителяхъ и истолкователяхъ. Потому и поставлено у Господа Промыслителя закономъ: *всѣмъ всюду проповѣдывать*, да покаются (Дѣян. 17, 30). Вѣра отъ слуха, слѣдовательно, глаголомъ Божіимъ (Рим. 10, 17). И сей глаголъ, отъ апостоловъ, чрезъ ихъ преемниковъ возглашается теперь во всѣхъ концахъ земли. И вотъ существенная нужда оглашенія,— сказанія общаго, спасительнаго порядка Божія, необходимость общеизвѣстности лицъ и мѣста, куда долженъ обратиться за истолкованіемъ возбужденный, чтобы не потерять напрасно возбужденія, или чтобы не блуждать съ нимъ по распутіямъ, истощая безплодно силы и время. Катихизическое ученіе непрестанно должно быть слышимо (и, дѣйствительно, слышится) въ Церкви. Вѣрные—стоящіе будутъ чрезъ то

болѣе и болѣе созидаться; падшіе же и возбужденные тотчасъ будутъ имѣть нелестнаго путеуказателя. Какъ многоцѣненъ долгъ священниковъ благовременно и безвременно возвѣщать спасительные пути Божіи, не полагаясь на общеизвѣстность, большею частію, предполагаемую!...

Но слово Божіе не только восполняетъ всѣ показанные способы, но и замѣняетъ ихъ. Оно возбуждаетъ полнѣе и внятнѣе. По сродству его съ духомъ нашимъ, такъ же исходящимъ отъ Бога, оно проходитъ внутрь, до раздѣленія души и духа, оживляетъ послѣдній и осѣменяетъ его къ плодоношенію дѣлъ жизни духовной (отъ чего слово и называется *сѣменемъ*). Возбудительная сила его тѣмъ значительнѣе, что оно дѣйствуетъ разомъ на всего человѣка, на весь его составъ, —тѣло, душу и духъ. Звукъ, или члено-составъ слова, поражаетъ слухъ, мысль занимаетъ душу, а невидимая, сокровенная въ немъ энергія касается духа, который, если вонметъ, послѣ того, какъ слово благополучно пройдетъ и тѣло и душу,—эти грубыя заставы,—возбуждается, и, приходя въ напряженіе, разрываетъ держащія его узы.

Слово Божіе показанными же способами и возбуждаетъ; именно,—или живѣйшимъ представленіемъ сознанію божественнаго порядка, или введеніемъ въ него нашего духа, чрезъ разореніе держащихъ его преградъ. Напримѣръ, одинъ старый слуга сказалъ въ простотѣ больному своему господину: „сколько ни бейся, батюшка, а придется умереть“, — и тѣмъ возбудилъ его къ покаянію. Другой прочиталъ подъ изображеніемъ

распятаго Господа: „вотъ что Я для тебя сдѣлалъ; ты же что для Меня?“—и пробудился отъ усыпленія. Св. Пелагея слышала о смерти, судѣ и горькой участи грѣшныхъ, и отстала отъ грѣшной жизни. Равноапостольный князь Владиміръ обращенъ описаніемъ всего божественнаго порядка, начиная съ сотворенія міра до конца всѣхъ вещей, страшнаго суда и вѣчной участи добрыхъ и злыхъ. Да и вообще проповѣдь св. Апостоловъ, а по ихъ слѣдамъ и всѣхъ проповѣдниковъ Евангелія, состояла въ простомъ, безъ умствованій, представленіи истины. Св. апостолъ Павелъ говоритъ о себѣ, что его слово и проповѣдь были не въ убѣдительныхъ человѣческой мудрости словахъ, а въ простомъ сказаніи о дѣлѣ спасенія чрезъ Господа нашего Іисуса Христа, на крестѣ распятаго (1 Кор. 2, 4). И это, можно сказать, естественнѣйшій способъ дѣйствованія чрезъ слово — изображать истину, какъ она есть, не заграждая ее умственными соображеніями и особенно предположеніями о вѣроятностяхъ. Истина сродна духу. Просто и искренно высказанная, она найдетъ его; обставленная же образами, офигуренная, и разукрашенная, останется въ фантазіи, — загроможденная соображеніями и доказательствами, задержится въ разсудкѣ или душѣ, не достигая духа и оставляя его праднымъ. Можно сказать, что вся неплодность проповѣданія зависитъ отъ разумичности, которою набиваетъ ее. Но разъясни истину просто, раскрой, въ чемъ она,- и духъ будетъ побѣжденъ. Еврей читалъ Евангеліе — и обратился, ибо узрѣлъ истину въ простомъ евангельскомъ сказаніи. Вообще, множество воль-

нодумцевъ обратилось живымъ сознаніемъ божественныхъ вещей, по указанію слова Божія — живаго или писаннаго. Истина разсѣеваетъ мракъ суетныхъ помышленій, освѣжаетъ душу, освѣщаетъ духъ. Можно бы съ великою пользою употреблять почасту, въ общихъ разговорахъ, краткій пересмотръ того, какъ все началось, чѣмъ кончится и почему.

Съ другой стороны, силою слова нерѣдко разоряются преграды духа и дается ему свобода. Такъ св. Антоній великій услышалъ слово о ничтожности благъ земныхъ—и все оставилъ. Одинъ юноша прослушалъ проповѣдь о блудномъ сынѣ — и покаялся. Изображеніемъ суетности житейской и мірской многіе святые, уже на брачномъ ложѣ, склоняли своихъ супругъ къ безпорочной, чистой жизни. Вообще, представленіе божественнаго порядка—съ одной стороны, и раскрытіе разныхъ очарованій—съ другой, исполняютъ душу полнотою *спасительнаго вѣдѣнія*, или яснымъ и убѣдительнымъ знаніемъ спасительнаго пути, противъ котораго рѣдко можетъ устоять упорство сердца. Очень многіе, если не дѣйствуютъ, какъ должно, съ напряженіемъ, а остаются въ усыпленіи и безпечности, то потому, что не знаютъ спасительныхъ истинъ, или неполно знаютъ. Полнота знанія побѣдительна, ибо тогда некуда укрыться лукавому сердцу.

Въ силу сей всеобъемлющей общегодности къ пробужденію грѣшниковъ, слово Божіе на землѣ ходитъ и до слуха нашего доходитъ многообразно. Оно неумолчно слышится въ храмахъ, на всякомъ богослуженіи, и внѣ храмовъ, во всякомъ чинѣ церковномъ; оно

въ пѣніяхъ и пѣсняхъ церковныхъ; оно въ проповѣдяхъ отеческихъ и во всякой душеполезной книгѣ; оно въ душеспасительныхъ бесѣдахъ и ходячихъ изреченіяхъ назидательныхъ; оно въ школахъ, картинахъ и всякомъ видимомъ предметѣ, представляющемъ духовныя истины. Судя по сему, мы объяты словомъ Божіимъ, оглашаемся имъ со всѣхъ сторонъ. Отовсюду идутъ къ намъ гласы трубные на разореніе твердынь грѣха, какъ стѣнъ іерихонскихъ. Во всѣхъ сихъ видахъ своихъ слово Божіе уже показало и постоянно показываетъ свою побѣдоносную надъ сердцемъ человѣческимъ силу. Надлежитъ только заботиться, чтобы пути, коими расходится слово Божіе, были хранимы и непресѣкаемы,—чтобы не умолкала проповѣдь искренняя, чтобы богослуженіе совершалось по чину и въ назиданіе, чтобы иконописаніе было здраво и свято, пѣніе трезвенно, просто и благоговѣйно. Исполненіе сего лежитъ на служителяхъ алтарей. Они потому суть въ рукахъ Промысла Божія самыя необходимыя и самыя могущественныя орудія къ обращенію грѣшниковъ. Надобно имъ сознать сіе, и не молчать не только въ храмахъ, но и въ домахъ, всякимъ случаемъ пользуясь — то изобразить въ словѣ міръ Божій, то раскрыть обольщенія нашего духа призраками душевно-тѣлесности *).

*) Прекраснѣйшіе образцы въ семъ родѣ—у святителя Тихона. Онъ глубже всѣхъ, кажется, уразумѣлъ, что лучшее употребленіе дара писать и говорить есть обращеніе его на вразумленіе и пробужденіе грѣшниковъ отъ усыпленія. Къ тому и ведетъ почти всякая статья его. Такою же должна быть и всякая церковная проповѣдь и всякая бесѣда.

Обыкновенный порядокъ стяжанія дара возбудительной благодати.

Замѣчено уже было, что, въ разнообразіи дѣйствій благодатныхъ возбужденій, особеннаго достоинъ замѣчанія тотъ образъ дѣйствія ея, какой употребляетъ она въ отношеніи къ грѣшнику, уже испытавшему сіи возбужденія и опять отпавшему въ грѣхъ, рѣшительнымъ паденіемъ въ обычные свои смертные грѣхи. Чѣмъ чаще повторяются сіи отпаденія, тѣмъ слабѣе становится возбужденіе, потому что къ нему сердце какъ бы привыкаетъ, и оно переходитъ въ рядъ обычныхъ явленій душевной жизни. Вмѣстѣ съ такимъ умаленіемъ, оно изъ чувства энергическаго, какимъ характеризуется въ настоящемъ своемъ видѣ, все болѣе и болѣе приближается къ мысли, и, наконецъ, переходитъ въ одно простое помышленіе и воспоминаніе. Это помышленіе до поры до времени принимается съ согласіемъ, потомъ только терпится, хоть безъ неудовольствія, но холодно, безъ особаго вниманія; а затѣмъ уже становится докучливымъ, его спѣшатъ поскорѣе сбыть, и, наконецъ, отъ него чувствуютъ непріятность и отвращеніе; его уже не любятъ, а ненавидятъ, преслѣдуютъ, гонятъ. Соотвѣтственно сему, падаетъ убѣжденіе въ необходимости лучшей духовной жизни: сначала необходимость сія представляется только вѣроятною,—далѣе закрывается сомнѣніями, въ видѣ вопросовъ о разныхъ сторонахъ своихъ,—еще далѣе ненужность и излишность ея становится болѣе чѣмъ вѣро-

ятною; наконецъ, внутри полагается рѣшеніе: „живи, какъ живется, и такъ можно прожить; все другое — излишнія хлопоты.“ Здѣсь человѣкъ приходитъ въ глубину золъ и нерадитъ,—состояніе, сходное съ состояніемъ и того, кто ни однажды не принималъ возбужденія.

Очевидно, что спасеніе послѣдняго въ крайней опасности. Велико Божіе милосердіе, но и оно, можетъ быть, не возможетъ уже сдѣлать съ нимъ ничего, какъ съ землею, многократно пившею сходящій на нее дождь и неплодоносною, которая стала *клятвы близъ* (Евр. 6, 8). И вотъ это-то послѣдствіе, отъ неустоянія въ порядкѣ жизни, требуемомъ благодатными возбужденіями, особенно надобно напечатлѣть въ памяти тѣмъ, кои нуждаются въ немъ. Правда, Божественная благодать не связывается въ своихъ дѣйствіяхъ, подобными измѣреніями и опредѣленіями, но бываетъ, что и согласуется съ ними. Потому, хотя не должно отчаяваться въ возможности обращенія и спасенія, сколько бы слабо ни было призываніе на возвратъ къ доброй жизни; однако же всегда съ робостію и боязнію должно помышлять о своемъ положеніи при такой слабости. Не ниспали-ль мы до послѣдней возможности принимать благодатныя возбужденія? Не преградили-ль всѣ пути всежелательной нашего спасенія божественной благодати дѣйствовать на насъ? Не послѣднія ли это приближенія ея къ намъ съ цѣлію образумить насъ и положить конецъ безобразію жизни нашей? Посему, коль скоро подобныя призыванія слабы, надобно спѣшить воспользоваться ими со всею твердостію намѣренія,

хотя болѣе разсудочнаго, и усилить ихъ, сколько это дано свободѣ человѣка. Очевидно, такое усиліе будетъ нечто иное—какъ разверстіе себя для призываемой и искомой благодати,—разверстіе, ибо въ прежнія паденія болѣе и болѣе ожестевали мы и закрывались для благодати, то въ той, то въ другой части. Оно будетъ совершаться преданіемъ себя благодати тѣмъ путемъ, какой будетъ сейчасъ указанъ къ восхожденію до энергіи первовозбужденнаго, ибо должно думать, что послѣдняя будетъ расти вмѣстѣ съ тѣмъ, какъ будетъ приниматься тотъ или другой пріемъ къ раздраженію усыпленныхъ духовныхъ движеній. Такимъ образомъ, тогда, какъ у первовозбужденнаго все совершается ретиво, быстро, огненно,—у послѣдняго дѣло идетъ холодно, неспѣшно, многотрудно. Его будто оставляетъ благодать себѣ самому, чтобы дать почувствовать, какъ драгоцѣнно неизмѣнное послушаніе Богу-зовущему, и поселить расположеніе дорожить Божіими пособіями. Желаніе при семъ хранитъ Господь, и отрѣшеніе не вдругъ подаетъ,—а держитъ человѣка по средѣ, въ томленіи, не склоняя будто ни туда, ни сюда, чтобы испытать усердіе и образовать желаніе и обѣщаніе постоянства. За тѣмъ испытаннаго уже и отрѣшаетъ.

Этими немногими чертами имѣли мы въ мысли различить два образа дѣйствій Божіей благодати, изъ которыхъ объ одномъ Господь говоритъ: *се стою при дверехъ и толку* (Апок. 3, 20), а о другомъ: *ищите и обрящете; толцыте и отверзется вамъ* (Лук. 11, 9). Первый образъ нами описанъ; относительно втора-

го предлежитъ вопросъ: какъ искать и во что *толцать*?

Въ чрезвычайныхъ случаяхъ благодать Божія оказываетъ свое дѣйствіе быстро и рѣшительно, какъ видимъ, напримѣръ, на апостолѣ Павлѣ, Маріи египетской и прочихъ, — но въ обыкновенномъ порядкѣ обращеній большею частью бываетъ такъ, что приходитъ человѣку только мысль — перемѣнить жизнь и стать лучше въ своихъ дѣлахъ и внутреннихъ расположеніяхъ. Приходитъ мысль, — но какъ много надо придать ей, чтобы она возобладала надъ душою! Большею частію такого рода благія помышленія остаются безплодными, не по своей, однакожъ, винѣ, а по недолжному отношенію къ нимъ тѣхъ, чью душу посѣщаютъ онѣ.

Первая и главная въ отношеніи къ нимъ погрѣшность та, что ихъ оставляютъ неисполненными, отлагаютъ день ото дня. Отлагательство—общій недугъ и первая причина неисправимости. Всякій говоритъ: еще успѣю, — и остается въ старыхъ порядкахъ привычной недоброй жизни. И такъ, пришла благая мысль исправиться,—ухватись за нее, займись тѣмъ, чего ради она послана къ тебѣ; и съ сею цѣлію прежде всего гони отлагательство.

Гони отлагательство. Не позволь себѣ сказать: завтра, или когда нибудь послѣ, займусь этимъ, а сейчасъ же приступи къ дѣлу. Возьми въ орудіе себѣ здравое разсужденіе, и помощію его:

а) Живѣе вообрази неразумie, безобразіе и опасность отлагательства. Говоришь: послѣ,—но послѣ бу-

детъ труднѣе это сдѣлать, потому что самъ больше привыкнешь къ грѣху, и больше сдѣлаются запутанными обстоятельства и связи твои грѣховныя. Но какой смыслъ опутанному больше и больше себя опутывать, и держать на умѣ, что, и при этомъ, послѣ распутаться ему будетъ такъ же легко, какъ и теперь? Ужь если сознаешь, что такимъ оставаться тебѣ нельзя, каковъ ты теперь, что мѣшкать? Вѣдь, наконецъ, и Богъ можетъ сказать: „былъ ты мнѣ въ сытость“ — (Ис. 1, 14), и самъ можешь зайти за черту, изъ-за которой нѣтъ возврата. А это такого рода бѣда, для избѣжанія которой нѣтъ труда, который основательно можно было бы пожалѣть. Если добросовѣстная мысль озаботится представить все это отчетливо и живо, то всѣ главные дѣятели души отвратятся отъ отлагательства, внутри не будетъ за него заступника. Увидишь, что оно вражески относится къ тебѣ, и самъ взглянешь на него непріязненно.

б) Отлагаемъ отъ того, что благая мысль, посѣтившая насъ, стоитъ въ насъ еще только какъ мысль, еще не привлекла сочувствіе, не движетъ желанія. Она, среди другихъ нашихъ интересовъ, явилась, какъ чуждая гостья, манитъ издали, дѣйствуетъ не впечатлительно. Провесть ее дальше въ глубь души и указать ея цѣну и привлекательность,—твое уже дѣло. И такъ, поставь ее на первомъ планѣ, вообрази ея правоту, покажи радость и высоту, какія она обѣщаетъ, увѣрь себя въ легкости ея исполненія. Благая мысль дѣйствуетъ слабо и не привлекаетъ сердца отъ того, что есть другіе планы въ головѣ, есть предметы

интереснѣе, по указанію предзанявшихъ тебя влеченій. Такъ вызови же все на среду, и сличи безпристрастно. Въ сравненіи съ тѣмъ, что представляетъ благая мысль, ничто устоять не можетъ; все отодвинется на задній, далекій-далекій планъ. Указуемое благою мыслію останется одно, и, какъ единственно-цѣнное и прекрасное, привлечетъ.

в) Недугуемъ отлагательствомъ наиболѣе отъ того, что въ эту пору позволяемъ ослабѣть въ себѣ энергіи, поблажаемъ лѣности, вялости, сонливости, нерѣшительности и въ мысли и въ дѣятельныхъ силахъ; такъ можно взять себя и съ этой стороны, поживѣе представивъ себѣ, какъ унизительно попускать это въ обыкновенныхъ дѣлахъ, тѣмъ паче въ самонужнѣйшемъ дѣлѣ спасенія,—что во всемъ должно оказывать себя живымъ и быстродѣятельнымъ, что стыдно допускать противное, стыдно отлагать до завтра то, что можно и должно сдѣлать сегодня.

Такими и подобными пріемами гони отлагательство. Какъ кто сумѣетъ это сдѣлать, только сдѣлай. Пришла благая мысль, — уговори себя не отлагать исполненіе ея, расположи и заставь себя сейчасъ же начать дѣйствовать по указанію ея. Кто отложилъ дѣло до слѣдующихъ дней, тому сегодня нечего предлагать дальнѣйшихъ совѣтовъ.

Но полагаемъ, что благая мысль принята и заняла вниманіе. Теперь надобно поспѣшить довесть ее до такой мѣры возбужденности, на которой она сильна будетъ стать рычагомъ, легко и сильно приводящимъ въ движеніе все внутреннее наше. Для сего надо дать

ей просторъ пройти внутрь,— а для этого надлежитъ дѣлать надъ собою, скажемъ такъ, нѣкоторыя операціи, какъ самое нужное и самое дѣйственное приготовленіе къ возбужденію.

Операціи сіи должны быть противоположны тѣмъ тонкимъ сѣтямъ, или тому порядку расположеній, коими задерживается человѣкъ въ грѣхѣ. Грѣхъ опутываетъ душу многими сѣтями, или скрываетъ себя отъ ней многими покровами, потому что самъ по себѣ онъ безобразенъ и съ перваго раза могъ бы оттолкнуть отъ себя. Самый глубокій и ближайшій къ сердцу покровъ составленъ изъ *самообольщенія*, *нечувствія* и *безпечности*; выше надъ нимъ, ближе къ поверхности, лежатъ *разсѣянность* и *многозаботливость*, главнѣйшіе дѣятели, скрывающіе и питающіе грѣхъ и грѣховные обычаи и порядки; самый верхній покровъ — это *преобладаніе плоти*, — покровъ, болѣе другихъ видный, не менѣе однако-жъ ихъ сильный и значительный.

Первый покровъ есть существенный покровъ. Онъ производитъ то, что человѣкъ не видитъ опасности своего положенія и не желаетъ перемѣнить его. Послѣдніе два суть только орудія; ими лишь обнаруживается и поддерживается то грѣховное состояніе. Когда приходитъ божественная благодать, она, проходя до раздѣленія *души и духа*, прямо ударяетъ на первый покровъ и разрываетъ его. Подъ ея дѣйствіемъ человѣкъ грѣшный тотчасъ становится обнаженнымъ, и стоитъ предъ своимъ сознаніемъ во всемъ безобразіи. Но когда человѣкъ только еще самъ ищетъ благодат-

наго возбужденія, ему надобно начать дѣйствовать совнѣ, и простираться внутрь.

И такъ, хочешь ли, какъ слѣдуетъ, заняться объявшимъ тебя помышленіемъ о перемѣнѣ недоброй жизни,—начинай снимать съ себя грѣховные покровы, какъ снимаютъ слои земли, чтобы открыть сокрытое тамъ.

а) Прежде всего возьмись за *тѣло*. Откажи ему въ наслажденіяхъ и удовольствіяхъ, стѣсни удовлетвореніе самыхъ естественныхъ потребностей; продли часъ бдѣнія, умаль обычную мѣру пищи, приложи къ трудамъ новый трудъ. Главное, какъ хочешь и какъ можешь, облегчи плоть, утончи ея дебелость. Этимъ душа высвободится изъ связности веществомъ, станетъ подвижнѣе, легче, пріимчивѣе для впечатлѣній добрыхъ. Вещественное тѣло, преобладая надъ душею, сообщаетъ ей свою неподвижность и холодность. Подвиги тѣлесные ослабляютъ эти узы и устраняютъ слѣдствія ихъ. Правда, не всякій грѣшникъ живетъ невоздержно и поблажаетъ тѣлу, — но едва ли найдется лицо, изъ обычно живущихъ, которое не имѣло бы въ чемъ отказать тѣлу, когда на сердце западетъ желаніе спасенія. А цѣль много значитъ: она совсѣмъ измѣняетъ дѣйствія. Что прежде дѣлалъ ты по обычаю или въ пользу своихъ занятій,—начни то дѣлать теперь, съ нѣкоторыми, конечно, перемѣнами и прибавками строгости, спасенія ради,—и осязательно ощутишь разность.

б) Тѣло обременяетъ душу совнѣ; *заботы* и *расхищеніе мыслей* томятъ ее внутри. Допустимъ, что смирена уже плоть,—этимъ сдѣланъ первый шагъ; но еще двѣ заставы отдѣляютъ душу отъ себя самой.

Заботы не оставляютъ времени заняться собою. При нихъ одно дѣло въ рукахъ, а десятки въ головѣ. Отъ того онѣ гонятъ человѣка все впередъ и впередъ, не давая ему возможности осмотрѣться и взглянуть на себя. И такъ, отложи на время заботы, всѣ безъ исключенія, отложи только на время; послѣ опять возмешься за обычныя дѣла, только теперь прекрати ихъ, выкинь ихъ изъ рукъ, выбрось ихъ и изъ мысли.

Но и тогда, какъ заботливыя дѣла прекращены, смятеніе еще надолго остается въ головѣ: мысль за мыслію, то въ согласіи, то одна другой на перекоръ; душа разсѣяна, умъ шатается въ разныя стороны, и тѣмъ самымъ не даетъ установиться въ себѣ чему-либо постоянному и твердому. Собери же разсѣянныхъ чадъ своихъ во едино,—какъ пастырь собираетъ стадо, или какъ стекло разсѣянные лучи, и обрати ихъ на себя.

Желаніе углубиться въ себя и заняться собою, пресѣченіемъ разсѣянія мыслей и заботливости, потребуетъ, конечно, какъ неизбѣжнаго средства, съ одной стороны, уединенія, съ другой—прекращенія обычныхъ занятій, и житейскихъ и должностныхъ; прежде же указанное смиреніе плоти потребуетъ измѣненія въ порядкѣ удовлетворенія естественныхъ потребностей. Судя по сему, самымъ удобнымъ временемъ къ тому, чтобы устроить перемѣну своей жизни, должно счесть время поста какого-нибудь, особенно же великаго. Тутъ все къ тому преднастроено,—и дома, и въ церкви, и даже въ обществѣ. На это время всѣ и смотрятъ, какъ на приготовленіе къ покаянію. Однако-жъ изъ этого не слѣдуетъ, что, когда пришла благая мысль о перемѣнѣ

жизни, исполненіе ее надо отлагать до наступленія поста. Все, требуемое при семъ, можетъ быть исполнено и во всякое другое время, кромѣ поста. Но ужъ, конечно, когда пришелъ святый постъ, — грѣхъ пропустить его, не позаботясь о спасеніи души, какъ пропускается другое время. Кому придетъ спасительное помышленіе о перемѣнѣ жизни не во время поста, и кто находитъ къ приведенію его въ исполненіе какія-либо помѣхи въ своемъ быту, — тому лучше всего удалиться на время въ какую-либо обитель. Тамъ удобнѣе совладать съ собою.

в) Вотъ ты стоишь теперь у своего сердца. Предъ тобою твой внутренній человѣкъ, погруженный въ глубокій сонъ безпечности, нечувствія и ослѣпленія. Начинай будить его. Пришедшая благая мысль уже потревожила его немного. Приступи же тѣмъ съ большею благонадежностью, и сильнѣйшимъ напряженіемъ мысли, собравъ все свое вниманіе, начинай наводить на себя разнаго рода представленія, болѣе или менѣе сильныя и поразительныя, примѣняя однако-жъ ихъ къ внутреннему своему состоянію.

Прежде всего снимай съ очей ума твоего покровы, содержащіе его *въ ослѣпленіи*. Если человѣкъ не отстаетъ отъ грѣха и не бѣжитъ отъ него, то это наиболѣе отъ того, что не знаетъ себя и той опасности, въ какой находится ради грѣха. Если бы ему открылись очи, то онъ побѣжалъ бы отъ грѣха, какъ бѣжитъ изъ дома, объятаго огнемъ. Такое ослѣпленіе происходитъ и отъ невниманія къ себѣ: человѣкъ не

знаетъ себя потому, что никогда не входилъ въ себя, и не думалъ о себѣ и своемъ нравственномъ состояніи; но большею частью ослѣпленіе поддерживается нѣкоторыми опредѣленными предубѣжденіями относительно себя. Человѣкъ самъ по себѣ составляетъ нѣкоторую сѣть помышленій, систематически закрывающихъ его отъ себя самого. Пусть сіи помышленія—сѣть паутинная, только самыя легкія вѣроятности,—но уму некогда съ отчетливостью разобрать ихъ, — а тутъ за ихъ дѣйствительность и истину такъ громко говоритъ сердце. Это собственно наши нравственныя заблужденія или предразсудки, происходящіе отъ вмѣшательства сердца въ дѣла разума. Вотъ почему къ глубокому вниманію надобно присоединить съ сей минуты еще нѣкоторую трезвенность, отсраняющую всякую лесть сердца лукаваго. Пусть съ этой минуты, если что нужно чувствовать сердцу, оно чувствуетъ подъ вліяніемъ представленій ума, а не само по себѣ, какъ бы забѣгая впередъ; иначе оно опять заставитъ разумъ представлять вещи по своему, опять подчинитъ его себѣ, опять внесетъ безпорядокъ въ понятія, и, вмѣсто просвѣтленія, еще въ большее повергнетъ ослѣпленіе.

Поставивъ теперь себя въ такое положеніе, начинай изводить на средину разныя помышленія, держащія тебя въ ослѣпленіи, и подвергай ихъ строгому и нелицемѣрному суду.

а) *Я христіанинъ*,—говоришь ты, и успокаиваешься на этомъ. Вотъ первая лесть — перенесеніе на себя преимуществъ и обѣтованій христіанскихъ, безъ за-

боты объ укорененіи въ себѣ истиннаго христіанства, или усвоеніе имени того, что можетъ лежать и держаться только на силѣ и внутреннемъ достоинствѣ. Объясни же себѣ, что обманчива надежда на имя, что Богъ можетъ и изъ каменій воздвигнуть чадъ Аврааму и во всякое время отмѣнить свои обѣтованія, коль скоро не исполняются условія къ участію въ нихъ. Главное, уясни себѣ, что значитъ быть христіаниномъ, сличи себя съ симъ идеаломъ,—увидишь—на сколько основательна эта опора твоего ослѣпленія.

б) *Да вѣдь мы не изъ послѣднихъ*; знаемъ кое-что, и если обсудить что возьмемся, сумѣемъ обсудить, и дѣла свои ведемъ не на-обумъ и не безъ такту, какъ другіе. Такъ иные прельщаются душевными своими совершенствами. Другимъ, напротивъ, лѣзутъ въ глаза тѣлесныя совершенства—сила, красота, порода. Тѣ и другіе тѣмъ рѣзче ослѣпляются, чѣмъ выше мы стоимъ надъ всѣми въ окружающей насъ средѣ. Увѣрь же себя.

а) что естественныя совершенства и вообще не имѣютъ цѣны нравственной, потому что они не наше пріобрѣтеніе, а дарованы намъ Богомъ; тѣмъ паче въ христіанствѣ все естественное не цѣнно, по причинѣ порчи естества въ паденіи. Освяти свое добро вѣрою во Христа Спасителя и жизнію по сей вѣрѣ, тогда и смотри на него, какъ на добро.

b) Опять — все ли сдѣлано тобою, что можешь и долженъ ты сдѣлать по твоимъ дарованіямъ? Ты большему подлежишь отвѣту, потому что тебѣ больше дано. Не о способностяхъ дѣло, а объ ихъ употребле-

нiи. Укажи, что пріобрѣлъ ты ими? Соотвѣтствуетъ ли прибытокъ употребленному расходу?

c) Про тѣлесныя или какія-либо случайныя преимущества нечего и говорить. Св. Златоустъ въ одномъ мѣстѣ выставляетъ человѣка, который хвалитъ другаго за то, что онъ хорошъ собою, статенъ, богатъ, имѣетъ хорошій домъ, ѣздитъ на отлично убранныхъ лошадяхъ, и проч.,—и потомъ обращается къ нему съ такою рѣчью: „что-жъ ты мнѣ ничего не сказалъ про него самого? Все, что ты говорилъ, не есть онъ“.

d) А на другихъ смотрѣть нечего; пусть они сами по себѣ. Всякій за себя будетъ давать отчетъ. Ты на себя смотри, и, отрѣзавъ себя отъ другихъ, себя только одного суди безъ сравненія съ другими. Или если ужъ сравниваться хочешь съ кѣмъ нибудь, то сравни себя со святыми угодниками. Они суть живой законъ христіанскій, или живой образецъ спасающихся. По нимъ, если станешь судить себя, не ошибешься.

в) *Мы не такъ еще худы*: кажется, не безобразничаемъ, и другіе смотрятъ на насъ не какъ на худыхъ, не лишаютъ своего уваженія и вниманія,—и притомъ не простые только, но и изъ важныхъ особъ“. Самаго густаго мрака покровъ ослѣпленія благовидностію внѣшняго поведенія и внѣшнихъ отношеній! Уясни себѣ повпечатлительнѣе, что внѣшнее не цѣнно безъ внутренняго. Внѣшняя исправность поведенія — листья; внутреннія добрыя расположенія—плодъ. Смоковница листьями обѣщала плоды, но Спаситель, не нашедши ихъ на ней, проклялъ ее. Таковъ же предъ лицемъ

Его и всякій внѣшне исправный, безъ искренне добраго и богобоязненнаго сердца. *Сыне, даждь ми сердце*, говоритъ Господь у Премудраго. Изъ сердца какъ все доброе, такъ и все злое. Каковъ ты въ сердцѣ, таковъ ты предъ лицемъ Господа. Если ты гордъ въ сердцѣ, то какъ ни смиренничай наружно, все Господь видитъ тебя гордымъ. Такъ и во всемъ прочемъ. А судъ другихъ — обманчивая лесть. Другіе не знаютъ насъ, а относятся къ намъ хорошо, или предполагая насъ добрыми, или подчиняясь закону приличія. Не бываетъ ли и такъ, что тѣ, кои около насъ, и видятъ худо въ насъ, но не намекаютъ намъ о томъ по своимъ причинамъ? Не бываетъ ли и такихъ опытовъ, что иные, видя худо въ другихъ, похваляютъ ихъ за то, и тѣмъ возбуждаютъ нѣкоторый духъ молодечества въ худодѣланіи; и неразумный внематель имъ пошелъ, безъ остановки, все глубже и глубже во зло и худобу; ибо когда видитъ человѣкъ въ окружающихъ улыбку удовольствія отъ дѣлъ своихъ, то остается во злѣ съ нѣкоторымъ самодовольствомъ. Не потерпѣть бы и намъ чего подобнаго, если такъ чутко будемъ прилагать ухо только къ сужденіямъ о насъ другихъ!...

г) Но пусть и худо есть во мнѣ; *будто я одинъ таковъ?* Таковъ же и тотъ-то, и тотъ-то, даже и вотъ кто. И мало ли можно найти такихъ, которые худы, еще хуже меня...“ — Ослѣпляемъ себя обычностію грѣха вокругъ насъ. Уясни же себѣ, что множество грѣшащихъ не измѣняетъ закона правды и не избавляетъ никого отъ отвѣтственности. Богъ не смотритъ на число. Хоть всѣ согрѣши, всѣхъ и накажетъ. Сколько

народилось людей до потопа, а всѣ погибли, кромѣ осьми душъ, а съ Содомомъ и Гоморой пять городовъ пожралъ огнь съ неба,— и никто не спасся, кромѣ Лота съ дочерьми. И въ адѣ мученія не легче будутъ отъ того, что много тамъ окажется мучимыхъ; напротивъ даже, не усилятся ли тамъ вмѣстѣ съ тѣмъ страданія каждаго?

Такими и подобными разсужденіями спѣши разогнать мракъ предразсудочныхъ помышленій, держащихъ тебя въ ослѣпленіи и не дающихъ тебѣ взглянуть на себя, какъ слѣдуетъ. Цѣлію сей первой работы надъ собою поставь—привести себя въ сомнѣніе и колебаніе относительно безопасности своего стоянія. Ты дойдешь до сего естественно, когда одна за другою начнешь отнимать опоры, на которыхъ ложно утверждается наше ослѣпленіе, мало по малу начнешь разрушать пустыя надежды на себя и что либо свое, мало по малу станешь развивать *непщеванія вины о грѣсѣхъ*, то-есть склонность всегда и во всемъ себя оправдывать. Увѣрь себя, что христіанство твое ни во что, если ты худъ, что совершенства твои больше обличаютъ, чѣмъ оправдываютъ тебя, что исправность твоя внѣшняя есть лицедѣйство богоненавистное, при неисправности сердца, что ни похвалы другихъ, ни широкость товарищества въ худодѣйствѣ не укроютъ тебя отъ Божія суда и гнѣва. Мало по малу будешь обособляться въ мысли и становиться однимъ—одинъ предъ взоромъ ума и совѣсти, которая подастъ сильный голосъ противъ тебя, особенно послѣ того, какъ, сличивъ себя съ тѣмъ, какимъ тебѣ подобаетъ быть во Христѣ, най-

дешь, что ты далеко отсталъ отъ своего первообраза. Вслѣдствіе сего, если сознаніе твое не будетъ лукавить предъ собою, естественно тебѣ оробѣть за себя. Отрѣзанный какъ бы отъ всѣхъ и всѣхъ опоръ лишенный, ты долженъ будешь поразиться чувствомъ безнадежности и опасенія за себя. Всячески до сего именно предѣла долженъ ты доводить помянутую работу надъ своимъ ослѣпленіемъ. Возрожденіе сего чувства есть всегда преддверіе бѣгства грѣховнаго, какъ на войнѣ колебаніе рядовъ вражескихъ есть знакъ скораго ихъ обращенія въ бѣгство.

2) Коль скоро произойдетъ такимъ образомъ хоть легкое движеніе чувства своей грѣховности и опасности оставаться въ ней, углубись еще больше въ себя, и еще съ большимъ напряженіемъ мысли поражай себя какими-либо грозными и отрезвляющими представленіями; потрясай и умягчай ими *нечувственное сердце* свое, какъ тяжелый молотъ умягчаетъ жесткій камень.

а) Помяни послѣдняя твоя. Говори себѣ: „увы, скоро *смерть*.“ Одинъ, другой умираютъ около тебя; вотъ-вотъ ударитъ и твой часъ. Не отдаляя отъ себя часа смертнаго, внуши себѣ, что уже посланъ ангелъ смерти, идетъ, приблизился. Или вообрази себя человѣкомъ, надъ головою котораго мечъ, готовый поразить его. Затѣмъ живѣе представь, что будетъ съ тобою въ смерти и послѣ смерти. *Судъ при дверехъ*. Тайная твоя обличатся предъ ангелами и всѣми святыми. Тамъ, предъ лицемъ всѣхъ, будешь стоять ты одинъ съ дѣлами твоими. Отъ нихъ или осудишься, или оправдишься.—А что—*рай*, и что—*адъ*?... Въ раю—блажен-

ство, котораго описать нельзя; въ адѣ—мука безъ отрады и конца; на немъ печать рѣшительнаго отверженія Божія. Воспріими все это въ чувство и понудь себя побыть въ немъ, пока не исполнитъ тебя *страхъ и ужасъ*.

б) Обратись потомъ къ Богу, и поставь себя, оскверненнаго и обремененнаго многими грѣхами, предъ лицемъ Его, вездѣсущаго, всевѣдущаго, всещедраго, долготерпѣливаго!... Еще ли будешь оскорблять око Божіе мерзкимъ видомъ своимъ грѣховнымъ? Еще ли будешь обращать неблагодарно хребетъ къ ущедряющему тебя всесторонне? Еще ли будешь затыкать уши предъ отеческимъ гласомъ, милостиво призывающимъ тебя? Еще ли будешь отвращать руку, простираемую къ пріятію тебя?... Воспріими въ чувство эту несообразность, и поспѣши возбудить и укрѣпить въ себѣ *жалость и печаль по Богѣ*.

в) Помяни при томъ, что ты христіанинъ, искупленъ кровію Христовою, омытъ водою крещенія, пріялъ даръ Духа Святаго, бываешь на трапезѣ у Господа и питаешься плотію и кровію Его. И все сіе попрано тобою грѣха ради, разрушающаго тебя!... Взойди мысленно на Голгоѳу, и пойми, чего стоятъ грѣхи твои... Ужели и еще будешь уязвлять главу Господа терніями грѣховъ твоихъ? Еще ли будешь пригвождать Его ко кресту, пробождать ребра Его и издѣваться надъ долготерпѣніемъ Его? Или ты не вѣдаешь, что, грѣша, участвуешь и въ мученіи Спасителя и раздѣлишь за то участь мучителей; а если бросишь грѣхъ и покаешься, то причастишься силы смерти Его? Избирай одно изъ

двухъ: или распинать, и вѣчно гибнуть,—или сраспинаться, и животъ съ Нимъ вѣчный наслѣдовать.

г) Разсуди далѣе, что такое грѣхъ, къ которому ты такъ льнешь. Это зло, бѣдственнѣйшее изъ всѣхъ золъ, оно отдаляетъ насъ отъ Бога, разстраиваетъ душу и тѣло, предаетъ мученіямъ совѣсти, подвергаетъ казнямъ Божіимъ въ жизни, въ смерти и по смерти, ввергаетъ въ адъ, заключая рай на вѣки. Какое чудовище любимъ!... Воспріими въ чувство все зло отъ грѣха, и напрягись *мерзить имъ и отвратиться* отъ него.

д) Посмотри, наконецъ, на грѣхъ, со стороны діавола, перваго его производителя и размножителя, и разсмотри, кому работаешь ты грѣхомъ. Богъ все для тебя и дѣлалъ, и дѣлаетъ, а ты не хочешь угождать Ему; діаволъ ничего для тебя не дѣлаетъ, и только тиранитъ тебя грѣхомъ, а ты охотно и неутомимо работаешь ему. Ты дружествуешь съ нимъ чрезъ грѣхъ, а онъ злобствуетъ къ тебѣ чрезъ него. Манитъ къ грѣху обѣщаніемъ сласти отъ него; впадающихъ же въ грѣхъ мучитъ и терзаетъ имъ. Здѣсь внушаетъ, что грѣхи—ничего, и тамъ будетъ выставлять ихъ въ наше обличеніе, какъ важные пункты. Онъ трясется отъ злобной радости, когда кто попадется въ сѣти грѣха и остается въ нихъ. Сообрази все сіе, и возбуди въ себѣ непріязнь къ этому человѣконенавистнику и дѣламъ его.

Когда, такимъ образомъ, будешь втѣснять въ сердце одно за другимъ сокрушающія и умягчающія чувства—то ужасъ и страхъ, то печаль и жалость, то отвращеніе и ненависть,—оно будетъ мало по малу согрѣвать

и приходить въ движеніе; а за нимъ начнетъ приходить въ движеніе и напрягаться разслабленная воля. Какъ струи электричества сообщаютъ тѣлу нѣкоторую напряженность и возбужденность, или какъ утренній, чистый и прохладительный воздухъ сообщаетъ нѣкоторую свѣжесть и подвижность, такъ и чувства сіи, исполнивъ душу, возбудятъ уснувшую ея энергію, возродятъ позывъ и готовность дѣйствовать для выхода изъ опаснаго своего положенія. Это будутъ первые начатки дѣятельнаго попеченія о спасеніи своемъ. Спѣши же съ сей минуты еще рѣшительнѣе.

3) Гнать *сонъ безпечности.* Разслабла воля на добро долгимъ пребываніемъ въ грѣхѣ, — собирай теперь вокругъ нея такія помышленія, которыми обыкновенно возбуждается энергія: представь на сторонѣ добра спасительность, высоту, общегодность, легкость исполненія и удаленія препятствій, отраду, сейчасъ готовую, и главное—необходимость; на сторонѣ же грѣха—все противоположное сему; подольше и поискреннѣе потолкуй это себѣ, пока разшевелишь себя, и приведешь въ бодренное напряженіе, готовое тотчасъ приступить къ дѣлу. Говори душѣ своей:

а) Вѣдь одно изъ двухъ, — или вѣчно погибать, если такъ останешься, или, если не хочешь этого, то покайся и обратись ко Господу и заповѣдямъ Его. А медлить чего ради? Чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Блюдись при томъ: вѣдь смерть при дверяхъ.

б) Много ли труда? Только начни, только подвиг-

нись. Господь близъ, и всякая помощь отъ Него готова тебѣ.

в) А благо какое!... Сбросишь это бремя и эти узы, вступишь въ свободу чадъ Божіихъ.

г) Что мучишь ты себя, какъ врагъ какой? Ни днемъ, ни ночью не видишь покоя. Всюду смятеніе и тревога. Только одинъ сдѣлай поворотъ внутри, и все это исчезнетъ,—увидишь отраду жизни.

д) Посмотри всѣ уже пошли ко Господу... и тотъ обратился, и другой, и третій. Ты что стоишь? Иди! Развѣ ты хуже другихъ?

е) Все вокругъ тебя живетъ, и все призываетъ тебя къ жизни. Богъ нѣсть Богъ мертвыхъ, но Богъ живыхъ. Пріобщись и ты къ живущимъ Его жизнію. Иди, пей изъ источниковъ воды живой.

Энергія разслабѣвшей воли всегда возбуждается, когда поставитъ себя человѣкъ между крайностями,—или гибнуть, или измѣнить жизнь. Чувство самосохраненія тотчасъ начнетъ возбуждать на дѣло. Укажи послѣ сего, сколь великое благо ожидается отъ перемѣны жизни на лучшее, какъ легко это сдѣлать, и какъ ты способенъ къ тому, и призванъ, и всѣ средства имѣешь подъ руками,—какъ всѣ добрые, и на землѣ и на небѣ, будутъ обрадованы, вступятъ въ общеніе съ тобою, на руки тебя возьмутъ, и пойдетъ радость въ общей жизни со всѣми живущими о Христѣ Іисусѣ Господѣ нашемъ, —укажи все это, и воспрянетъ ослабшая воля, исправятся разслабленныя колѣна твои.

Такъ трудясь надъ собою, больше и больше будешь прогонять свое ослѣпленіе, нечувствіе и безпеч-

ность. Но трудись, и трудись, не ослабѣвая. Есть лукавство въ грѣшной душѣ, что она всячески уклоняется отъ труда по дѣлу спасенія. Приди, возьми и понеси ее; поперечить не станетъ,—ей лишь самой потрудиться не хочется. Въ твоемъ внутреннемъ никто господиномъ быть не можетъ, кромѣ тебя самого. Самъ войди въ себя и самъ себя ломай, поражай, вразумляй; самъ съ съ собою веди дѣло предъ лицомъ Бога; самъ себя уговаривай и убѣждай. Посему-то, въ дѣлѣ обращенія, разсужденіе съ самимъ собою, можно сказать, единственная къ тому дверь. Ужъ если самъ собою не разсудишь и не обдумаешь, какъ быть,— кто за тебя это сдѣлаетъ? Оттого и говорится тебѣ: „о томъ разсуди, то представь, въ то и то вникни.“

Судить по сему можно, какое великое благо для грѣшника, если развращеніе его не успѣло еще погасить въ немъ совсѣмъ свѣта вѣдѣнія истины. Пусть нравъ испортился, пусть чувства нечисты; но если держатся въ душѣ здравыя понятія,—все еще есть за что взяться тому, кто сталъ думать о спасеніи. Когда же и ихъ не станетъ, когда развратится и умъ—или падетъ въ сомнѣніе, потерявъ убѣжденія, или приметъ совсѣмъ превратныя ученія,— тогда нечѣмъ уже дѣйствовать человѣку на себя, тогда надо уже признать, что отъ ногъ до главы нѣтъ въ немъ цѣлости. До такого, впрочемъ, состоянія рѣдкіе доходятъ. И тѣ, кои доходятъ, если есть для нихъ возможность обращенія, обращаемы бываютъ чрезвычайными и поразительными дѣйствіями благодати Божіей. Большая же часть грѣшниковъ не теряютъ вѣры, или образа здравыхъ, по

апостолу, словесъ, а только нравственно развращаются. Таковымъ достаточно возочистить забвеніемъ потемненныя понятія и возставить ослабѣвшее убѣжденіе въ нихъ—отъ невниманія и небреженія о всякомъ вообще добрѣ. Сядь и самъ все просмотри, чему долженъ ты вѣровать, какъ жить и чего надѣяться, по символу вѣры и заповѣдямъ Господнимъ. Если затрудняешься, просмотри въ катихизисѣ; если и этого не можешь, переговори съ кѣмъ-либо, ближе же всего съ духовнымъ отцомъ твоимъ. Когда это сдѣлаешь, побѣдоносно возстанетъ въ тебѣ царственная истина—и начнетъ со властію тѣснить овладѣвшую тобою неправоту дѣлъ, расположеній и чувствъ. Легко тогда будетъ твоему разсужденію — и ослѣпленіе свое разоблачать, и нечувствіе поражать, и безпечность прогонять.

Когда столько указывается предметовъ, о коихъ надо разсудить съ самимъ собою, то не слѣдуетъ думать, будто это могутъ выполнить только ученые. Разсужденіе съ самимъ собою о спасеніи всякій можетъ вести, даже дитя. Это не то, что ученое разсужденіе. Всякая приведенная на мысль истина сама тотчасъ внушаетъ, чего она требуетъ. Будь только добросовѣстенъ и возроди искреннее желаніе добра себѣ, съ готовностію послѣдовать указаніямъ истины *).

*) При всемъ томъ никакъ не излишне имѣть подъ руками душеспасительныя книги, въ которыхъ ясно и съ силою были бы раскрыты всѣ предметы, о которыхъ слѣдуетъ разсуждать съ собою. Неоцѣненны въ семъ отношеніи въ писаніяхъ святителя Тихона статьи о грѣхѣ, объ ослѣпленіи, о прещеніи некающемуся, келейныя письма. Въ пособіе къ сему именно разсужденію съ собою издается *сборникъ свято-отеческихъ писаній*, подъ заглавіемъ. — „*Востани спяй....*“

Но всячески разсужденіе свое надо такъ вести, чтобы оно было приспособлено къ цѣли—дѣйствовать на душу и возбуждать. Для сего:

а) Когда разсуждаешь, то не умствуй, задаваясь разными вопросами, но, уяснивъ себѣ предметъ, поставь его къ сердцу тою стороной, какая, чаешь, будетъ впечатлительнѣе, и созерцай его такъ.

б) Не перебѣгай скоро отъ одной мысли къ другой,—это скорѣе разсѣетъ, чѣмъ соберетъ и окажетъ какое либо дѣйствіе на душу. И солнце не согрѣло бы ни одной твари на землѣ, если бы пробѣгало по лицу ея мгновенно. Мѣрою разсужденія о томъ или другомъ да будетъ сочувствіе. Всякую мысль доводи до чувства и до тѣхъ поръ не отступай отъ нея, пока не проникнетъ она сердце.

в) Если можно, не оставляй мысль голою, въ одной, такъ сказать, разсудочной формѣ, а облеки ее въ какой либо образъ и носи его потомъ въ головѣ, какъ постояннаго возбудителя. Всего лучше, если можно въ одномъ образѣ сосредоточить нѣсколько поразительныхъ представленій. Такъ, св. Тихонъ, чтобы напечатлѣть въ умѣ грѣшника мысль объ опасности его положенія, вотъ что говоритъ: „надъ тобою—мечъ правды, подъ тобою—адъ, готовый пожрать тебя, впереди—смерть, сзади—множество грѣховъ, по правую и лѣвую стороны—толпы злобныхъ враговъ: тебѣ ли быть въ безпечности?...“. Образъ легче вспоминается и держится въ умѣ, дѣйствуетъ сильнѣе и впечатлительнѣе.

г) Прибери краткія, но сильныя изреченія, примѣнительно къ твоему состоянію, и потомъ чаще повторяй ихъ въ себѣ умственно, или внѣшнимъ словомъ. Напримѣръ: „Позна волъ стяжавшаго, и оселъ ясли господина, а ты? Или о богатствѣ благости и долготерпѣнія нерадиши?... По жестокости твоей и нераскаянному сердцу собираешь себѣ гнѣвъ въ день гнѣва и праведнаго суда Божія. — Бди, не вѣси бо, когда Господь пріидетъ.—Се ми гробъ предлежитъ, се ми смерть предстоитъ.—Камо пойду отъ Духа Твоего и отъ лица Твоего камо бѣгу?—Оброцы грѣха смерть. —Врагъ, яко левъ, рыкая, ходитъ.—Дай отчетъ о приставленіи домовнѣ; ему же дано много, много взыщется отъ него; рабъ, вѣдѣвый волю господина, біенъ будетъ много; помяни, откуда ниспалъ еси“, и проч.— Собери и запомни такія изреченія и бей ими твое сердце. Можетъ быть, какая-либо изъ нихъ станетъ огненною стрѣлою, которая поразитъ и разжетъ.

Съ однимъ разсужденіемъ однако-жъ, не оставайся, а перемежай его молитвою. Вѣдь мы то же теперь дѣлаемъ, какъ и тогда, когда хотимъ вырвать дерево, выросшее въ землю. Подходимъ и колышемъ, напрягая силу разсужденія съ самимъ собою, себя-уговариванія, себя-убѣжденія. Колышемъ, и вытащить не можемъ,— глубоко выросли корни. Нѣтъ въ насъ потому силы, нѣтъ силы и подрѣзать эти корни. Вотъ и ищи помощи!

а) Во время ли разсужденія падетъ какое чувство на сердце, или такъ возбудится какое умиленіе, — встань и молись. Молись, чтобы Богъ освятилъ твой

трудъ надъ своимъ окаменѣлымъ сердцемъ, чтобы какой-нибудь твоей мысли далъ силу, разрушающую и созидающую, или Самъ пришелъ бы и умягчилъ, пробудилъ, уязвилъ.

б) Въ молитвѣ сей самъ молись; изреки то, что на душѣ, и свою кровную нужду открой благонадежно, словомъ простымъ, дѣтскимъ, краткимъ, а лучше и безъ словъ, такъ, припадай къ Богу въ болѣзненномъ къ Нему обращеніи.

в) Не умствуй, не сочиняй молитвъ. Приступи въ простотѣ, съ одною нуждою своею, какъ больной къ врачу, какъ связанный къ освободителю, разслабленный къ возстановителю, съ искреннею исповѣдію немощи своей и безсилія одолѣть себя и съ преданіемъ себя Божію вседѣйствію.

г) Падай ницъ, клади поклоны, — многіе, многіе, бей въ перси. И не отходи отъ молитвы, пока движется молитва. Охладѣетъ молитва, берись опять за размышленіе, а отъ сего опять переходи къ молитвѣ.

д) И для молитвы, какъ для разсужденія, прибери краткія къ Богу воззванія и повторяй ихъ чаще: „Пощади Твое созданіе, Владыко!— Боже, милостивъ буди мнѣ грѣшному! — О, Господи, спаси же! О, Господи, благопоспѣши же!“. Припоминай церковныя возбудительныя пѣсни и пой ихъ: „Се женихъ грядетъ... Множество содѣянныхъ мною лютыхъ, помышляя, окаянный трепещу страшнаго дне суднаго.—Душе моя, душе моя, востани, что спиши!“—и подобныя....

Такъ трудя себя, бей непрерывно въ двери милосердія Божія.

Чего ищемъ, трудясь?—Благодати Божіей возбуждающей. Благодать Божія обыкла, для воздѣйствія на насъ, избирать извѣстныя посредства, какъ сказано въ описаніи чрезвычайныхъ дѣйствій благодати. Итакъ, приложи къ себѣ сіи посредства и ходи подъ ихъ осѣненіемъ и вліяніемъ. Не падетъ ли и на тебя изъ какого-нибудь лучъ благодати, какъ падалъ на другихъ, подобныхъ тебѣ, грѣшниковъ?

а) Избирала Божія благодать для дѣйствія своего храмы Божіи и церковный чинъ. Ходи и ты въ церковь и терпѣливо, внимательно и благоговѣйно выстаивай священнодѣйствія. И видъ церкви съ устройствомъ ея, и чинъ послѣдованія службъ, и пѣніе съ чтеніемъ—все можетъ подѣйствовать. И не дивно, что, вошедши въ церковь празднымъ, выйдешь оттуда зачавшимъ духъ спасенія.

б) Дѣйствовала благодать чрезъ слово Божіе. И себѣ возьми его и читай. Можетъ быть, встрѣтишь такое мѣсто, которое поразитъ и тебя, какъ поразило Августина мѣсто, на которое пали глаза его, по раскрытіи Новаго Завѣта.

в) Умягчалось сердце иныхъ грѣшниковъ отъ бесѣдъ съ людьми благочестивыми. Поди и ты побесѣдуй. Слово за слово въ бесѣдѣ—не выпадетъ ли и такое, которое и у тебя пройдетъ до раздѣленія души и духа, *судительно помышленіямъ и мыслямъ сердечнымъ?* Можетъ быть, живое слово, согрѣтое любовію, прой-

детъ до глубины сердца твоего и потрясетъ составившіяся тамъ твердыни грѣха.

г) Сильною являлась молитва бѣдныхъ. Поди и ты умножь милостыню, отри слезы несчастныхъ, устрой, если можешь, разорившихся. Молитвенный вопль нищаго доходитъ до неба и проходитъ небеса небесъ. Не изведетъ ли онъ и къ тебѣ ангела-руководителя, какъ къ Корнилію сотнику?

Ходя среди сихъ и подобныхъ дѣлъ, будешь касаться сосудовъ и носителей благодати. Уканетъ, можетъ быть, и на тебя откуда-нибудь живительная роса ея и оживотворитъ замерзшіе въ тебѣ ростки духовной жизни.

И такъ,—пришла мысль объ исправленіи своей жизни и своего нрава,—отгнавши отлагательство, утѣсни и облегчи плоть свою подвигами тѣлесными, отстрани заботы и развлеченія прекращеніемъ на время обычныхъ дѣлъ и уединеніемъ, и затѣмъ, сосредоточившись въ себѣ вниманіемъ, разными спасительными помышленіями напрягайся разогнать ослѣпленіе, нечувствіе и безпечность, посредствомъ разсужденія съ самимъ собою или разглагольствія съ душою своею, перемежая его молитвою и постановленіемъ себя подъ вліяніе такихъ случаевъ, кои божественная благодать избирала уже въ посредство къ своему воздѣйствію на души грѣшниковъ.

Трудись, напрягайся, ищи—и обрящешь; толцы—и отверзется тебѣ. Не ослабѣвай и не отчаявайся. Но при всемъ томъ помни, что труды сіи составляютъ только опыты усилій съ нашей стороны къ привлеченію бла-

годати, а не самое дѣло, котораго еще мы ищемъ. Недостаетъ главнаго — благодатнаго возбужденія. Очень замѣтно, что, разсуждаемъ ли, молимся ли, или другое что дѣлаемъ, — втѣсняемъ какъ бы нѣчто чуждое въ свое сердце, совнѣ. Бываетъ, что соотвѣтственно силѣ напряженія, нѣкое воздѣйствіе отъ сихъ трудовъ низойдетъ до извѣстной глубины въ сердце, но потомъ опять оттуда извергается, по какой-то упругости непокориваго и непривычнаго къ тому сердца, подобно тому, какъ извергается изъ воды палка, вертикально погруженная въ воду. Тотчасъ же, послѣ сего, опять начинается холодность и дебелость на душѣ—явный знакъ, что тутъ не было благодатнаго воздѣйствія, а одинъ нашъ трудъ и наше усиліе. Потому не успокаивайся на однихъ этихъ дѣлахъ и не почивай на нихъ, какъ будто они-то и были то, что тебѣ слѣдуетъ сыскать. Опасное заблужденіе! Равно опасно думать, что въ этихъ трудахъ заключается заслуга, за которую необходимо должна быть ниспослана благодать. Совсѣмъ нѣтъ! Это только приготовленіе къ принятію, самое же дарованіе совершенно зависитъ отъ воли Раздаятеля. И такъ, при рачительномъ употребленіи всѣхъ предуказанныхъ средствъ, ищущему слѣдуетъ еще ходить, ожидая посѣщенія Божія, которое, впрочемъ, не приходитъ съ усмотрѣніемъ, и никто не знаетъ, откуда оно приходитъ.

Когда придетъ сія возбуждающая благодать, только тогда начнется настоящее внутри дѣло перемѣны жизни и нрава. Безъ того успѣха и ожидать нельзя,— будутъ однѣ попытки неудачныя. Свидѣтель тому бла-

женный Августинъ, который долго маялся самъ надъ собою, а одолѣлъ себя уже тогда, когда осѣнила его благодать. Трудись, ожидая, въ вѣрной надеждѣ. Придетъ—и все устроитъ.

Естественъ послѣ этого вопросъ: что же такое благодатное возбужденіе? Въ какое состояніе оно поставляетъ человѣка-грѣшника? И какъ состояніе это разнится отъ другихъ подобныхъ состояній? Надо знать характеристическія черты возбужденія, чтобы не пропустить его безплодно и чтобы вмѣсто его не принять какого-либо естественнаго состоянія.

Состояніе души, возбужденной благодатію, опредѣляется по противоположности состоянію души, усыпленной грѣхомъ:

1) Грѣхъ разлучаетъ между Богомъ и человѣкомъ. Человѣкъ, отходя отъ Бога ко грѣху, не ощущаетъ своей зависимости отъ Него, живетъ себѣ, какъ будто онъ не Божій и Богъ не его, какъ своевольный рабъ, бѣжавшій отъ своего господина. Теперь это средостеніе разоряется. *Чувство зависимости отъ Бога* возвращается. Человѣкъ живо сознаетъ свою всецѣлую подчиненность Богу и полную предъ Нимъ отвѣтственность. Прежде небо было для него мѣдяно и словно густымъ покровомъ простиралось надъ его главою, а теперь нѣкоторый лучъ проходитъ сквозь сей мрачный покровъ и указываетъ ему Бога, Владыку и вмѣстѣ Судію. Въ немъ возбуждается съ силою *чувство Божества*, со всѣми Его совершенствами, и неотразимо стоитъ въ душѣ, исполняя ее всю. Тутъ основаніе и возможность будущей благодатной духовной жизни.

2) Грѣхъ окутывалъ прежде человѣка слѣпотою, нечувствіемъ, безпечностію. Въ моментъ воздѣйствія благодати спадаетъ эта трехслойная окаменѣлая чешуя съ окованной ею души. Человѣкъ теперь хорошо *видитъ все безобразіе* свое внутри и не только видитъ, но и *чувствуетъ*. Вмѣстѣ съ тѣмъ сознаетъ опасность своего положенія, начинаетъ робѣть за себя и *заботиться* о своей участи. И не только западаетъ въ душу робость, но, при чувствѣ отвѣтственности своей предъ Богомъ, страхъ, томленіе, досада, стыдъ начинаютъ сильно поражать его сердце. Его *грызетъ совѣсть*.

3) Но тутъ же дается ему нѣкоторое ощущеніе и сладости жизни по Богѣ. Чувствуя всю непотребность грѣховной жизни и питая отвращеніе къ ней, какъ морю зла, онъ вмѣстѣ предощущаетъ, что въ открывшейся теперь для его душевнаго ока области добра сокрыты отрада и утѣшеніе. Она созерцается имъ, какъ земля обѣтованная, какъ мѣсто блаженнѣйшее и безопаснѣйшее отъ всѣхъ треволненій. Сіе-то предощущеніе и есть преимущественно такое явленіе въ душѣ грѣшной, котораго человѣкъ самъ собою произвести никакъ не можетъ. Тогда блага Божіи и состоятъ въ его власти. Думать о нихъ — не значитъ ощущать ихъ. Богъ самъ вводитъ духъ человѣка въ Свою сокровищницу и даетъ вкусить отъ благъ ея.

4) Затѣмъ, сколь необходимо сіе дѣйствіе благости Божіей на пути освобожденія ея изъ области грѣха. —Цѣль возбужденія благодатнаго и сила его—въ томъ, что оно извлекаетъ человѣка изъ узъ грѣха и поставляетъ на точкѣ безразличія между добромъ и зломъ.

Вѣсы воли нашей, въ которыхъ она склоняется то на ту, то на другую сторону, должны теперь стоять въ уровень. Но этого не будетъ, если не дать грѣшнику вкусить хоть въ предощущеніи сладость добра. Если не дать сего, то сладость грѣха, какъ уже извѣданная, сильнѣе влекла бы его къ себѣ, нежели добро, и выборъ все падалъ бы не на сторону сего послѣдняго, какъ и бываетъ въ задумываніяхъ перемѣнить жизнь безъ благодатнаго возбужденія. Ибо то общій законъ: ignoti nulla cupido, то-есть чего не знаешь, того не желаешь. Но когда, въ благодатномъ возбужденіи, дается ему вкусить сладость добра, то и оно начинаетъ привлекать его къ себѣ, какъ уже извѣданное, вѣдомое и ощущаемое. Вѣсы равны. Въ рукахъ человѣка полная свобода дѣйствія.

5) Такимъ образомъ, какъ блескомъ молніи, освѣщается все и въ человѣкѣ, и вокругъ его, при благодатномъ возбужденіи. Онъ вводится теперь сердцемъ, на одно мгновеніе, въ тотъ порядокъ, изъ котораго изгнанъ грѣхомъ, вставляется въ цѣпи творенія въ ту связь, изъ которой самовольно исторгся грѣхомъ. Оттого это дѣйствіе благодати всегда почти обозначается испугомъ и мгновеннымъ потрясеніемъ, какъ спѣшно идущаго въ задумчивости потрясаетъ внезапно услышанное „стой!“ Если смотрѣть на это состояніе по понятіямъ психологическимъ, то оно есть не что иное, какъ пробужденіе духа. Собственно духу нашему свойственно сознавать Божество и высшій нѣкоторый міръ, или порядокъ вещей, возвышать человѣка надъ всѣмъ

чувственнымъ и уносить въ чисто-духовную область. Но въ грѣховномъ состояніи духъ нашъ теряетъ свою силу и сорастворяется съ душевностію, а чрезъ нее съ чувственностію до того, что будто исчезаетъ въ нихъ. Вотъ теперь благодатію онъ извлекается оттуда, поставляется, какъ на свѣщницѣ во внутренней нашей храминѣ, и свѣтитъ всему тамъ сущему и оттуда зримому.

То состояніе, въ какое поставляется душа въ благодатномъ возбужденіи, сходно со многими естественными состояніями, съ которыми его однако-жъ смѣшивать не должно.

1) При благодатномъ состояніи человѣкъ находится въ нѣкоторомъ томительномъ, скорбномъ состояніи недовольства собою и своимъ положеніемъ: однако-жъ это не то, что *скука*. Въ скукѣ нѣтъ опредѣленнаго предмета: тутъ человѣкъ крушится и груститъ, не зная самъ, отъ чего и о чемъ; напротивъ, въ благодатномъ возбужденіи есть опредѣлительный предметъ скорби, именно—оскорбленіе Бога и осквернение себя. Та душевна, а это духовно; та мучительна, мрачна, убивающа, отчего и говорятъ: „душитъ тоска“, а это оживляетъ и возбуждаетъ. Въ обыкновенномъ нашемъ быту этихъ неопредѣленныхъ тоскованій бываетъ не мало, и каждое съ своими оттѣнками. Между ними достойно особеннаго замѣчанія—тоскованіе о родинѣ небесной, чувство недовольства ничѣмъ тварнымъ, чувство глада духовнаго. И это одно изъ естественныхъ движеній нашего духа. Когда мало-мало умолкнутъ страсти, онъ поднимаетъ свой, внятно отзывающійся въ сердцѣ,

вопль о стѣснительномъ и униженномъ состояніи, въ которомъ его держатъ, почему его не питаютъ тѣмъ, чѣмъ должно, а томятъ голодомъ. Это — тоска по отчизнѣ, воздыханіе, которое апостолъ слышалъ и во всей твари. Однако-жъ и это не то, что благодатное возбужденіе. Оно есть одно изъ естественныхъ движеній или отправленій нашего духа, и одно само по себѣ нѣмо и безплодно. Благодатное возбужденіе на него нисходитъ и сообщаетъ ему свѣтлость и оживленность.

2) При благодатномъ возбужденіи есть крушеніе духа, пробужденіе тревогъ совѣсти; однако-жъ это совсѣмъ не то, что обыкновенное досадованіе на себя за промахи въ нашемъ быту, болѣе или менѣе значительные. Мы терзаемся, когда не то скажемъ, не такъ что сдѣлаемъ, и вообще во всѣхъ случаяхъ, гдѣ, какъ говорится, пришлось осрамить себя, говоримъ даже при этомъ: „ахъ, какъ совѣстно!“ Но это совсѣмъ не то, что голосъ совѣсти въ духѣ, теперь слышимый. Тамъ человѣкъ имѣетъ въ виду только себя и свои временныя отношенія, а здѣсь, напротивъ, себя и все временное совсѣмъ забываетъ и видитъ только одного Бога оскорбленнаго и свои вѣчныя отношенія разстроенными. Тамъ онъ стоитъ за себя и человѣческія правила, а здѣсь—за волю Божію и славу Его. Тамъ скорбитъ о томъ, что осрамился предъ людьми, а здѣсь—о томъ, что постыдилъ себя предъ Богомъ, до людей же и даже до цѣлаго свѣта ему и дѣла нѣтъ. Затѣмъ—тамъ скорбь безотрадная, а здѣсь она растворяется нѣкоторою отрадою. Ибо тамъ вся опора его на себѣ и другихъ, и когда эта основа разстроилась, то ему некуда уже обра-

титься, а здѣсь все отъ Бога, Которымъ онъ не чаетъ быть отверженнымъ, но уповаетъ на Него. И обыкновенныя наши совѣстности подражаютъ дѣйствіямъ совѣсти истинной; можно сказать, что онѣ суть тоже дѣйствія совѣсти, только искаженной, низведенной изъ своего чина. Вмѣстѣ съ духомъ и она ниспала съ свойственной ей высоты, изъ области духовной, и впала въ руки и власть душевно-тлѣнности, стала служить однимъ земнымъ цѣлямъ,—стала, такъ сказать, свѣтскою совѣстію, которая сильнѣе чувствуетъ оскорбленія человѣка, нежели Бога.

3) При возбужденіи благодатномъ дается сердцу ощутить иную нѣкую лучшую, совершеннѣйшую, отраднѣйшую жизнь; однако-жъ это совсѣмъ не то, что бываетъ у тѣхъ, кои чувствуютъ пробужденіе свѣтлыхъ порывовъ и благороднѣйшихъ стремленій (назвать бы —движеніе идей). Эти явленія сходны тѣмъ, что возвышаютъ надъ обыкновеннымъ порядкомъ вещей и стремятъ къ осуществленію внушаемаго; но они далеко расходятся въ направленіяхъ и цѣляхъ. Послѣднія упираютъ въ какую-то туманную область, а первое обращаетъ къ Богу, въ Немъ указываетъ успокоеніе и даетъ предвкусить его. Цѣль перваго — жизнь въ Богѣ съ вѣчнымъ блаженствомъ, а у послѣднихъ имѣется въ виду нѣчто, конечно, всегда великое, особенное, но о чемъ ничего болѣе нельзя сказать, кромѣ „нѣчто„. Разительнѣйшая же разность ихъ въ томъ, что послѣднія прерываются и дѣйствуютъ по-одиночкѣ: духъ пробуждается здѣсь у одного—одною, у другаго—другою стороною; первое же обнимаетъ весь духъ всесторонне

и, ставя его у его цѣли, удовлетворяетъ его, или даетъ предвкусить полное въ семъ порядкѣ удовлетвореніе. Порывы высшихъ стремленій духа суть остатки образа Божія въ человѣкѣ—образа разбитаго, посему и обнаруживаются подобно тому, какъ лучи раздробленные и разсѣянные. Надобно собрать эти лучи въ одно, какъ бы сконцентрировать, и тогда въ фокусѣ образуется лучъ зажигающій. Сіе-то, такъ сказать, сконцентрированіе лучей духа, единичнаго въ себѣ, но раздробившагося въ многочастной душѣ, и производитъ возбуждающая его благодать и возжигаетъ огнь жизни духовной, не въ холодное созерцаніе поставляя человѣка, а въ нѣкое горѣніе живительное. Такое собраніе духа во-едино сходится въ чувствѣ Божества: тутъ и зародышъ жизни. Такъ и въ природѣ: до тѣхъ поръ не является жизнь, пока силы ея дѣйствуютъ раздробленно; но какъ скоро высшая сила собираетъ ихъ во-едино, тотчасъ является живое существо, напримѣръ, растеніе. Такъ и въ духѣ. Пока стремленія его прорываются раздробленно, — то одно, то другое, и одно въ одну сторону, а другое въ другую,—нѣтъ въ немъ жизни. Когда же высшая, божественная сила благодати, одновременно наитствуя духъ, сводитъ всѣ его стремленія во-едино и держитъ ихъ въ семъ единомъ, тогда—и огнь жизни духовной.

По такимъ признакамъ легко отличить благодатное возбужденіе отъ обыкновенныхъ явленій духовной жизни въ человѣкѣ, чтобы не смѣшать и главное не пропустить воспользоваться имъ къ своему спасенію. Это особенно надобно знать тѣмъ, на коихъ благодать

Божія воздѣйствуетъ безъ предварительныхъ собственныхъ трудовъ ихъ и не съ особенною силою. Возбужденнаго состоянія пропустить безъ вниманія нельзя, но можно не обратить на него вниманія должнаго и, побывши въ немъ, опять низойти въ обычное круговращеніе движеній души и тѣла. Возбужденіе не завершаетъ дѣла обращенія грѣшника, а только зачинаетъ и послѣ него предлежитъ трудъ надъ собою, и трудъ очень сложный. Все, впрочемъ, относящееся сюда совершается въ двухъ поворотахъ свободы: сначала въ движеніи къ себѣ, а потомъ отъ себя къ Богу. Въ первомъ человѣкъ возвращаетъ себѣ потерянную надъ собою власть, а во второмъ себя приноситъ въ жертву Богу—жертву всесожженія свободы. Въ первомъ доходитъ онъ до рѣшимости оставить грѣхъ, а во второмъ, приближаясь къ Богу, даетъ обѣтъ принадлежать Ему Единому во всѣ дни жизни своей.

Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ и посвятить себя богослуженію.

а) *Восходъ до рѣшимости оставить грѣхъ.*

Сама ли собою посѣтитъ кого благодать, или взыщетъ кто ее и обрящетъ — состояніе въ которое поставляетъ она человѣка, въ первомъ своемъ дѣйствіи на него, въ томъ и другомъ случаѣ одинаково. Возбужденный поставляется благодатію въ среднее между грѣхомъ и добродѣтелію состояніе. Она извлекаетъ его изъ узъ грѣха, лишивъ сей послѣдній власти опредѣ-

лять его къ дѣйствованію, какъ бы противъ воли, но не переводитъ его на сторону добра, а только даетъ ощутить его превосходство и отрадность съ чувствомъ обязательства быть на его сторонѣ. Человѣкъ стоитъ теперь точно между двумя распутіями, и ему предлежитъ рѣшительный выборъ. Св. Макарій египетскій говоритъ (сл. 1 гл. 12, стр. 477), что и приходящая къ нему (человѣку) благодать нимало „не связываетъ „его воли принуждающею силою и не дѣлаетъ его не„измѣннымъ въ добрѣ, хотя бы онъ хотѣлъ, или не „хотѣлъ сего. Напротивъ того, и присущая въ чело„вѣкѣ Божія сила даетъ мѣсто свободѣ, чтобы обна„ружилась воля человѣка, согласуется ли, или не со„гласуется она съ благодатію". Съ сей минуты начинается сочетаніе свободы съ благодатію. Совнѣ воздѣйствовала благодать—и стоитъ совнѣ. Входитъ она внутрь и начинаетъ обладать частями духа не иначе, какъ когда желаніемъ своимъ открываетъ ей человѣкъ входъ въ себя, или отверзаетъ уста къ принятію ея. Возжелаетъ человѣкъ—и она готова съ помощью. Сдѣлать или утвердить въ себѣ доброе самъ человѣкъ не можетъ, но желаетъ его и напрягается; ради же сего желанія благодать укрѣпляетъ за человѣкомъ желаемое добро. Все такъ и будетъ идти до окончательнаго возобладанія человѣка надъ собою въ видахъ добра и богоугожденія.

Все, что долженъ сдѣлать человѣкъ въ семъ трудѣ надъ собою, или какъ дойти до рѣшимости, есть тоже, что обыкновенно бываетъ, когда рѣшаемся на какое либо дѣло, или предпріятіе. Обыкновенно послѣ

того, какъ родится мысль что-либо сдѣлать, мы склоняемся на эту мысль желаніемъ, удаляемъ препятствія и рѣшаемся. То же и въ рѣшимости на христіанскую жизнь: надо: а) склониться желаніемъ на нее, б) удалить препятствія внутри образованію рѣшимости и в) рѣшиться. Хотя дѣйствіе благодати поставляетъ духъ въ возбужденное состояніе, но все же внушеніе ея перемѣнить жизнь есть только помышленіе, хотя болѣе или менѣе живое: „не оставить ли грѣхъ“, или „надо оставить“. Пробудившійся отъ сна видитъ, что пора и надо встать, но чтобы встать, доженъ употреблять особыя усилія, дѣлать особыя движенія разными частями тѣла. Онъ напрягаетъ мышцы, сбрасываетъ то, чѣмъ прикрытъ и встаетъ.

Итакъ, восчувствовавъ въ себѣ благодатное возбужденіе, спѣши склонить на его внушеніе свою волю, согласись на его требованія, что тебѣ, безотвѣтному предъ Богомъ и нечистому, необходимо надо исправиться и приступить къ этому *сейчасъ же*.

У того, кто искалъ благодатной помощи и теперь чувствуетъ посѣщеніе ея, такое желаніе должно быть присуще,—оно уже и руководило его во всѣхъ указанныхъ трудахъ; но въ составъ его, или къ его совершенству и здѣсь прибавляется нѣчто. Есть желаніе мысленное: умъ требуетъ, и человѣкъ себя нудитъ; такое желаніе заправляетъ приготовительными трудами. Есть желаніе сочувственное: оно зарождается подъ дѣйствіемъ благодатнаго возбужденія. Есть, наконецъ, желаніе дѣятельное—согласіе воли сейчасъ приступить къ дѣлу востанія отъ паденій; ему должно образовать-

ся теперь, по благодатномъ возбужденіи. И вотъ первое дѣло возбужденнаго по возбужденіи.

Что не всякій возбужденный приступаетъ къ дѣлу перемѣны жизни на лучшее, это всякому извѣстно, какъ и не всякій проснувшійся тотчасъ встаетъ, а бываетъ, что нѣсколько разъ снова засыпаетъ.

Благодатное возбужденіе, съ одной стороны, поставляетъ человѣка въ льготное и живое состояніе, а съ другой—предъявляетъ требованія довольно стѣснительныя. Кто теперь болѣе приляжетъ къ первой сторонѣ, тотъ можетъ позволить себѣ пареніе мыслей и преждевременно предаться радости жизни, какъ будто уже все имѣется, что слѣдуетъ имѣть. Эта льготность, себѣ данная, не обратитъ должнаго вниманія на произшедшее, а сопряженное съ тѣмъ разсѣяніе внутреннее скоро охладитъ,—и благопріятное время и состояніе пропущено. Опять настаетъ обычная дебелость, при которой не совладаешь съ собою. Кто, напротивъ, прилегаетъ болѣе ко второй сторонѣ, тотъ можетъ позволить себѣ—нѣсколько поосвободить себя изъ этого стѣсненія, какъ дитя сбрасываетъ повязку съ раны съ цѣлительнымъ пластыремъ потому только, что она тѣснитъ. При этомъ иной, чтобы развѣять мрачныя, какъ ему кажется, мысли, берется за невинныя будто бы развлеченія—бесѣды, чтенія; а иной подвергаетъ изслѣдованію родившееся томительное чувство, чтобы доискаться, отчего и какъ могло оно образоваться. Тамъ —сторонніе впечатлѣнія, а здѣсь — разлагающее дѣйствіе изслѣдованія изглаждаютъ спасительное измѣне-

ніе происшедшее внутри. Отъ чего и этотъ падаетъ, наконецъ, въ обычную, неподвижную дебелость.

Кажется, и не слѣдовало бы этому быть, а бываетъ, потому что и благодатныя возбужденія находятся въ разныхъ степеняхъ и обстоятельства, въ которыхъ они приходятъ, могутъ быть таковы, что заслонятъ важность и цѣну явленія ихъ внутри. Премудрая благодать попускаетъ это, искушая свободное произволеніе человѣка. Вотъ почему и говоримъ: коль скоро восчувствовалъ ты благодать возбужденія,—созналъ, что это—оно, а не другое что, то спѣши склонить на его внушенія волю твою. А для сего:

а) Повѣрь въ простотѣ сердца, что это отъ Бога, что Самъ Богъ зоветъ тебя къ Себѣ, Самъ приблизился къ тебѣ, чтобы произвесть въ тебѣ спасительное измѣненіе.

b) Повѣривъ, не позволь себѣ пропустить и это дѣйствіе милости Божіе безплодно. Только возбужденіе сіе даетъ силу преодолѣть себя. Отойдетъ, — самъ себя не одолѣешь. А придетъ ли еще, — сказать не можешь. Можетъ быть, въ послѣдній разъ является тебѣ это снисхожденіе. Послѣ него впадаешь въ состояніе ожесточенія, а изъ него — въ нечаяніе и отчаяніе.

с) Употреби стараніе и усиліе, сколько можно, удержать себя въ томъ спасительномъ состояніи, въ которомъ ты поставленъ. Какъ горючее вещество, если его долго держать предъ огнемъ, не только согрѣвается, но и загорѣться можетъ, такъ естественно можетъ воз-

горѣться желаніе благодатной жизни, если подольше продержать себя подъ дѣйствіемъ благодати.

d) Посему отстрани все, могущее погасить этотъ зачинающійся огонекъ, и окружи себя всѣмъ, что можетъ питать его и довесть до пламени. Уединись, молись и съ самимъ собою поразмысли, какъ быть. Тотъ порядокъ жизни, занятій и трудовъ, какой указанъ уже и который проходить принуждалъ ты себя, ища благодати, есть самый благопріятный и для продленія въ себѣ ея начавшагося дѣйствія. Лучшіе же изъ нихъ въ этомъ случаѣ—уединеніе, молитва и размышленіе. Уединеніе будетъ собраннѣе, молитва глубже и размышленіе дѣйственнѣе. Разсуждая съ собою, проходи всѣ мысли, какія и прежде собиралъ ты, пытаясь прогнать ослѣпленіе, нечувствіе и нерадѣніе. Пусть теперь этихъ трехъ нѣтъ уже, но тебѣ предлежитъ разжечь желаніе, начать дѣло сейчасъ. На это и обрати все дѣйствіе. Теперь разсужденіе твое съ собою будетъ не то, что было прежде. Безъ возбужденія оно обычно уклоняется въ общность; теперь, напротивъ, подражая благодати и подъ руководствомъ ея, оно все будетъ относить прямо къ тебѣ самому, безъ всякихъ извиненій и уклоненій, будетъ обращать къ тебѣ предметы сторонами, наиболѣе могущими дѣйствовать на тебя. Потому собственно ты въ семъ случаѣ не только размышлять будешь, сколько переходить отъ ощущенія къ ощущенію.

Вотъ въ этомъ то трудѣ твоемъ надъ собою при помощи благодати и произнесется, наконецъ, въ сердцѣ Единому Богу и тебѣ слышное слово: „надобно-же,

наконецъ; итакъ сейчасъ начну". Видимо, что это есть заключеніе; но по какимъ законамъ и изъ какихъ положеній оно выводится, никакая наука опредѣлить не можетъ. Всѣ предметы разсужденій предыдущихъ могутъ быть вѣдомы ясно, а заключенія того можетъ и не быть. Бываетъ даже такъ, что иной всѣ тѣ предметы такъ сильно излагаетъ въ словѣ, что отъ дѣйствія ихъ десятки и сотни доходятъ до того заключенія, а у него самого оно не произносится въ сердцѣ. И того никто не можетъ сказать, кто тутъ дѣйствующій — благодать или свобода, ибо бываетъ, что благодатное дѣйствіе туне проходитъ и всѣ усилія свободы остаются безплодными. И та и другая сочетаваются непостижимымъ для насъ образомъ, сохраняя однако-жъ каждая свою природу. Можно такъ сказать: свобода предаетъ себя, благодать пріемлетъ и проникаетъ ее. Отсюда—сила желанія: „и такъ, сейчасъ за дѣло".

Вотъ, наконецъ, склонился человѣкъ на сторону добра, готовъ вступить на этотъ святой путь, готовъ ходить въ добрыхъ дѣлахъ богоугожденія; но въ это мгновеніе вся бездна зла, крывшаяся въ сердцѣ, возметается, какъ прахъ и стремится опять покрыть всю душу. Въ минуту возбужденія и склоненія грѣхъ молчитъ, какъ будто не до него касается то, что происходитъ у человѣка; но теперь, когда хотятъ его попрать, онъ, тысячеглавый, какъ называетъ его св. Лѣствичникъ, тысячи воплей испускаетъ на человѣка, замышля-

ющаго сіе. Подобно тому, какъ пробудившійся: пока думаетъ еще только встать,—все въ тѣлѣ у него спокойно. Но лишь только положитъ онъ встать самымъ дѣломъ и мало напряжетъ мышцы,—всѣ боли въ тѣлѣ, которыя дотолѣ не безпокоили, теперь даютъ о себѣ знать и поднимаютъ жалобы. Такъ и у склонившагося на благодатный зовъ грѣховныя боли молчатъ, пока онъ доходитъ до сего склоненія; но какъ только положитъ онъ приступить къ дѣлу, всѣ эти немощи поднимаютъ тревогу — сильную и смутительную. Помыслъ за помысломъ, движеніе за движеніемъ поражаютъ бѣднаго человѣка и влекутъ назадъ; нападая безъ всякаго порядка со всѣхъ сторонъ охватываютъ душу и погружаютъ ее въ волненіи своемъ. Все доброе у человѣка держится какъ бы на волоскѣ и самъ онъ поминутно готовъ оторваться отъ того, чѣмъ держится, и снова погрузиться въ ту же среду, изъ которой восхотѣлъ выйти. Одно спасаетъ его—та сладость, льгота и отрада, которыя вкусить удостоился онъ въ моментъ возбужденія, и та крѣпость, которую ощутилъ онъ, когда изрекъ въ сердцѣ: „и такъ, сейчасъ начну“. Кто видѣлъ, какъ малая искра туда и сюда носится въ дымѣ, но все еще какъ бы стоитъ за себя, или какъ малая частица дерева бросается волнующеюся струею то вверхъ, то внизъ, то вправо, то влѣво,—тотъ имѣетъ въ этомъ образъ того, что бываетъ въ сію минуту съ благимъ желаніемъ человѣка. Не въ душѣ только смятенія, но и кровь вся волнуется, бываетъ даже шумъ въ ушахъ и туманъ въ глазахъ. Не трудно понять, что такое востаніе не отъ грѣха только живущаго въ

сердцѣ, но паче отъ родителя всѣхъ грѣховъ,—діавола, который не можетъ оставаться покойнымъ, когда появляется такой возмутитель въ его царствѣ. Святитель Тихонъ говоритъ: „когда грѣшникъ, благодатію Божіею подвигшись, начинаетъ каятися, то срѣтаетъ его различное искушеніе. Начнетъ человѣкъ ко Христу приступать, а сатана въ слѣдъ его женетъ и отвлекаетъ отъ Христа, запинаетъ и различныя простираетъ сѣти". У насъ разсказываютъ о привидѣніяхъ—и страшныхъ, и прелестныхъ, какія встрѣчаютъ добыватели какого-то цвѣтка для отыскиванія кладовъ; этотъ психологическій миѳъ лучше всего изображаетъ всѣ хлопоты діавола, чтобы отвлечь человѣка отъ добраго намѣренія купить бисеръ многоцѣнный, или достать сокровище, сокрытое на селѣ.

Здѣсь-то предлежитъ человѣку сильная борьба съ собою, какъ бы генеральная битва съ грѣхомъ. Здѣсь онъ долженъ рѣшительно плѣнить и поразить врага своего, наступить на сего змія, связать и всю его силу истощить. На успѣшномъ одолѣніи грѣха здѣсь основывается надежда и дѣйствительность всѣхъ послѣдующихъ его одолѣній въ его востаніяхъ частныхъ. Все, что здѣсь происходитъ, опредѣлить нѣтъ возможности, по разнообразію дѣйствующихъ лицъ. Главные, впрочемъ, пункты, или обороты сей брани, указать не трудно, больше однако-жъ въ пособіе борющимся, нежели въ интересахъ знанія.

Видимо, что въ душѣ нѣтъ точки опоры: она влается, хотя еще цѣла, не разбита въ своемъ добромъ намѣреніи, вспомоществуемая благодатію Божіею. И кто

другой поддержитъ, кто установитъ ее? Вотъ почему теперь наипаче предлежитъ ей вопіять къ Богу усиленно, какъ вопіетъ утопающій. Врагъ схватилъ и поглотить хочетъ,—вопій, какъ Іона во чревѣ китовѣ или утопающій Петръ. Видитъ Господь нужду твою и трудъ —и подастъ руку помощи, поддержитъ и установитъ тебя такъ, какъ слѣдуетъ быть воину, выступающему на брань.

Вотъ гдѣ опора! Всего опаснѣе, если душа вздумаетъ обрѣсть ее въ себѣ самой; тогда она все потеряетъ. Зло опять одолѣетъ ее, затмитъ этотъ слабый еще въ ней свѣтъ, погаситъ сей, едва зажегшійся огонекъ. Душа знаетъ, сколько она безсильна одна; потому, ничего не ожидая отъ себя, пусть падаетъ въ уничиженіи предъ Богомъ, пусть въ сердцѣ своемъ обратитъ себя въ *ничто*. Тогда вседѣйственная благодать изъ сего *ничто* сотворитъ въ ней все. Кто, въ конечномъ самоуничиженіи, полагаетъ себя въ руку Божію, тотъ привлекаетъ къ себѣ Его, сердобольнаго, и сильнымъ становится Его силою.

При всемъ томъ, однако-жъ, отъ самоуничиженія не должно ниспадать до разслабленія душевнаго и, предавъ себя Богу, вмѣстѣ съ тѣмъ предаваться бездѣйствію. Нѣтъ, всего ожидая отъ Бога и ничего отъ себя, должно и самому напрягаться къ дѣйствованію и по силѣ дѣйствовать, чтобы было къ чему прійти божественной помощи, было что осѣнить божественной силѣ. Благодать уже присуща, но она будетъ дѣйствовать вслѣдъ за своеличными движеніями, восполняя безсиліе ихъ своею силою. И такъ, ставъ твердою но-

гою въ самоуничиженномъ молитвенномъ преданіи себя въ волю Божію, и самъ дѣйствуй, не разслабляясь.

Дѣйствуй противъ грѣха вообще, но особенно противъ коренныхъ его возбудителей. Когда все мятется въ душѣ, и помыслы, какъ привидѣнія какія, стоятъ и объемлютъ ее, со всѣхъ сторонъ устремляя стрѣлы въ самое сердце,—не трудно замѣтить главныхъ, такъ сказать, поджигателей зла. За множествомъ частныхъ воителей стоятъ тамъ, на самомъ заду, воители главные, отдающіе приказанія, завѣдывающіе всѣми распоряженіями, всѣмъ ходомъ войны. Это и суть коренные возбудители грѣха. На нихъ и надо устремить все вниманіе, противъ нихъ прямо вооружиться, ихъ побороть и уничтожить. Когда они будутъ побѣждены, мелкіе воители разсѣются сами собою.

Какіе это главные возбудители грѣха и главные воители въ защиту его, это указалъ Спаситель, когда призывалъ идти въ слѣдъ Себя (Марк. 8, 34 — 38). Кто хочетъ идти въ слѣдъ Меня, говорилъ Онъ, *да отвержется себе*,—отворотится отъ себя, сочтетъ себя будто чужимъ для себя, не стоющимъ вниманія и сочувствія, за котораго стоять не стòитъ. Это предполагаетъ, что въ сердцѣ грѣхолюбивомъ постоянно живетъ и качествуетъ противоположное сему расположеніе — *саможалѣніе*, какъ оно и есть на самомъ дѣлѣ. Человѣкъ-грѣшникъ обходится съ собою — какъ мать съ нѣжнолюбимымъ дѣтищемъ: жаль въ чемъ нибудь отказать себѣ, въ чемъ нибудь поперечить; не можетъ одолѣть себя, чтобы въ чемъ-нибудь поднять на себя руку. Далѣе Спаситель

обязуетъ отказаться отъ всего, что въ мірѣ, для спасенія души: *кая бо польза человѣку, аще пріобрящетъ міръ весь и отщетитъ душу свою?* Міръ есть совокупность вещей внѣ насъ, видимое, осязаемое, чувственное. Слѣдовательно, приведенное обязательство предполагаетъ въ сердцѣ человѣка склонность къ вещественному, падкость на осязаемое, нѣкоторую страсть питать себя и услаждать только видимымъ, чувственнымъ. И дѣйствительно, въ грѣхолюбцѣ качествуетъ *чувственность:* не имѣетъ онъ вкуса къ невидимому и духовному, а все чувственное такъ извѣстно и такъ переиспытано... Потомъ внушаетъ Господь, чтобы не стыдились Его въ родѣ семъ прелюбодѣйномъ и грѣшномъ. Это заставляетъ предполагать въ грѣхолюбивомъ сердцѣ стыдѣніе людей, въ ущербъ добру и правдѣ. Такъ оно и есть. Живетъ обычно человѣкъ этою ненарушимостію заведеннаго вокругъ порядка, или установившихся отношеній, оттого робѣетъ поколебать ихъ и для поддержанія ихъ готовъ бываетъ скорѣе покривить душою, нежели сдѣлать кому-либо что наперекоръ, не уважить, войти въ непріятности. Это — *человѣкоугодіе:* „что скажутъ и какъ быть, если придется разорвать связи?“ Должно быть это самая чувствительная уза грѣха, если для того, чтобы разорвать ее, онъ угрожается за сей стыдъ пристыжденіемъ на всеобщемъ судѣ: *Иже аще постыдится Мене и словесъ Моихъ въ родѣ семъ прелюбодѣйнѣмъ и грѣшнѣмъ, и Сынъ человѣческій постыдится его, егда пріидетъ во славѣ Отца Своего со ангелы святыми.* Это заключительное обращеніе къ вѣку грядущему указываетъ въ грѣхолюби-

вомъ сердцѣ отсутствіе чувства будущей жизни, заставляетъ предполагать, что въ той жизни для него будто нѣтъ, а оно все погружено въ жизнь настоящую. Такъ это и есть. Живетъ обычно человѣкъ на землѣ, будто тутъ вѣчно жить, а о будущемъ забываетъ; знаетъ счастіе только земное, и всѣ цѣли сходятся у него въ одномъ, какъ бы здѣсь хорошо прожить, а что дальше будетъ, о томъ и думки нѣтъ. И такъ, *саможалѣніе*, *чувственность*, *человѣкоугодіе и земность* (что только и жизни, что на землѣ) суть характеристическія черты грѣхолюбиваго сердца, — слѣдовательно, и коренные возбудители грѣха и главные за него воители. Самимъ намъ грѣшнымъ и не открыть бы ихъ, и еслибы не указалъ ихъ Спаситель, конечно, мы и не знали бы ихъ. Теперь же, когда они открыты, видно, что такъ, кажется, и быть должно. Человѣкъ, падшій отъ Бога, обратился къ себѣ — и наказанъ саможалѣніемъ: это выходитъ изъ главнаго свойства грѣхопаденія. Падшій разстроился въ себѣ, изъ духа ниспалъ въ плоть — и томится въ чувственности. Главное поприще, на которомъ раскрывается и свирѣпствуетъ грѣхъ—это общество человѣковъ грѣшащихъ, съ такими порядками и соотношеніями между ними, кои питаютъ и поддерживаютъ грѣхъ. Когда во всѣхъ сихъ оброкахъ грѣха все идетъ благополучно—вотъ и счастіе. Но какъ такого рода теченіе дѣлъ можетъ быть только въ семъ вѣкѣ, будущій же вѣкъ требуетъ совсѣмъ иного, то о немъ и помышленія нѣтъ, — оно не вмѣщается въ головѣ и тѣмъ болѣе не находитъ сочувствія въ сердцѣ.

Такъ вотъ эти-то корни грѣховъ и являются возбудителями всѣхъ помысловъ, возстающихъ на человѣка, когда онъ готовъ сдѣлать движеніе изъ области грѣха на сторону добра,—поднимаютъ весь рой искусительныхъ помышленій, смущающихъ, ужасающихъ, пресѣкающихъ путь. *Соможальніе* вопитъ: „что это за жизнь? Впереди видится одинъ трудъ, тяготы, скорби, лишенія, которымъ конца не видно; иди, какъ среди терній по колючкамъ голыми ногами, — поминутныя уязвленія!“ *Чувственность* подаетъ голосъ: „и ту вещь оставь и другую, и то перестань дѣлать и другое, — словомъ, все, въ чемъ я находила вкусъ,—а занимайся только духовнымъ! Это отвлеченно, сухо, непитательно, безжизненно“. „Что скажутъ?—Сочтутъ страннымъ и чуждаться станутъ; между тѣмъ надо порвать и ту, и ту связь,—какъ же быть послѣ? А вотъ съ этой стороны и вражды еще жди“. Это вопль *человѣкоугодія*. А вотъ вопль *земляности*: „будущее, конечно, будетъ, —кто противъ этого споритъ,—но вѣдь далеко еще, а тутъ-то какъ прожить? Живали же другіе... Земное мы знаемъ, а тамъ что? Это—въ рукахъ, а то—гдѣ оно?“

Да, приступитъ человѣкъ работать Господу, все это и завопитъ на него. И добро бы это были легкія какія-нибудь помышленія, а то нѣтъ: они проходятъ до глубины души, поражаютъ и влекутъ на свою сторону такъ, какъ еслибы кто зацѣпилъ удою за живое тѣло и тянулъ къ себѣ. Что тутъ дѣлать человѣку?

Помощь близъ... Ты только усилія употребляй—и одолѣешь, но употребляй усилія цѣлесообразно. Молитвенно утвердившись, какъ сказано, въ самоуничи-

женномъ преданіи себя волѣ Божіей и вседѣйствію благодати,—

а) Спѣши прогнать всѣ эти помыслы изъ души, вытѣсни ихъ изъ сознанія особымъ напряженіемъ самодѣятельности, втѣсни ихъ опять въ то сокровенное мѣсто, изъ котораго они вышли и возврати покой сердцу, потому что, пока не успокоится сердце, ничего нельзя будетъ дѣлать дальше. Для сего, на первый разъ, не занимайся съ ними нисколько и не вступай въ бесѣду, хоть бы и не мирную. Толпа необразованныхъ скоро разбѣгается, если поступить съ ними сурово съ перваго раза; если же скажешь снисходительное слово одному, другому, третьему,—они набираются смѣлости и дѣлаются настойчивѣе въ своихъ требованіяхъ. Такъ и толпа искусительныхъ помысловъ становится безотвязнѣе, если позволить имъ сколько-нибудь замедлить въ душѣ, а тѣмъ болѣе, если войти съ ними еще и въ переговоры. Но если ихъ съ перваго раза оттолкнуть сильнымъ напряженіемъ воли, отверженіемъ и обращеніемъ къ Богу, то они тотчасъ удалятся и оставятъ атмосферу души чистою.

б) Но пусть прогнано это мрачное полчище злыхъ помысловъ, пусть сердце опять спокойно и стало на душѣ свѣтло,—помнить надобно, что тутъ для дѣла своего собственно ничего еще не сдѣлано. Эти враги всѣ еще живы. Они только вытѣснены изъ вниманія и, можетъ-быть, намѣренно скрылись, чтобы въ нечаянномъ нападеніи въ благопріятное время тѣмъ вѣрнѣе возвратить себѣ побѣду. Нѣтъ, на этомъ никакъ не слѣдуетъ останавливаться, иначе ни покоя, ни успѣха

не будетъ. Ихъ надо умертвить, выманить и заклать на жертвенникѣ самоотверженія.

И такъ, снова утвердившись въ молитвенномъ преданіи себя Богу и благодати Его, вызывай каждаго изъ возбудителей грѣха и старайся отвратить отъ нихъ сердце и обратить его на противоположное, — этимъ они будутъ отрѣзаны отъ сердца и должны будутъ замереть. Для сего дай свободу здравому разсужденію, а по слѣдамъ его веди и сердце. Просвѣтленное истиною и вспомоществуемое сокровенно дѣйствующею благодатію, разсужденіе твое a) пусть сначала представить все безобразіе сихъ, можно сказать, изчадій ада; ты же понудь сердце свое восчувствовать *отвращеніе* къ нимъ; b) потомъ пусть живѣе изобразитъ опасность, въ какую они ввергаютъ, пусть укажетъ въ нихъ самыхъ злыхъ враговъ; ты же подвигни сердце свое возымѣть къ нимъ *ненависть;* c) затѣмъ пусть полнѣе изобразитъ передъ тобою всю красоту и сладость жизни, въ которую вступить они мѣшаютъ, всю прелесть свободы отъ сихъ тирановъ; ты же сердце свое, уже возымѣвшее отвращеніе и ненависть къ нимъ, напряги *устремиться* отъ сихъ къ тѣмъ, какъ елень на источники водные. Этимъ будетъ достигнуто требуемое. Коротка программа, но дѣло совершится, можетъ быть, и не такъ скоро. Тутъ означены только стороны, на какія должно обратиться разсужденіе, нить же самаго разсужденія — вести и довести до цѣли надо всякому самому; своеличному разсужденію видна дѣйственная и сильная мысль въ томъ или другомъ отношеніи. Вѣдать, впрочемъ, надо, что разсужденіе — рычагъ, все же

дѣло—въ поворотахъ сердца. Можно сказать, что коль скоро произойдутъ въ сердцѣ указанные повороты, то мы—у цѣли.

в) Этотъ трудъ есть самый существенный въ дѣлѣ перелома воли. Надо и энергично производить его, и не отступать, пока сердце не дойдетъ, въ сихъ поворотахъ своихъ, до послѣднихъ предѣловъ; послѣдніе же предѣлы суть *противочувствія* грѣховнымъ возбужденіямъ,—расположенія, противоположныя кореннымъ требованіямъ грѣха. Такимъ образомъ, все надо трудиться надъ собою, пока, вмѣсто *саможалѣнія*, не возродится *безжалостность* къ себѣ и непощадѣніе, не восчувствуется жажда страданій, желаніе умучить себя, истомить и тѣло свое и душу; пока вмѣсто *человѣкоугодія* не образуется, съ одной стороны, *отвращеніе* отъ всѣхъ недобрыхъ обычаевъ и связей, нѣкоторое враждебное, съ раздраженіемъ, противленіе имъ, а съ другой—*обреченіе себя* на всѣ неправды и всѣ поношенія людскія; пока, вмѣсто *вкуса* только въ одномъ вещественномъ, чувственномъ, видимомъ, придетъ *безвкусіе* къ нимъ и омерзеніе и зачнется исканіе и жажданіе одного духовнаго, чистаго, божественнаго; пока, вмѣсто *земности*, ограниченія жизни и счастія только землею, не исполнитъ сердца чувство *странничества на землѣ*, съ единственнымъ стремленіемъ къ отечеству небесному.

Когда образуются такія расположенія, тогда всѣ опоры грѣха будутъ подорваны. Онъ потеряетъ стойкость и власть опредѣляющую, которая переходитъ теперь къ самому человѣку. Грѣхъ извергнутъ вонъ,

сталъ внѣ. Съ сей минуты онъ уже будетъ искушающимъ, а не опредѣляющимъ. И всякій разъ стоитъ только привесть въ движеніе стяжанныя теперь противочувствія ему, чтобы прогнать его. Изъ сего видно, какой великой важности есть описываемый теперь трудъ: имъ образуется внутрь насъ изъ насъ новое лицо, съ рѣшительнымъ отвращеніемъ отъ зла и направленіемъ къ добру, — совершается переломъ воли, вслѣдствіе котораго все въ насъ должно принять новый порядокъ.

Вотъ человѣкъ стоитъ уже на самомъ краю области грѣховной, — ничто не отдѣляетъ его отъ страны свѣта, свободы и блаженства. Узы спали, легко и отрадно на душѣ; она готова воспарить къ Богу. Но коварство врага еще не истощилось. Еще есть у него стрѣла, которую приберегъ онъ къ послѣдней минутѣ. Только-что душа напряжетъ свои силы, чтобы сдѣлать послѣдній шагъ изъ области самоугодливаго грѣха, какъ поражаетъ ея вниманіе жалобный вопль. „еще день, и довольно, — завтра преступишь сію границу“. Потому ли, что въ предыдущей борьбѣ душа утомляется и требуетъ отдохновенія, или потому, что ужъ таковъ законъ у грѣха, только голосъ сей слышится. Тутъ нѣтъ противленія добру, а только прошеніе—нѣсколько поослабить пріобрѣтенное напряженіе. Это вопль самый обольстительный: врагъ стоитъ будто за насъ, умоляетъ, чтобы мы сжалились надъ собою, но склонись только мало на сей вопль, на это внушеніе, и все потеряешь, что пріобрѣлъ. Тайными какими-то путями тѣ прогнанные возбудители грѣха

прокрадутся къ сердцу, безъ нашего вѣдома совершатъ съ нимъ прелюбодѣйство—и все разслабятъ и разстроятъ, что было задумано, такъ что, пришедъ въ себя, человѣкъ видитъ себя на старой линіи, какъ будто ничего и не предпринималъ дѣлать надъ собою. Холодность, дебелость и неподвижность опять одолѣваютъ его,—хоть начинай сначала все, что, казалось, уже было пройдено. Поэтому, не презирай сего малаго будто бы требованія: оно мало и ничтожно на видъ, но на дѣлѣ есть сокращеніе всего зла, есть прелестное представленіе рабства въ видѣ свободы, льстивое дружество, скрывающее непримиримаго врага. Возненавидь его всею ненавистью и, какъ только замѣтишь, —а онъ пролетаетъ быстро, какъ молнія,—спѣши изгладить слѣдъ его такъ, чтобы и знака его не оставалось. Поставь себя опять въ тоже состояніе, въ какомъ былъ предъ симъ, и въ томъ же напряженіи, внутреннемъ и внѣшнемъ, рѣшись держать себя навсегда. Поразивъ и сего врага, ты останешься рѣшительнымъ побѣдителемъ, взявшимъ себя въ свои руки, станешь самъ полнымъ владыкою.

Такимъ образомъ, вслѣдъ за возбужденіемъ благодати, *первое* предлежитъ свободѣ человѣка — *движеніе къ себѣ*, которое она совершаетъ тремя актами: а) склоняется на сторону добра—избираетъ его; б) устраняетъ препятствія, разрываетъ узы, державшія человѣка въ грѣхѣ, изгоняя изъ сердца *саможалѣніе, человѣкоугодіе, склонность къ чувственному* и *земность* и, на мѣсто ихъ, возбуждая безжалостность къ себѣ, безвкусіе къ чувственному, преданіе себя позору всякому

и переселеніе сердцемъ въ будущій вѣкъ съ чувствомъ странничества здѣсь; в) наконецъ, воодушевляется сейчасъ же вступить на добрый путь, нисколько не послабляя себѣ, а содержа себя въ постоянномъ нѣкоторомъ напряженіи.

Такимъ образомъ все стихаетъ въ душѣ. Возбужденный, освободившись отъ всѣхъ узъ, съ полною готовностію говорить себѣ: *воставъ, иду.*

Съ этой минуты начинается *другое движеніе* души—*къ Богу.* Одолѣвъ себя, одолѣвъ всѣми исходами своихъ движеній, возвративъ себѣ свободу, онъ долженъ теперь всего себя принесть въ жертву Богу. Значитъ, дѣло сдѣлано еще только на половину.

б) *Восходъ до обѣта посвятить себя Богу.*

Казалось бы, что все уже сдѣлано, если принята рѣшимость оставить грѣхъ и остается только дѣйствовать. И точно, можно дѣйствовать; но что это будетъ за дѣятельность и что за духъ въ ней? Человѣкъ остановился только еще на себѣ. Если онъ станетъ дѣйствовать, отправляясь отъ сей точки, то будетъ дѣйствовать отъ себя и для себя, хоть и въ нравственномъ порядкѣ. Это будетъ нравственность эгоистическая, языческая. Есть люди, которые говорятъ, что дѣлаютъ добро, какъ добро, — дѣлаютъ это потому, что достоинство человѣка того требуетъ, или потому, что дѣйствовать иначе было бы неблагородно, неблагоразумно. Все такіе дѣлатели обличаютъ, что образованіе

въ нихъ внутренняго, нравственнаго человѣка не доведено до конца: они возвратились къ себѣ, но отъ себя къ Богу не подвиглись и себя ему въ жертву не принесли,—остановились, значитъ, на полдорогѣ. Цѣль свободы человѣка—не въ ней самой и не въ человѣкѣ, а въ Богѣ. Въ свободѣ Богъ уступилъ человѣку какъ бы нѣкую часть Своей божественной власти, но съ тѣмъ, чтобы онъ самъ произвольно принесъ ее въ жертву Богу, какъ совершеннѣйшее приношеніе. И потому, если возобладалъ ты собою, иди, отдай теперь себя Богу. Когда грѣшилъ ты, то не себя только терялъ, но, теряя себя, отдалялся и отъ Бога. Теперь, возвращаясь изъ грѣховнаго плѣна, послѣ того какъ возобладалъ ты собою, возврати себя и Богу.

Казалось бы также, что и обращеніе отъ себя къ Богу должно быть дѣломъ и не труднымъ, и не многосложнымъ, какъ, напримѣръ, обращеніе съ запада на востокъ. Но, вѣдь, грѣшникъ, приступающій къ Богу, не есть лицо отъ Него независимое и приближается къ Нему не такъ, чтобы за нимъ ничего не было. Нѣтъ, онъ то же, что бѣглый рабъ, возвращающійся къ своему господину, что виновный, являющійся предъ лицо царя-судіи. Надо посему приступить такъ, чтобы быть принятому. Въ человѣческихъ порядкахъ господинъ принимаетъ раба и царь возвращаетъ милость виновному, когда, приступая къ нимъ, каждый изъ нихъ сознаетъ вину свою, раскается въ ней и дастъ искреннее обѣщаніе быть впередъ совершенно исправнымъ.

То же—и въ возвращеніи грѣшника къ Богу. Онъ будетъ принятъ Богомъ, если а) сознаетъ свои грѣхи, б) раскается въ нихъ и в) положитъ обѣтъ не грѣшить. Это—необходимые акты въ сердечномъ возсоединеніи съ Богомъ, отъ которыхъ зависятъ твердость въ новой жизни, совершенство въ ней и благонадежность неизмѣннаго дѣйствованія по ея требованіямъ. Блудный сынъ, возвращаясь къ отцу, говорилъ: *реку: согрѣшихъ*—сознаніе грѣха; *нѣсмь достоинъ*—окаяваніе себя; *пріими, яко единаго отъ наемникъ* — обѣтъ работать. И такъ, возвращаясь къ Богу—

а) *Познай свои грѣхи.* И въ возбужденіи рѣшимости оставить грѣхъ зналъ ты, что грѣшенъ, ибо иначе какая нужда замышлять перемѣну жизни? Но эта грѣшность представлялась тогда въ смутномъ видѣ. Теперь надобно опредѣлительно разузнать, что именно грѣшно и въ какой степени, — ясно, раздѣльно, какъ бы численно узнать свои грѣхи, со всѣми обстоятельствами, умаляющими или увеличивающими грѣховность дѣйствій,—критически пересмотрѣть всю свою жизнь, съ судомъ строгимъ и нелицепріятнымъ.

Для сего поставь съ одной стороны, законъ Божій, а съ другой — собственную жизнь, и смотри, въ чемъ они сходны и въ чемъ несходны. Бери ты свое дѣло и подводи его подъ законъ, чтобы видѣть, законно ли оно; или бери законъ и смотри, осуществленъ ли онъ въ твоей жизни. Чтобы ничего не опустить въ семъ важномъ дѣлѣ, держись въ немъ какого-либо порядка. Сядь и припомни всѣ обязанности твои въ отношеніи къ Богу, ближнему и къ самому себѣ и потомъ

просмотри свою жизнь по всѣмъ симъ отношеніямъ. Или — разбирай заповѣди десятисловія и заповѣди о блаженствахъ, одну за другою, со всѣми ихъ приложеніями, и смотри—такова ли твоя жизнь. Или — читай главы св. Евангелія отъ Матѳея, гдѣ Спаситель излагаетъ законъ собственно христіанскій, также посланіе св. апостола Іакова, послѣднія главы посланій св. апостола Павла, въ которыхъ сокращенно излагаются обязательныя для христіанина дѣла, напримѣръ — съ 12 главы посланія къ Римлянамъ, съ 4 главы посланія къ Ефесеямъ, и проч. Послѣднія особенно важны тѣмъ, что изъясняютъ духъ христіанскаго житія. Сей духъ ясно и сильно выражается и въ 1-мъ посланіи св. Іоанна Богослова. Читай все это и повѣряй жизнь свою, такова ли она. Или, наконецъ, возьми чинъ послѣдованія исповѣди и по нему обсуди свое поведеніе. Жизнь свою и дѣла разсматривай не какъ только дѣла человѣка, какъ человѣка, но какъ дѣла человѣка-христіанина, и притомъ въ опредѣленномъ званіи и состояніи.

Вслѣдствіе такого пересмотра своей жизни, откроется безчисленное множество дѣлъ, словъ, помышленій, чувствованій, желаній беззаконныхъ, коимъ не слѣдовало быть, а они допущены,—множество такихъ, кои слѣдовало сдѣлать, а они не сдѣланы, да не малое число и изъ сдѣланныхъ по закону окажутся осквернеными, по нечистотѣ побужденій. Соберется всего этого безчисленное множество, а можетъ быть и вся жизнь окажется составленною изъ однихъ дѣлъ недобрыхъ. Главное, что надобно имѣть въ виду на сей

первой степени познанія своей грѣховности,—это есть точная опредѣленность дѣлъ. Какъ послужной списокъ пишется съ численною опредѣлительностію, такъ и списокъ дѣлъ своихъ каждый въ умѣ своемъ долженъ вообразить съ такою же опредѣленностію—со всѣми обстоятельствами времени, мѣста, лицъ, препятствій и проч. Если самоиспытаніе у насъ остается безплоднымъ, то это потому, что мы дѣлаемъ только общіе обзоры.

При всемъ томъ, однако-жъ, на сихъ дробностяхъ останавливаться не должно, а надобно проходить далѣе по пути грѣха, или глубже входить въ грѣховное сердце. Подъ дѣлами, словами, частными помышленіями, пожеланіями и чувствами лежатъ постоянныя расположенія сердца, составляющія характеристическія черты наши. Иныя дѣла наши случайно прорывались, иные же исходили изъ сердца,—и съ такою силою, что ихъ остановить не было силъ,—а иныя дѣлались непрестанно, обратились, какъ бы въ законъ. Такое разсмотрѣніе дастъ намъ знать, какихъ дѣлъ производители скрываются въ сердцѣ и рождаютъ постоянный, оттуда возникающій, позывъ на нихъ. Это и суть склонности грѣховныя. Раскрывая ихъ, мы разоблачимъ строй нашего сердца, число и взаимное сочетаніе склонностей его.

Когда это будетъ сдѣлано, не можетъ укрыться и главная, всѣмъ завѣдывающая, страсть. Извѣстно, что корень всѣхъ грѣховъ есть самолюбіе. Изъ самолюбія выходятъ гордость, корыстность, сластолюбіе, а отъ этихъ—всѣ другія страсти, между которыми главныхъ считаютъ восемь, а прочимъ, производнымъ, и числа

нѣтъ. У всякаго грѣшника есть всѣ страсти, — иныя на дѣлѣ, другія въ зародышахъ, — потому что у всякаго, кто грѣшитъ, заправляетъ дѣлами самолюбіе, сѣмя всѣхъ страстей или склонностей грѣховныхъ. Но не у всякаго всѣ онѣ раскрываются въ равной степени: у одного преобладаетъ гордость, у другаго — сластолюбіе, у третьяго—корыстность. И гордый не чуждъ чувственныхъ удовольствій,—но ничего, если и не придется имѣть ихъ. И своекорыстный думаетъ о себѣ высоко,—но ничего, если иногда изъ выгодъ придется поступить и низко. И сластолюбецъ любоимателенъ, — но ничего и ущербъ, если имъ покупаются утѣхи. Такъ у всякаго одна главная страсть. Всѣ другія стоятъ въ тѣни, въ подчиненіи ей и ею управляются, не смѣя властно дѣйствовать наперекоръ главной страсти. Всѣ склонности и порочныя привычки, открытыя уже человѣкомъ въ себѣ, оттѣняются одною какою-либо страстію и ею воодушевляются. Она есть то, въ чемъ наиболѣе качествуетъ и воплощается въ его лицѣ корень всѣхъ золъ— самолюбіе. Познаніемъ ея и должно завершиться познаніе своей грѣховности.

Такъ, наконецъ, познаешь и корень своей грѣховности, и ближайшія его порожденія— склонности, и порожденія дальнѣйшія, многочисленныя дѣла,—вообразишь всю исторію своей грѣшности и напишешь ее, какъ на картинѣ.

б) Познавъ свою грѣшность, не будь холоднымъ ея зрителемъ, но старайся возбудить и соотвѣтственныя ей спасительныя *чувства сердечнаго раскаянія*. Казалось бы, что чувства эти тутъ тебѣ и родятся, какъ

только познаешь грѣхъ, а на дѣлѣ не всегда такъ бываетъ. Сердце грубѣетъ отъ грѣха. Какъ чернорабочій грубѣетъ отъ своей работы, такъ грубѣетъ и человѣкъ-грѣшникъ, самъ себя продающій въ черную работу грѣху—копать рожцы и питаться ими. Потому и здѣсь надо работать надъ собою, чтобы раздражить чувства раскаянія.

Къ симъ чувствамъ переходятъ чрезъ чувство *виновности* въ грѣхахъ и безотвѣтности въ нихъ. Чувство виновности стоитъ на срединѣ между познаніемъ грѣховъ и покаянными чувствами и само посредствуетъ *обличеніемъ себя*.

Начни же прежде *обличать себя*—и обличи. Устрани все изъ вниманія и оставь себя одного съ своею совѣстью предъ лицомъ Бога-Судіи всевидящаго. Раскрой, что ты зналъ, что не должно,—и однакожъ похотѣлъ; могъ и похотѣвши отстать—и не употребилъ въ свое благо своего самовластія: и разумъ и совѣсть были противъ, и совнѣ препятствія были, но всѣ эти вразумленія презрѣны тобою. Такъ сдѣлай въ отношеніи къ каждому грѣху. Увидишь что всякій грѣхъ дѣланъ самоохотно, съ сознаніемъ его грѣшности и еще съ усиліемъ въ преодолѣніи препятствій, — и совѣсть заставитъ тебя безпрекословно сознаться въ виновности. Лукавство грѣшнаго сердца начнетъ, можетъ быть, изобрѣтать извиненія—то въ немощи естества, то въ силѣ темперамента, то въ стеченіи обстоятельствъ, то въ напорѣ житейскихъ отношеній,—не слушай. Все это могло усиливать влеченіе ко грѣху, но согласія на грѣхъ никто никогда вынудить не можетъ,—оно всег-

да есть дѣло произволенія. Сказалъ бы: „не хочу“,— и всѣмъ искушеніямъ конецъ! Наперекоръ этимъ непщеваніямъ вины о грѣсѣхъ, раскрой пополнѣе твои личныя отношенія: кто ты, гдѣ, когда и какъ грѣшилъ, чтобы открыть, сколько грѣшенъ грѣхъ именно твой, въ твоемъ лицѣ и въ твоихъ обстоятельствахъ,—и во всемъ увидишь не поводы къ извиненіямъ, а моменты, увеличивающіе твою виновность. Предѣлъ, до котораго должно доводить дѣло самообличенія, есть чувство безотвѣтной виновности,—состояніе,—въ которомъ скажется въ сердцѣ: „ничего не имѣю въ оправданіе, — виноватъ“.

Въ этомъ дѣйствіи обличенія совѣстію человѣкъ утвердитъ за собою одинъ грѣхъ за другимъ, и скажетъ: «и въ томъ виноватъ, и въ другомъ, и въ третьемъ, во всемъ, во всемъ виноватъ»,—облечется въ свои грѣхи и станетъ чувствовать, что они лежатъ на немъ всей своею тяжестію. Въ познаніи грѣховъ можно еще представлять ихъ внѣ сущими; въ обличеніи же они зрятся внутрь именно насъ самихъ и тяготятъ, и тѣмъ больше тяготятъ, что мы безотвѣтны въ нихъ. Дошедши до сею пункта, что остается сказать грѣшнику, кромѣ: *окаяненъ азъ!* И то не хорошо, и это худо, и самъ виноватъ въ томъ, что это не хорошо, и что оно во мнѣ есть.

Какъ только произнесетъ человѣкъ въ сердцѣ своемъ: *окаяненъ азъ*,—тотчасъ начнутъ возрождаться въ немъ, одно за другимъ, болѣзненныя чувства раскаянія въ грѣхахъ. Ему и *стыдно*, что вдался въ такія низкія дѣла, и *досадно*, что поблажилъ себѣ и поддал-

ся своему злому произволу, и *болѣзненно*, что довелъ себя до такого нравственнаго разстройства, и *страшно*, что оскорбилъ Бога и поставилъ себя въ такое опасное положеніе и во времени, и въ вѣчности. Чувства сіи смѣняются одно другимъ, и человѣкъ горитъ въ нихъ, какъ въ огнѣ. Онъ зритъ себя висящимъ надъ бездною и въ чувствѣ нисходитъ до состоянія отверженныхъ. Безотрадное томленіе даетъ проходъ и чувству безнадежности. И вотъ точка, на которой схватываетъ иногда человѣка-грѣшника бѣсъ отчаянія, внушая: *вящшая вина твоя, еже оставитися тебѣ*.

Въ большей или меньшей степени испытываетъ эти чувства всякій грѣшникъ. Нечего жалѣть, что они есть, а надобно желать, чтобы они были и были посильнѣе. Чѣмъ больше горитъ въ нихъ человѣкъ и чѣмъ сильнѣе горѣніе, тѣмъ спасительнѣе. Въ силѣ сего горѣнія — основаніе будущей исправности. Тутъ узнаетъ сердце, сколь сладокъ плодъ грѣха и въ этомъ почерпаетъ крѣпость отвращаться отъ обаяній его.

в) Чувства раскаянія, очевидно, имѣютъ разлагающее дѣйствіе. Слово нѣкое проходитъ до раздѣленія души же и духа, членовъ же и мозговъ, и судитъ помышленія и мысли сердечныя. Но цѣль, для чего производится сіе въ человѣкѣ благодатію Божіею, не та, чтобы только разорить, но чтобы, чрезъ разореніе стараго, создать новое. Это новое засѣменяется вѣяніемъ надежды на возможность все поправить. Есть возможность исправить неисправное и возвратить потерянное, только возьмись за дѣло. Казалось бы, что отъ чувствъ раскаянія — прямой переходъ къ обѣту:

«итакъ, дескать, отвергаю грѣхъ и даю обѣщаніе работать Единому Богу въ исполненіи Его заповѣдей». Но дающему такой обѣтъ надо быть увѣрену, что, съ одной стороны, прежняя его неисправность прощена можетъ быть, а съ другой, что онъ можетъ получить силы въ помощь къ устоянію въ обѣтѣ. Вотъ почему положеніе обѣта работать Господу посредствуется благонадежностію на помилованіе и на полученіе помощи свыше; а сія благонадежность производится вѣрою въ Господа Спасителя, Коимъ на крестѣ рукописаніе грѣховъ нашихъ разодрано и, по вознесеніи, поданы намъ всѣ *божественныя силы, яже къ животу и благочестію.* Безъ сей вѣры и пораждаемаго ею благонадѣянія, томимый сокрушительными чувствами раскаянія идетъ путемъ іудинымъ. Вотъ когда для человѣка крестъ Спасителя, дѣйствительно, есть якорь! Влачась, какъ надъ бездною, въ болѣзненномъ сокрушеніи о грѣхахъ, зритъ онъ его единственнымъ спасителемъ, за него емлется всею силою вѣры и упованія и изъ него чернаетъ силу воодушевленія на положеніе обѣта. Какъ утопающій крѣпко беретъ за дерево, такъ кающійся за крестъ Христовъ, и чувствуетъ, что уже не погибнетъ. Обыкновенно мы знаемъ силу крестной смерти Господа, а прошедшій это болѣзненное раскаяніе во грѣхахъ чувствуетъ ее, потому что она становится элементомъ жизни его.

Итакъ, томимый чувствами раскаянія и уже колеблемый безнадежностію, подвигаясь къ желанному обѣту,—

α) Прежде поспѣши воскресить живую вѣру въ силу крестной смерти Христа Спасителя. Всѣ грѣхи всѣхъ людей пригвождены ко кресту, а, слѣдовательно, и твои. Оживи сію увѣренность, и на сердце твое повѣетъ отрадою, и возникнетъ оно къ благонадежію тотчасъ, какъ согрѣется сею вѣрою.

β) Къ сему приложи крѣпкую увѣренность и въ томъ, что тебѣ даны будутъ силы къ исполненію обѣта, какъ только приступишь къ таинствамъ. Въ нихъ никому нѣтъ отказа. Затѣмъ онѣ и стяжены Господомъ, чтобы ихъ раздавать. Эта увѣренность приведетъ въ напряженіе и твои собственныя силы и родитъ готовность усердно работать при такой помощи. Родится ли обѣтъ безъ увѣренности въ помощи свыше? Но, съ другой стороны, придетъ ли и увѣренность эта, если не помышляется объ обѣтѣ? Тутъ—взаимодѣйствіе.

γ) И вотъ, когда произойдетъ у тебя внутри это сочетаніе увѣренности и готовности, давай обѣтъ — *прочее* Единому Богу работать всѣ дни живота твоего. Сей сердечный обѣтъ, по вѣрѣ въ Господа нашего Іисуса Христа, искренно произнесенный, развѣетъ весь мракъ, облегавшій душу, и освѣтитъ всѣ нити внутреней и всѣ порядки внѣшней жизни твоей. Здѣсь заключается завѣтъ сердца съ Богомъ во Христѣ Іисусѣ. Посему въ семъ дѣйствіи прежняя рѣшимость получаетъ истинно-христіанскій характеръ.

Облеченіе силою свыше на дѣло богоугожденія въ таинствахъ покаянія и причащенія.

Восходомъ до обѣта завершается движеніе кающагося грѣшника къ Господу. Теперь онъ дѣлать будетъ только нѣкоторые шаги къ принятію исходящаго въ срѣтеніе Его Господа. Блуднаго сына срѣтилъ отецъ припаденіемъ на выю его и облобызаніемъ, въ знакъ всепрощенія, затѣмъ одѣлъ его, какъ слѣдуетъ, и учредилъ для него трапезу. а) Всепрощеніе кающемуся Богъ изрекаетъ въ таинствѣ покаянія; б) облекаетъ же его силою и предлагаетъ вечерю—въ таинствѣ причащенія.

А) Кающемуся изрекается всепрощеніе въ таинствѣ покаянія.

Послѣ того, какъ человѣкъ-грѣшникъ дошелъ до обѣта — работать отселѣ Единому Богу, онъ долженъ спѣшить къ таинству покаянія. Необходимость сего такъ велика, что все, сдѣланное доселѣ, не только останется недовершеннымъ, но и должно пропасть безъ цѣны. Весь свой вѣсъ, все значеніе и силу оно получаетъ только въ семъ таинствѣ. Потому-то тамъ, гдѣ нѣтъ таинства покаянія, нѣтъ и живущихъ истинно по-христіански.

а) Первое, что дѣлаетъ необходимымъ это таинство, есть нѣкоторая нетвердость внутренняго дѣланія

вообще, нѣкоторая его неопредѣленность и шаткость. Мысли наши, пока еще онѣ въ головѣ, бываютъ въ ходѣ своемъ измѣнчивы, въ порядкѣ нестройны, въ движеніи не установлены,—и это не только тогда, когда предметъ еще не уясненъ, но и тогда, когда мы обсудили его хорошо. Но какъ скоро изложимъ ихъ на бумагѣ, то онѣ не только устанавливаются въ порядкѣ, но и окончательно уясняются и утверждаются. Точно такимъ же образомъ и перемѣна жизни, внутри только задуманная, одна бываетъ нерѣшительна и не тверда, и формы жизни, предначертанныя въ это время, шатки и неопредѣленны. Прочную установленность онѣ получаютъ въ таинствѣ покаянія, когда грѣшникъ въ церкви откроетъ свои неисправности и утвердитъ обѣтъ быть исправнымъ. Растопленный воскъ разливается неопредѣленно; но когда его вливаютъ въ форму, или налагаютъ печать, изъ него выходитъ нѣчто. И на внутренняго нашего человѣка надо положить свою печать, чтобы онъ принялъ опредѣленный образъ. Это дѣлается надъ нимъ въ таинствѣ покаянія: тутъ запечатлѣваетъ его божественная благодать Духа.

б) Духовную жизнь получаетъ человѣкъ отъ Духа Божія. Благодать Духа сорастворяется съ нами, начинаетъ жить и дѣйствовать въ насъ и производитъ жизнь по духу. Въ кающемся доселѣ она дѣйствовала совнѣ: совнѣ возбудила его, совнѣ назирала всѣ исправительныя движенія внутри и содѣйствовала имъ; но еще не проникла внутрь, не вселилась. Это совершается ею въ таинствѣ покаянія (а у обратившагося въ первый разъ къ Господу—въ крещеніи). Какъ томимый жаж-

дою отъ принятія прохладной воды чувствуетъ прохладу и подкрѣпленіе; такъ и горящій въ огнѣ раскаянія получаетъ въ таинствѣ покаянія окончательно услаждающую его горести и вмѣстѣ укрѣпляющую силу.

в) Что особенно дѣлаетъ необходимымъ таинство покаянія, такъ это, съ одной стороны, свойство грѣха, а съ другой,—свойство нашей совѣсти. Когда мы грѣшимъ, то думаемъ, что не только внѣ насъ, но и въ насъ самихъ не остается слѣдовъ грѣха. Между тѣмъ онъ оставляетъ глубокіе слѣды и въ насъ, и внѣ насъ, —на всемъ, что насъ окружаетъ, и особенно на небѣ, въ опредѣленіяхъ божественнаго правосудія. Въ часъ грѣха рѣшается тамъ, чѣмъ сталъ согрѣшившій: въ книгѣ живота онъ внесенъ въ списокъ осужденныхъ— и сталъ связанъ на небѣ. Божественная благодать не низойдетъ въ него, пока на небѣ не изгладится онъ изъ списка осужденныхъ, пока тамъ не получитъ онъ разрѣшенія. Но Богу угодно было небесное разрѣшеніе—небесное изглаженіе изъ списка осужденныхъ поставить въ зависимость отъ разрѣшенія связанныхъ грѣхами на землѣ. И такъ, прими таинство покаянія, чтобы сподобиться всесторонняго разрѣшенія и открыть въ себя входъ духу благодати. Совѣсть, теперь возочищенная, возвратившая нѣжность и чутье къ нравственному порядку, не дастъ покоя, пока рѣшительно не увѣримся въ прощеніи. Такова она въ обыкновенномъ порядкѣ нашей жизни; не даетъ она намъ и на глаза показаться къ тому, кого оскорбили, пока не увѣримся, что онъ простилъ насъ. Въ отношеніи же къ Богу она еще разборчивѣе. Хотя въ то время, когда человѣкъ

возвышается до рѣшительнаго обѣта, сходитъ на него нѣкоторое увѣреніе, что онъ теперь не противенъ Богу; но эта увѣренность — своя и прочна быть не можетъ, —ее скоро поколеблетъ сомнѣніе: „да такъ ли, да не самообольщеніе ли это“; а сомнѣніе внесетъ тревогу внутрь, отъ тревоги же—разслабленіе. При этомъ жизнь не будетъ имѣть ни твердости, ни стройности. И такъ, надобно человѣку услышать всепрощеніе отъ лица Божія, чтобы, окончательно успокоившись увѣренностію въ милости Божіей, дѣйствовать потомъ рѣшительнѣе и тверже въ этой увѣренности. Поди же исповѣдуйся —и получишь отъ Бога объявленіе о прощеніи.

Къ спасительной исповѣди надо достодолжно приготовиться. Кто прошелъ все сказанное доселѣ, тотъ готовъ. Приступи же съ благоговѣйною вѣрою!

а) Твердо убѣдившись въ необходимости сего таинства, иди къ нему—не какъ къ какому-либо придатку въ перемѣнѣ жизни твоей или простому обычаю, а съ полною вѣрою, что для тебя, какъ грѣшника, это — единственно возможный путь спасенія; что, минуя его, ты пребудешь въ числѣ осужденныхъ и, слѣдовательно, внѣ всякихъ милостей; что, не вошедши въ сію врачебницу, не возвратишь здравія духу своему и останешься, какъ былъ, больнымъ и разстроеннымъ; что не увидишь царствія, если не войдешь въ него дверью покаянія.

б) Такими убѣжденіями возроди въ себѣ желаніе сего таинства. Приступай къ нему не какъ къ мѣсту закланія, а какъ къ источнику благъ. Кто живо вообразитъ себѣ тотъ плодъ, который раждается въ насъ

отъ исповѣди, тотъ не можетъ не стремиться къ ней. Идетъ туда человѣкъ весь въ ранахъ, отъ главы до ногъ нѣтъ цѣлости,—а оттуда возвращается здоровымъ во всѣхъ частяхъ, живымъ, крѣпкимъ, съ чувствомъ безопасности отъ будущихъ заразъ. Идетъ туда подъ тяжелымъ бременемъ,—вся сумма прошедшихъ грѣховъ на немъ, она мучитъ и отнимаетъ всякій покой у него, —а оттуда возвращается облегченный, обрадованный, въ отрадномъ расположеніи духа, что получилъ хартію всепрощенія.

в) Будутъ приражаться стыдъ и страхъ,—пусть! Тѣмъ и вожделѣнно должно быть сіе таинство, что наводитъ стыдъ и страхъ; и чѣмъ больше будетъ стыда и страха, тѣмъ спасительнѣе. Желая сего таинства, желай бо́льшаго устыдѣнія и бо́льшаго трепета. Кто рѣшается лѣчиться, развѣ не знаетъ о болѣзненности лѣченія? Знаетъ; но, рѣшаясь на лѣченіе, онъ, вмѣстѣ съ тѣмъ, опредѣляетъ себя и на сопряженныя съ нимъ страданія, въ надеждѣ выздоровленія. И ты, когда томился въ нашедшихъ на тебя чувствахъ раскаянія и порывался приблизиться къ Богу, не говорилъ ли: „все готовъ перенесть, только помилуй и прости!“ Вотъ и сталось по твоему желанію. Да не смущаютъ же тебя находящіе стыдъ и страхъ, — они твоего ради блага сопряжены съ этимъ таинствомъ. Перегорѣвши въ нихъ, больше окрѣпнешь нравственно. Горѣлъ уже ты не разъ въ огнѣ раскаянія,—погори и еще. Тогда одинъ горѣлъ ты предъ Богомъ и совѣстію, а теперь погори при свидѣтелѣ, отъ Бога поставленномъ, во свидѣтельство искренности того уединеннаго горѣнія, а можетъ

быть въ восполненіе неполноты его. Будетъ судъ и на немъ стыдъ и страхъ отчаянные. Стыдъ и страхъ на исповѣди искупаютъ стыдъ и страхъ *тогдашніе*. Не хочешь тѣхъ,—перейди эти. Притомъ всегда такъ бываетъ, что, по мѣрѣ тревоги, какую проходитъ исповѣдающійся, избыточествуютъ въ немъ и утѣшенія по исповѣди. Вотъ гдѣ Спаситель во-истину являетъ Себя успокоителемъ труждающихся и обремененныхъ! Искренно покаявшійся и исповѣдавшійся опытно сердцемъ вѣдаетъ сію истину, а не вѣрою одною пріемлетъ.

г) Затѣмъ, припомнивъ снова всѣ содѣянныя тобою грѣхи и возобновивъ созрѣвшій уже въ тебѣ обѣтъ не повторять ихъ болѣе, вставь живую вѣру, что стоишь предъ Самимъ Господомъ, пріемлющимъ исповѣданіе твое, и разсказывай все, ничего не утаивъ изъ того, чѣмъ тяготится совѣсть твоя. Если ты приступилъ съ желаніемъ устыдить себя, то не будешь укрывать себя, а изобразишь сколько можно полнѣе твою срамоту въ надкостяхъ на грѣхи. Это будетъ служить къ насыщенію твоего сокрушеннаго сердца. Надобно быть увѣреннымъ, что всякій сказанный грѣхъ извергается изъ сердца, всякій же грѣхъ утаенный остается въ немъ тѣмъ въ большее осужденіе, что съ этою раною грѣшникъ былъ близъ врача неисцѣляющаго. Утаивъ грѣхъ, онъ прикрылъ рану, не жалѣя, что онъ мучитъ и разстраиваетъ его душу. Въ повѣсти о блаженной Ѳеодорѣ, проходившей мытарства, говорится, что злые обвинители ея не находили въ хартіяхъ своихъ записанными тѣ грѣхи, въ которыхъ она исповѣдывалась. Ангелы потомъ объяснили ей, что исповѣдь изглажда-

етъ грѣхъ изъ всѣхъ мѣстъ, гдѣ онъ обозначается. Ни въ книгѣ совѣстной, ни въ книгѣ животной, ни у этихъ злыхъ губителей не числится уже онъ за тѣмъ человѣкомъ,—исповѣдь изгладила эти записи. Извергни-же безъ утайки все, тяготящее тебя. Предѣлъ, до котораго надо довести открываніе своихъ грѣховъ, тотъ, чтобы духовный отецъ возымѣлъ о тебѣ точное понятіе, чтобы онъ представлялъ тебя такимъ, каковъ ты есть, и, разрѣшая, разрѣшалъ именно тебя, а не другаго,—чтобы, когда скажетъ онъ: „прости и разрѣши кающагося, о нихъ же содѣла согрѣшеніяхъ“,—въ тебѣ не оставалось ничего, что не подходило бы подъ эти слова. Хорошо дѣлаютъ тѣ, кои, готовясь къ исповѣди въ первый разъ послѣ долгаго пребыванія во грѣхахъ, находятъ случай предварительно переговорить съ духовнымъ отцомъ и разсказать ему всю исторію жизни своей грѣховной. Такимъ нѣтъ опасности забыть или пропустить что либо въ смятеніи во время исповѣди. Всячески стоитъ позаботиться о полномъ открытіи грѣховъ своихъ. Господь далъ власть разрѣшать не безусловно, а подъ условіемъ раскаянія и исповѣди. Если это не выполнено, то можетъ случиться, что тогда, когда духовный отецъ будетъ произносить: «прощаю и разрѣшаю», — Господь скажетъ: «а Я осуждаю».

д) Вотъ исповѣдь кончена. Духовный отецъ поднимаетъ епитрахиль, покрываетъ имъ голову кающагося и, держа на ней руку, произноситъ разрѣшеніе во всѣхъ грѣхахъ, запечатлѣвая его крестнымъ по главѣ знаменіемъ. Что происходитъ въ это мгновеніе

въ душѣ, извѣстно всякому, искренно каявшемуся. Потоки благодати отъ главы разливаются въ сердце и преисполняютъ его отрадою. Это—не отъ человѣковъ, ни отъ кающагося, ни отъ разрѣшающаго: это тайна Господа Цѣлителя и Успокоителя душъ... Бываетъ при этомъ, что у иныхъ въ сердцѣ внятно слышится какое-либо божественное слово въ укрѣпленіе и воодушевленіе на будущее дѣланіе. Это какъ бы духовное оружіе, вручаемое отъ Христа Спасителя человѣку, который теперь вступаетъ въ число воинствующихъ подъ Его знаменіемъ. Кто сподобится услышать такое слово,—пусть хранитъ его потомъ, какъ успокоительное и воодушевительное: успокоительное, ибо явно, что исповѣдь принята, когда Господу угодно было вступить какъ бы въ бесѣду съ кающимся,—воодушевительное, потому что въ часъ искушенія стоитъ только припомнить его, и откуда сила возьмется!... Воины на брани чѣмъ воодушевляютъ себя? — Тѣмъ словомъ изъ рѣчи полководца, которое сильнѣе подѣйствовало. Такъ и тутъ.

е) Тѣмъ все завершается... Остается припасть къ Богу въ чувствахъ благодаренія за неизреченныя Его милости и поцѣловать крестъ и Евангеліе въ знакъ обѣта—идти неуклонно путемъ, указуемымъ въ Евангеліи, съ самораспинаніемъ, идти въ слѣдъ Христа Спасителя, какъ описано въ Евангеліи, подъ благимъ игомъ Его, теперь только взятымъ на себя. Совершивъ это, иди съ миромъ, въ намѣреніи непремѣнно дѣйствовать по тому, какъ обѣщалъ, памятуя, что и судъ съ этихъ поръ надъ тобою будетъ уже отъ словъ тво-

ихъ. Положилъ обѣтъ, — держи его; запечатлѣлъ его таинствомъ,—тѣмъ болѣе будь вѣренъ ему, чтобы не попасть опять въ разрядъ попирающихъ благодать.

ж) Духовный отецъ наложитъ на тебя епитимію, прими ее съ радостью. А если бы духовный отецъ не наложилъ, то попроси наложить. Это будетъ не только напутствіемъ тебѣ въ добрый путь, на который вступаешь, но и защитою и прикрытіемъ отъ стороннихъ враждебныхъ дѣйствій на тебя въ новомъ порядкѣ жизни твоей. Вотъ что пишетъ объ этомъ святѣйшій патріархъ константинопольскій въ отвѣтъ лютеранамъ: „отпущеніе грѣховъ мы сопровождаемъ эпитиміями по многимъ уважительнымъ причинамъ. Во 1-хъ, для того, чтобы чрезъ добровольное злострадание *здѣсь* грѣшнику освободиться отъ тяжкаго невольнаго наказанія *тамъ*, въ другой жизни, ибо Господь ничѣмъ столько не умилостивляется, какъ страданіемъ, и тѣмъ болѣе страданіемъ добровольнымъ. Потому и св. Григорій говоритъ, что за слезы воздается человѣколюбіемъ. Во 2-хъ, для того, чтобы истребить въ грѣшникѣ тѣ страстныя вожделѣнія плоти, которыя порождаютъ грѣхъ, ибо мы знаемъ, что противное врачуется противнымъ. Въ 3-хъ, чтобы епитимія служила какъ бы узами, или уздою для души и не давала ей снова приниматься за тѣ же порочныя дѣла, отъ которыхъ она еще только очищается. Въ 4-хъ, для того, чтобы пріучить къ трудамъ и терпѣнію, ибо добродѣтель есть дѣло трудовъ. Въ 5-хъ, для того, чтобы намъ видѣть и знать, совершенно ли кающійся возненавидѣлъ грѣхъ“ *).

*) Христ. Чт. 1842 г. т. 1, стр. 244.

Кто проходитъ весь этотъ курсъ врачеванія духовнаго, какъ должно и, главное, безъ утайки исповѣдуетъ свои грѣхи, тотъ возвращается изъ дома Божія—какъ возвращаются изъ судебнаго мѣста виновные, кои, вмѣсто приговора на смерть, услышали тамъ объявленіе помилованія и забвеніе ихъ преступленій, — возвращаются съ глубочайшимъ чувствомъ благодаренія къ Спасителю душъ нашихъ, съ твердою рѣшимостію посвятить Ему и исполненію заповѣдей Его всю остальную жизнь, съ крайнимъ отвращеніемъ отъ всѣхъ прежнихъ грѣховъ и неудержимымъ желаніемъ изгладить всѣ слѣды прежней недоброй жизни. Получившій разрѣшеніе чувствуетъ въ себѣ, что онъ не празденъ, что его посѣтила особая нѣкая сила. Божественная благодать, которая доселѣ только совнѣ дѣйствовала на него въ помощь ему въ побѣдѣ надъ собою, теперь съ словами: „прощаю и разрѣшаю“ — вошла внутрь, сраствориласъ съ его духомъ и исполнила его огненностію и стремительностію, съ коими и исходитъ онъ теперь на дѣло и на дѣланіе свое до вечера жизни своей.

Б) Кающійся приступаетъ къ таинству святаго причащенія.

Въ притчѣ о блудномъ сынѣ, отецъ, принявъ возвращающагося къ нему съ раскаяніемъ сына, послѣ того, какъ, падши на выю его, облобызалъ его въ знакъ всепрощенія,—повелѣлъ одѣть его и готовить вечерю свѣтлую и отрадную. Родительское сердце не довольно

было прощеніемъ, — оно рѣшительнѣе хочетъ увѣрить сына въ своемъ съ нимъ примиреніи и сильнѣе выразить радость свиданія съ нимъ по разставаніи столь горестномъ. Отеческая любовь даетъ то, чего и не ожидала сыновняя надежда. Какой грѣшникъ могъ ожидать большаго чего-нибудь послѣ того, какъ получилъ всепрощеніе? И вотъ, однако-жъ, онъ приглашается еще и на вечерю Господню, гдѣ Господь Самъ даетъ ему плоть Свою ясти и кровь Свою пити. Это — вѣнецъ щедродательности къ обращающемуся грѣшнику, и однако-жъ не избытокъ, а существенная необходимость въ возсоединеніи съ Господомъ.

Жизнь христіанская есть жизнь въ Господѣ Іисусѣ Христѣ. Увѣровавшій облекается во Христа и живетъ Имъ. Падшій по крещеніи теряетъ эту благодать; воставая отъ паденія и возвращаясь къ Господу, ему опять надо сподобиться ея, — и сподобляется въ св. причащеніи. *Ядый Мою плоть и піяй Мою кровь во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ*, говоритъ Господь (Іоан. 6, 56). Тутъ, въ кающемся, и начало жизни о Христѣ Іисусѣ. Господь сказалъ, что Онъ есть лоза, а вѣрующіе въ Него — вѣтви (Іоан. 15, 4—6). Вѣтвь не живетъ, если она не на лозѣ; такъ и вѣрующіе не живутъ, если не въ Господѣ. Нигдѣ нѣтъ жизни истинной, какъ только въ этой лозѣ. Что не на ней, то мертво. Посему, кто хочетъ жить истинно, тотъ долженъ привиться къ ней, принимать отъ нея соки жизненные и жить, питаясь ими. Привитіе и совершается во св. причащеніи,—здѣсь христіанинъ становится едино съ Господомъ. Когда Господь руководилъ только грѣ-

шника къ полному покаянію, то толкалъ лишь въ двери сердца; когда же отверзаются они сокрушеніемъ и покаяніемъ, — Онъ входитъ внутрь и вечеряетъ съ причастникомъ.

Теперь человѣкъ рождается вновь. Начинается у него жизнь совершенно въ новомъ родѣ. Жизнь не можетъ продолжаться безъ пищи, и притомъ пищи сродной себѣ. А такого-то рода пища и есть тѣло и кровь Господа. Самъ Онъ сказалъ: *плоть Моя истинно есть брашно, и кровь Моя истинно есть пиво* (Іоан. 6, 55). Ими и должно начавшему новую жизнь питать сію жизнь. Тѣмъ паче необходимо вкусить сей пищи на первыхъ порахъ, при первыхъ, такъ сказать, движеніяхъ новой своей жизни. Говорятъ, что первая пища имѣетъ вліяніе на характеръ тѣлесной жизни и послѣ составляетъ постоянную потребность тѣла. Какой же долженъ быть характеръ жизни у покаявшагося? — Жизнь о Христѣ Іисусѣ, Господѣ нашемъ. Что должно составлять постоянную потребность его? — Потребность общенія съ Господомъ. Пусть же спѣшитъ на первыхъ движеніяхъ сей жизни вкусить тѣла и крови Христовыхъ, чтобы положить, такъ сказать, основу жизни сообразной съ Христомъ и зародить живую потребность постояннаго съ Нимъ общенія посредствомъ сего вкушенія. Вкушающій, ощутивъ сладость сей манны небесной, уже не можетъ потомъ не алкать и не жаждать больше и больше сего вкушенія.

И такъ, получивъ помилованіе и всепрощеніе въ покаяніи, приступи къ св. причащенію, для полноты оживленія внутренняго твоего человѣка.

Нѣтъ нужды прописывать особыя правила приготовленія къ сему. У покаявшагося есть уже все къ тому потребное, и онъ естественно переходитъ къ причащенію. Кто оплакалъ свои грѣхи и исповѣдался, тотъ готовъ приступить къ сему великому таинству. И апостолъ ничего болѣе не предписываетъ; онъ говоритъ только: *да искушаетъ себя, и тако отъ хлѣба да ястъ, и отъ чаши да піетъ*. Можно сказать: имѣй то, что есть, или не потеряй того, что имѣешь, — и довольно.

По заведенному у насъ порядку, послѣ исповѣди до причащенія не много проходитъ времени: большею частью только вечеръ, утро и литургія. Въ эти моменты и позаботиться надобно сохранить благонастроеніе, принесенное изъ храма послѣ исповѣди, и примѣнить къ общенію съ Господомъ во св. причащеніи.

а) Храни неразвлеченнымъ вниманіе и сердце безмятежнымъ. Блюдись разсѣянія и смятенныхъ заботъ и, отъ всего отстранясь, войди въ себя и пребудь самъ съ единою мыслію о Господѣ, имѣющемъ пріити къ тебѣ. Устрани всякое движеніе мысли и, созерцая Единаго Господа, молись Ему неразвлеченною сердечною молитвою.

б) Если мысль не можетъ пребыть въ семъ единомъ, — дай ей въ занятіе размышленіе о самомъ причащеніи; а чтобы она не блуждала много, связывай ее словами Господа и св. апостоловъ о семъ таинствѣ.

в) Размышляя о какомъ-либо изреченіи Господа или св. апостоловъ, извлекай изъ нихъ назиданіе и располагай себя къ сокрушенной молитвѣ. Когда при-

детъ молитва, падай предъ Господомъ и не отступай отъ молитвы, пока есть молитва.

г) Въ этихъ занятіяхъ проведи вечеръ, пока сонъ смежитъ очи. Настанетъ утро. Какъ только придешь въ себя, проснувшись, прежде всего воскреси сознаніе о величіи наступившаго для тебя дня. Но не суетись, не развлекайся многимъ, имѣя во вниманіи только то, что имѣетъ быть съ тобою и въ тебѣ. Блюдись! Врагъ всячески искушать будетъ, чтобы поставить душу въ недоброе состояніе, стараясь или мысли разсѣять, или заботу о чемъ породить, или недовольство чѣмъ, или неудовольствіе на кого возбудить. Внимай себѣ, молясь ко Господу, и избѣжишь сихъ преткновеній.

д) Вошедши въ храмъ, чувствуй себя такъ, какъ еслибы ты былъ въ Сіонской горницѣ, гдѣ Господь причащалъ св. апостоловъ, и внимай болѣе, чѣмъ когда поемому и читаемому, направляя все къ тому помышленію, что это для тебя Самъ Господь готовитъ спасительную вечерю.

е) При семъ возгрѣвай *вѣру* въ дѣйствительное присутствіе Самого Господа и Спасителя въ св. тайнахъ. Исходя отъ сей вѣры и созерцая Самого Господа, уже какъ бы грядущаго къ тебѣ, *самоуничиженію* взывай: *нѣсмь достоинъ, да подъ кровъ мой внидеши.* Отъ самоуничиженія переходи къ сыновнему *страху*, не отрѣвающему, но приносящему благоговѣйную трезвость. Поелику же Самъ Господь и приглашаетъ, и повелѣваетъ приступить,— будь готовъ приступить *благонадежно, съ желаніемъ и жажданіемъ*, какъ елень на источники водные, и *чая* съ увѣренностію принять

Самого Господа, а съ Нимъ и всѣ сокровища жизни, въ Немъ сокровенныя. Отъ сего чаянія, которое не посрамитъ, опять обращаясь на себя, въ готовности срѣтить Господа, сильнѣе возгрѣй сердечное *сокрушеніе* и повтори *обѣщаніе* отвращаться отъ грѣха, хоть бы для сего и умереть пришлось.

ж) Потрудись всю литургію простоять, переходя отъ одного изъ сихъ чувствъ къ другому, и въ семъ благонастроеніи приступи, наконецъ, къ чашѣ Господней, узрѣвъ которую, воздай поклоненіе грядущему къ тебѣ Господу и, отверзши уста и сердце, пріими Его, смиренно и благоговѣйно воззвавъ съ апостоломъ Ѳомою: *Господь мой и Богъ мой!*

Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже! Слава Тебѣ, Боже!

Приступивъ съ такимъ расположеніемъ къ чашѣ Господней и отходя отъ нея, ты будешь чувствовать въ сердцѣ своемъ: *истинно слово, божественныхъ причащаяся благодатей, не убо есмь единъ, но съ Тобою, Христе мой, свѣтомъ трисолнечнымъ, просвѣщающимъ міръ.* Отселѣ ты начинаешь носить въ себѣ Христа. Попекись же усердно упокоить Его всячески и удержать въ себѣ. Если Христосъ въ тебѣ, кто противъ?... И все прочее возможешь о укрѣпляющемъ тебя Господѣ.

Этимъ завершается образованіе духовной жизни въ человѣкѣ-христіанинѣ, послѣ грѣхопаденія снова обращающемся къ богоугожденію.

Вотъ весь порядокъ обращенія! Онъ представленъ здѣсь въ видѣ долгой исторіи для того, чтобы яснѣе

видѣть всѣ обороты, какіе долженъ дѣлать обращающійся, при взаимодѣйствіи свободы и благодати. Все сказанное бываетъ у всякаго обращающагося; но какъ и въ какой мѣрѣ—это зависитъ отъ личностей и обстоятельствъ каждаго. У иного все обращеніе совершается въ нѣсколько минутъ, а между тѣмъ онъ и возбужденъ бываетъ, раскаявается и восходитъ до рѣшимости. Духовныя явленія мгновенны. Впрочемъ, такого рода примѣры обращенія очень рѣдки; большею же частію все обращеніе совершается не вдругъ, а постепенно. Самыя измѣненія внутреннія хотя мгновенны, но доходятъ до нихъ не всегда вдругъ, а иногда послѣ довольно долгаго труда надъ собою. У иного потому обращеніе полное продолжается годы. Главныя точки, на которыхъ дѣлается застой, суть тѣ, гдѣ должно страдать самолюбіе, при одолѣніи, напримѣръ, препятствій или возбудителей грѣха, при исповѣди и проч. Послѣдняя мета, до которой должно дойти, есть совершенное отрѣшеніе отъ всего и преданіе себя Господу. Съ этой минуты и зачинается полная истинно-христіанская жизнь, потому что тогда человѣкъ бываетъ у цѣли—сокровенъ въ Богѣ. Все зависитъ отъ ретивости, съ какою кто возьмется за себя, и убѣжденія, что ужъ что необходимо, то надобно сдѣлать—теперь ли, послѣ, а надобно: лучше же теперь,—и начинаетъ работать, и скоро устанавливается. А установиться и есть главное дѣло обращенія.

ПУТЬ КО СПАСЕНІЮ.

ОТДѢЛЪ III.

О томъ, какъ совершается, зрѣетъ и крѣпнетъ въ насъ христіанская жизнь или, то же, о порядкѣ богоугодной жизни.

III.

КАКЪ СОВЕРШАЕТСЯ, ЗРѢЕТЪ И КРѢПНЕТЪ ВЪ НАСЪ ХРИСТІАНСКАЯ ЖИЗНЬ.

Утвердимъ вниманіе наше на томъ, что человѣкъ только-что обратился отъ тмы къ свѣту, изъ области сатанины къ Богу, только-что вступилъ въ новый путь, на которомъ не сдѣлалъ еще ни одного шага, но горитъ ревностію все сдѣлать, что окажется нужнымъ для того, чтобы устоять въ начатомъ дѣлѣ и не поддаться опять прежнимъ своимъ властителямъ, отдалявшимъ его отъ Бога и Спасителя и увлекавшимъ въ погибель.

Спрашивается теперь: куда ему идти, и что долженъ онъ дѣлать, дабы прійти куда должно, и прійти вѣрно, прямо, скоро, успѣшно?

Цѣль, къ которой долженъ все свое вниманіе и всѣ труды направлять обратившійся, и есть послѣдняя цѣль человѣка и домостроительства спасенія, именно—богообщеніе, живой союзъ съ Богомъ, удостоеніе вселенія Его. Тогда только и успокоится ищущій и ре-

внующій духъ, когда стяжетъ Бога, вкуситъ Его и насытится. Потому для него первый законъ: *ищи Бога, взыщи лица Его выну*. Въ чемъ состоитъ сіе благо—для человѣка непостижимо. Самъ онъ даже и не подумалъ бы о такой высотѣ. Но когда Богу угодно было назначить ему сей чинъ, дерзко было бы человѣку отвергать его невѣріемъ, невниманіемъ, опущеніемъ изъ мысли, даже при трудахъ. *Вселюся въ них* (2 Кор. 6, 16), говоритъ Богъ, и это—всѣми лицами Пресвятыя Тройцы. О Богѣ Отцѣ и Себѣ говоритъ Господь: *къ нему* (вѣрующему и любящему) *пріидемъ, и обитель у него сотворимъ* (Іоан. 14, 23). О Себѣ Единомъ: *вниду къ нему и вечеряю съ нимъ* (Апок. 3, 20); и еще яснѣе: *Азъ во Отцѣ Моемъ, и вы во Мнѣ, и Азъ въ васъ* (Іоан. 14, 20). О Духѣ же Святомъ говоритъ апостолъ: *Духъ Божій живетъ въ васъ* (1 Кор. 3, 16), или: *обѣтованіе Духа пріимемъ вѣрою* (Галат. 3, 14).

Должно замѣтить, что это вселеніе Бога не есть только мысленное, какое бываетъ въ богомысліи отъ лица человѣка и въ благоволеніи со стороны Бога, а есть живое, жизненное, къ коему тѣ должны быть почитаемы только средствомъ. Умное и сердечное устремленіе къ Богу, подъ благоволеніемъ Божіимъ, приготовляетъ человѣка къ пріятію Бога истиною; это такое единеніе, въ коемъ, не поглощая силъ и лица человѣческаго, Богъ является *дѣйствующимъ* въ немъ *и еже хотѣти и еже дѣяти* (Филип. 2, 13); и человѣкъ, по апостолу, *не ктому себѣ живетъ, но живетъ въ немъ Христосъ* (Галат. 2, 20). Это мета не только человѣка, но и Самого Бога. Все сотворенное въ Богѣ и Богомъ

стоитъ. Свободныя твари уступлены себѣ самимъ, но не окончательно и не въ конецъ, а съ тѣмъ, чтобы и онѣ себя отдали Богу вседѣйствующему, не составляя изъ себя особаго, въ царствѣ Божіемъ, царства независимаго отъ Бога.

Можетъ казаться страннымъ, что общенія съ Богомъ достигать еще должно, когда уже оно есть, или дается въ таинствѣ крещенія или покаянія, ибо говорится: *елицы во Христа крестистеся, во Христа облекостеся* (Галат. 3, 27); или: *умросте, и животъ ваш сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ* (Колос. 3, 3). Да и по простому понятію Богъ вездѣ есть, не *далече отъ коегождо насъ, да поне осяземъ Его* (Дѣян. 17, 27), и готовъ вселиться во всякаго, готоваго принять Его. Только одно нехотѣніе, небреженіе, грѣшность отдѣляютъ насъ отъ Него. Теперь, когда покаявшійся отвергъ все и себя предаетъ Богу,—что препятствуетъ вселенію Бога въ него?

Въ устраненіе такого недоумѣнія, надобно отличать разные виды богообщенія. Оно начинается съ минуты возбужденія и обнаруживается, со стороны человѣка, исканіемъ, стремленіемъ къ Богу, со стороны же Бога — благоволеніемъ, содѣйствіемъ, покровомъ. Но Богъ еще внѣ человѣка и человѣкъ внѣ Бога, не сопроникаются, не взаимно-входны. Въ таинствѣ крещенія или покаянія Господь благодатію Своею входитъ внутрь человѣка, живо сообщается съ нимъ и даетъ ему вкусить всю сладость Божества, такъ обильно и ощутительно, какъ свойственно совершеннымъ, но потомъ опять сокрываетъ сіе явленіе Своего общенія,

только по временамъ возобновляя его — и то легко, какъ въ отраженіи только, а не въ подлинникѣ, оставляя человѣка въ невѣдѣніи о Себѣ и Своемъ въ немъ пребываніи до опредѣленной мѣры возраста, или воспитанія по мудрому Своему руководству. Послѣ же сего Господь осязательно являетъ Свое вселеніе въ духъ человѣка, который тогда становится храмомъ преисполняющаго его трiипостаснаго Божества.

И такъ, есть три вида богообщенія: одно — мысленное, бывающее въ періодъ обращенія, а другія два — дѣйствительныя; но одно изъ нихъ — сокрытое, невидимое для другихъ и незнаемое самимъ, другое же—и для себя, и для другихъ явное.

Первый видъ общенія, самый понятный и общій, не перестаетъ и во второй степени и даже въ третьей, потому что жизнь духовная есть жизнь умная; однако-жъ въ сихъ степеняхъ отличается отъ перваго своего свойства характеристически, чего, впрочемъ, изъяснить словомъ нѣтъ никакой возможности. Вся жизнь духовная состоитъ въ переходѣ отъ мысленнаго богообщенія къ дѣйствительному, живому, ощущаемому, являемому.

Мы смотримъ на человѣка покаявшагося,—слѣдовательно, на такого, который дѣйствительно вступилъ въ общеніе съ Богомъ, но еще скрытное, тайное, не являемое, и имѣетъ цѣлію достигнуть общенія полнаго, ощущаемаго, осязаемаго. Надобно точнѣе опредѣлить себѣ все это и увѣриться, потому что на сихъ понятіяхъ должна строиться вся дѣятельность покаявшагося во спасеніе; именно: что въ таинствѣ покаянія (или крещенія) нисходитъ благодать ощутительно для духа,

но потомъ скрывается отъ сознанія, хотя не отходитъ дѣломъ, — и это до очищенія сердца, когда она вселяется видимо и окончательно. Очевидно, что наставниками намъ въ семъ дѣлѣ могутъ быть только св. отцы. Изъ нихъ никто такъ хорошо не изобразилъ сего, какъ св. Діодохъ, епископъ Фотики, и св. Макарій Египетскій. Приведемъ ихъ свидѣтельства на наши положенія.

1) *Благодать вселяется въ человѣка и бываетъ при немъ съ минуты принятія таинства.* „Благодать, говоритъ св. Діодохъ, съ самаго того мгновенія, въ которое получаемъ крещеніе (или покаяніе), поселяется въ самой глубинѣ ума...“ *). Еще: „Божественная благодать чрезъ св. крещеніе сочетаваетъ себя съ непостижимою нѣкоею любовію, чертами изображенія по образу Божію, въ залогъ подобія“ **). Св. Макарій: „Благодать непрестанно пріемствуетъ съ человѣкомъ, и еще съ младыхъ лѣтъ соединившись и укоренясь, какъ бы нѣчто природное и неотдѣленное въ сердцѣ его, содѣлавшись съ нимъ какъ бы одно существо“ ***).

2) *При первомъ вселеніи своемъ чрезъ таинства, благодать сія сподобляетъ человѣка полнаго вкушенія блаженства отъ богообщенія.* Всесвятый Духъ, говоритъ св. Діодохъ, въ началѣ усовершенія, если ревностно возлюбимъ добродѣтель „Божію, даетъ душѣ вкусить сладости Божіей всѣмъ чувствомъ и удовлетворительно,

*) § 77.
**) § 78.
***) Бесѣда 8 § 2.

для того, чтобы умъ имѣлъ точное познаніе о конечной наградѣ богоугодныхъ трудовъ“ *). Еще благодать сначала обыкновенно озаряетъ душу своимъ свѣтомъ такъ, что она можетъ обильно ощущать его“ **). Сіе ощутительнѣйшее осѣненіе благодати вначалѣ изображается бѣлою одеждою, въ какую на *семь* дней одѣваются крещаемые. Что это не одинъ обрядъ, видно изъ примѣровъ святыхъ обращенныхъ, ибо иныхъ видимо одѣвалъ свѣтъ, на другихъ нисходилъ голубь, у иныхъ просвѣтлялось лицо. Вообще же, всѣ, истинно приступавшіе ко Господу, ощущали сіе нѣкоторымъ взыграніемъ духа своего, подобнымъ тому, какимъ взыгрался Предтеча Господень во чревѣ Елисаветы, при приближеніи Матери Божіей и въ Ней Господа. Въ житіи Симеона и Іоанна (іюля 21) говорится, что они видѣли свѣтъ около брата, окрещеннаго и пріявшаго образъ монашескій, — и это *семь* дней. Ощутивъ, по пріятіи образа, и въ себѣ дѣйствіе Божіе особенное, они взыскали сохранить его навсегда, для чего тотчасъ же и удалились на уединеніе—способнѣйшій къ тому образъ подвижничества.

3) *Потомъ благодать скрываетъ себя отъ спасаемаго*, и хотя пребываетъ въ немъ и дѣйствуетъ, но такъ, что тотъ не замѣчаетъ сего, и до того не замѣчаетъ, что нерѣдко считаетъ себя оставленнымъ отъ Бога и гибнущимъ, отъ чего впадаетъ въ тугу, сѣтованіе и даже легкое нечаяніе. Такъ св. Діодохъ, послѣ

*) § 90.
**) § 69.

приведенныхъ предъ симъ мѣстъ, продолжаетъ *): „впрочемъ, долго потомъ скрываетъ драгоцѣнность сего животворнаго дара, чтобы мы, хотя исполнимъ всѣ добродѣтели, считали себя совершенно ничѣмъ, потому что не обратили еще святой любви какъ бы въ навыкъ себѣ **)"..., „но, въ продолженіе подвиговъ, производитъ въ богословствующей душѣ свои тайныя дѣйствія неизвѣстнымъ для нея образомъ, дабы въ первомъ случаѣ склонить насъ призываемыхъ отъ невѣдѣнія къ вѣдѣнію, съ радостію вступить на стезю божественныхъ созерцаній, а во второмъ, среди подвиговъ, охранить наше знаніе отъ тщеславія". Въ другомъ мѣстѣ ***) онъ объясняетъ, какъ вообще дѣйствуетъ благодать: „Благодать сперва утаеваетъ свое присутствіе, выжидая произвола души, и какъ скоро человѣкъ совершенно обратится ко Господу, тогда неизъяснимымъ какимъ-то ощущеніемъ открываетъ сердцу свое присутствіе и опять ожидаетъ движенія души, попуская между тѣмъ діавольскимъ стрѣламъ достигать до глубокаго чувства ея, дабы она съ ревностнѣйшимъ произволеніемъ и съ смиреннѣйшимъ расположеніемъ взыскала Бога... Впрочемъ, надлежитъ знать, что хотя благодать и утаеваетъ отъ души свое присутствіе, однако же подаетъ ей помощь скрытнымъ образомъ, дабы показать врагамъ, что побѣда принадлежитъ единственно душѣ. Посему-то душа бываетъ тогда въ унынiи, скорби, уничиженiи и даже умѣрен-

*) § 90.
**) § 69.
***) § 85.

номъ отчаяніи *)". И св. Макарій Египетскій говоритъ **), что „сила благодати Божіей, бываемая въ человѣкѣ (которая уже есть, дарована), и даръ Св. Духа, коего вѣрная душа пріяти сподобляется великимъ трудомъ,—многимъ ожиданіемъ, долготерпѣніемъ, искушеніями и испытаніями пріобрѣтается, разумѣя первое ея полученіе, а ея полное вселеніе и дѣйствіе, какъ видно изъ его словъ, гдѣ говоритъ онъ, что благодать, съ великимъ долготерпѣніемъ, премудростію и таинственнымъ ума испытаніемъ въ человѣкѣ, уже долгое время въ разныхъ случаяхъ подвизавшемся, дѣйствовать начинаетъ". Онъ же объясняетъ это примѣрами Авраама, Іакова, Іосифа и Давида, кои, получивъ великія обѣтованія, потомъ долгое время должны были страдать въ безвѣстности, пока наконецъ увидѣли исполненіе обѣтованій ***). Надобно замѣтить, что эта сокровенность и неощутимость бываетъ не сплошная, а по временамъ растворяется утѣшеніями, хотя утѣшенія сіи—совсѣмъ другое, нежели тѣ, которыя бываютъ послѣ, по вселеніи Духа.

4) *Наконецъ, когда кончится сей періодъ сокровеннаго боообщенія и Божія въ душѣ дѣйствованія*, продолженіе котораго не въ рукахъ человѣка, а въ руководительной премудрости спасающей человѣка благодати,—*Богъ особеннымъ образомъ вселяется въ человѣка*, видимо преисполняетъ его, соединяется и общается съ нимъ, что и составляетъ цѣль всего подвижничества и всѣхъ трудовъ со стороны человѣка, и всего

*) § 87.

**) См. Бес. 9 § 7.

***) См. св. Макар. Бес. 9 § 1—6.

домостроительства спасенія отъ лица Божія, и всего, что бываетъ съ каждымъ человѣкомъ въ жизни настоящей отъ рожденія до гроба. У св. Макарія говорится, что дѣло благодати, послѣ долгихъ испытаній, наконецъ, совершенно показывается, и душа пріемлетъ полное всыновленіе Духа. Богъ Самъ Себя ввѣряетъ сердцу, и человѣкъ удостоивается быть единъ Духъ съ Господомъ. Испытанный, по Діодоху *), дѣлается уже вполнѣ жилищемъ Св. Духа. Благодать озаряетъ все его существо въ глубочайшемъ какомъ-то чувствѣ **). Дѣйствіе это открывается или сопровождается разнымъ у разныхъ людей образомъ.

Эти два способа дѣйствительнаго богообщенія прекрасно изобразилъ и описалъ премудрый Сирахъ (Сирах. 4, 18), говоря о Премудрости, которая и есть спасающая насъ Божія благодать: *яко строптно ходитъ съ нимъ въ первыхъ*, то-есть сурово, строго, немилостиво, съ нѣкоторою какъ бы нелюбовію; *боязнь же и страхъ наведетъ нань*,—страхъ оставленія Божія и готоваго всегда нападенія лютыхъ враговъ; причемъ, по Діодоху ***), благодать дѣйствуетъ подобно матери, скрывающейся отъ дитяти, которое потому, изъ боязни, и начинаетъ кричать и искать матери, особенно когда увидитъ при себѣ чужія лица,—*и помучитъ его въ наказаніи своемъ*, долго продержитъ его въ семъ сокровенномъ и строгомъ своемъ обученіи. По св. Макарію ****), благодать многоразличными образами, по

*) § 82

**) § 85.

***) § 89

****) Бес. 8 § 2.

своему произволенію и сообразуясь съ пользою человѣка, все располагаетъ, держитъ его во многихъ искушеніяхъ и таинственномъ ума испытаніи и проч., *дондеже вѣру иметъ души его и искуситъ его въ оправданіяхъ своихъ*, то-есть доведетъ его до того, что на него можно будетъ положиться вполнѣ, какъ на испытаннаго и вѣрнаго. У св. Макарія сказано: „когда воля, по многомъ искушеніи, Святому Духу благоугождающею является и чрезъ долгое время показываетъ себя въ томъ терпѣливою и непоколебимою; когда душа ни въ чемъ не оскорбляетъ духа, но съ благодатію во всѣхъ заповѣдяхъ согласна, тогда *и паки возвратится прямо къ нему*, то-есть открыто, лицомъ къ лицу, явится къ нему какъ бы снова послѣ разлуки и несвиданія. Когда, по св. Макарію, дѣло благодати въ немъ совершенно является,—онъ пріемлетъ полное усыновленіе; или, по Діодоху, благодать озаряетъ все существо его въ глубокомъ какомъ-то чувствѣ, и онъ дѣлается вполнѣ жилищемъ Святаго Духа: знаменается на немъ свѣтъ лица Божія (Псал. 4, 7); Господь и Богъ приходитъ и обитель въ немъ сотворяетъ (Іоан. 14, 23), *возвеселитъ его. Возрадуется сердце ваше*, говоритъ Господь, и *радости вашея никтоже возьметъ отъ васъ* (Іоан. 16, 22). Царство Божіе—*радость о Дусѣ Святѣ* (Рим. 14, 17). Свѣтъ, сіяющій въ человѣкѣ, говоритъ св. Макарій, такъ всю внутренность пронзаетъ, что онъ весь, погрузясь въ сей сладости и пріятномъ чувствіи, находится внѣ себя ради преизобилующей любви и сокровенныхъ таинствъ, собою созерцаемыхъ. „Душа пламенѣетъ

тогда, говоритъ св. Діодохъ *), и съ неизъяснимою какою-то радостію и любовію стремится тогда выйти изъ тѣла и отойти ко Господу и какъ бы не знать временной сей жизни". *И откроетъ ему тайны своя*— тайны божественной премудрости, достопоклоняемыя Тройцы, домостроительства спасенія, усвоенія его, тайны грѣха и добродѣтели, промышленія тварей умныхъ и вещныхъ, и вообще, всего божественнаго порядка вещей, какъ это подробно изображается у св. Исаака Сиріанина въ посланіи къ Симеону. „Когда умъ обновится и освятится сердце..., тогда ощущается духовное познаніе твореній, возсіяваетъ въ немъ созерцаніе тайнъ Святыя Тройцы съ тайнами достопоклоняемаго оной смотрѣнія о насъ, и тогда онъ получаетъ всесовершенное познаніе надежды будущаго. Такой не учится, не изслѣдываетъ, но созерцаетъ славу Христову, наслаждается удовольствіемъ созерцанія тайнъ новаго міра. Такое совершенство познанія приходитъ съ пріятіемъ Духа, Который вводитъ духъ нашъ въ тотъ міръ, порядокъ или область созерцаній **). Духъ Святый отъемлетъ отъ души покрывало, восхищаетъ ее въ оный вѣкъ и вся чудная ей показуетъ ***).

Итакъ, теперь очевидно, что къ обращенному чрезъ таинства проходящая благодать единится съ нимъ и сначала даетъ ему вкусить всю сладость жизни по Бо-

*) § 13.

**) Слово 55 отъ стран. 375 и далѣе.

***) Макарій Великій: Слово о возвышеніи ума § 13, о свободѣ 24, 20 и 21. Бес. 17 § 4.

гу, а потомъ скрываетъ отъ него свое присутствіе, оставляя его дѣйствовать какъ бы одного, среди трудовъ, потовъ, недоумѣнія и даже паденія; наконецъ, по прошествіи сего періода испытанія, вселяется въ него явно, дѣйственно, сильно, ощутимо.

Спрашивается: что за причина, что благодать Божія вселяется не вдругъ вполнѣ, или, что то же, что не вдругъ открывается торжество полнаго общенія души съ Богомъ? Надобно знать эту причину, чтобы дѣйствовать противъ нея, и дѣйствовать успѣшнѣе, потому что только устраненіемъ ея и можно достигнуть полнаго вселенія благодати.

Чтобы понять, почему это такъ бываетъ, обратимся къ внутреннему строенію обратившагося. Грѣхъ овладѣваетъ человѣкомъ и увлекаетъ къ себѣ и его вниманіе, и всѣ стремленія, и всѣ силы его. Дѣйствуя подъ вліяніемъ грѣха, человѣкъ всего себя пропитываетъ имъ и всѣ части своего существа и всѣ силы пріучаетъ къ дѣятельности по его внушенію. Эта пришлая, отвнѣ навязанная дѣятельность, отъ долгаго пребыванія, до того сродняется съ нами, что обращается уже въ природную, принимаетъ видъ естественной, а потому неизмѣнной и необходимой. Такъ срастаются, напримѣръ, киченіе съ умомъ, своекорыстіе—съ пожеланіями, похотливость—съ сердцемъ, со всѣми начинаніями—самость и нѣкоторая непріязненность къ другимъ. Такимъ образомъ въ своемъ сознаніи и произволеніи, въ силахъ души—умѣ, волѣ и чувствѣ, во всѣхъ отправленіяхъ тѣла, во всѣхъ своихъ дѣлахъ внѣшнихъ, въ поведеніи, въ сношеніяхъ, пра-

вилахъ и обычаяхъ,—человѣкъ весь проникнутъ грѣхомъ, то-есть самостію, страстностію, самоугодіемъ. У св. Макарія это изображается такъ, что грѣхъ, по паденіи, вошедшій въ насъ, имѣетъ будто весь образъ человѣка, почему и называется онъ человѣкомъ плотскимъ, душевнымъ, внѣшнимъ, и потому облекъ своими частями соотвѣтственныя части нашей природы: умъ умомъ, волю волею и проч., и, подавивъ собою естественную дѣятельность силъ нашихъ, издавалъ за нихъ дѣятельность свою неестественную, содержа между тѣмъ человѣка въ той увѣренности, что она-то и естественна. Въ семъ мракѣ, подъ гнетомъ грѣха, въ въ области сатанинской пребываетъ всякій человѣкъ не обращенный, не покаявшійся, не пришедшій до рѣшимости служить Богу въ духѣ и истинѣ *).

Пришедшая Божія благодать—сначала чрезъ возбужденіе, а потомъ чрезъ весь періодъ обращенія—разсѣкаетъ человѣка на человѣка, вводитъ его въ сознаніе сей двойственности, въ видѣніе неестественнаго и того, что должно быть естественно, и доводитъ до рѣшимости отрѣять, или отчистить все неестественное, чтобъ явилось въ полномъ свѣтѣ естество богоподобное. Но, очевидно, что такая рѣшимость есть только начало дѣла. Въ ней человѣкъ только еще сознаніемъ и произволеніемъ вышелъ изъ области пришлой, качествующей въ немъ неестественности, отказался отъ нея и приложился къ естественности ожидаемой и желаемой; но на самомъ дѣлѣ, во всемъ своемъ составѣ, остается еще такимъ, какимъ былъ, то-есть пропитан-

*) Бесѣды 2 гл. 1, 2, 4, 12.

нымъ грѣхомъ, и въ душѣ по всѣмъ силамъ, и въ тѣлѣ по всѣмъ отправленіямъ качествуетъ страстность, какъ и прежде, съ тѣмъ только различіемъ, что прежде все это желалось, избиралось и дѣйствовалось отъ лица человѣка, съ желаніемъ и услажденіемъ, теперь же оно не желается, не избирается, а ненавидится, попирается, гонится. Человѣкъ, при этомъ, вышелъ изъ себя, какъ бы изъ смердящаго трупа, и зритъ, какую какая часть его источаетъ страстную вонь, и противъ воли обоняетъ иногда, до омраченія ума, весь смрадъ, издаваемый собою.

Такимъ образомъ, истинная благодатная жизнь въ человѣкѣ вначалѣ есть только сѣмя, искра; но сѣмя, всѣянное среди тернія,—искра, отвсюду закрываемая пепломъ... Это свѣча еще слабая, свѣтящая въ самомъ густомъ туманѣ. Сознаніемъ и произволеніемъ человѣкъ прилѣпился къ Богу, и Богъ воспріялъ его, соединился съ нимъ въ сей самосознающей и произволяющей силѣ, или умѣ и духѣ, какъ говорится объ этомъ у св. Антонія и Макарія Великаго. И добраго, спасеннаго, богоугоднаго въ человѣкѣ только и есть. Всѣ другія части находятся еще въ плѣну и не хотятъ и не могутъ еще покорствовать требованіямъ новой жизни: умъ не умѣетъ мыслить по-новому, а мыслитъ по-старому; воля не умѣетъ хотѣть по-новому, а хочетъ по-старому; сердце не умѣетъ чувствовать по-новому, а чувствуетъ по-старому. То же и въ тѣлѣ, во всѣхъ его отправленіяхъ. Слѣдовательно, онъ весь еще нечистъ, кромѣ единой точки, которую составляетъ сознающая и свободная сила—умъ или духъ. Богъ чистѣйшій и

соединяется съ сею единою частію, всѣ же другія части, какъ нечистыя, остаются внѣ Его, чужды Его, хотя Онъ готовъ преисполнить всего человѣка, но не дѣлаетъ сего потому, что человѣкъ нечистъ... Затѣмъ, коль скоро онъ очистится, Богъ тотчасъ являетъ полное Свое вселеніе. Св. Григорій Синаитъ пишетъ „если естество наше посредствомъ Духа не сохранится отъ скверны и не сдѣлается такъ, какъ было, чистымъ, то не въ нынѣшней, ни въ будущей жизни не возможетъ соединиться со Христомъ въ одно тѣло и духъ; ибо всеобъемлющая и соединительная сила Духа не обыкла къ новой ризѣ благодати восполненія пришивать рубище ветхихъ страстей *)". Нельзя Господу вселиться вполнѣ,—жилище еще не приготовлено; нельзя излиться въ него благодати вполнѣ,—сосудъ еще худъ. Сдѣлать это значило бы напрасно иждивать и губить сокровища духовныя. *Кое общеніе свѣту ко тмѣ, или Христу съ веліаромъ* (2 Кор. 6, 13—14)? И Господь, обѣтовая прійти со Отцемъ и обитель сотворить, поставляетъ непремѣннымъ къ тому условіемъ исполненіе заповѣдей,—разумѣется, заповѣдей всѣхъ, иначе—правую во всемъ дѣятельность, которая невозможна безъ правоты силъ, а правота силъ безъ отторженія отъ нихъ прившедшей неправоты, или отребленія грѣховности и страстности. Сюда можно отнести, нѣкоторымъ образомъ, слѣдующее мѣсто: *Аще речемъ, яко общеніе имамы съ Нимъ, и во тмѣ ходимъ, лжемъ и не творимъ истины; аще же во свѣтѣ ходимъ, яко же Самъ Той есть во свѣтѣ, обще-*

*) Доброт. гл. 41.

ніе имамы другъ къ другу (1 Іоан. 1, 6—7). Тма эта есть тма страстей, потому что послѣ грѣхъ въ такихъ же мѣстахъ употребляетъ вмѣсто ея нелюбовь и троякую похоть. Свѣтъ же, по противоположности, есть свѣтъ добродѣтелей, и опять потому же, что послѣ грѣхъ у него замѣняется добродѣтелями. Отсюда видно, что тогда только и можно истинно стоять въ совершенствѣ богообщенія, когда прогнанъ мракъ страстей и возсіялъ свѣтъ добродѣтелей, когда онѣ напечатлѣлись, срослись какъ бы съ существомъ нашимъ, облекли и проникли собою силы наши, изгнавъ, вытѣснивъ изъ нихъ страсти такъ, чтобы быть уже не отсвѣчиваемыми, а самосвѣтящими. До того же времени богообщеніе такъ сокровенно, такъ безвѣстно, что можетъ казаться не сущимъ и въ нѣкоторой степени должно быть почитаемо ненадежнымъ, нерѣшительнымъ, неполнымъ, или несоотвѣтствующимъ себѣ.

Итакъ, что Господь, пришедши въ союзъ съ духомъ человѣка, не вдругъ вполнѣ преисполняетъ или вселяется въ него, это зависитъ не отъ Него, готоваго все преисполнить, а отъ насъ, именно отъ страстей, растворившихся съ силами нашей природы, еще не отторженныхъ отъ нихъ и не замѣненныхъ противоположными добродѣтелями. „Грѣховныя страсти, говоритъ св. Антоній Великій, не позволяютъ Богу сіять въ насъ *)“. Если же главная цѣль, къ которой долженъ стремиться покаянникъ, есть полное богообщеніе, свѣтоносное, блаженное, главнѣйшее же препятствіе къ сему составляетъ бытіе въ немъ качеству-

*) Доброт. ч. 1 гл. 150.

ющихъ и дѣйствующихъ еще страстей, ненапечатлѣніе добродѣтелей и неправота силъ,—то, очевидно, что главнѣйшимъ дѣломъ своимъ, тотчасъ по обращеніи и покаяніи, онъ долженъ поставить искорененіе страстей и напечатлѣніе добродѣтелей,—однимъ словомъ, исправленіе себя... Удаленіе всего неправаго и пріятіе или помѣщеніе праваго, прогнаніе грѣховныхъ страстей, привычекъ, недостатковъ, даже какъ будто естественныхъ, и другихъ неправостей, будто извинительныхъ, и пріусвоеніе добродѣтелей, добрыхъ нравовъ, правилъ и вообще всесторонней исправности, не упуская однакожъ изъ вниманія послѣдней своей цѣли, но дѣйствуя со всѣмъ рвеніемъ противъ страстей, очи ума между тѣмъ имѣть обращенными къ Богу,—въ этомъ состоитъ исходное начало, котораго должно держаться въ построеніи всего порядка богоугодной жизни, которымъ должно измѣрять прямоту и кривость изобрѣтаемыхъ правилъ и предпринимаемыхъ подвиговъ. Въ этомъ должно убѣдиться, какъ можно полнѣе, потому что всѣ, кажется, заблужденія дѣятельныя происходятъ отъ незнанія сего начала *). Не разумѣя всей силы сего, иные останавливаются на одной внѣшности упражненія и подвизанія, другіе—на однихъ дѣлахъ добрыхъ и навыкѣ въ нихъ, не простираясь выше, а третьи прямо идутъ въ созерцаніе. Все нужно, но всему своя чреда. Сначала все—въ сѣмени, потомъ развивается не исключительно, но преимущественно въ той или другой части, однакожъ неизбѣжна

*) Оно намѣрено и со всею широтою изображено св. Исаакомъ Сиріанином въ его посланіи къ св. Симеону Столпнику. Тоже смотри въ 1 и 2 бесѣдахъ св. Макарія Великаго.

постепенность—восходъ отъ внѣшнихъ подвиговъ къ внутреннимъ, а отъ тѣхъ и другихъ—къ созерцанію, а не наоборотъ *).

Увѣрившись въ этомъ, мы теперь легко можемъ извлечь руководительныя правила для богоугодной жизни, или духъ и строй подвижничества.

Воротимся нѣсколько назадъ и станемъ опять вниманіемъ своимъ предъ человѣкомъ, посвятившимъ себя Богу и давшимъ обѣтъ дѣйствовать всегда и во всемъ по волѣ Его, во славу Его, богатѣть истинно-добрыми дѣлами. Рѣшившись на это, чѣмъ другимъ можетъ онъ дѣйствовать въ семъ родѣ, когда, какъ мы видѣли, ни та, ни другая наша часть неспособна къ тому? Грѣхъ возненавидѣнъ въ духѣ, но тѣло и душа сочувствуютъ ему, льнутъ къ нему, потому что облечены страстями. Добро или воля Божія возлюблены въ духѣ, но тѣло и душа не сочувствуютъ ему, отвращаются отъ него, или, если нѣтъ сего, не умѣютъ дѣлать его. Потому рѣшившійся, по ревности своей, пребыть вѣрнымъ обѣту данному и, по сознанной необходимости, пребывать въ добрѣ, неизбѣжно въ каждомъ добромъ дѣлѣ (а недобрыхъ у него и не должно быть), долженъ противиться требованіямъ своего тѣла и души и, отказывая имъ, понуждать ихъ на противное. А такъ какъ тѣло и душа не отходятъ отъ его лица, а составляютъ его же, то это—то же самое, что противиться себѣ въ худомъ и принуждать себя на добро. *Самопротивленіе и самопринужденіе*—это два оборота возрожденной въ духѣ ревности, форменныя какъ бы

*) Діодохъ 82 конецъ. Бес. 9, 13, 10, 11. Сл. 2, 3 и 4.

начала подвижничества. То и другое составляетъ бореніе человѣка съ собою, или, иначе, подвигъ.

Отсюда обратившійся покаянникъ, съ первыхъ минутъ новой жизни, неизбѣжно вступаетъ въ подвигъ, въ бореніе, въ трудъ, и начинаетъ несть тяготу, иго. И это до того существенно, что единственно-вѣрнымъ путемъ добродѣтели всѣми святыми признается его болѣзненность и притрудность, а противная тому льгота есть признакъ пути ложнаго: *царствіе Божіе нудится, и нуждницы восхищаютъ е* (Матѳ. 11, 12). Кто не въ бореніи, не въ подвигѣ, тотъ—въ прелести... У апостола сказано: кто не терпитъ, тотъ не сынъ (Евр. 12, 8).

Итакъ, ревнующій ревнуетъ о подвигахъ самопринужденія и самопротивленія съ цѣлью самоисправленія, или возведенія себя въ чистоту первозданную, чтобы тѣмъ скорѣе удостоиться богообщенія. Очевидно, что чѣмъ онъ ретивѣе, тщательнѣе, стремительнѣе дѣлаетъ это, тѣмъ успѣшнѣе достигаетъ своей цѣли. Это то же, что кто ненавистнѣе и непріязненнѣе идетъ противъ себя, круче и рѣшительнѣе дѣйствуетъ, тотъ скорѣе вступаетъ въ чистоту. Оттого видимъ, что всѣ святые, востекшіе на высоту христіанскаго совершенства, вслѣдъ за обращеніемъ начинали самые строгіе подвиги самоумерщвленія— посты, бдѣніе, долулеганія, уединеніе и проч. Это была сознательно избранная, благодатію внушенная мѣра, принятая къ скорѣйшему созрѣнію, и она дѣйствительно скоро подавалась. Напротивъ, облегченія, остановки, жалѣнія себя, хоть

не постоянныя, замедляли и замедляютъ всегда ходъ духовнаго спѣянія.

Итакъ, дѣло рѣшившагося: ревнуй, рѣшительнѣе берись за подвиги, тоже рѣшительнѣйшіе и приспособленнѣйшіе,—вѣдь и между ними одни болѣе, а другіе менѣе способствуютъ къ умерщвленію страстей и напечатлѣнію добродѣтелей. Ужъ если это страдательное состояніе неизбѣжно, хоть и переходно, то что за смыслъ растягивать это дѣло по одной оплошности? Нерѣшительность, оплошность, вялость—великая препона.

Рѣшился, такъ не стой, а ратуй; это — отъ лица человѣка. Но надобно при этомъ постоянно содержать въ мысли, что хотя безжалостное къ себѣ ревнованіе спасительно для обратившагося, однако же успѣхъ и плоды его, то-есть содѣйствіе и вліяніе ихъ на очищеніе страстей и образованіе истиннаго добронравія, — не отъ него. Плодъ подвиговъ засѣменяется и зрѣетъ подъ ними, но не ими и не чрезъ нихъ единственно, а отъ благодати. *Азъ насадихъ, Аполлосъ напои, Богъ же возрасти* (1 Кор. 3, 6). Какъ жизнь духовная началась Божіею благодатію, такъ ею же можетъ только и храниться, и зрѣть. *Силенъ есть*, говоритъ апостолъ, *начный въ васъ дѣло и до конца совершить* его (Филип. 1, 6). Первое сѣмя новой жизни состоитъ изъ сочетанія свободы и благодати, и спѣяніемъ ея будетъ развитіе сихъ же однихъ элементовъ. Какъ тамъ, полагая обѣтъ жить по волѣ Бога, во славу Его, говорилъ кающійся: „только Ты укрѣпи и утверди“,—такъ и во все послѣдующее время онъ поминутно долженъ

полагать, такъ сказать, себя въ руку Божію съ молитвою: „Ты Самъ соверши, что волѣ Твоей угодно“, — чтобы такимъ образомъ, какъ съ сознаніи и произволеніи, такъ и на самомъ дѣлѣ Богъ былъ *дѣйствуяй въ насъ, и еже хотѣти, и еже дѣяти о благоволеніи.* Минута, въ которую человѣкъ чаетъ что-нибудь произвести надъ собою и въ себѣ самомъ, есть минута погашенія жизни истинной, духовной, благодатной. Въ семъ состояніи, не смотря на непомѣрные труды, истиннаго плода не бываетъ. Бываютъ слѣдствія, которыхъ нельзя назвать худыми, если смотрѣть на нихъ отдѣльно; но въ ходѣ дѣла они — остановка и уклоненіе, а нерѣдко и зло, ибо ведутъ къ киченію, самомнѣнію, кои суть сѣмя діавольское, имъ всѣваемое и съ нимъ сродняющее. При этомъ къ дѣлу Божію въ насъ примѣшивается не Божіе и портитъ его, такъ что, вмѣсто того, чтобы возводить опомнившагося человѣка, благодать предварительно будетъ еще очищать и отреблять попорченное самодѣльностію. *Или не вѣсте, что Христосъ въ васъ*, учитъ апостолъ, *точію еще чимъ неискусни есте* (2 Кор. 13, 5). Соединившись съ Господомъ въ таинствѣ покаянія или крещенія, Ему себя и предать должны, да вошедши въ насъ Самъ, какъ Господь всяческихъ, Онъ, *имиже вѣсть судьбами*, устроитъ наше спасеніе. Сказалъ Господь: *безъ Мене не можете творити ничесоже* (Іоан. 15, 5),—надобно повѣрить и просить, чтобы Онъ дѣлалъ въ насъ, чтобы насъ очищалъ отъ страстей, напечатлѣвалъ въ насъ добродѣтели и творилъ все то, что цѣлительно. Это существенное строеніе покаянника: „*ими же вѣси судь-*

бами, спаси мя, Господи, а я буду трудиться и нелицемѣрно, безъ уклоненій, перетолковъ, по чистой совѣсти творить все, что уразумѣю и смогу!“ Кто такъ состроитъ себя внутри, того дѣйствительно воспринимаетъ Господь и дѣйствуетъ въ немъ, какъ царь. У него учитель—Богъ, молитвенникъ—Богъ, хотѣтель и дѣятель—Богъ, плодоносецъ—Богъ, властитель—Богъ. Это—сѣмя и сердце небеснаго въ немъ древа жизни. Но для него непремѣнно должна быть вещественно-духовная ограда. Эту ограду составляютъ руководитель и правила.

Покаявшійся, предавъ себя Богу, тотчасъ поступаетъ подъ Его непосредственное руководство и пріемлется Имъ. Кто успѣетъ сдѣлать это, какъ должно, вначалѣ, тотъ спѣшно, ровно и благонадежно ведется Божіею благодатіею къ совершенству. Но на самомъ дѣлѣ такихъ очень мало. Это—избранники Божіи, кои, неимовѣрно-быстрымъ порывомъ отъ себя, полагали себя Богу въ руки, были Имъ принимаемы и водимы. Таковы, напримѣръ, Марія Египетская, Павелъ Ѳивейскій, Марко Фракійскій и другіе. Ихъ спасло одно рѣшительное преданіе себя Богу. У Маріи Египетской, во всѣхъ ея жестокихъ браняхъ со страстями, было правиломъ—повергать себя въ руку Божію, и страсти отходили, извѣстно, по подвигѣ. То же, безъ сомнѣнія, дѣлала она и въ другихъ случаяхъ: обращалась, напримѣръ, за вразумленіемъ и получала его.

Но такой путь не былъ и не могъ быть всеобщимъ. Онъ принадлежалъ и принадлежитъ особеннымъ избранникамъ Божіимъ. Другіе всѣ зрѣютъ подъ ви-

димымъ руководствомъ опытныхъ мужей. Стоя въ той вѣрѣ, что только Богъ возвращаетъ, покаянникъ, чтобъ успѣть, непремѣнно долженъ предаться отцу-руководителю. Необходимость этого представляется потому, что нѣтъ полнаго преданія себя Богу, —недостатокъ, принадлежащій большинству. До него должно зрѣть и зрѣть многими опытами, а до образованія его нѣтъ точки, къ коей прикасалась бы руководящая рука Господня, — нѣтъ какъ бы повода, за который весть должно. Слѣдовательно, безъ этого условія, начинающій самъ дѣлать дѣло спасенія неизбѣжно будетъ идти путемъ, о коемъ нельзя рѣшительно сказать, что онъ есть путь вѣрный, а это и опасно, и томительно для духа. Св. Антоній Великій, когда пришелъ къ мысли, вѣрны ли его правила, тотчасъ началъ вопіять: «скажи мнѣ, Господи, путь», — и, получивъ увѣреніе, успокоился. Вступающій въ духовную жизнь—то же, что вступившій въ обыкновенный путь. Такъ какъ путь этотъ намъ неизвѣстенъ, то и надобно, чтобы кто-нибудь проводилъ насъ. Самонадѣянно было бы остановиться на мысли, что я и самъ могу... Нѣтъ, тутъ ни санъ, ни ученность — ничто не помогаетъ. Не менѣе самонадѣянно и то, если кто, безъ крайней нужды имѣя возможность снискать руководителя, не избираетъ его, въ той мысли, что Богъ непосредственно будетъ руководить его. Дѣйствительно, веденіе къ совершенству принадлежитъ Богу, пріявшему насъ, но подъ руководствомъ отца. Отецъ не возноситъ на степени, а способствуетъ быть возводимыми отъ Бога. Однако-жъ, въ обыкновенномъ порядкѣ, Богъ ведетъ

насъ чрезъ другихъ, вразумляетъ, очищаетъ, сказываетъ волю свою. Оставшійся одинъ, самъ съ собою, находится въ крайней опасности, уже не говоря о томъ, что онъ будетъ биться и толочься на одномъ мѣстѣ почти безъ всякаго плода. Не зная ни подвиговъ и упражненій духовныхъ, ни порядка въ нихъ, онъ будетъ дѣлать только и передѣлывать, какъ взявшійся за дѣло неумѣючи. Нерѣдко, по сей причинѣ, многіе застаиваются, хладѣютъ и теряютъ ревность. Но главная опасность одному—отъ внутренней нестройности и лести сатанинской. У начавшаго внутри—туманъ, какъ отъ испареній смрадныхъ, отъ страстей и неправыхъ изданій изъ себя, изъ испорченныхъ силъ. Онъ есть у всякаго, болѣе или менѣе густой, судя по предшествовавшей испорченности. Въ туманѣ же этомъ какъ хорошо и вѣрно различать предметы? Блуждающему въ туманѣ, нерѣдко и малый рядъ травяниковъ кажется лѣсомъ или деревами,—такъ и начавшему въ духовной дѣятельности неизбѣжно видится многое тамъ, гдѣ ничего нѣтъ на самомъ дѣлѣ. Вразумить и разъяснить, въ чемъ дѣло, можетъ уже только глазъ опытный. Опять же онъ—больной: какъ же онъ будетъ врачемъ себѣ? Уморитъ и задушитъ онъ себя изъ одной любви къ себѣ: вѣдь, и тѣла не врачуютъ сами врачи. Но главнѣйшая при этомъ опасность—отъ сатаны. Такъ какъ онъ самъ преимущественно своеумникъ, то и между людьми больше любитъ тѣхъ, кто руководится своимъ умомъ, —на этомъ онъ преимущественно запутываетъ и губитъ. И можно сказать, что одно это и даетъ ему доступъ до насъ, или возможность

ввергать въ пагубу. Кто не вѣритъ своему разуму и сердцу и, напротивъ, все, что есть въ чувствѣ и мысли, предлагаетъ на судъ другаго, тотъ, хотя бы и всѣялъ діаволъ что-либо опасное и пагубное, не пострадаетъ, потому что опытность и разумъ другаго разгадаютъ прелесть и предостерегутъ. Потому-то говорятъ: кто имѣетъ руководителя и ввѣрится ему, къ тому не приступаетъ сатана, чтобы не быть постоянно посрамляемымъ и не вынаружить всѣхъ своихъ козней. Напротивъ, онъ неотходно при томъ, кто вѣритъ одному себѣ или слагаетъ свой разумъ и на него полагается. Такого, разными благовидностями, напечатлѣваемыми чрезъ воображеніе, или силу мечтающую, онъ водитъ по разнымъ распутіямъ, пока, наконецъ, погубитъ совершенно.

Судя по симъ причинамъ, сильно уважительнымъ, начинающій долженъ согласиться на то, чтобы имѣть руководителя, избрать его и предаться ему. Подъ нимъ онъ безопасенъ, какъ подъ кровомъ и оградою, —тотъ уже будетъ отвѣтчикъ и предъ Богомъ, и предъ людьми за невѣрности. Но то дивно, что ищущему искренно всегда подается истинный руководитель. И руководитель, кто бы онъ ни былъ, всегда даетъ точное и вѣрное руководство, какъ скоро руководимый предается ему всею душею и вѣрою, — Самъ Господь уже блюдетъ такого преданника... Молись—и Господь укажетъ руководителя; предайся руководителю—и Господь научитъ его, какъ руководить тебя *).

*) Подробнѣе о руководителѣ — въ 2-мъ пояснительномъ прибавленіи въ концѣ.

Другое, что неизбѣжно нужно для рѣшившагося покаянника, это—правила. Правило есть опредѣленіе или способъ, образъ и учрежденіе какой-нибудь дѣятельности, — внутренняя ли то, или внѣшняя. Имъ дается направленіе и опредѣляется весь ходъ—начало, время, мѣсто, обороты, конецъ дѣйствованія. Такъ, напримѣръ, надобно читать,—это есть одно изъ подвижническихъ дѣланій. Правиломъ должно быть опредѣлено: какія читать книги, въ какое время, сколько, какъ приготовиться, какъ начать, продолжать и кончить, что дѣлать съ прочитаннымъ. То же—для молитвы, разсужденія и другихъ дѣланій. Очевидно, что правила охватываютъ собою всякое дѣланіе, составляютъ его внѣшнюю оболочку, какъ бы тѣло. Ихъ надобно положить на всѣ наши силы, на всѣ исходы нашей дѣятельности такъ, чтобы никакого движенія не было совершаемо безъ того, чтобы къ нему не было приложено свое правило.

Необходимость этого очевидна сама собою. Начинается совершенно новая, необычная жизнь, въ коей мы не упражнялись еще, къ коей непривычны наши силы. Для пріученія себя къ тому или другому дѣланію и укрѣпленія въ немъ, и должно назначить опредѣленныя правила, какъ и что дѣлать, подобно тому, какъ новобранному воину показываютъ, какъ стать, взять ружье и проч. Безъ нихъ не образуется силы, не будетъ и дѣятельности исправной. Тотъ не будетъ умѣть молиться, кто не имѣетъ правила для молитвы, или поститься—безъ правила поста; вообще безправильный ничего не будетъ умѣть дѣлать, какъ

должно, а, слѣдовательно, и жизнь его будетъ не жизнь, не смотря на труды и поты, ибо жизнь слагается изъ нашихъ дѣятельностей. Сверхъ того жизнь безъ правилъ не можетъ быть ровною, степенно и стройно развивающеюся. Дитя пеленаютъ, чтобъ оно не стало уродомъ, или съ горбомъ: такъ и духовная дѣятельность вся должна быть повита правилами, цѣлесообразно, чтобы вся жизнь развивалась подъ ними ровно и стройно, ни одна дѣятельность не приняла, по невѣдѣнію, направленія, выдающагося изъ другихъ и вредящаго цѣлому строю, или сама по себѣ не попала бы на ложный путь, какъ, напримѣръ, постъ. Молодое растеніе подпираютъ, или привязываютъ къ крѣпкому, чтобы стояло и росло прямо. Развивающійся безъ правилъ, самъ собою, есть необученный, неискусный, иное неумѣющій сдѣлать, иное не такъ дѣлающій, а иное и такъ, но то—не къ мѣсту, то—не къ лицу. Наконецъ, и опасность немалая: безъ правилъ, какъ безъ опоры, неизбѣжно падать и ошибаться. У такого вся дѣятельность будетъ висѣть на присутствіи духа, соображеніи и желаніи. Но можно ли положиться на такія начала? Присутствіе духа не всегда сохранишь; соображеніе должно быть обучено и, кромѣ того, оно не всегда бываетъ подвижно, остро и тупится; желаніемъ же кто съумѣетъ владѣть постоянно? Потому, когда нѣтъ правилъ, неизбѣжны пропуски, ошибки, остановки. Съ правилами же одно: хочется ли, не хочется, а дѣлай, какъ положено, и сдѣлается; остановки не будетъ, и пойдется впередъ. И еще:

какъ иначе обуздать своенравіе и своемысліе—это опаснѣйшее расположеніе? *)

Такимъ образомъ, съ правилами, подъ руководствомъ отца, ревнующій, подвизаясь въ самопринужденіи и самопротивленіи, или пребывая въ неопустительномъ бореніи, будетъ день ото дня преспѣвать въ совершенствѣ, приближаться къ чистотѣ, чрезъ искорененіе своихъ страстей и стяжаніе добродѣтелей. Но надо знать, что этотъ восходъ къ совершенству невидимъ для него: трудится въ потѣ лица, но будто безъ плода,—благодать строитъ дѣло свое подъ прикрытіемъ. Видѣніе человѣческое, глазъ, съѣдаетъ доброе. Человѣку самому остается на долю одно—видѣніе своего непотребства. Путь къ совершенству есть путь къ сознанію, что я и слѣпъ, и нищъ, и нагъ, въ непрерывной связи съ которымъ стоитъ сокрушеніе духа, или болѣзнь и печаль о нечистотѣ своей, изливаемая предъ Богомъ, или что то же—непрестанное покаяніе. Покаянныя чувства суть отличительные признаки истиннаго подвижничества. Кто уклоняется отъ нихъ и избѣгаетъ, тотъ уклонился отъ пути. Въ положеніи начала новой жизни было покаяніе; оно же и въ возрастаніи должно быть и зрѣть вмѣстѣ съ нимъ. Зрѣющій созрѣваетъ въ познаніи своей порчи и грѣховности и углубляется въ сокрушенныя чувства покаянія. Слезы—мѣра преспѣянія, а непрестанныя слезы—признакъ скораго очищенія. Что это такъ и должно быть, видно изъ того, что мы—въ паденіи, въ изгнаніи, внѣ отчаго дома, и притомъ за собственную вину. Плачетъ

*) Подробнѣе о правилахъ—въ 3 пояснительномъ прибавленіи въ концѣ.

и жалѣетъ изгнанникъ о родинѣ; такъ и начавшимъ идти къ очищенію себя должно печаловать и сѣтовать и въ слезахъ искать возвращенія въ рай чистоты. Притомъ подвизающійся—поминутно въ бореніи то съ нехотѣніемъ, то съ противохотѣніемъ; то помыслъ, то пожеланіе, то страсть, то грѣхъ, хотя ненамѣренный, поминутно мутятъ чистоту его ума и напоминаютъ ему, что онъ содержитъ въ себѣ одну нечистоту, грѣховное, Богу противное. Онъ зритъ себя подобнымъ смердящему трупу, лежащему предъ лицомъ и терзающему обоняніе до омраченія головы. „Положи грѣхи твои предъ тобою, говоритъ Антоній Великій, и зри чрезъ нихъ къ Богу *)“. Наконецъ, частыя паденія и оступки въ начальныхъ по неопытности, невѣдѣнію, неискусству, а иногда и по слабости, тяжкимъ бременемъ ложатся на его совѣсть, и можетъ быть тяжелѣе, чѣмъ прежде,—въ безпечности,—грѣхи большіе. Онъ походитъ на дитя, учащееся ходить и падающее. А паденія требуютъ очищенія, слѣдовательно,—сокрушенія, покаянія, слезъ; потому-то всѣмъ и заповѣдуется каждодневное и даже ежеминутное покаяніе. *Боже, милостивъ буде мнѣ грѣшному*!—это должно быть непрестанною молитвою подвижника.

Такимъ образомъ, начинающій съ пламенною и быстрою ревностію, предаетъ себя всего самымъ рѣшительнымъ подвигамъ, всего ожидая однако-жъ отъ силы и помощи Божіей и предавая себя Ему, въ чаяніи успѣха, но не видѣнія его, а потому въ непре-

*) Патерикъ скитскій.

станномъ начинаніи, подъ руководствомъ отца, среди правилъ, держась всегда смиреннѣйшей части.

Въ такомъ духѣ и строѣ подвижникъ благонадежно можетъ начинать свое дѣло—дѣло искорененія страстей, или очищенія своей природы отъ примѣси неестественной страстности. Въ духѣ его есть крѣпкая, какъ смерть, *ретивость*; но и самая сильная ретивость имѣетъ нужду въ планѣ, чтобы вѣрно идти къ предположенной цѣли. Въ объясненіи его будутъ состоять всѣ правила для вступающаго въ подвигъ. Это будетъ не что иное, какъ изложеніе тѣхъ правилъ, необходимость которыхъ показана предъ симъ. Знать это болѣе всего долженъ руководитель, хоть по общей теоріи, и, примѣняясь къ лицу руководимому измѣнять ихъ въ терпящихъ измѣненіе случайностяхъ.

Для построенія такихъ правилъ, утвердимъ опять мысль на состояніи покаянника-подвижника. Духъ въ немъ воскрешенъ и оживленъ дѣйствіемъ благодати, принятой въ таинствахъ. Но онъ одинъ только и есть исцѣленная часть, сокрытая въ самой глубинѣ нашего существа. Это то же, что цѣлительное лѣкарство, принятое частію тѣла, всецѣло истлѣвающаго. Затѣмъ, внѣ, его душа, во всѣхъ своихъ силахъ, и тѣло, во всѣхъ отправленіяхъ, и лично самъ человѣкъ, во всѣхъ внѣшнихъ отношеніяхъ, переполнены и пропитаны страстностію не мертвою, а дѣйствующею въ нихъ, живою. Главная задача трудовъ—умертвить страстность во всѣхъ ея оттѣнкахъ и возставить естество въ свойственной ему чистотѣ, чтобы такимъ образомъ благодать извнутрь, по мѣрѣ очищенія, выступила, какъ бы

проникая въ человѣкѣ одну часть за другою, съ мудрою постепенностью и цѣлесообразностью.

Отсюда тотчасъ виденъ весь порядокъ имѣющихъ строиться правилъ, или видна нить размѣрительная для провода и черченія ихъ. Такимъ образомъ:

1) Посѣяно сѣмя жизни: храни его всѣмъ храненіемъ; иначе не къ чему прилагать и трудовъ и нечѣмъ нести ихъ. Принялъ Духа,- не угашай Духа; ревнуешь,—ревнуй большаго. Блюди то, что дано, что стяжано,—это стяжанное есть монета для покупки сокровищъ. Оно пропадетъ—и все дѣло пропадетъ. Какъ во время войны сильно заботятся удерживать всячески свою позицію, такъ и здѣсь.

2) Нужно отрывать страстность сросшуюся и сраствoрившуюся съ силами нашего естества. Такъ какъ это сращеніе подобно сращенію химическихъ составовъ, то и способы отрѣшенія ея нужно примѣнить къ способамъ химическаго разложенія. Именно, для высвобожденія стихіи изъ ея принужденнаго состоянія въ связи съ другою, приводятъ ее въ соприкосновеніе съ третью стороннею, внѣшнею, съ коею она находилась бы въ сильнѣйшемъ сродствѣ, нежели съ прежнею. Когда это будетъ дѣйствительно, то связывавшая ее стихія отпадаетъ, а съ этою новою она соединяется и получаетъ вмѣстѣ съ нею новый видъ. Примѣняясь къ сему, надлежитъ ко всѣмъ силамъ души и тѣла и всей дѣятельности нашей, плѣненнымъ страстностію и держимымъ въ принужденномъ, неестественномъ состояніи, приложить что-нибудь такое, съ чѣмъ бы онѣ состояли въ ближайшемъ сродствѣ и соесте-

ственности, чтобы, такимъ образомъ, прилагаясь и какъ бы приростая къ тому, соразмѣрно съ тѣмъ высвобождаться изъ страстныхъ узъ и принимать новый естественный видъ бытія. Это будетъ правило дѣланій или занятій, налагаемыхъ на силы. Ходя въ нихъ, при храненіи того внутренняго стяжанія Духа благодати, сроднаго съ ними и съ силами нашей природы, человѣкъ болѣе и болѣе будетъ исполняться симъ Духомъ, огнь, котораго, получая, такимъ образомъ, болѣе свободы проходить внутрь, тѣмъ быстрѣе будетъ попалять нечистоту, чѣмъ, большее встрѣтитъ расширеніе естественности.

3) Два эти пункта исчерпываютъ строй положительныхъ дѣланій подвижника, или, что то же, упражненія самопринужденія. Ими одними можно было бы ограничиться, если бы презираемая и оставляемая страсть въ пользу добра оставалась въ покоѣ, или мирно испарялась изъ нашего естества; но такъ какъ она, частію по природному упорству грѣха, частію по его сильному подкрѣпленію или со стороны источнаго начала своего—діавола, или со стороны вмѣстилища сродныхъ ему стихій міра, не терпитъ мирной, уступчивой покорности, даже и отпадши и какъ бы отдѣлившись, снова возстаетъ и ищетъ занять первое свое мѣсто, властное, вяжущее, то тою одною дѣятельностію довольствоваться никакъ нельзя, а необходимо при ней и прямо дѣйствовать противъ страстей, въ лицо имъ противоставать, бороть ихъ и побѣждать и въ самихъ себѣ, и въ ихъ источникахъ и подкрѣпителяхъ. Опредѣленіе правилъ, относящихся сюда, соста-

витъ изображеніе брани внутренней или духовной какъ въ общемъ ея очеркѣ, такъ и по частямъ. Это—подвиги самопротивленія.

Такимъ образомъ, всѣ правила должны быть сведены къ одному слѣдующему, начальному: храни внутренній духъ жизни, усердіе и ревность, ходи въ дѣланіяхъ или упражненіяхъ, съ одной стороны способствующихъ къ оживленію уморенныхъ силъ, а съ другой—умерщвляющихъ или заглушающихъ страсти. Слѣдовательно, все сюда относящееся должно заключить въ сихъ трехъ пунктахъ:

1) правилахъ храненія внутренняго духа ревности,

2) правилахъ упражненія силъ въ добрѣ, или самопринужденіи и

3) правилахъ брани со страстьми, или упражненія въ самоуправленіи.

1. О храненіи духа ревности по Богу.

Надобно исполнять заповѣди, и исполнять всѣ; но естественнаго у насъ нѣтъ желанія, усердія и ревности на то. Въ покаяніи, ради духа сокрушеннаго и обѣта творить волю Божію, Божіею благодатію возженъ сей огнь въ духѣ нашемъ; онъ-то и есть сила на твореніе заповѣдей и только онъ одинъ и способенъ подъять все это бремя. Если въ исполненіи заповѣдей—основанія спасенія, то духъ ревности есть единственная для насъ спасительная сила. Гдѣ онъ, тамъ тщаніе, заботы, усердіе, готовность, живость на дѣла, угодныя Богу. Гдѣ нѣтъ его, тамъ все прекра-

щается и падаетъ: нѣтъ жизни духа,—онъ хладѣетъ, замираетъ. Тамъ пусть будетъ и твореніе дѣлъ добрыхъ,—они добры будутъ только по формѣ, а не по силѣ и духу. Это тотъ огнь, который пришелъ возжечь на землю Господь нашъ Іисусъ Христосъ, и который возжигается Духомъ Святымъ въ сердцахъ вѣрующихъ, нисшедшимъ въ видѣ огненныхъ языковъ.

О семъ духѣ ревности Господь говоритъ: *огнь пріидохъ во врещи* (Лук. 12, 49). Апостолъ заповѣдуетъ *духа не угашать* и о себѣ свидѣтельствуетъ: *со усердіемъ гоню* (Филип. 3, 14). И у св. отцовъ онъ именуется разно: исканіемъ, предложеніемъ, усердіемъ, тщаніемъ, теплотою духа и горѣніемъ и просто ревностію.

Судя по сей всей важности и великому значенію ревности, первымъ дѣломъ христіанина-подвижника должно быть храненіе сей ревности и усердія, какъ источной силы богоугодной жизни. Хранить, слѣдовательно,—употреблять особаго рода пріемы и упражненія, способствующія къ сему. Какія же именно? Ревность должно сохранять такимъ же путемъ, какимъ она родилась; а родилась она внутреннимъ измѣненіемъ сердца, подъ невидимымъ дѣйствіемъ благодати Божіей.

Внутреннее, невидимое восхожденіе нашего духа до ревности началось *пробужденіемъ* благодатнымъ и окончилось рѣшительнымъ обѣтомъ ходить неуклонно въ волѣ Божіей. Въ этомъ восхожденіи соблюдалась постепенность самая строгая. Человѣкъ-грѣшникъ, живущій весь внѣ и потому называющійся *внѣшнимъ*,

пришедшею благодатію втѣсняется *внутрь* себя, и здѣсь, какъ отъ сна пробужденный, узрѣваетъ со всѣмъ *новый міръ*, дотолѣ ему безвѣстный. Это—первый толчокъ, послѣ котораго, при помощи Божіей, чрезъ разныя *помышленія и чувства*, онъ мало-по-малу высвобождается изъ перваго міра, переходитъ въ другой и повергается предъ Царя его и Господа, предлагая ему клятвенный завѣтъ навсегда быть его рабомъ. Итакъ, желающему сохранять неугасаемою ревность, должно: а) пребывать внутрь, б) зрѣть новый міръ и в) стоять въ тѣхъ чувствахъ и помышленіяхъ, чрезъ кои онъ, какъ бы по ступенямъ лѣстницы, восшелъ къ подножію престола Господа.

Вотъ что должно быть непрестаннымъ упражненіемъ, подвигомъ и дѣланіемъ христіанина-подвижника!

а) Внутрь-пребываніе.

Когда насѣдка, нашедши зерно, даетъ знать объ этомъ своимъ дѣтенышамъ, тогда они всѣ, гдѣ бы ни были, летомъ летятъ къ ней и собираются своими клювами къ той точкѣ, гдѣ и ея клювъ. Точно также, когда божественная благодать воздѣйствуетъ на человѣка въ сердцѣ его, тогда духъ его проникаетъ туда своимъ сознаніемъ, а за нимъ и всѣ силы души и тѣла. Отсюда — законъ для внутрь-пребыванія: держи сознаніе свое въ сердцѣ и собирай туда напряженіемъ всѣ силы души и тѣла. Внутрь-пребываніе собственно есть заключеніе сознанія въ сердце, напряженное же собраніе туда силъ души и тѣла есть существенное

средство, или дѣланіе, подвигъ. Впрочемъ онѣ взаимно другъ друга рождаютъ и предполагаютъ такъ, что одно безъ другаго не бываетъ. Кто заключенъ въ сердцѣ, тотъ собранъ; а кто собранъ, тотъ—въ сердцѣ.

Около сознанія въ сердцѣ должно собираться всѣми силами—и умомъ, и волею, и чувствомъ. Собраніе ума въ сердцѣ есть *вниманіе*, собраніе воли — *бодренность*, собраніе чувства—*трезвеніе*. Вниманіе, бодренность, трезвеніе—три внутреннихъ дѣланія, коими совершается самособраніе и дѣйствуетъ внутрь-пребываніе. У кого есть они, и при томъ всѣ, тотъ — внутрь; у кого нѣтъ, и при томъ хоть одного, тотъ — внѣ. Вслѣдъ за такими дѣланіями душевными, туда же должны направляться и тѣлесные, имъ соотвѣтствующіе, органы: такъ за вниманіемъ — обращеніе *внутрь очей*, за бодренностью—напряженіе мускуловъ во всемъ тѣлѣ, въ направленіяхъ къ *персямъ*, за трезвенностію—оттѣсненіе мокротныхъ, какъ выражается Никифоръ, какихъ-то разслабляющихъ, движеній, подходящихъ къ сердцу изъ нижнихъ частей тѣла, подавленіе услажденія и покоя плоти. Такія тѣлесныя дѣланія, дѣйствуя неразлучно съ душевными, суть самыя сильныя, помогающія тѣмъ душевнымъ средствамъ, безъ коихъ имъ и быть нельзя.

Итакъ, все дѣланіе внутрь-пребыванія чрезъ самособраніе состоитъ въ слѣдующемъ. Въ первую минуту, по пробужденіи отъ сна, какъ только сознаешь себя, *низойди* внутрь къ сердцу, въ эти перси тѣлесные; вслѣдъ за тѣмъ созывай, привлекай, напрягай туда и всѣ душевныя и тѣлесныя силы, вниманіе ума,

съ обращеніемъ туда очей, бодренностію воли, съ напряженіемъ мускуловъ и трезвеніемъ чувства, съ подавленіемъ услажденія и покоя плоти, и *дѣлай* это до тѣхъ поръ, пока сознаніе не установится тамъ, какъ на своемъ мѣстѣ— сѣдалищѣ, не прилѣпится, не привяжется, какъ липкое что-либо къ крѣпкой стѣнѣ; и потомъ пребывай тамъ неисходно, пока пользуешься сознаніемъ, часто повторяя тоже дѣланіе самособранія и для возобновленія его, и для укрѣпленія, потому что оно поминутно то разслабляется, то нарушается.

Надобно знать, что это внутрь-пребываніе и собраніе не тоже, что углубленіе при размышленіи, или дума (отъ слова—задумываться), хотя много походитъ на него. Послѣднее состоитъ только въ исходищѣ ума, оставляя другія силы незанятыми, и держится въ головѣ; а то́ стоитъ въ сердцѣ, въ исходищѣ всѣхъ движеній, ниже и глубже всего, что въ насъ есть и бываетъ, или происходитъ такъ, что все это совершается уже поверхъ его, предъ его глазами, и то позволяется, то запрещается. Отсюда само собою очевидно, что внутрь-пребываніе есть въ истинномъ своемъ видѣ, условіе истиннаго господства человѣка надъ собою, слѣдовательно, истинной свободности и разумности, а потому и истинно-духовной жизни. Это подобно тому, какъ, во внѣшнемъ, владѣтелемъ города считается тотъ, кто занимаетъ крѣпость. Потому всякое духовное дѣланіе и всякій вообще подвигъ долженъ быть совершаемъ отсюда, иначе онъ — не духовенъ, ниже подвижничества и долженъ быть отметаемъ. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть*, говоритъ Господь, и потомъ

для одного духовнаго дѣланія заповѣдалъ: *вниди въ клѣть твою и затвори двери...* Это—клѣть сердца, по разумѣнію всѣхъ св. отцовъ. По сей-то причинѣ, человѣкъ духовный, спасающійся, подвизающійся, и называется *внутреннимъ*.

Что собраніе внутрь есть преспособнѣйшее средство къ храненію ревности, это сейчасъ видно: 1) Собранный долженъ горѣть, ибо собираетъ всѣ силы воедино, подобно какъ лучи разсѣянные, будучи собраны въ одну точку, обнаруживаютъ сильный жаръ и зажигаютъ. И дѣйствительно, съ собраніемъ всегда соединена теплота: духъ здѣсь видится самъ съ собою, какъ говоритъ Никифоръ, и играетъ отъ радости. 2) Собранный силенъ, подобно войску устроенному, или пуку слабыхъ тростей связанныхъ. Оно, подобно препоясанію чреслъ, означаетъ готовность и силу дѣйствовать. Несобранный всегда слабъ и или падаетъ, или не дѣлаетъ. 3) Собранный зритъ все въ себѣ. Кто въ центрѣ зритъ по всѣмъ радіусамъ, все видитъ въ кругѣ ровно и какъ бы въ одинъ разъ, а выступившій изъ центра видитъ по направленію одного только радіуса; точно такъ и тотъ, кто собранъ внутрь, видитъ всѣ движенія своихъ *силъ*,—видитъ и управить можетъ. Горѣніе же духа, сила и зрячесть и составляютъ истинный духъ ревности, который изъ нихъ слагается. Потому слѣдуетъ сказать: только будь внутрь, и не престанешь ревновать.

Такъ-то значительно внутрь-пребываніе! Значитъ, должно потрудиться, чтобы стяжать его, ибо и оно не вдругъ оказывается, а по времени и многомъ исканіи.

На первомъ мѣстѣ оно поставляется потому, что есть условіе духовной жизни. Его совершенствованіе зависитъ отъ совершенства трехъ производящихъ его душевныхъ и трехъ тѣлесныхъ дѣланій, именно—вниманія ума съ обращеніемъ внутрь очей, бодренности воли съ напряженіемъ тѣла и трезвленія сердца съ отбиваніемъ услажденія и покоя плоти. Въ полномъ же свѣтѣ явится тогда, когда будетъ стяжена чистота ума отъ помысловъ, чистота воли отъ пожеланій, чистота сердца отъ пристрастій и страстей. Но и до того времени все же оно есть внутрь-пребываніе, хотя несовершенное, незрѣлое, не непрерывное.

Отсюда само собою очевидно, какія средства къ неисходному внутрь-пребыванію, или, лучше, средство одно: удаляй все, что можетъ нарушать показанныя три дѣланія, въ ихъ двойномъ сочетаніи, или все, что можетъ отвлекать силы души, съ соотвѣтственными имъ отправленіями тѣла: умъ и чувства, волю и мускулы, сердце и плоть. Чувства развлекаются внѣшними впечатлѣніями, умъ—помыслами, мускулы разслабляются распущенностію членовъ, воля—пожеланіями, плоть—покоемъ, сердце — плѣномъ или прилѣпленіемъ къ чему-нибудь. Слѣдовательно, держи умъ безъ помысловъ, чувства—безъ развлеченій, волю—безъ пожеланій, мускулы—безъ ослабы, сердце—безъ плѣна, плоть—безъ угодія и покоя. Итакъ, условіе и вмѣстѣ средство къ внутрь-пребыванію: въ душѣ — бореніе съ помыслами, пожеланіями и плѣнами сердца, въ тѣлѣ—связаніе его, а за ними—измѣненіе внѣшняго порядка. Судя по сему, и всѣ послѣдующіе подвиги, кои будутъ направ-

ляться къ умерщвленію самости, суть вмѣстѣ средства и къ внутрь-пребыванію.

Вотъ почему, въ наставленіяхъ св. отцовъ (ученіе о трезвеніи, блюденіи ума), внутренняя жизнь всегда поставляется въ неразрывной связи съ подвижническою бранію. Однако же, собраніе не то же, что брань. Это —особое дѣланіе духовное, начальнѣйшее. Оно есть мѣсто, гдѣ все духовное дѣлается — и брань, и чтеніе, и богомысліе, и молитва. Что ни дѣлалъ бы подвизающійся, прежде всегда войди внутрь и оттуда дѣйствуй.

б) Зрѣніе другаго міра.

„Старайся войти въ храмину, находящуюся внутри тебя, и увидишь храмину небесную“, говоритъ святый Исаакъ Сиріанинъ. И дѣйствительно, вступившій внутрь себя, видитъ иной нѣкоторый міръ, подобный необъятной храминѣ, невидимый и невоображаемый, но печатлѣющійся въ сознаніи, въ коемъ однако-жъ не себя зритъ человѣкъ, и не то, что происходитъ въ немъ, ибо все должно замолчать—и молчитъ. Въ первый ударъ благодати зовущей, вмѣстѣ съ вступленіемъ внутрь, открывается и сей міръ, независимо отъ человѣка, хочетъ ли онъ того или не хочетъ. Послѣ же зрѣніе его, равно какъ и внутрь-пребываніе, предается свободѣ человѣка и должно быть *дѣлаемо*. Такое дѣланіе, какъ воспроизведеніе втораго измѣненія, при восхожденіи человѣка до рѣшимости и ревности, есть второе средство къ сохраненію и возгрѣванію ревности.

Оно состоитъ въ томъ, чтобы содержать въ сознаніи и чувствѣ все строеніе духовнаго міра. Подобно тому, какъ вступившій въ комнату называется зрящимъ ее, когда держитъ въ сознаніи всю ее, со всѣмъ ея расположеніемъ, такъ и вступившій внутрь себя, какъ на порогъ, будетъ зрѣть иной міръ, когда напечатлѣваетъ въ сознаніи своемъ все его строеніе. Все, слѣдовательно, сюда относящееся, исполнится, когда умъ пойметъ, что такое строеніе духовнаго міра, когда напечатлѣетъ его въ сознаніи, или растворится въ немъ сознаніемъ и будетъ стоять въ немъ неисходно.

Все строеніе духовнаго, невидимаго, мысленнаго, но тѣмъ не менѣе дѣйствительнаго міра кратко можетъ быть выражено такъ: «Богъ единый, въ Троицѣ поклоняемый, вся сотворившій и вся содержащій, возставляетъ, или, по апостолу, возглавляетъ (Ефес. 1, 10) всяческая въ Господѣ нашемъ Іисусѣ Христѣ, чрезъ Духа Святаго, въ св. церкви дѣйствующаго, Который, по усовершеніи вѣрующихъ, переводитъ ихъ въ другой міръ, что и будетъ продолжаться до времени исполненія всѣхъ, или кончины вѣка, когда, по воскресеніи и судѣ, воздастся комуждо по дѣломъ: одни ниспадутъ въ адъ, другіе вселятся въ рай, и *Богъ будетъ всяческая во всѣхъ*.

Это—всеобъемлющая рама всего истинно-сущаго, бывающаго и имѣющаго быть. Здѣсь сокращенно все содержаніе божественнаго откровенія. Все возможное и дѣйствительное входитъ сюда и есть здѣсь. Это также содержаніе символа вѣры. Главнѣйшіе предметы здѣсь: вседержительство Божіе, домостроительство спа-

сенія и четыре *послѣднихъ* — смерть, судъ, рай и адъ. Эти именно предметы святитель Христовъ Тихонъ заповѣдуетъ всѣмъ христіанамъ непрестанно помнить, отъ младенчества до гроба.

Это строеніе долженъ напечатлѣть подвизающійся христіанинъ въ умѣ своемъ, довести, то-есть, до свѣтлой ясности сознанія, или такъ глубоко войти въ него, или его воспріять въ себя, чтобъ оно было какъ бы навязаннымъ на него, — такъ срастворіться съ нимъ, чтобы сознаніе и въ движеніе не могло приходить безъ ощущенія его въ себѣ или на себѣ, подобно тому, какъ нельзя сдѣлать движенія руки безъ того, чтобы не сотрясать воздуха, или открыть глаза безъ того, чтобы не подлежать впечатлѣнію ударовъ свѣта. Лучшее средство къ тому: установленіе себя въ этомъ строеніи, подобно тому, какъ окинувшій себя взоромъ зритъ себя установленнымъ въ извѣстномъ мѣрномъ соотношеніи со всѣми вещами, окружающими его,— установленіе, слѣдовательно, во вседержительствѣ Божіемъ, въ Его десницѣ, ощущеніе себя держимымъ отъ Него, Имъ проницаемымъ и зримымъ, или, какъ говоритъ Василій Великій, памятованіе, что ты еси назираемъ; установленіе въ участіи въ домостроительствѣ спасенія, въ качествѣ члена церкви, — чувствіи, по Златоусту, что ты воинъ Христовъ и записанъ въ оном градѣ; установленіе въ смерти и судѣ, съ обращеніемъ ока то въ рай, то въ адъ.

Установленіе это дается не вдругъ... Оно—цѣль. Исканіе его, дѣланіе съ цѣлью пріобрѣсть, есть подвигъ мысленный, многотрудный и продолжительный, но

нельзя сказать, чтобы многосложный. Весь онъ состоитъ въ простомъ напряженномъ зрѣніи умомъ на сіи предметы. Зри себя содержимымъ десницею Божіею и зримымъ окомъ Божіимъ, спасаемымъ въ Господѣ, стоящимъ, въ смерти, подъ судомъ, чтобы, вслѣдствіе того, или рай пріять, или быть поглощену адомъ. Весь трудъ сначала обращается на то лишь, чтобы узрѣть все это. Когда кто разъ добьется зрѣнія, тотъ послѣ начнетъ узрѣвать легче и чаще; и чѣмъ кто непрерывнѣе, напряженнѣе и усерднѣе будетъ совершать это, тотъ тѣмъ скорѣе достигнетъ непрекращаемаго зрѣнія, или, что то же, стоянія въ духовномъ мірѣ, предъ Богомъ, въ церкви, въ часъ смерти и суда, въ преддверіи ада или смерти...

Послѣдній предѣлъ сего дѣланія есть стояніе въ мірѣ духовномъ, или какъ бы ощущеніе себя въ немъ. Именно: въ отношеніи къ *вседержительству* Божію бытіе въ такомъ ощущеніи, въ какомъ дитя на рукахъ матери; ко *всезрительству* Божію, въ какомъ подданный предъ царемъ; къ *домостроительству* спасенія, въ какомъ воинъ въ строю, или сынъ въ домѣ отца, или искусникъ за дѣломъ, или какъ товарищъ въ кругу друзей, или какъ свой въ своемъ семействѣ; къ *смерти и суду*, какъ преступникъ, ждущій ежеминутнаго приговора; къ *раю и аду*, какъ стоящій на самой узкой дощечкѣ, съ одной стороны коей — бездна, клокочущая огнемъ, а съ другой—прекраснѣйшій садъ. Кого сподобитъ Господь все это воспріять въ чувство, о томъ надобно сказать, что онъ исшелъ изъ сего міра и пребываетъ въ другомъ своимъ сознаніемъ и серд-

цемъ, что онъ вошелъ въ царствіе Божіе или воспріялъ его въ себя. *Царствіе Божіе внутрь васъ есть.* Это выступленіе изъ настоящаго міра и вступленіе въ другой должно быть поставлено цѣлію и составляетъ предметъ напряженнаго исканія.

Условіе къ тому есть, само собою, внутрь-пребываніе, въ неразрывной связи съ которымъ и зачинается, и зрѣетъ, и совершается, такъ что когда образуется неисходное внутрь-пребываніе, тогда образуется и стояніе въ мірѣ Божіемъ; и обратно: тогда только и благонадежно внутрь-пребываніе, когда укрѣпится стояніе въ иномъ мірѣ.

Самое *дѣланіе* состоитъ, какъ сказано, въ понужденіи воззрѣвать на сіи предметы сколько можно чаще, съ желаніемъ непрерывнаго зрѣнія ихъ. Съ первой минуты пробужденія къ сознанію, войти внутрь и со всевозможнымъ напряженіемъ вставляй себя въ этотъ строй и порядокъ. Сначала лучше установлять взоръ на одномъ какомъ-либо предметѣ и зрѣть его, пока напечатлѣется онъ, а потомъ переходить къ другимъ. Когда переберутся всѣ, тогда и весь строй можетъ быть сознаваемъ въ одинъ мигъ. Иные распредѣляютъ это дѣланіе по днямъ, иные—по частямъ дня: напримѣръ, о смерти, послѣ обѣда,—какъ кто найдетъ удобнымъ, или къ чему сознаетъ подвижнѣйшимъ духъ свой. Только одного закона должно держаться — не перемѣнять часто, ибо это отнимаетъ у дѣланія весь плодъ. Не должно также упускать изъ виду, что это перемѣняемое зрѣніе есть только средство, цѣль же есть неисходное стояніе во всемъ томъ строѣ. Кто,

навыкнувъ зрѣть одно, не переходитъ къ другому, тотъ остановился на пути и обманываетъ себя, воображая, что ужъ имѣетъ то, къ чему только лишь подвигся или къ чему началъ стремиться. Навыкнувъ въ одномъ, всегда чрезъ него переходи къ другому, какъ для того, чтобы не губить стяжаннаго трудомъ, такъ и для того, чтобы тѣмъ подготовляться къ скорѣйшему напечатлѣнію другаго. Должно помнить, что это— не размышленіе, а недвижимое зрѣніе ума, или вѣра въ тотъ предметъ; движеніе же ума къ помышленію, какъ случайность невольная, бываетъ, но не совѣтуется, не благоволится, а должно быть пресѣкаемо тотчасъ по сознаніи того.

Въ пособіе къ успѣшнѣйшему прохожденію сего дѣланія и совершенству въ немъ можно взять мѣсто св. Писанія, относящееся къ тому или другому предмету, и повторять его непрестанно въ продолженіи дня или болѣе, напримѣръ: *камо пойду? — предлежитъ единою умрети, потомъ же судъ... Собираеши себѣ гнѣвъ въ день гнѣва.... Нѣсть иного имени, о немъ же подобаетъ намъ спастися*, и проч.; имѣетъ картину смерти, креста или суда страшнаго и поставить въ такомъ мѣстѣ, чтобы она какъ можно чаще и невольно ударяла въ глаза; избирать книги и статьи, рѣзко изображающія сіи предметы, и бесѣды, если случатся съ единомысленнымъ, вести болѣе о томъ же; чаще поминать суды Божіи невидимые и неожиданные, случаи смертные, умершихъ родныхъ и ихъ состояніе, видѣть себя на одрѣ смертномъ, смотрѣть на похороны. Все это рѣзче дѣйствуетъ на духъ человѣка, если онъ сто-

итъ въ этихъ предметахъ во время молитвы. При помощи Божіей, такимъ порядкомъ напечатлѣніе совершается очень быстро. Надобно только напечатлѣнный въ молитвѣ предметъ не кидать потомъ, а ходить съ нимъ, пока можно, хотя бы и нѣсколько дней, стараясь поддерживать впечатлѣніе то писаніемъ, то чтеніемъ, то бесѣдою, то другими способами. Хорошо для совмѣстнаго всѣхъ ихъ напечатлѣнія мысленно напрягаться, зрѣть ихъ въ одинъ мигъ, или, по крайней мѣрѣ, въ одно время хоть одинъ послѣ другаго. Лучше всего, впрочемъ, сколько можно чаще прочитывать символъ вѣры, напрягаясь тоже всѣ истины его озирать въ одинъ мигъ. Трудъ, напряженіе, усиліе скоро приведутъ къ желанной цѣли; только не ослабѣвай, не прерывай, а все дѣлай и дѣлай, хоть плода и умѣнья не видно. Годы пройдутъ безъ плода, а одна минута все дастъ неутомимому дѣлателю въ вертоградѣ царства Христова, ради постоянства его въ трудѣ и усердія терпѣливаго.

Такое зрѣніе другаго міра способно содержать и возгрѣвать духъ ревности тѣмъ, что доставляетъ истинное поприще для дѣйствованія ревнующему духу. „Ты—не здѣшній, говоритъ Златоустъ, а изъ другаго міра; слѣдовательно, и дѣйствовать долженъ какъ бы въ томъ мірѣ, а для того и зрѣть его. Съ другой стороны, кто зритъ его, тотъ постоянно будетъ имѣть предъ глазами какъ бы норму какую и образчикъ, напоминающій, чтобы не уклониться, не сдѣлать чего-нибудь криво. Это хорошо тогда, когда кто умомъ только зрѣлъ эти предметы. Если же кто дойтетъ до

блага воспріять ихъ въ чувствѣ хоть чуть-чуть, у того они возводятъ мгновенно ревность до великаго напряженія. Всѣ св. отцы называютъ ихъ „остнами будущими“. И что изъ этого ни было бы принято чувствомъ, оно того, кто принялъ, не допуститъ до грѣха. *Помни*, учитъ Сирахъ, *послѣдняя твоя, и во вѣки не согрѣшиши. Предзрѣхъ*, свидѣтельствуетъ пророкъ Давидъ, *Господа да не подвижуся.* Макарій Великій былъ изсушенъ, какъ самъ онъ говоритъ, памятію огня геенскаго, другіе же плакали непрестанно отъ памяти смертной. И множество есть изреченій у св. отцовъ относительно сихъ предметовъ и относительно того, какъ сильно они напрягаютъ духъ человѣка и возгрѣваютъ ревность. Пришедшій въ чувство ихъ зритъ себя въ великой тѣснотѣ, а въ крайностяхъ, извѣстно, какъ бываетъ сильно напряженіе.

В) Стояніе въ чувствахъ, доведшихъ до рѣшимости.

Но все это есть только приготовленіе, условіе и средства къ возгрѣванію ревности. Возстановленіе ревнованія самаго рѣшительнаго и усердія крѣпкаго совершается чрезъ воспроизведеніе тѣхъ чувствъ и помышленій, чрезъ кои первоначально, вслѣдъ за пробужденіемъ отъ грѣховнаго усыпленія, взойдено до него.

По пробужденіи, видѣлъ ты себя въ крайней опасности, гибнущимъ, былъ въ великой нуждѣ и тугѣ, и теперь возставляй это же чувство опасности и крайности, ибо они есть на самомъ дѣлѣ. Бывай въ бояз-

ни и не допускай думать и успокоиваться тѣмъ, что все будто миновалось.

Тогда ты, отрѣшаясь отъ всего, все оплевалъ и презрѣлъ, избравъ иныя блага—нечувственныя, невидимыя, духовныя: отрѣшайся и теперь, все отрѣвай и склоняйся къ невидимому, духовному; его зри и напрягайся возлюбить.

Отрѣшался ты тогда отъ человѣкоугодія: почитай и теперь себя ниже всѣхъ; имѣй готовность на презрѣніе и поношеніе всякое.

Все вмѣнилъ ты тогда ни во что: не дорожи и теперь ничѣмъ; носи готовность, повергши все, остаться голому.

Попрано было тобою тогда саможалѣніе: возвышайся и теперь до готовности къ самымъ крутымъ крестамъ и продолжай самоозлобленіе.

Тогда разбиралъ свою жизнь: продолжай и теперь возростать въ самопознаніи; вникай въ заповѣди евангельскія и смотри, чего нѣтъ въ тебѣ; тамъ положено сѣмя,—теперь рости его.

Тогда, по познанномъ грѣховномъ житіи, видѣлъ ты себя безотвѣтнымъ и сокрушался: не переставай и теперь стоять безотвѣтнымъ предъ лицемъ правды Божіей; осуждай себя всегда и во всемъ безъ всякаго оправданія и уклоненія льстиваго, ненавидь свою волю, и хотѣніе, и разумѣніе; поражай себя стыдомъ и страхомъ безнадежности; зри себя висящимъ надъ бездною и недостойнымъ пощадѣнія.

Тогда возникъ ты духовно и, по вѣрѣ въ Господа и въ надеждѣ на помощь Его, далъ обѣтъ усердно ра-

ботать Ему во всѣ дни жизни, до умученія себя самаго безжалостнаго: и теперь взывай: „достоинъ я всякаго осужденія и муки, но, ради безпредѣльнаго желанія Божія нашего спасенія, по коему и Единородный Сынъ не пощадѣнъ, не отчаяваюсь въ своемъ спасеніи. Не знаю, когда и какъ, но вѣрую, что буду спасенъ. Только, Самъ Господи, дай Ты мнѣ биться все время жизни, ища спасенія у Тебя—въ надеждѣ, что не оставишь помощію ради милости Твоей и ходатайства угодниковъ Твоихъ. Ими же вѣси судьбами, спаси мя“!

Вотъ чувства! Всѣ ихъ прилично назвать *жизнедѣятельностію духовною*, И дѣйствительно, когда они есть, значитъ—духовная жизнь въ дѣйствіи; и когда нужно возжечь ослабѣвающую жизнь, надобно стать въ какое-либо изъ этихъ чувствъ. Св. отцы всѣ говорятъ о нихъ—то о всѣхъ въ совокупности, то по частямъ. И это общій совѣтъ и заповѣдь—непремѣнно стоятъ въ какомъ-нибудь чувствѣ. Кто выступилъ изъ нихъ, не ищетъ ихъ, не жалѣетъ объ отсутствіи ихъ, тотъ есть охладѣлый и, потому, состоитъ въ опасности,—замеръ, можетъ быть, и навсегда останется такимъ, то-есть въ смерти.

Итакъ, вошедши внутрь, утвердись въ зрѣніи духовнаго міра и начинай возгрѣвать дѣятельность жизни духовной, или переходи сначала къ помышленію, чтобы потомъ возымѣть и въ чувствѣ показанныя состоянія,—все это есть спасенное строеніе ума и сердца. Существенное и неизбѣжное приготовленіе къ сему суть внутрь-пребываніе и зрѣніе духовнаго міра. Первое вводитъ, а послѣднее поставляетъ человѣка въ

нѣкоторой духовной атмосферѣ, благопріятствующей горѣнію жизни. Потому, можно сказать, только производи эти два приготовительныя дѣланія—и послѣднее пойдетъ само собою. Жалуются часто: ожестѣло сердце... Не дивно. Не собирается и не навыкъ тому, не установляется, гдѣ должно, и не знаетъ сердечнаго мѣста,—какъ же быть исправной жизнедѣятельности? Это—то же, что сдвинуть сердце съ мѣста и требовать жизни. Кто воздвигнетъ вѣру, зрящую міръ духовный, и себя въ немъ, тотъ не можетъ не прійти въ тревожное состояніе, не размягчиться; а когда это есть, то послѣ не такъ трудно печатлѣть и другія чувства.

Въ пособіе для сего, также какъ и въ зрѣніи духовнаго міра, берутъ мѣста Писанія, кратко и сильно выражающія то или другое состояніе,—напримѣръ: *пощади Твое созданіе, Владыко*; *возсмердѣша и согниша раны моя... Аще Сына Своего не пощадѣ... Ими же вѣси судьбами, спаси мя...* и проч.,—и дѣйствуютъ ими, часто повторяя одно и то же до напечатлѣнія.

Не всякое всегда легко чувство, но иногда одно, а иногда другое, и пользоваться должно такими предрасположеніями для скорѣйшаго стяжанія сихъ чувствъ. Оно легко открывается во время утреннее, или должно такъ дѣлать, чтобы въ это время открылось, дабы потомъ цѣлый день быть съ нимъ. Разверзи сердце и совершай молитвованіе, и что̀ подвигнется въ сердцѣ, при томъ неотступно и будь вниманіемъ. Облеки это чувство Писаніемъ и повторяй его. Дѣйствуя такъ, будешь все въ чувствѣ и скоро навыкнешь дѣланію ду-

ховному. Должно, впрочемъ, помнить, что не всегда полезно ожидать предрасположенія: иногда должно дѣйствовать, хотя ничего нѣтъ на душѣ, а иногда, когда есть одно, надобно вытѣснить его другими; ибо, судя по состоянію духа, иногда надобно наклониться на одно, а иногда преимущественно на другое чувство. Само собою, что это будетъ самое счастливое строеніе духа, если кто можетъ всѣ ихъ проходить разомъ. Такое совершенство духовной жизнедѣятельности должно поставить цѣлію и искать его. Для того всякій разъ, когда становится кто на молитву, по собраніи внутрь и вступленіи въ міръ духовный, начинать воспроизводить ихъ по порядку, одно за другимъ, сначала хоть въ помышленіяхъ, пока дастъ Господь, и въ чувствахъ. Хорошо для этого избрать какую-либо молитву, въ которой были бы они всѣ, затвердить и перечитывать часто со вниманіемъ. Молитвъ множество въ Псалтири, и всякій можетъ найти по себѣ, ибо не для всякаго одна молитва. Онѣ кратко содержатся въ двѣнадцати дневныхъ и двѣнадцати ночныхъ прошеніяхъ св. Златоуста. Но то несомнѣнно, что нѣтъ надежнѣйшаго средства къ ихъ напечатлѣнію, какъ пребываніе въ церкви на богослуженіи.

Какъ эти чувства способствуютъ горѣнію духа ревности, очевидно само собою: будь хоть одно, и уже оно теплится, потому что каждое изъ нихъ входитъ въ его составъ и имѣетъ въ немъ свою частичку. Духъ ревности простъ и единиченъ, но всеобъемлющъ. Начальнымъ чувствомъ всегда долженъ быть страхъ Божій, а заключительнымъ—самоуничиженное преданіе

себя въ волю Божію, благую, насъ спасающую. Первое выносится изъ зрѣнія духовнаго міра, послѣднее же рождается изъ всѣхъ послѣдующихъ по вѣрѣ. Впрочемъ, какія чувства изъ какихъ и какъ выраждаются, опредѣлить нѣтъ возможности,—у всякаго это бываетъ своимъ образомъ. Оттого у святыхъ отцовъ и разныя на то указанія, или разныя объясненія. Большею же частію они предлагаются въ раздробленныхъ наставленіяхъ: имѣй страхъ Божій, *вся вмѣни умѣты*, не люби міра, имѣй себя подъ всѣми и во всемъ себя осуждай, зри грѣхи свои, къ Богу Единому прибѣгай. Совокупность всѣхъ—въ болѣзненномъ, со страхомъ Божіимъ, припаданіи къ Богу съ словами: „Господи, ими же вѣси судьбами, спаси мя, я же буду трудиться по силѣ“. Тутъ—все. Кто навыкнетъ поставлять себя въ духѣ въ такое чувство, тотъ имѣетъ готовое и безопасное пристанище.

Быть въ какомъ-нибудь чувствѣ очень многозначительно въ духовной жизни. Въ комъ есть оно, тотъ уже—внутрь себя у сердца, ибо мы всегда вниманіемъ въ дѣйствующей части, и если это сердце, то—въ сердцѣ.

Кто внутрь себя, тому и міръ духовный открытъ. Отсюда видно, что какъ внутрь-пребываніе, съ зрѣніемъ иного міра, есть условіе къ возгрѣванію духовныхъ чувствъ, такъ и обратно—послѣднія предполагаютъ первыя и своимъ рожденіемъ вызываютъ ихъ. Совокупнымъ же взаимодѣйствіемъ тѣхъ и другихъ спѣется духовная жизнь. Кто въ чувствѣ, того духъ связанъ и привязанъ, а у кого нѣтъ его, тотъ паритъ.

Потому, чтобъ успѣшнѣе пребывать внутрь, спѣши до чувства, хотя тоже чрезъ напряженное самовнѣдреніе. Оттого, кто хочетъ остаться съ однимъ собираніемъ умовымъ, тотъ трудится напрасно: одна минута—и все разлетается. Не дивно послѣ сего, что ученые, при всемъ образованіи, непрестанно мечтаютъ: это—оттого, что работаютъ одною головою.

Нѣтъ нужды въ частности излагать правила и свойства каждаго чувства,—это должно быть предметомъ частныхъ наставленій, размышленій, чтеній. У св. отцовъ они большею частію излагаются отрывочно, въ видѣ изреченій. Главное, чего они искали и что совѣтовали, это понять духовное строеніе и умѣть держать его. Кто достигнетъ сего, тому остается одно правило: будь внутрь, имѣй тайное поученіе въ сердцѣ. Тайнымъ поученіемъ они называли зрѣніе какого-нибудь предмета изъ духовнаго міра, или возбужденіе духовнаго чувства посредствомъ какого-либо слова св. Писанія, или слова отеческаго или молитвеннаго. Такъ у нихъ: поучайся въ памяти Божіей, въ памяти смертной, въ памяти грѣховъ, самоукоренія, то-есть сознай сей предметъ и говори о немъ внутрь безпрестанно,—напримѣръ: *камо пойду*, или: *червь, а не человѣкъ*. Это и подобное, во вниманіи и чувствѣ творимое, есть тайное поученіе.

Отсюда слѣдуетъ, что сокращенно всѣ способы или пріемы къ возгрѣванію и содержанію духа ревности можно сократить такъ: вслѣдъ за пробужденіемъ, войди въ себя, встань въ мѣсто свое, у сердца пройди всю жизненную дѣятельность духовную и, остано-

вившись на одномъ чемъ-нибудь, будь въ немъ неисходно. Или еще короче: соберись и твори въ сердцѣ тайное поученіе.

Этимъ средствомъ, при помощи благодати Господней, духъ ревности, въ истинномъ его строеніи, будетъ поддерживаться—и то теплиться, то пламенѣетъ. И это—внутреннимъ путемъ. Надобно знать, что это есть самый прямой путь къ устроенію спасительному. Можно все оставить и заняться только этимъ дѣланіемъ—и все будетъ идти успѣшно. Напротивъ того, хоть и все будемъ дѣлать, но безъ вниманія къ сему, не будемъ видѣть плода.

Тотъ, кто обращается не внутрь и къ сему духовному дѣланію, только проволакиваетъ дѣло. Правда, дѣланіе это чрезвычайно трудно, особенно вначалѣ, но за то прямо и плодно. Потому священнику руководствующему надлежитъ какъ можно скорѣе вводить своихъ питомцевъ въ это дѣланіе и утверждать въ немъ. Можно даже вводить въ него прежде всего внѣшняго, но всячески совмѣстно съ нимъ,—и не можно только, но и должно. Это потому, что сѣмя этому дѣланію положено въ обращеніи, въ коемъ все оно проходится. Слѣдуетъ только разъяснить его, натолковать, какъ важно, и руководствовать. Тогда и внѣшнее все пойдетъ охотно, спѣшно и зрѣло. Напротивъ, безъ сего оно одно, какъ гнилыя нитки, все будетъ рваться. Затѣмъ то правило, что надо не вдругъ, а исподоволь; надо имѣть великія ограниченія; надо знать, что оно вести можетъ не къ сему внутреннему дѣланію, въ коемъ существо дѣла, а ко внѣшнимъ

правиламъ. Потому, не смотря даже на то, что есть люди и такіе, кои восходятъ отвнѣ внутрь, должно остаться неизмѣннымъ правиломъ—входить скорѣе внутрь и здѣсь разогрѣвать духъ ревности.

Кажется, простая вещь; но, не узнавъ о ней, можно долго пропотѣть—и все малоплодно. И это по свойству тѣлесной дѣлательности. Она легче, потому и привлекаетъ; внутренняя же трудна, потому и отталкиваетъ. Но привязавшійся къ первому, какъ вещественному, и самъ въ духѣ постепенно овеществляется, потому хладѣетъ, становится неподвижнѣе и, слѣдовательно, все болѣе и болѣе удаляется отъ внутренняго. И выходитъ, что сначала оставитъ иной внутреннее, будто до времени созрѣнія,—придетъ-де срокъ,—но послѣ, оглянувшись, находитъ, что срокъ пропущенъ и, вмѣсто подготовленія, онъ вовсе сталъ къ нему неспособнымъ. Опять и внѣшнее не должно оставлять: оно—опора внутренняго, а то и другое должно идти совмѣстно. Очевидно только, что преимущество—за первымъ, ибо служить Богу должно духомъ и кланяться Ему въ духѣ и истинѣ достоитъ. То и другое должно быть во взаимномъ подчиненіи, по достоинству ихъ удѣльному, безъ насилія другъ другу и насильственнаго раздѣленія.

2. Указаніе упражненій, способствующихъ къ утвержденію въ добрѣ душевныхъ и тѣлесныхъ силъ человѣка.

Такимъ образомъ, благодатная внутрь, въ духѣ, жизнь будетъ горѣть и разгораться. Ради ревности и

усердія человѣка, предающаго себя Богу, благодать будетъ наитствовать его и проникать своею освящающею силою все болѣе и болѣе, или усвоять себѣ. Впрочемъ, на этомъ не можно и не должно останавливаться. Это еще сѣмя, точка опоры. Надлежитъ сдѣлать, чтобы сей свѣтъ жизни проходилъ далѣе и, проникая собою естество души и тѣла и такимъ образомъ освящая ихъ, присвояя себѣ, отрѣвалъ прившедшую неестественную страстность и возводилъ ихъ въ чистый и естественный ихъ видъ,—не оставался въ себѣ, а разливался по всему нашему существу, по всѣмъ силамъ. Но поелику силы эти, какъ выше сказано, всѣ пропитаны неестественнымъ, то духъ благодати, чистѣйшій, пришедшій въ сердце, не можетъ прямо и непосредственно входить въ нихъ, будучи преграждаемъ ихъ нечистотою. Посему надлежитъ утвердить нѣкоторыя посредства между духомъ благодати, живущимъ въ насъ, и силами, чрезъ кои онъ переливался бы въ нихъ и цѣлилъ ихъ чрезъ нихъ, какъ чрезъ приложенные къ больнымъ мѣстамъ пластыри. Очевидно, что всѣ эти посредства, съ одной стороны, должны носить характеръ и свойства божественнаго или небеснаго происхожденія, а съ другой — стоять въ совершенномъ согласіи съ нашими силами въ ихъ естественномъ устроеніи и назначеніи, иначе благодать не пройдетъ чрезъ нихъ и силы не извлекутъ себѣ цѣлительности изъ нихъ. Таковы посредства должны быть по своему происхожденію и внутреннему свойству. Сами же въ себѣ они не могутъ быть инымъ чѣмъ, развѣ дѣйствіями, упражненіями, трудами, поелику прилага-

ются къ силамъ, коихъ отличительное свойство —дѣйствовать. Итакъ надобно теперь искать, какія Самъ Богъ, въ Писаніи Своемъ, или чрезъ наученіе святыхъ послѣ Него, избралъ и указалъ дѣла и упражненія, какъ средства къ уврачеванію силъ нашихъ и возвращенію имъ потерянной чистоты и цѣлости.

Открыть такого рода упражненія и дѣланія нетрудно,—стоить только пересмотрѣть нѣсколько житій мужей подвизавшихся, и они укажутъ сами собою. Постъ, трудъ, бдѣніе, уединеніе, удаленіе отъ міра, храненіе чувствъ, чтеніе Писанія и св. отцовъ, хожденіе въ церковь, частая исповѣдь и причащеніе, обѣты и другія дѣла благочестія и добродѣланія — все это въ совокупности, а иногда преимущественно въ какихъ-нибудь однѣхъ частяхъ, можно встрѣчать въ каждомъ почти житіи святыхъ отцовъ. Всѣмъ имъ общее имя—подвигъ—какъ бы устрашаетъ, но должно привлекать показанное значеніе, то-есть ихъ цѣлительность. Укажемъ только каждому изъ сихъ подвиговъ и упражненій свое мѣсто, въ какой силѣ и къ чему какой подвигъ приложить должно.

Чтобъ успѣшнѣе сдѣлать это, покажемъ ходъ всякаго нашего дѣйствія и, слѣдовательно, всей дѣятельности. Всякое дѣйствіе свободное, зараждаясь въ сознаніи и свободѣ, слѣдовательно въ духѣ, ниспадаетъ въ душу и силами ея—разсудкомъ, волею и чувствомъ —заготовляется къ исполненію и потомъ исполняется силами тѣла, въ извѣстномъ времени, мѣстѣ и другихъ внѣшнихъ обстоятельствахъ. Внѣшнее дѣло, большею частію, проходитъ безслѣдно, когда оно не повторено,

не замѣчено и не перенято другими. Когда же бываетъ это, то оно переходитъ въ постоянное правило, нравъ, обычай, словно законъ. Совокупность этихъ обычаевъ составляетъ духъ того общества или круга людей, въ коемъ утверждаются такіе обычаи. Если исходище ихъ хорошо, то и обычаи хороши, и общество хорошо. Если исходище худо, то и обычаи худы, и общество худо. Но въ послѣднемъ случаѣ кто вступилъ въ сіе коловращеніе обычаевъ и нравовъ, тотъ неизбѣжно рабъ ихъ и, несмотря на трудъ рабства, раболѣпствуетъ безпрекословно. Кто живетъ по-мірски, тотъ раболѣпствуетъ обычаямъ и духу міра. Но и тотъ, кто входитъ свѣжимъ въ сей міръ, неизбѣжно проникаетъ духомъ его и скоро уравнивается съ другими, ибо эти обычаи суть стихіи для образованія въ насъ духа грѣховнаго, страстнаго, богоборнаго, потому что сами суть не что иное, какъ ходячія страсти.

Имѣя цѣлію очистить и исправить человѣка, божественная благодать прежде всего вручаетъ исходище всей его дѣятельности, именно: обращаетъ сознаніе и свободу къ Богу, чтобъ отсюда потомъ проводить цѣленіе и по всѣмъ силамъ, чрезъ ихъ дѣятельность собственную, назначаемую имъ, или возбуждаемую въ нихъ изъ исходища уже исцѣленнаго и освященнаго. Какъ уврачевается и какъ хранится это исходище, мы видѣли предъ симъ. Теперь надлежитъ опредѣлить, какія должны исходить изъ него дѣйствія, съ цѣлительною силою, въ томъ значеніи, какое указано предъ симъ. Этимъ однако-жь не позволяется самовольное назначеніе сихъ дѣланій, а только то,

что они должны быть приняты непринужденнымъ сознаніемъ и свободою, ибо иначе не будетъ отъ нихъ и ожидаемаго плода.

Итакъ, вслѣдъ за образованіемъ и храненіемъ ревности со всѣмъ внутреннимъ устроеніемъ, должно опредѣлить упражненія, указанныя въ словѣ Божіемъ и писаніяхъ св. отцовъ, сначала для силъ души, какъ ближайшихъ пріемниковъ всего зачинаемаго въ святилищѣ духа, потомъ для силъ и отправленій тѣла, какъ пріемниковъ созрѣвающаго въ душѣ; наконецъ, и для внѣшняго поведенія, какъ общаго стока всей внутренней дѣятельности или ея поприща и вмѣстѣ образователя. Всѣ сіи упражненія должны быть направляемы такъ, чтобы не погашали, а возгрѣвали болѣе духъ ревности, со всѣмъ внутреннимъ устроеніемъ.

Въ душѣ встрѣчаемъ три силы: умъ, волю, сердце или, какъ у св. отцовъ, силу разсудительную, вожделительную и раздражительную. Къ каждой изъ нихъ св. подвижниками прилагались особыя врачевательныя упражненія, сродныя съ ними, и пріимательныя и проводительныя, въ отношеніи къ благодати. Ихъ не нужно строить по теоріи, а только выбрать изъ испытанныхъ уже подвиговъ, какія идутъ къ какой силѣ. Такъ:

А. Къ уму: а) чтеніе и слышаніе слова Божія, писаній св. отцовъ и житій угодниковъ Божіихъ.

б) Изученіе и напечатлѣніе всѣхъ истинъ богоданныхъ въ краткихъ изложеніяхъ (катихизисъ).

в) Вопрошеніе опытнѣйшихъ и старѣйшихъ.

г) Взаимное собесѣдованіе и совѣщаніе дружеское.

Б. Къ волѣ: а) строгое соблюденіе всѣхъ подвижническихъ, преднаписываемыхъ теперь, правилъ.

б) Подчиненіе всему уставу церковному.

в) Подчиненіе порядку гражданскому, или должностному и семейному, ибо въ немъ посредствуется воля Божія.

г) Покорность волѣ Божіей въ судьбѣ своей жизни.

д) Вниманіе совѣсти въ дѣланіи добрыхъ дѣлъ.

е) Повиновеніе духу, ревнующему въ исполненіи обѣтовъ.

В. Къ сердцу: а) бываніе на св. церковныхъ службахъ.

б) Молитва, церковію опредѣленная,—правило домашнее.

в) Употребленіе св. креста, иконъ и другихъ священныхъ веществъ и вещей.

г) Соблюденіе священныхъ обычаевъ, учрежденныхъ церковію и всегда ею предлагаемыхъ.

Тѣло, по естеству, чисто. Потому надлежитъ только устранить отъ его потребностей неестественное и укрѣпиться въ естественномъ для него, или, что то же, возвратить его къ природѣ. Кромѣ сего, оно должно быть помощникомъ душѣ, какъ всегдашній ея другъ, а потому, кромѣ возвращенія къ предѣламъ естества, удовлетвореніе его потребностей должно быть примѣнено еще къ пользамъ души и духа. Въ удовлетвореніе сихъ требованій, назначается на каждое отправленіе тѣла своего рода упражненіе, какъ средство и для врачеванія тѣлесности нашей, и для пользъ духовныхъ.

Сюда относятся правила, коими предписывается:

а) Въ отношеніи къ чувствамъ: храненіе чувствъ вообще, особенно же слуха и глазъ (нервное отправленіе).

б) Храненіе устъ и языка (мускульное).

в) Бодрость тѣлесная, съ трудомъ и рукодѣліемъ (мускульное).

г) Воздержаніе и постъ (брюшное).

д) Мѣра сна и бдѣнія (брюшное).

е) Тѣлесная чистота (брюшное).

Вообще въ отношеніи къ тѣлу: *утружденіе* (мускульное), *озлобленіе* (нервное) и *изможденіе* (брюшное).

Само собою очевидно, какъ чрезъ такіе подвиги мало-по-малу тѣло возвратится къ своему естеству, станетъ живо и крѣпко (мускульное), свѣтло и чисто (нервное), легко и свободно, и явится приспособленнѣйшимъ орудіемъ для духа нашего и достойнымъ храмомъ Духа Святаго.

Внѣшнее наше—стокъ нашихъ дѣлъ, ихъ поприще, и вмѣстѣ поводъ и поддержка—зарожденіе и окончаніе. Его можно бы оставить въ покоѣ, еслибъ оно не воздѣйствовало на насъ обратно. Но, на дѣлѣ, оно сильно властвуетъ и даже правитъ нами. Потому, какъ выраженіе образа дѣятельности силъ или характера внутренняго при измѣненіи ихъ, и оно должно быть непремѣнно измѣнено. Его поприще—семейство, должность, связи. Итакъ, сюда должно отнести всѣ правила, обязывающія:

а) Оставить злые обычаи, всѣ безъ исключенія; затѣмъ—

б) Очистить связи сношенія, оставляя спасительное и устраняя вредное, и опредѣлить поведеніе или обращеніе съ людьми.

в) По новому порядку распредѣлить или вновь учредить занятія по должности, если они есть.

г) Учредить порядокъ семейныхъ дѣлъ, или вообще приспособленіе дома къ духовной жизни.

Необходимо такъ сдѣлать, чтобы все внѣшнее, съ вещами, лицами, дѣлами, составляло около какъ бы какую духовную атмосферу, питающую и созидающую, а не разоряющую.

Вотъ упражненія и подвиги! Употребленіе ихъ должно быть непрерывное; они должны быть при насъ, какъ повязка съ пластыремъ на разныхъ частяхъ нашего состава. Но приспособленнѣйшее мѣсто для нихъ, гдѣ они являться должны въ чистѣйшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ, строжайшемъ, это есть *говѣніе* — спасительнѣйшее учрежденіе св. церкви, назначенное къ нашему очищенію и освященію чрезъ таинства. Симъ именемъ означается:

1) Прохожденіе всѣхъ подвиговъ, въ совершенномъ видѣ, какъ приготовленіе къ принятію таинствъ.

2) Самое принятіе таинствъ исповѣди и причащенія тѣла и крови Христовыхъ.

Это—упражненія, обнимающія всего человѣка, питающія и духъ, и душу, и тѣло. Ихъ назовемъ благодатными средствами воспитанія и укрѣпленія духовной жизни.

Вотъ нѣсколько *общихъ замѣчаній* о всѣхъ сихъ подвигахъ и упражненіяхъ. Всѣ такіе подвиги и упраж-

ненія должно проходить каждому подвижнику въ особенномъ, къ нему примѣненномъ, видѣ, потому что сами по себѣ они суть еще какъ бы матеріалы и рамки для правилъ. Правила строятся изъ нихъ—чрезъ приложеніе ихъ ко времени, мѣсту, лицу, обстоятельствамъ и проч. Это и должно быть сдѣлано каждымъ подвизающимся или самимъ, или по руководству своего руководителя и духовнаго отца,— сдѣлано надъ всякимъ упражненіемъ, и потомъ изъ всей совокупности ихъ построенъ одинъ всеобъемлющій *порядокъ духовныхъ упражненій* или *подвиговъ*, гдѣ всему мѣсто и время, большему и малому. Этотъ порядокъ, равно какъ и правила— не могутъ быть достаточно указаны въ писанномъ руководствѣ, развѣ только въ началахъ. Здѣсь можно только описать каждое упражненіе и показать его цѣлительность и общія начала употребленія.

Не трудно замѣтить, какъ всѣ такіе подвиги и упражненія соотвѣственны внутреннему дѣланію. Именно правила внѣшняго поведенія, съ устроеніемъ тѣла, существенно необходимы для сохраненія внутрь-пребыванія и духовнаго сознанія, упражненія благочестивыя—для духовной жизнедѣятельности. Потому въ жизни духовной сколько существенно внутреннее, столько же существенны и они. У св. отцовъ они называются тѣлеснымъ, вещественнымъ дѣланіемъ, или жизнію дѣятельною, внутреннее же—жизнію созерцательною, а также духовнымъ и умнымъ дѣланіемъ. Это—заблужденіе, будто внутреннее можетъ стоять, хотя и не приспособлено къ нему внѣшнее; равно какъ и то неправо, если кто останавливается на од-

номъ внѣшнемъ, забывая внутреннее, какъ оно у насъ указано, или не заботясь о немъ. То и другое должно идти совмѣстно, такъ что все дѣло кратко можно выразить такъ: вошедши въ себя и, ставъ въ духовное сознаніе, возбуди жизнедѣятельность, или строй духовный, и потомъ ходи въ построенномъ тобою порядкѣ подвижничества.

Должно при этомъ твердо содержать въ мысли, что упражненія, подвиги, поведеніе, при всей своей существенной необходимости и полной годности, для храненія и образованія духовной жизни и возстановленія естества, силу къ тому имѣютъ не сами отъ себя,—не они созидаютъ духъ, и очищаютъ природу, а благодать Божія, приходящая чрезъ нихъ и получающая какъ бы доступъ, протокъ къ нашимъ силамъ. Потому ходи въ нихъ со всѣмъ тщаніемъ, ревностію, постоянствомъ; но самое свое преспѣяніе предавай Господу, чтобы, подъ прикрытіемъ ихъ, Онъ самъ созидалъ насъ, какъ хочетъ и вѣдаетъ. Вступая въ подвигъ, не на немъ останавливай вниманіе и сердце, но минуй его, какъ нѣчто стороннее,—разверзай себя для благодати, какъ готовый сосудъ, полнымъ себя Богу преданіемъ. Кто находитъ благодать, тотъ находитъ ее посредствомъ вѣры и рачительности, говоритъ св. Григорій Синаитъ, а не посредствомъ одной рачительности. Какъ ни исправно будетъ наше дѣланіе, но коль скоро не предаемся при немъ Богу не привлекаемъ благодати, оно созидаетъ не духъ въ насъ истинный, а духъ лестчій, производитъ фарисея. Благодать—душа ихъ. Они потолику истинны, поколику пи-

таютъ и хранятъ самоуничиженіе, сокрушеніе, страхъ Божій, нужду въ помощи Божіей и преданность Богу. Сытость и довольство отъ нихъ—знакъ неистиннаго ихъ употребленія, или неразумія.

Вотъ весь порядокъ названнаго нами положительнаго дѣланія, или начала самопринужденія. Слѣдуетъ теперь раскрыть каждое изъ нихъ въ отдѣльности, хотя въ общихъ чертахъ.

1) Упражненія, способствующія къ образованію душевныхъ силъ по духу христіанской жизни.

Силъ три: умъ, воля и чувство. Соотвѣтственно имъ и распредѣляются и упражненія. Прямо они обращаются на образованіе силъ, но такъ, чтобы не погашался тѣмъ духъ, но, напротивъ, возгарался болѣе и болѣе. Послѣднее служитъ мѣрою и остепененіемъ перваго, которое подчиняется ему до безмолвной покорности или совершеннаго прекращенія.

А) Упражненія, образующія умъ, съ возгрѣваніемъ и жизни духовной.

Христіанское образованіе ума есть напечатлѣніе въ немъ всѣхъ истинъ вѣры столь глубоко, чтобъ онѣ составляли его существо, или чтобъ онъ состоялъ изъ нихъ однѣхъ, такъ чтобы, когда онъ станетъ разсуждать о чемъ, разсуждалъ или повѣрялъ все познаваемое по нимъ и, вообще, безъ нихъ не могъ бы и дви-

женія малаго сдѣлать. У апостола названо это содержаніемъ *образа здравыхъ словесъ*.

Упражненія или дѣланія, сюда относящіяся, суть: чтеніе и слышаніе слова Божія, отеческихъ писаній, житій св. отцовъ, взаимное собесѣдованіе и вопрошеніе опытнѣйшихъ.

Хорошо—читать или слушать, лучше—взаимное собесѣдованіе, а еще лучше—слово опытнѣйшаго.

Плодоноснѣе—слово Божіе, а за нимъ—отеческія писанія и житія святыхъ. Впрочемъ, нужно знать, что житія лучше для начинающихъ, писанія отеческія—для среднихъ, Божіе же слово—для совершенныхъ.

Всѣ эти—и источники истинъ, и способы почерпать ихъ, очевидно, способствуютъ и напечатлѣнію ихъ въ умѣ, и, вмѣстѣ, поддержанію духа ревности.

Часто одинъ текстъ возгрѣваетъ духъ не на одинъ день; есть житія, о коихъ одно воспоминаніе возставляетъ жаръ ревности; есть мѣста у св. отцовъ всевозбудительныя. Посему есть доброе правило: выписывать такія мѣста и хранить, на случай нужды, для возбужденія духа.

Часто ни внутреннее, ни внѣшнее дѣланіе не помогаетъ,—духъ остается въ усыпленіи. Спѣши читать что-нибудь, изъ чего нибудь. Это не поможетъ,—бѣги къ кому-нибудь на бесѣду. Послѣдняя съ вѣрою рѣдко остается безъ плода.

Есть два рода чтенія: одно—рядовое, почти механическое, а другое—избирательное, по требованію духовныхъ нуждъ, съ совѣта. Но и первое небезпо-

лезно. Оно, впрочемъ, приличнѣе утвердившимся уже, которые какъ бы только повторяютъ, а не изучаютъ.

Всенеобходимо имѣть всякому человѣка для бесѣды о вещахъ духовныхъ, который уже зналъ бы все наше и которому можно бы смѣло открывать все, что бываетъ на душѣ. Лучше, если такой одинъ, много—два. Бесѣдъ же праздныхъ, для одного препровожденія времени, всячески должно избѣгать.

Вотъ правила чтенія:

Предъ чтеніемъ должно упразднить душу отъ всего.

Возбудить потребность знать то, о чемъ читается.

Обратиться молитвенно къ Богу.

Читаемое слѣдить вниманіемъ и все слагать въ отверстое сердце.

Что не дошло до сердца, на томъ стой, пока дойдетъ.

Очевидно, что читать должно весьма медленно.

Прекратить чтеніе, когда душа не хочетъ уже читаніемъ питаться,—сыта, значитъ. Если, впрочемъ, поразитъ душу какое мѣсто, стой на немъ и не читай болѣе.

Лучшее время для чтенія слова Божія—утро, житій—послѣ обѣда, св. отцовъ—незадолго предъ сномъ.

Можно, слѣдовательно, касаться всего по-немногу каждый день.

При такихъ занятіяхъ, постоянно должно содержать въ мысли главную цѣль—напечатлѣніе истинъ и возбужденіе духа. Если это не приносится чтеніемъ или бесѣдою, то они—праздное чесаніе вкуса и слуха, пустое совопросничество. Если совершается это съ

умомъ, то истины и напечатлѣваются, и возбуждаютъ, и одно помогаетъ другому; а если отступается отъ праваго образа, то нѣтъ ни того, ни другаго: истины набиваются въ голову, какъ песокъ, и духъ хладѣетъ и черствѣетъ, надымается и кичитъ.

Напечатлѣніе истинъ—не то же, что ихъ изслѣдованіе. Здѣсь требуется только: уясни истину и держи въ умѣ, пока сраствoрится съ нимъ, безъ доводовъ, ограниченій, одинъ ликъ истины.

Потому, легчайшимъ способомъ къ сему законно можно почесть слѣдующее: истины всѣ—въ катихизисѣ. Каждое утро бери оттуда истину и уясни ее, носи въ умѣ и питайся ею, сколько будетъ питаться душа, день, два и болѣе; то же сдѣлай съ другою и такъ—до конца. Способъ легкій и общеприложимый. Неумѣющій читать, спроси одну истину и ходи съ нею.

Видимо, что законъ для всѣхъ: напечатлѣвай истины такъ, чтобъ онѣ возбуждали. Способы же выполненія его разнообразны, и одного для всѣхъ указать никакъ нельзя.

Слѣдовательно, чтеніе, слушаніе, бесѣда, не напечатлѣвающія истинъ и не возбуждающія духа, должны быть почитаемы неправыми, уклонившимися отъ истины. Это—болѣзнь многочтенія по одной пытливости, когда однимъ умомъ слѣдятъ за читаемымъ, не доводя до сердца, не услаждая его вкуса.

Это есть наука мечтать, не созидающая, не учащая, а разоряющая, всегда ведущая къ киченію. Все дѣло, какъ сказано, ограничить должно слѣдующимъ: уясни истину и содержи въ умѣ, пока вкуситъ сердце.

У св. отцовъ говорится просто: помни, содержи въ умѣ, имѣй предъ глазами.

Б) Упражненія для образованія воли и съ обращеніемъ на возбужденіе духа.

Образовать волю значитъ напечатлѣть въ ней добрыя расположенія или добродѣтели: смиреніе, кротость, терпѣніе, воздержаніе, уступчивость, услужливость и проч.—такъ, чтобъ они, сорастворившись или сросшись съ нею, составили какъ бы ея природу и чтобы, когда предпринимается что волею, предпринималось по возбужденію ихъ и въ ихъ духѣ, чтобы, то-есть, они стали правителями и царствовали надъ дѣлами нашими.

Такое настроеніе воли есть самое безопасное, прочное; но поелику оно противоположно настроенію грѣховному, то стяжаніе его составляетъ трудъ и потъ. Потому и дѣланія, относящіяся сюда, преимущественно направляются противъ главной немощи воли, то-есть, своеволія, непокорности, нетерпѣнія ига.

Недугъ этотъ врачуется покореніемъ волѣ Божіей, съ отверженіемъ своей и всякой другой. Воля же Божія открывается въ разныхъ видахъ послушанія, лежащихъ на каждомъ. Первое и главнѣйшее требованіе ея есть храненіе законовъ или заповѣдей, по своей, каждаго, должности или званію; затѣмъ— храненіе устава церкви, требованій порядка гражданственнаго и семейнаго, требованія обстоятельствъ, кои отъ воли промыслительной, требованія духа ревнующаго, все съ разсужденіемъ и совѣтомъ.

Все это—поприща для дѣлъ правыхъ, кои открыты для всякаго, и притомъ всѣ. Потому умѣй только распоряжаться, и не восчувствуешь скудости средствъ къ образованію воли.

Для сего уясни себѣ всю сумму дѣлъ правыхъ, возможныхъ для тебя, въ твоемъ мѣстѣ, званіи, обстоятельствахъ, вмѣстѣ съ разсмотрѣніемъ и того, когда, какъ, въ какой мѣрѣ и что можно и должно исполнить.

Уяснивши все, опредѣли общій очеркъ дѣлъ и ихъ порядокъ, чтобы все творимое не было нечаянно, памятуя притомъ, что этотъ порядокъ умѣстенъ только вообще, въ частности же онъ можетъ быть измѣняемъ по требованію хода дѣлъ. Все съ разсужденіемъ твори.

Потому лучше каждодневно перечислять возможные случаи и возможныя дѣла.

Навыкшіе въ дѣланіи правомъ никогда ничего не предѣляютъ, а дѣлаютъ всегда то, что Богъ пошлетъ, ибо все отъ Бога; случаями онъ открываетъ намъ свои опредѣленія.

Все это, впрочемъ, только дѣла. Хожденіе въ нихъ дѣлаетъ только исправнымъ. Чтобы черезъ нихъ востечь и къ добродѣтелямъ, надлежитъ напряженно держать духъ истиннаго добродѣланія: именно—со смиреніемъ и страхомъ Божіимъ все твори по волѣ Божіей и во славу Божію. Кто творитъ по самонадѣянности, со смѣлостію до дерзости, въ самоугодіе или человѣкоугодіе, тотъ, хотя и въ правыхъ дѣлахъ, об-

разуетъ въ себѣ злой духъ самоправедности, киченія и фарисейства.

Содержа правый духъ, должно памятовать и законы, преимущественно законъ постепенности и непрерывности: то-есть, всегда начинай съ меньшаго и восходи къ высшему и потомъ, начавши дѣлать, не останавливайся.

Этимъ избѣжать можно:

Смущенія, что несовершенъ, ибо не вдругъ придетъ еще время.

Мысли, что все уже сдѣлалъ, ибо степенямъ конца нѣтъ.

Заносчивой предпріимчивости, подвиговъ выше силъ.

Послѣдній предѣлъ—естественность добродѣланія, когда уже *законъ не лежитъ* бременемъ.

Успѣшнѣе всѣхъ достигаетъ сего тотъ, кто сподобится благодати жить вмѣстѣ съ добродѣтельнымъ и дѣющимъ, а еще успѣшнѣе, если онъ у него подъ наукою. Не нужно будетъ дѣлать и передѣлывать отъ неумѣнья и ненавыкновенія. Не читай, не размышляй, какъ говорится, а найди благоговѣйннаго, и тотчасъ научишься страху Божію. То же можно приложить и ко всякой другой добродѣтели.

Хорошо впрочемъ, судя по себѣ, своему характеру и мѣсту, избрать преимущественно одно добродѣланіе и держаться его неуклонно,—оно будетъ грунтовое, какъ канва,—по ней и другія переходить. Это спасительно при разслабленіи,—сильно напоминаетъ и

скоро возбуждаетъ. Надежнѣе всѣхъ подаяніе милостыни, которая до Царя ведетъ.

Впрочемъ, это касается только дѣлъ, а не расположеній, у которыхъ долженъ быть свой внутренній строй, зиждущійся въ духѣ, нѣкоторымъ образомъ независимо отъ сознанія и свободы, какъ Господь дастъ. Началомъ его всѣми святыми признается страхъ Божій, а концомъ—любовь; въ срединѣ строятся всѣ добродѣтели одна изъ другой, хоть и не у всѣхъ одинаково, но непремѣнно на смиренномъ и сокрушенномъ покаяніи и болѣзнованіи о грѣхахъ. Это—соки добродѣтелей. Изображеніе каждой добродѣтели, ея свойства, дѣланія, совершенства степени, уклоненія—есть предметъ особыхъ книгъ и отеческихъ наставленій. Все это познавай посредствомъ чтенія.

Такого рода добродѣланіе прямо образуетъ волю и напечатлѣваетъ въ ней добродѣтели; но въ то же время оно держитъ и духъ въ постоянномъ напряженіи. Какъ треніемъ возбуждается теплота, такъ и дѣлами добрыми возгрѣвается усердіе. Безъ нихъ и добрый духъ хладѣетъ и испаряется. Этому обыкновенно подвергаются недѣлатели, или люди, ограничивающіеся недѣланіемъ зла и неправдъ. Нѣтъ, надобно назначать и избирать и дѣла добрыя. Есть, впрочемъ, и слишкомъ хлопотливые дѣлатели, которые потому такъ скоро истощаются и разсѣяваютъ духъ. Всему—мѣра.

в) Образованіе сердца.

Образовать сердце значитъ воспитать въ немъ вкусъ къ вещамъ святымъ, божественнымъ, духовнымъ,

чтобы обращаясь среди ихъ, оно чувствовало себя какъ бы въ своей стихіи, находило въ томъ сладость, блаженство, ко всему же другому было равнодушно, не имѣло вкуса и даже болѣе—имѣло къ тому отвращеніе. Къ сердцу сходится вся духовная дѣятельность человѣка: въ немъ отпечатлѣваются истины, въ него внѣдряются и добрыя расположенія; но главное собственное его дѣло—это показанный нами вкусъ. Когда умъ зритъ все строеніе міра духовнаго и разные его предметы, или въ волѣ спѣются разныя благія начинанія,—сердце подъ ними должно во всемъ этомъ ощущать сладость и издавать теплоту. Это соуслажденіе духовному есть первый признакъ оживленія умершей души отъ грѣха. Потому образованіе его—очень важный моментъ даже въ начаткахъ.

Дѣланіе, направленное къ нему, есть все вообще наше священнослуженіе во всѣхъ его видахъ—и общее и частное, и домашнее и церковное, а главнымъ образомъ—движущійся въ немъ духъ молитвенный.

Священнослуженіе, т. е. всѣ дневныя службы, со всѣмъ устроеніемъ храма, иконами, свѣчами, кажденіемъ, пѣніемъ, чтеніемъ, дѣйствованіемъ, а также службы на разныя потребы, потомъ служеніе домашнее, тоже съ вещами церковными—освященными иконами, елеемъ, свѣчами, водою святою, крестомъ, ладономъ—вся эта совокупность вещей священныхъ, дѣйствующая на всѣ чувства—зрѣніе, слухъ, обоняніе, осязаніе, вкусъ—суть *оттиратели* чувствъ у омертвѣлой души, сильные и единственно-вѣрные. Душа омертвѣла отъ духа міра, обдающаго ее чрезъ живущій въ ней грѣхъ. Все стро-

еніе церковнослуженія нашего и своимъ строеніемъ, и значеніемъ, и силою вѣры, и особенно сокрытою въ немъ благодатію — имѣетъ непреодолимую силу отвѣвать духъ міра и, освобождая душу отъ его тяготѣющаго вліянія, даетъ возможность вздохнуть какъ бы свободно и вкусить сладость этой духовной свободы. Вступившій въ храмъ вступаетъ совсѣмъ въ другой міръ, вліяется отъ него и соотвѣтственно тому измѣняется. То же бываетъ и съ тѣмъ, кто окружаетъ себя священными вещами. Частость впечатлѣнія духовнаго спѣшнѣе проникаетъ внутрь и скорѣе оканчиваетъ преобразованіе сердца. Итакъ:

1) Слѣдуетъ учредить возможно-частое пребываніе въ храмахъ на церковныхъ службахъ и обыкновенно на утрени, литургіи, вечерни. Имѣть стремленія къ тому и, при первой возможности, быть тамъ каждодневно и хоть однажды, а если можно даже безвыходно. Нашъ храмъ есть рай на землѣ или небо. Спѣши въ храмъ по вѣрѣ, что онъ — мѣсто селенія Божія, гдѣ Онъ самъ обѣщалъ скорѣе услышать; пребывая въ храмѣ, будь, какъ предъ Богомъ, въ страхѣ и благоговѣніи, которыя вырази терпѣливымъ стояніемъ, поклонами, вниманіемъ къ слушанію вообще, безъ расхищенія мыслей, ослабленія и небрежности.

2) Слѣдуетъ не забывать и другихъ священнослуженій, частныхъ, въ храмѣ ли то, или въ домѣ совершаемыхъ, а равно и своего домашняго молитвованія со всѣмъ церковнымъ устроеніемъ. Должно помнить, что это есть только дополненіе нѣкое служенія церковнаго, а не замѣна его. Апостолъ, заповѣдуя не ли-

шать себя собраній, давалъ знать, что вся сила служенія принадлежитъ служенію общему.

3) Слѣдуетъ совершать всѣ церковныя торжества, обряды и обычаи, вообще весь уставъ, и обложить себя имъ во всѣхъ исходищахъ, такъ чтобы постоянно пребывать какъ бы въ нѣкоторой особой атмосферѣ. Это сдѣлать легко. Таково устроеніе нашей церкви. Прими только съ вѣрою.

Но главнымъ образомъ, что даетъ силу церковному служенію, это—молитвенный духъ. Молитва — это есть какъ обязанность всеобъемлющая, такъ и средство вседѣйственное. Ею и истины вѣры напечатлѣваются въ умѣ, и добрые нравы—въ волѣ; но преимущественно оживляется сердце въ чувствахъ своихъ. Тогда только спѣшно идутъ и первые два, когда есть это одно. Потому образованіе молитвы должно быть начато прежде всего и продолжаемо постоянно, неутомимо, пока не дастъ Господь молитву молящемуся.

Начатки молитвы полагаются въ самомъ обращеніи, ибо молитва есть устремленіе ума и сердца къ Богу, что и есть въ обращеніи. Но невниманіемъ или неумѣніемъ можно погасить въ себѣ эту искру. Затѣмъ тотчасъ и должно начать извѣстнаго рода дѣланія, съ цѣлію возгрѣвать духъ молитвенный. Кромѣ отправленія служеній и участія въ нихъ, о коихъ было сказано, ближе прямо сюда относится молитвованіе своеличное, гдѣ бы и какъ бы оно ни совершалось. Тутъ правило одно: навыкни молиться. Для сего:

1) Избери правило молитвословія — вечерняго, утренняго и дневнаго.

2) Правило небольшое сначала, чтобы не отвратить непривыкшаго духа къ сему дѣланію и труду.

3) Но совершать его должно всегда со страхомъ, тщаніемъ и всѣмъ вниманіемъ.

4) Здѣсь требуется: стояніе, поклоны, колѣнопреклоненіе, крестное знаменіе, чтеніе, иногда пѣніе.

5) Чѣмъ чаще становиться на такую молитву, тѣмъ лучше. Иные дѣлаютъ это на каждый часъ: не много, но чаще.

6) Какія читать молитвы, это положено въ молитвенникахъ. Но хорошо навыкнуть къ одной какой-либо, чтобы, начавъ ее, тотчасъ загорался духъ.

7) Правило молитвословія просто: ставъ на молитву, со страхомъ и трепетомъ говори ее какъ въ уши Божіи, сопровождая крестомъ, поклонами и паденіемъ ницъ, соотвѣтственно движенію духа.

8) Правило принятое непремѣнно всегда исполнять должно; но это не препятствуетъ, по требованію сердца, и прибавлять.

9) Чтеніе и пѣніе въ слухъ, или шепотомъ, или молча—все одно, ибо Господь близъ. Но иногда лучше тѣмъ, иногда другимъ способомъ совершать все молитвословіе.

10) Твердо должно содержать въ мысли предѣлъ молитвы. Та молитва хороша, которая оканчивается припаденіемъ къ Богу съ чувствомъ: *ими же вѣси судьбами, спаси мя.*

11) Есть степени молитвы. Первая степень—молитва тѣлесная, болѣе, въ читаніи, стояніи, поклонахъ. Вниманіе отбѣгаетъ, сердце не чувствуетъ, охоты нѣтъ:

тутъ—терпѣніе, трудъ, постъ. Несмотря однако-жь на то, положи предѣлы и дѣлай молитву. Это—дѣлательная молитва. Вторая степень—молитва внимательная: умъ привыкаетъ собираться въ часъ молитвы и всю ее проговорить съ сознаніемъ, безъ расхищенія. Вниманіе срастворяется съ словомъ писаннымъ и говоритъ какъ свое. Третья степень—молитва чувства: отъ вниманія согрѣвается сердце, и что тамъ въ мысли, то здѣсь становится чувствомъ. Тамъ—слово сокрушительное, а здѣсь—сокрушеніе; тамъ—прошеніе, а здѣсь—чувство нужды и потребность. Кто перешелъ къ чувству, тотъ безъ слова молится, ибо Богъ есть Богъ сердца. Потому это и есть предѣлъ молитвеннаго воспитанія—ставъ на молитву, переходить отъ чувства къ чувству. При семъ читаніе можетъ прекращаться, равно какъ и мышленіе, а пусть будетъ только пребываніе въ чувствѣ съ извѣстными молитвенными знаками. Такая молитва сначала приходитъ помалу. Въ церкви или дома нападаетъ чувство молитвенное... И вотъ общій святыхъ совѣтъ—не пропускать этого безъ вниманія: то-есть, когда чувство есть, прекрати всякое другое дѣланіе и стой въ немъ. Св. Лѣствичникъ говоритъ: „Ангелъ молится съ тобою“. Вниманіемъ къ этимъ проявленіямъ молитвы спѣется воспитаніе молитвы, а невниманіемъ разоряется: въ воспитаніи же и дѣло.

12) Какъ бы, впрочемъ, ни полагалъ себя кто усовершенствовавшимся въ молитвѣ, правила молитвеннаго оставлять никогда не должно, а творить его, какъ указано, и всегда начинать съ молитвы дѣятель-

ной. Съ нею должна быть умная, а за ними придетъ и сердечная. Безъ этого растеряются сіи послѣднія и человѣкъ будетъ думать, что молится, а на дѣлѣ этого не будетъ.

13) Когда молитвенное чувство взойдетъ до непрерывности, тогда начинается молитва духовная, которая есть даръ Духа Божія, молящагося въ насъ. Послѣдняя степень молитвы постигаемой. Но есть, говорятъ, еще и непостигаемая умомъ молитва, или заходящая за предѣлы сознанія (такъ у св. Исаака Сиріанина).

14) Легчайшее средство восхожденія къ непрерывности въ молитвѣ есть навыкновеніе молитвѣ Іисусовой и вкорененіе ея въ себѣ. Опытнѣйшіе мужи въ духовной жизни, Богомъ вразумленные, нашли это одно простое и вмѣстѣ вседѣйственное средство къ утвержденію духа во всѣхъ духовныхъ дѣланіяхъ, равно какъ и во всей духовной подвижнической жизни, и въ наставленіяхъ своихъ оставили подробныя о ней правила.

Трудясь и подвижничествуя, ищемъ очищенія сердца и возстановленія духа. Къ этому два пути: дѣятельный, то-есть хожденіе въ тѣхъ подвигахъ, кои указаны предъ симъ, и умозрительный — обращеніе ума къ Богу. Тамъ душа очищается и пріемлетъ Бога; здѣсь Богъ зримый сожигаетъ всякую нечистоту и приходитъ вселитися въ очищенную душу. Заключая послѣднее въ одной молитвѣ Іисусовой, Григорій Синаитъ говоритъ: „Бога стяжаваемъ или дѣланіемъ и трудомъ, или художнымъ призываніемъ имени Іисусова“, и потомъ прилагаетъ, что первый путь длительнѣе послѣдняго,

—послѣдній скорѣе и дѣйствительнѣе. Вслѣдствіе сего, иные первое между подвигами мѣсто давали молитвѣ Іисусовой. Она просвѣщаетъ, укрѣпляетъ, оживляетъ, всѣхъ враговъ, видимыхъ и невидимыхъ, побѣждаетъ и къ Богу возводитъ. Такая всемогущая и вседѣйственная! Имя Господа Іисуса — сокровище благъ, силъ и жизни въ духѣ.

Отсюда само собою слѣдуетъ, что всякому покаявшемуся, или начавшему искать Господа, можно и должно на первый же разъ и преподать полное наставленіе въ дѣланіи молитвы Іисусовой, а съ нею уже вводить и во всѣ другія, потому что этимъ путемъ скорѣе укрѣпиться можно, скорѣе прозрѣть духовно и войти до мира внутренняго. Не зная сего, иные, или большая часть—останавливаются на тѣлесныхъ и душевныхъ дѣланіяхъ и почти праздно издиваютъ труды и время.

Дѣланіе это названо „художествомъ“. И оно очень просто. Стоя сознаніемъ и вниманіемъ въ сердцѣ, произноси непрестанно: *Господи Іисусе Христе, Сыне Божій, помилуй мя*, безъ всякаго образа и лика, по вѣрѣ, что Господь зритъ тебя и внимаетъ тебѣ.

Чтобы утвердиться въ этомъ, должно назначать извѣстное время утромъ или вечеромъ, четверть, полчаса и болѣе, кто сколько можетъ, на то, чтобы только творить эту молитву. Это послѣ утренней и вечерней молитвы, стоя или сидя. Этимъ положатся начатки навыкновенію.

Потомъ днемъ поминутно напрягаться творить ее, кто что бы ни дѣлалъ.

Больше и больше будетъ стяжаться навыкъ, и она станетъ твориться какъ бы сама, при всякомъ дѣлѣ и занятіи человѣка. Чѣмъ кто рѣшительнѣе возьмется, тѣмъ скорѣе успѣваетъ.

Непремѣнно должно держать сознаніе у сердца и во время дѣланія стѣснять мало дыханіе, въ изъявленіе напряженія, съ коимъ творится.

Но условіе высшее—вѣра, что Богъ близъ и слышитъ насъ. Говори молитву въ слухъ уха Божія.

Навыкновеніе это низводитъ теплоту въ духъ, а далѣе просвѣтленіе, потомъ и восхищеніе. Но все это достигается иногда годами.

Сначала молитва эта долго есть только дѣлательная, какъ и всякое дѣланіе, потомъ переходитъ въ умность и, наконецъ, внѣдряется въ сердце.

Бываютъ уклоненія отъ праваго пути этой молитвы. Потому надо поучиться ей у того, кто знаетъ ее. Заблужденія больше отъ того, кто гдѣ вниманіемъ — въ головѣ или въ груди.

Кто въ сердцѣ, тотъ безопасенъ. Еще безопаснѣе, кто болѣзненно припадаетъ къ Богу на всякъ часъ въ сокрушеніи, съ молитвою объ избавленіи отъ прелестей.

Святые отцы подробно изложили ученіе о семъ дѣланіи. Посему, принявшемуся за это дѣло и должно ихъ прочитывать, все же другое кинуть. Лучшія наставленія: у Исихія, въ предисловіяхъ старца Василія, въ жизни Паисія; у Григорія Синаита, Филоѳея Синайскаго, Ѳеолипта, Симеона новаго богослова, у Нила Сорскаго, у священно-инока Дороѳея (русскаго).

Кто навыкнетъ сему, проходя и все прежде показанное, тотъ есть мужъ-дѣлатель христіанской жизни. Быстро онъ будетъ зрѣть въ очищеніи себя и христіанскомъ совершенствѣ и достигнетъ желаннаго мира въ богообщеніи.

Вотъ дѣланія для силъ души, съ приспособленіемъ ихъ вмѣстѣ и къ движеніямъ духа. Здѣсь видимъ, какъ каждое изъ нихъ приспособлено къ жизни духа, или чувствамъ духовнымъ. Но они же ведутъ и къ укрѣпленію начальныхъ условій внутрь-пребыванія, а именно: дѣланія умовыя — къ собранію вниманія, дѣланія воли — къ бодренности, а дѣланія сердца — къ трезвенію. Молитвованіе же или молитва покрываетъ всѣ ихъ и всѣ совмѣщаетъ; даже въ производствѣ своемъ есть не что иное, какъ внутренняя, прежде изъясненная дѣятельность.

Всѣ эти дѣланія назначены къ образованію силъ души, по духу новой жизни. Это то же, что одухотвореніе души, или возвышенія ея въ духъ и сорастворе-ніе съ нимъ. Въ паденіи они соедины на противное. Въ обращеніи возстановленъ духъ; но душа осталась съ жестокою выею непокоривости и нехотѣнія духа и духовнаго. Эти дѣланія, проникнутыя духовными стихіями, сродняютъ ее съ духомъ и сраствояютъ. Отсюда очевидно, какъ существенно они необходимы и какъ худо дѣлаютъ увольняющія себя отъ нихъ. Они сами причиною того, что у нихъ трудъ идетъ безъ плода,—потѣютъ, но не видятъ плода, затѣмъ скоро остываютъ и всему конецъ.

Но тутъ же должно помнить, что весь плодъ ихъ

отъ духа ревности и исканія. Онъ проводитъ возстановительную силу благодати чрезъ тѣ дѣланія и низводитъ въ душу оживленіе. Безъ него всѣ эти дѣланія пусты, хладны, безжизнены, сухи. Малоплодны чтенія, поклоны, службы и все другое, когда нѣтъ внутренняго духа. Это дѣланіе можетъ научить тщеславію и фарисейству и имъ однимъ поддерживаться. Посему все опадаетъ, когда встрѣтяться противности у того, кто духа не имѣетъ. Да и сами по себѣ онѣ утомлены. Духъ же передаетъ душѣ силу, по коей она сытости въ сихъ дѣланіяхъ не находитъ и желала бы въ нихъ однихъ и обращаться всегда.

Такъ-то. Крайне нужно, при сихъ дѣланіяхъ, всегда имѣть въ виду, чтобы горѣлъ духъ жизни, со смиреннымъ и болѣзненнымъ припаденіемъ къ Богу, Спасителю нашему; а это лучше всего питается и хранится молитвою и дѣланіями молитвенными. Смотрѣть надо и блюстись, чтобы на нихъ однихъ не остановиться, потому что они и для души питательны. Можно, потому, остаться душевнымъ при нихъ, съ ущербомъ для духа. Болѣе всего это случиться можетъ съ чтеніемъ и, вообще, познаніемъ и условіемъ истины.

2) Держаніе тѣла по духу новой жизни.

Отличительная черта здѣсь есть стѣсненіе плоти. Стѣснить плоть значитъ не творить ей никакого угодія въ похоти, или не творить ничего съ услажденіемъ. Ни пищи, ни питанія, ни сна, ни движенія, ни смотрѣнія, ни слышанія, ни другихъ чувствъ впечатлѣній

не принимать, такъ какъ бы это было благо, а принимать, какъ будто мимоходомъ, нѣчто стороннее, безъ вниманія къ тому, и прежде и послѣ, и даже болѣе —съ нѣкоторымъ лишеніемъ, не по мѣрѣ желанія плоти, а по мѣрѣ разума и благаго предложенія. Дай тѣлу потребное съ малымъ лишеніемъ и, оставя его, весь обратись къ душѣ. У св. отцовъ это называется бѣганіемъ покоя плоти — недуга самаго опаснаго и Богу противнаго. Кто жалѣетъ плоть, въ томъ не можетъ пребывать Духъ Божій. И частное, урывками, отъ невниманія и разлѣненія происходящее угодіе плоти охлаждаетъ. Что же сказать о тѣхъ, у коихъ плотское услажденіе стало закономъ? Упокоеніе плоти для духа есть то же, что вода для огня. Плоть—сѣдалище всѣхъ страстей, какъ учитъ Кассіянъ и какъ можно повѣрить всякому опытомъ, потому и стѣсненіе ея есть изсушеніе страстей. Кто даже въ маломъ чемъ угождаетъ плоти, тому нельзя быть внутрь; онъ — въ томъ, чѣмъ угождается плоть, потому не собранъ и, слѣдовательно, хладенъ. Душа, приникшая къ плотскому, сраствоpяется съ нимъ; отъ того бременѣетъ, тяготѣетъ къ землѣ, неспособна свободно зрѣть умомъ духовное. Напротивъ, какъ чисто зрѣніе у стѣснившаго плоть, какъ легко онъ тяготѣетъ внутрь, какъ безпріютны у него страсти, вообще — какъ оживаетъ ощутительно духовная жизнь. *Колико внѣшній сей тлѣетъ, толико внутренній обновляется по вся дни.* Плоть, если крѣпнетъ, крѣпнетъ на счетъ духа; и духъ если зрѣетъ, то зрѣетъ не иначе, какъ на счетъ утонченія плоти. Ни у одного святаго не находимъ льготной жизни: всѣ жи-

ли сурово, въ стѣсненіи, озлобленіи, изсушеніи, озлобленіи плоти. Затѣмъ у св. Исаака Сиріанина стѣсненіе плоти почитается условіемъ спасенія. Жалѣющій плоть стоитъ на пути прелестномъ, скользкомъ, обманчивомъ, мнительномъ.

Стѣснить плоть должно во всѣхъ ея частяхъ, членахъ и отправленіяхъ, чтобы представить всѣ члены ея орудіями правды.

Изъ членовъ тѣлесной нашей жизни одни—животнодушевные, ближайшія орудія душевной дѣятельности, а другіе — чисто-животные, орудія животной экономіи, питанія и ращенія. Первые болѣе имѣютъ свободы, менѣе связаны; послѣдніе связнѣе, плотнѣе, грубѣе.

Къ первымъ относятся: чувства, языкъ, движеніе; къ послѣднемъ: питаніе, сонъ половое отправленіе и разныя накожныя впечатлѣнія—теплоты, холода, мягкости и проч.

Отсюда слѣдующія правила плоти-стѣсненія:

1) Владѣй чувствами, особенно зрѣніемъ и слухомъ, свяжи движимость, держи языкъ. Кто не обуздываетъ сихъ трехъ, того внутреннее—въ расхищеніи, въ раслабленіи и плѣнѣ, того даже нѣтъ внутри; ибо это суть проходы души изнутрь вовнѣ, или окна, выстужающія внутреннюю теплоту.

2) Власть свою надъ ними выражай насиліемъ влеченіемъ къ предметамъ благопотребнымъ теперь. Прежде они неудержимо стремились туда, гдѣ могла питаться самость и болѣе главная страсть. Теперь надобно обращать ихъ туда, что созидаетъ духъ.

3) Измѣрь потребную плоти пищу, простую, здо-

ровую, взвѣсь ее мѣрою и вѣсомъ, опредѣли качествомъ и часомъ, и будь въ томъ покоенъ. То же дѣлай со сномъ. Умертви половое отправленіе изсушеніемъ плоти. Совнѣ же держи плоть въ нѣкоемъ озлобленіи, въ холодномъ, жестокомъ и проч., чтобы не было нѣжности.

4) Установивъ все, борись съ плотію, пока усмирится, и, навыкнувъ въ семъ скромномъ и озлобительномъ состояніи, станетъ безгласною рабою. Смиреніе плоти подается наконецъ. Его имѣть должно въ виду и стремиться къ нему какъ къ награды за труды. Подвигами тѣлесными вырабатываются тѣлесныя добродѣтели: уединеніе, молчаніе, пощеніе, бдѣніе, трудъ, терпѣливость въ лишеніяхъ, чистота, дѣвственность.

5) Должно впрочемъ помнить, что эта содружница присѣдитъ намъ по гробъ. Говорятъ: не вѣрь плоти,— она лукавитъ. И лишь только, по надеждѣ на ея смиреніе, послабишь, тотчасъ схватитъ тебя и одолѣетъ. Борьба съ нею погробная, но все-таки сначала труднѣйшая, а послѣ легче и легче, пока, наконецъ, останется одно вниманіе къ порядку, съ легкими ощущеніями порывовъ плоти.

6) Для прочнѣйшаго успѣха, если гдѣ, то преимущественно въ тѣлесныхъ подвигахъ необходимо соблюдать законъ постепенности. Вотъ общій совѣтъ: сначала держи плоть въ законѣ воздержанія по всѣмъ частямъ, обративъ все вниманіе на внутреннее дѣланіе. Когда начнутъ умиряться страсти, зачнется теплота въ сердцѣ, тогда, по мѣрѣ возвышенія внутренняго

жара, потребности тѣла сами ослабнутъ и какъ бы естественно начнутся великіе тѣлесные подвиги.

7) Главнѣйшіе тѣлесные подвиги, стѣсняющіе плоть: пощеніе, бдѣніе, трудъ, чистота. Послѣднее дѣйственнѣе всѣхъ, нужнѣе и потребнѣе. Потому дѣвство есть скорѣйшій путь къ христіанскому совершенству. Безъ него ни такой крѣпости, ни такихъ даровъ нельзя стяжать человѣку. Должно только помнить, что кромѣ тѣлесной, есть душевная чистота, которой можетъ и не быть въ сохранившемъ по гробъ тѣлесную. Она значительнѣе тѣлесной. Посему и супружники, до извѣстной мѣры, могутъ приближаться къ дѣвственникамъ чрезъ чистоту душевную. Труднику, Богу преданному, благодать помогаетъ. Посему-то и супружниковъ видимъ обладающихъ совершенствами духа.

3) Порядокъ внѣшней жизни по духу жизни новой.

Все относящееся къ порядку внѣшней жизни, по духу жизни новой, можно назвать удаленіемъ отъ міра, или изгнаніемъ духа мірскаго изъ всего теченія нашей внѣшней жизни. *Азъ избрахъ вы отъ міра*, то-есть изъялъ: это сказалъ Господь апостоламъ. То же творитъ Онъ божественною благодатію и со всякимъ вѣрующимъ: изъемлетъ духъ его изъ міра. Да и самое обращеніе состоитъ въ отвращеніи сознанія отъ суетнаго міра и разверстіи предъ нимъ міра инаго—духовнаго. Но что въ началѣ совершилось въ духѣ невидимо, то потомъ, въ жизни, должно быть исполняемо дѣ-

ломъ стать постояннымъ правиломъ. Ищущему Господа надобно удалиться отъ міра.

Подъ міромъ разумѣется все страстное, суетное, грѣховное, вошедшее въ жизнь частную, семейную и общественную и ставшее тамъ обычаемъ и правиломъ. Потому удалиться отъ міра не то значитъ, чтобы бѣжать отъ семейства или отъ общества, а оставить нравы, обычаи, правила, привычки, требованія, совершенно противоположныя духу Христову, принятому и зрѣющему въ насъ. Гражданство и семейство—благословенны у Бога; потому не должно отрѣшаться отъ нихъ, или презирать, равно какъ и все, принадлежащее къ ихъ существенному благоустроенію. Но все пришлое къ нимъ, прихотное, похотное и страстное, какъ наростъ вредящій и искажающій ихъ, должно презрѣть и отвергнуть. Убѣжать отъ міра, значитъ, установить себя въ истинной семейственности и гражданственности; все же другое сдѣлать такъ, чтобъ оно было какъ бы не наше, не насъ касалось. *Требующіе міра сего, яко не требующе* (1 Кор. 7, 31).

Почему такъ должно сдѣлать, очевидно само собою. Суетное, страстями пропитанное, неминуемо, передаетъ въ душу нашу то же, возбуждаетъ, или прививаетъ страсть. Какъ ходящій около сажи очерняется, или касающійся огня опаляется; такъ участвующій въ мірскомъ пропитывается страстнымъ, богопротивнымъ. Потому, попавшись въ міръ, покаявшійся снова падаетъ, а невинный развращается. Это неизбѣжно. Тотчасъ омрачается умъ, рождается забвеніе, ослаба,

плѣнъ и расхищеніе, а тамъ и уязвленіе сердца, за нимъ страсть и дѣло, — и человѣкъ палъ. Свидѣтели тому всѣ исторіи развращеній; равно какъ и свидѣтели того, сколь неизбѣжно и необходимо все то оставить, суть всѣ обратившіеся, которые бѣгутъ всѣхъ этихъ обычаевъ, какъ огня.

А что именно оставить и какъ, тому учитъ болѣе опытъ, нежели наше писаніе.

Законъ такой: оставить должно все, что опасно для новой жизни, что возгрѣваетъ страсть, наноситъ суету и погашаетъ духъ; а во всемъ этомъ сколько разнообразія!... Мѣрою тому пусть будетъ собственное сердце каждаго, искренно ищущаго спасенія безъ лукавства, не на показъ только. Въ настоящее время театры, балы, танцы, музыка, пѣніе, разъѣзды, прогулки, знакомства, шутки, остроты, смѣхи, праздное провожденіе времени и даже время вставанія, сна, вкушенія пищи и проч. — все надо отмѣнить и измѣнить. Въ другія времена и въ другихъ мѣстахъ можетъ быть и другое. Но мѣра всегда одна: оставь, что вредно и опасно для жизни, что погашаетъ духъ. Но что-же именно? У инаго можетъ быть самое мелочное, можетъ быть даже прогулка по извѣстному мѣсту, съ извѣстнымъ лицомъ... *Вся ми суть, но не вся на пользу* (1 Кор. 6, 12).

Отсюда слѣдуетъ, что оставить міръ есть не что иное, какъ перечистить всю свою внѣшнюю жизнь, устранить изъ нея все страстное, замѣнить чистымъ, не мѣшающимъ духовной жизни, а помогающимъ ей — въ жизни семейной, частной, общественной; установить

вообще образъ внѣшняго своего поведенія дома и внѣ, съ другими и по должности; по требованію духа новой жизни, опредѣлить все правилами, установить порядокъ въ домѣ по всѣмъ частямъ, порядокъ по должности, порядокъ знакомства и сношеній съ кѣмъ, когда и какъ.

Какъ это сдѣлать? — Какъ кто можетъ, только сдѣлай, съ совѣта и разсужденія, по руководству отца духовнаго, или того, къ кому есть довѣріе. Иные дѣлаютъ это вдругъ и, кажется, лучше, а иные исподоволь. Должно только съ первой же минуты все мірское и грѣховное возненавидѣть сердцемъ и быть для него чуждымъ, не хотѣть того и не услаждаться тѣмъ. *Не любите міра, ни яже въ мірѣ.* За этимъ внутреннимъ оставленіемъ міра оставленіе видимое можетъ послѣдовать и вдругъ, и исподоволь. Человѣкъ слабый въ духѣ не снесетъ продолжительнаго, не устоитъ, разслабѣетъ и падетъ. Таковы особенно обладаемые страстьми плотскими, кои получаютъ силу второй природы. Посему такимъ людямъ неизбѣжно вдругъ отстать отъ всего, удалиться отъ того мѣста, гдѣ валялись въ грѣхѣ. Человѣкъ съ сильнымъ духомъ ревности снесетъ, если и исподоволь; но все же и для того и для другаго, съ первой минуты обращенія, совершенно необходимо прекращеніе всякаго сношенія съ грѣховнымъ міромъ и всѣмъ мірскимъ, пока установятся формы новой жизни. Это будетъ то же, что пересаженное дерево отгородить отъ вѣтра, который, и несильный, можетъ повалить его, по причинѣ слабаго еще укорененія.

Мысль, будто можно и жить по-христіански, и держаться міра и свѣтскости, есть мысль пустая, прелестная. Кто живетъ по ней, тотъ ничему болѣе не научится, какъ фарисейству и жизни мнительной, то-есть только во мнѣніи своемъ будетъ христіанинъ, на дѣлѣ же нѣтъ. Сначала онъ будетъ разорять одною рукою то, что созидалъ другою, то-есть что собрано въ удаленіи отъ міра, то опять расхитится при первомъ въ него вступленіи; а отъ этого—прямой переходъ къ мнѣнію. Потерянное изъ сердца можетъ еще оставаться въ памяти и воображеніи. Теперь, припоминая и воображая, какъ оно было прежде, человѣкъ можетъ думать, что и на самомъ дѣлѣ оно есть, между тѣмъ какъ оно испарилось, и остался одинъ слѣдъ его въ памяти. И будетъ мнить, что имѣетъ то, чего на дѣлѣ нѣтъ. Вотъ ему судъ: *еже мнится имѣя, взято будетъ отъ него* (Матѳ. 25, 29). Отъ мнѣнія же одинъ шагъ къ фарисейству. Закаленное же фарисейство есть ужасное состояніе.

Страшно, однако-же; какъ же быть, оставя міръ? Это страшно только снаружи, внутри же оставленіе міра есть вступленіе въ рай. Совнѣ—тотчасъ озлобленія, скорби, потери: что-же?—скрѣпи себя терпѣніемъ. Что дороже: міръ или душа, время или вѣчность? Отдай малое—и возьми неизмѣримое по всѣмъ измѣреніямъ. Бываетъ, впрочемъ, и такъ, что сильный натискъ отъ міра бываетъ только въ началѣ, потомъ стихаетъ, стихаетъ, и оставившій міръ оставляется въ покоѣ, ибо въ мірѣ рѣдко кѣмъ дорожатъ,—поговорятъ, поговорятъ, а тамъ и забудутъ. Съ оставляющими

міръ—то же, что и съ мертвыми. Потому можно и не такъ страшится непріязни міра, ради его суетливости и гордости,—ради того, что онъ любитъ наличное, а другое забываетъ. Онъ—зрѣлище: занятъ только или держитъ въ себѣ тѣхъ, кои въ немъ, до другихъ же ему мало дѣла.

Такимъ бразомъ, то занятіями, обращенными на созиданіе силъ души, то стѣсненіемъ плоти, во всѣхъ ея частяхъ, особенно тѣхъ, кои суть ближайшіе органы души, то перечищеніемъ внѣшняго порядка, человѣкъ ищущій хорошимъ и прочнымъ оплотомъ обезопаситъ свое внутреннее. Укрѣпившись внутрь первыми духовными и душевными занятіями въ уединеніи, при стѣсненіи плоти, исходитъ онъ къ дѣламъ семейнымъ или гражданскимъ, или общежительнымъ, къ дѣламъ чистымъ и спасительнымъ, по волѣ Божіей, и всѣмъ тѣмъ созидается въ духѣ, или, по крайней мѣрѣ, не расхищается.

Одно еще можетъ его развлекать—это непрестанное видѣніе и слышаніе вещей—то мірскихъ, то простыхъ, кои потому только, что дѣйствуютъ на душу, извлекаютъ ее чрезъ вниманіе къ себѣ вонъ и расхищаютъ. Еслибы заградить и эти отверстія, то покой внутрь былъ бы ненарушимъ. Очевидно, надежнѣйшее и рѣшительнѣйшее къ тому средство есть загражденіе чувствъ; но это не всякому можно и должно. Потому св. отцами изобрѣтено спасительное средство: и подлежать впечатлѣнію внѣшнихъ вещей, и не развлекать, а созидать духъ. Оно состоитъ въ томъ, чтобы всякой вещи, всему видимому и слышимому дать духовное

знаменованіе и до того укрѣпиться въ помышленіи о семъ духовномъ знаменованіи, чтобы, при взглядѣ на вещь, не она касалась сознанія, а ея знаменованіе. Кто сдѣлаетъ это для всего встрѣчаемаго, тотъ постоянно будетъ ходить какъ въ училищѣ... И свѣтъ и тма, и человѣкъ и звѣрь, и камень и растеніе, и домъ и поле, и все—все до малѣйшаго будетъ урокомъ ему; надлежитъ только истолковать себѣ и укрѣпиться въ томъ. И какъ это спасительно!... „Что ты плачешь?“ спрашивали ученики у старца, увидѣвшаго красивую, разряженную женщину.—„Плачу, отвѣчалъ онъ, о погибели твари Божіей разумной и о томъ, что не имѣю такого радѣнія о душѣ во спасеніе, какъ она о тѣлѣ на пагубу“... Другой, услышавъ плачъ жены на могилѣ, сказалъ: „такъ христіанинъ долженъ плакать о грѣхахъ своихъ“.

4) Благодатныя средства воспитанія и укрѣпленія духовной жизни.

Таковы подвиги, коими душа, тѣло и наше внѣшнее поведеніе образуются по духу новой жизни, послѣ того, какъ духъ, благодатію Божіею, оживотворяется въ обращеніи, восходя до рѣшимости и обѣта и запечатлѣнія ихъ св. таинствами. Но какъ вначалѣ ненадежно бываетъ обращеніе къ Богу, если его не запечатлѣютъ благодатію чрезъ таинства, то и во все послѣдующее время непрочно бываетъ ревнованіе, безсильно усердіе, слаба воля, жизнь тоща, если кто не обновляется чрезъ божественныя таинства, исповѣди и св. причащенія. Жизнь христіанская, свидѣтельству-

емая усердіемъ, есть жизнь благодатная: слѣдовательно, къ храненію, питанію и возгрѣванію ея самымъ могущественнымъ средствомъ должно быть привлеченіе и пріятіе божественной благодати. Есть особыя стихіи, питающія животную нашу жизнь; есть также стихіи, питающія и жизнь духовную. Это—таинство.

Собственно къ питанію и возвышенію духовной нашей жизни дано Господомъ таинство тѣла и крови. *Азъ есмь хлѣбъ животный*, сказалъ Господь: *плоть Моя истинно есть брашно и кровь Моя истинно есть пиво*: посему *ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки*. Жизнь духовная есть слѣдствіе общенія съ Господомъ: внѣ Его и безъ Него нѣтъ у насъ жизни истинной. Но Онъ говоритъ: *ядый Мою плоть, и піяй Мою кровь, во Мнѣ пребываетъ и Азъ въ немъ... Азъ живу Отца ради, и ядый Мя живъ будетъ Мене ради*: то-есть общеніе съ Господомъ дѣйствуется чрезъ причастіе тѣла и крови. Жизнь духовная истинная—сильна, многодѣльна и многоплодна. Но *безъ Мене*, говоритъ Господь, *не можете творити ни чесоже*. Кто *во Мнѣ, плодъ много сотворитъ*. *Во Мнѣ же пребываетъ ядый Мя*. Изъ всего сего слѣдуетъ, что *аще не снѣсте плоти Сына человѣческаго, ни піете крове Его, живота не имате въ себѣ... Ядый хлѣбъ сей живъ будетъ во вѣки*.

Вотъ благодатный источникъ сохраненія и укрѣпленія нашей духовной жизни! Посему, съ самаго начала христіанства, истинные ревнители благочестія поставляли первымъ благомъ частое пріобщеніе. При апостолахъ оно всюду: христіане всѣ пребываютъ въ молитвахъ и ломленіи хлѣба, то-есть причащаются.

Василій Великій, въ посланіи своемъ къ Кесарію, говоритъ, что спасительно причащаться тѣла и крови на всякъ день, а о своемъ житіи пишетъ: „мы причащаемся четыре раза въ недѣлю“. И это общее мнѣніе всѣхъ святыхъ, что нѣтъ спасенія безъ причащенія, и нѣтъ преспѣянія въ жизни безъ частаго причащенія *).

Но Господь—источникъ жизни, оживляющій причащающихся Его, есть вмѣстѣ и огнь поядающій. Достойно причащающійся вкушаетъ жизнь, а причащающійся недостойно вкушаетъ смерть. Хотя смерть эта не послѣдуетъ видимо, но невидимо всегда совершается въ духѣ и сердцѣ человѣка. Недостойно причащающійся отходитъ—какъ головня изъ огня, или желѣзныя выгарки. Въ самомъ тѣлѣ или полагается сѣмя смерти, или она тутъ же случается, какъ это было въ церкви Коринѳской. по замѣчанію апостола. Посему, причащаясь, должно приступать къ тому со страхомъ и трепетомъ и довольнымъ приготовленіемъ.

Приготовленіе сіе состоитъ въ очищеніи совѣсти своей отъ мертвыхъ дѣлъ. *Да искушаетъ себе*, учитъ апостолъ, *всякъ, и тако отъ хлѣба да ястъ и отъ чаши да піетъ*. Исповѣдь, съ возненавидѣніемъ грѣха и обѣтомъ всячески удаляться отъ него, дѣлаетъ духъ человѣка сосудомъ, способнымъ вмѣстить невмѣстимаго Бога, по Его благодати. Рѣшительность и обѣтъ суть мѣсто, въ коемъ Господь общится съ нами въ пріобщеніи, ибо оно только одно и бываетъ чисто, все же прочее въ насъ нечисто. Посему никто достойно не

*) Мнѣніе ихъ смотр. Доброт. ч. 2. Кал. и Иги., гл. 92.

проходитъ, а только Господомъ, по благодати, считаются достойными, ради исповѣди и сокрушенія, обѣта.

Этимъ все можно было бы и ограничить: исповѣдайся достойно — и будешь достойный причастникъ. Но исповѣдь и сама есть таинство, требующее достойнаго приготовленія, и, сверхъ того, къ совершенству своему требуетъ особенныхъ дѣйствій, чувствъ и расположеній, которыя не могутъ быть совершены и явлены вдругъ, а требуютъ времени и нѣкоторымъ образомъ исключительнаго ими занятія. Посему оно всегда было совершаемо по извѣстному чину, съ предварительными дѣлами и упражненіями, къ нему приготовляющими, кои способствуютъ то къ лучшему познаванію грѣховъ, то къ возбужденію и явленію сокрушенія о нихъ, то ограждаютъ крѣпость обѣта. Всѣ они въ совокупности составляютъ *говѣніе*.

Отсюда слѣдуетъ, что для возвышенія и укрѣпленія благодатной жизни чрезъ таинства нужно учреждать говѣніе со всѣми его принадлежностями,— исповѣдаться и, приготовившись такимъ образомъ, достойно причаститься св. таинъ. Надлежитъ, то-есть, учреждать говѣніе, или, лучше, принимать на себя говѣніе, потому что оно учреждено уже у насъ св. церковію. Четыре поста съ тою цѣлію и установлены, чтобы въ нихъ ревнующіе о благочестіи говѣли, исповѣдались и причащались. Потому и должно положить правиломъ —ищущему совершенства четыре раза въ годъ говѣть, во всѣ большіе посты. Такъ и написано въ „Православномъ Исповѣданіи“. Впрочемъ, этимъ не стѣсняется усердіе говѣть чаще и даже непрестанно; равно

какъ не налагается, какъ иго, на немогущихъ, по обстоятельствамъ своимъ, исполнить этого. Только надобно такъ: все употреби отъ тебя завясящее, чтобы поговѣть четыре раза въ годъ. Для мірянъ четыре раза—мѣра скромная, средняя и, какъ испытано, очень спасительная. Дѣлающій такъ не выдается изъ круга другихъ, потому и кичить не будетъ, какъ превысившій ихъ. Можно, впрочемъ, въ постъ Великій и Рождественскій говѣть по дважды—въ началѣ и въ концѣ. Вотъ и составится всѣхъ шесть говѣній.

Говѣніе должно отличать отъ пощенія, или достойнаго, по уставу церкви, провожденія постовъ. Оно есть часть поста, но отличается отъ него большею строгостію касательно пищи и сна и тѣмъ, что всегда соединяется съ другими благочестивыми занятіями, каковы: прекращеніе житейскихъ заботъ, и дѣлъ, сколько можно, чтеніе, кто можетъ, св. книгъ, неопустительное хожденіе въ церковь на положенныя службы и проч. Вообще, это время исключительно посвящается благочестивымъ занятіямъ, кои всѣ направляются къ тому, чтобы достодолжно принесть покаяніе и исповѣдь и потомъ причаститься.

Такимъ образомъ очевидно, что во всемъ составѣ говѣніе есть перечистка всей жизни, возстановленіе всего ея строя, возочищеніе цѣлей, возобщеніе съ Господомъ, обновленіе духа и всего нашего существа. Это—то же, что измовеніе зачернѣвшаго платья, или омытіе въ банѣ послѣ дороги. Христіанинъ—въ пути и, при всей осторожности, не укроется отъ пыли—помысловъ страстныхъ и пятенъ хрѣхопаденій. Какъ бы

ни было мала нечистота, но она то же, что порошинка въ глазу, или песчинка въ часахъ,— глазъ не смотритъ, часы не идутъ. Потому неизбѣжно отъ времени до времени перечищать себя. Какъ мудро потому у насъ устроено въ церкви и какъ спасительно повиноваться со смиреніемъ такому учрежденію!

Вотъ значеніе говѣнія! Оно—средство къ питанію, возгрѣванію и храненію въ насъ жизни; но, главное, оно—тщательный пересмотръ жизни, паденій, ихъ причинъ, и установленіе средствъ избѣгать ихъ. Когда грѣхи познаны, сокрушеніемъ и непріязнію извержены изъ сердца, исповѣдію съ обѣтомъ омыты, тогда сосудъ готовъ. Въ причащеніи приходитъ Господь и общится съ духомъ достойнаго, который чувствовать долженъ: *не убо есмь единъ, но съ Тобою.*

Приближеніе къ непрерывному говѣнію.

Говѣніе однократно, но духъ говѣтельный должно возвести до непрерывно дѣйствующаго; а для сего нужно употреблять своего рода упражненія, способствующія къ укорененію его.

Такъ какъ въ говѣніи содержатся три дѣла освящающихъ: пощеніе, исповѣдь и причащеніе, то сіи три и должно возводить къ непрерывности возможной, или возможному учащенію. Для сего должно:

а) Касательно говѣнія.

1) Соблюдать всѣ посты великіе, или время постовъ проводитъ въ пощеніи, то-есть болѣе чѣмъ въ

воздержаніи, чтобы сама плоть чувствовала ущербъ, недостатокъ, приболѣзненность. На говѣніе назначается извѣстное число дней поста, когда оставляются дѣла и все обращается исключительно на очищеніе совѣсти; въ пощеніи дѣла идутъ тѣмъ же порядкомъ, постъ умаляется и другія занятія опредѣляются возможностію. Одно удрученіе плоти съ прекращеніемъ всѣхъ утѣхъ, какъ прилично времени сѣтованія, то облегчаетъ духъ, то привлекаетъ милость Божію. Какое посему въ этомъ сильное средство къ одуховленію!

2) Соблюденіе поста въ среды и пятницы. Это отъ времени до времени сильно напоминаетъ человѣку, что онъ не на свободѣ, а въ рабствѣ, подъ тяготою, укрощаетъ разливъ чувственности, отрезвляетъ и подаетъ бодрость; это есть какъ бы прерывающееся на малое время обузданіе коня яраго уздою и браздами.

3) И, кромѣ того, произвольное назначеніе пощенія и въ другіе дни, особенно въ понедѣльникъ, какъ это въ обычаѣ. Иные отказываютъ себѣ въ извѣстнаго рода пищѣ и постоянно вкушаютъ постную, иные черезъ день, и проч. Есть разные виды пощенія, и всѣ полезны и совѣтуются по мѣрѣ силъ и усердія.

б) Касательно исповѣди.

1) Всякій грѣхъ, тяготящій совѣсть, спѣшить очистить покаяніемъ, не ожидая опредѣленнаго времени говѣнія. Хорошо и дня одного не держать его на душѣ, а еще лучше ни часа, ибо грѣхъ отгоняетъ благодать, лишаетъ дерзновенія и молитвы, черствитъ и охлаж-

даетъ тѣмъ болѣе, чѣмъ долѣе держится. Извергенный же черезъ покаяніе оставляетъ умиляющую росу слезъ.

2) Всякій день, отходя ко сну, творить частную исповѣдь ко Господу, въ коей все грѣховное—въ помыслахъ, пожеланіяхъ, движеніяхъ, движеніяхъ страстныхъ, равно все нечистое въ дѣлахъ правыхъ открывается Богу, въ чувствѣ покаянія, какъ такое, что хоть и противъ будто бы воли творится, однако же есть въ насъ и дѣлаетъ насъ нечистыми и непотребными передъ Богомъ и собственнымъ чувствомъ чистоты и совершенства. Ложась спать, отходить какъ бы на тотъ свѣтъ; исповѣдь приготовляетъ къ тому. Во время сна стяжанное днемъ обращается въ природу нашу,—должно перечистить его и непотребное отвергнуть съ сокрушеніемъ; чисто все за тѣмъ бываетъ.

3) Творить ежеминутно исповѣдь, то-есть всякій помыселъ, всякое пожеланіе, чувство и движеніе порочное и нечистое тотчасъ, по сознаніи исповѣдать Богу всевидящему, съ сокрушеніемъ духа, и просить въ томъ прощенія и силы избѣжать впредь; равно какъ и очиститься въ эту минуту отъ скверны. Это дѣланіе весьма спасительно. Оно то же, что протирать глаза, идя противъ пыли; оно требуетъ строгаго вниманія сердца. Собранный же уже всегда усерденъ и ревностенъ. Напротивъ, оставляя помыслы и пожеланія неизверженными сокрушеніемъ и покаяніемъ, рану оставляютъ въ сердцѣ. А сколько бываетъ незамѣченныхъ ранъ, сколько прираженій! Не диво, послѣ сего, охлажденіе и паденіе. Помыселъ къ помыслу легче

родитъ пожеланіе, пожеланіе къ пожеланію—согласіе, а тамъ ужъ и прелюбодѣйство внутреннее и паденіе. Непрестанно же кающійся все возочищаетъ себя и расчищаетъ себѣ дорогу.

4) Имѣть откровеніе, то-есть всякое недоумѣніе, смущеніе или новое разумѣніе свое открывать другому единомысленному, или отцу своему духовному съ тѣмъ, чтобы тотъ рѣшалъ и опредѣлялъ достоинство и произносилъ судъ. Этимъ избѣгаются застои и уклоненія, пріобрѣтается навыкъ самолично рѣшать и, слѣдовательно, сохраняется время истрачиваемое иногда на пустое мечтаніе. А главное есть непрекращаемая безопасность, твердость убѣжденія непоколебимая, съ которою въ связи и твердость воли и прочность дѣйствованія.

Всѣми сими дѣяніями исповѣдь дѣйствительно становится непрерывною. Духъ держится въ сокрушеніи, въ умиленіи, самоуничиженіи, молельномъ припаданіи, — стало-быть живетъ. Это изъ всѣхъ дѣланій самое пригожее къ храненію духа ревности, жара усердія, такъ что у иныхъ все дѣланіе ограничивалось, какъ для себя, такъ и для другихъ, однимъ: кайся поминутно и плачь о грѣхахъ.

в) Касательно причащенія.

1) Бывать, сколько возможно чаще, на литургіи и, во время ея совершенія, стоять въ крѣпкой и свѣтлой вѣрѣ въ совершаемую тогда жертву Божію. Таинство тѣла и крови есть божественная для хри-

стіанъ пища и есть жертва. Причащаются на литургіи не всѣ и не всегда, но жертва приносится отъ всѣхъ и за всѣхъ. Всѣ потому и должны участвовать въ ней. Участвуютъ же вѣрою, болѣзненнымъ сокрушеніемъ о грѣхахъ, самоуничиженнымъ припаданіемъ ко Господу, жрущему Себя, какъ агнца, за животъ міра. Одно живое созерцаніе сего таинства сильно оживляетъ и возбуждаетъ духъ. Вѣра же и сокрушеніе всегда приносятъ очищеніе грѣховъ, а нерѣдко и сокровенное прикосновеніе Господа къ сердцу христіанина, услаждающее его и оживляющее, какъ бы причащеніе въ духѣ.

Подобное прикосновеніе слаще меда и сота и крѣпительнѣе всѣхъ крѣпительныхъ средствъ духовныхъ. Но должно помнить, что оно вполнѣ есть даръ Божій. Когда, кому и какъ даровать его — это зависитъ отъ Самого Господа. Христіанину должно принимать его съ благоговѣніемъ и радостію и торжествовать, если подается; но не напрягаться на него, не изобрѣтать способовъ къ тому даже лучше не довѣрять, бываетъ ли оно, или то ли оно, что бываетъ. Это—для избѣжанія киченія и предотвращенія прелести.

2) Если нельзя быть въ храмѣ, то не пропусти часа священной и божественной жертвы безъ воздыханія и обращенія къ Богу; если можно, стань на молитву и сотвори нѣсколько поклоновъ. Что-либо страшное въ природѣ заставляетъ содрогаться всю тварь: громъ, напримѣръ, сотрясеніе земли, буря. Въ минуту божественной жертвы въ храмѣ совершается дѣло страшнѣйшее, величайшее на землѣ и на небѣ; но совершается невидимо, духовно, предъ лицомъ безпре-

дѣльнаго Бога Тріединаго, св. ангеловъ, всего сонма небесной церкви, предъ окомъ вѣры всѣхъ подвизающихся и живущихъ на землѣ,—невидимо, тѣмъ не менѣе, однако-же, дѣйствительно. Потому-то вѣрующему не должно пропускать этихъ минутъ безъ вниманія. Но когда онѣ помнятся, то самымъ этимъ памятованіемъ разогрѣвается духъ и восхищается къ Богу, чѣмъ и привлекается благодать.

Вотъ какъ дѣланія говѣнія могутъ приближаться къ непрерывности, чтобы, вмѣстѣ съ дѣланіемъ внутреннимъ, въ постоянномъ напряженіи и силѣ содержать жаръ ревности и духъ искательный, а помощію его и всѣ подвиги душевно-тѣлесные претворять въ спасительныя средства къ возвращенію и укрѣпленію внутренняго нашего человѣка.

Таковъ общій порядокъ правилъ руководительныхъ. Будучи основанъ на существѣ жизни, онъ существенно необходимъ для всякаго, кто ищетъ Господа. Но здѣсь указаны только начала, духъ и сила правилъ: напримѣръ, въ отношеніи къ тѣлу—неугодіе плоти, во всѣхъ отправленіяхъ тѣла; или ко внѣшнему удаленіе отъ всего, духомъ страстей напитаннаго, обязаніе души по всѣмъ силамъ и хожденіе подъ вліяніемъ благодатныхъ средствъ. Это суть существенныя точки подвижнической дѣятельности. Что же касается до приложенія сихъ началъ, то, по многоразличному состоянію лицъ, оно должно быть многоразлично и одного въ этомъ случаѣ правила положить никакъ нельзя. Напримѣръ, для уврачеванія ума надлежитъ напечатлѣть въ немъ божественныя истины, по разу-

мѣнію св. церкви. Это можетъ быть сдѣлано чтеніемъ, слушаніемъ и собесѣдованіемъ и заимствуемо изъ слова Божія, ученія отеческаго, житій святыхъ и проповѣдей. Духовный отецъ уже долженъ смотрѣть, какой кому приличнѣе способъ и какъ его можно исполнить. Какъ кто это можетъ сдѣлать, только сдѣлай. Потому, единичное само по себѣ, подвижничество вовнѣ является въ безконечно-разнообразныхъ формахъ. Только содержать должно, что тотъ духовный отецъ есть губитель души и убійца, который гаситъ духъ ревности различными послабленіями и индульгенціями, или успокоиваетъ и усыпляетъ стоящихъ въ охлажденіи, ибо одинъ есть путь—тѣсный и прискорбный.

Полнѣйшее всего этого и успѣшнѣйшее исполненіе принадлежитъ монашеству. Это образъ жизни, въ лучшемъ, чистѣйшемъ и совершеннѣйшемъ видѣ осуществляющій требованія подвижничества, именно по духу. Онъ есть трудный и покаянный; всегда состоитъ изъ руководящихъ и руководимыхъ; самымъ дѣломъ удаленъ отвнѣ, самымъ дѣломъ связанъ въ потребностяхъ тѣла; представляетъ самое большое пространство приложенія упражненій, чтеній, богослуженія, молитвованія, послушанія; особенно приспособленъ къ дѣятельному искорененію страстей и въ общемъ порядкѣ —чрезъ нестяжательность, строгость, непокой, несебявидѣніе,—и въ частномъ подъ руководителемъ. Затѣмъ у внимательнаго монаха скоро зрѣетъ внутреннее тяготѣніе къ Богу, ради рѣшительнѣйшаго самопожертвованія и отрѣшенія отъ всего, ради большей воз-

можности пребывать въ себѣ и ради многопитанія духомъ молитвы. Посему внимательный скоро восходитъ здѣсь къ безмолвію, уединенію ума и отходитъ на покой.

3) Правила брани со страстями, или начала самопротивленія.

Пребываніе въ показанномъ порядкѣ есть сильное и могучее средство къ истребленію страстности, очищенію и исправленію нашему. Пребывая въ немъ сознаніемъ и свободою, человѣкъ тѣмъ самымъ, что оставляетъ какъ бы въ сторонѣ страстность, губитъ ее, не давая ей пищи, или покрывая ее какъ гнетомъ, показанными правилами на всемъ протяженіи своихъ силъ и своей дѣятельности. Заглушаемыя такимъ образомъ страсти тухнутъ, какъ свѣча подъ сосудомъ. Однако-же этою одною положительною дѣятельностію ограничиваться нѣтъ никакой возможности. Установляются правила, какъ цѣленія для сихъ попорченыхъ и пропитанныхъ страстностію. Тою же силою которая во *злѣ*, надлежитъ теперь дѣйствовать въ *добрѣ*. Потому нельзя не встрѣчаться со зломъ въ самомъ первомъ началѣ и зарожденіи дѣятельности, въ первомъ движеніи силъ. Если нельзя быть вмѣстѣ добру и злу и отъ насъ требуется чистое добро, безъ всякой примѣси зла, то слѣдуетъ во всякомъ дѣлѣ прогнать зло, чтобы начать и свершать чистое добро. Такимъ образомъ, въ непрерывной связи съ прямымъ положительнымъ занятіемъ силъ всегда стоитъ непрямое направленіе къ

прогнанію зла и страстности, возстающіе въ нихъ, иначе *борьба со страстьми и похотьми*. Самое установленіе себя въ показанныхъ подвигахъ и пріученіе къ нимъ достигается чрезъ борьбу и брань, чрезъ побѣду искушеній и соблазновъ. Кто былъ постникъ безъ борьбы съ чревомъ, или истинно дѣтски вѣрующимъ безъ одолѣнія своеумія и самопоставленія? И это не въ чемъ-либо одномъ, но на всемъ протяженіи положительной дѣятельности, начиная отъ исходища внутреннѣйшаго до послѣдняго края ея въ удаленіи отъ міра. Всюду брань, такъ что показанный порядокъ, будучи возстановителемъ силъ и естества, есть вмѣстѣ и поприще духовной брани непрерывной. Побѣди неестественное въ силѣ, тогда она поступитъ въ естественное: отжени, отрѣй зло,—увидишь добро. Подвижничество есть непрестанная побѣдность.

Возможность, основаніе, условіе всѣхъ внутреннихъ побѣдъ, есть первая побѣда надъ собою—въ переломѣ воли и въ преданіи себя Богу, съ непріязненнымъ отверженіемъ всего грѣховнаго. Тутъ зародилась нелюбовь къ страстности, ненависть, непріязнь, которая и есть военная духовная сила и одна замѣняетъ собою всю рать. Гдѣ нѣтъ ея, тамъ безъ брани побѣда уже въ рукахъ врага; напротивъ того, гдѣ есть, тамъ побѣда уступается намъ нерѣдко безъ брани. Отсюда видно, что какъ исходная точка положительной дѣятельности есть наше внутреннѣйшее, такъ оно же есть исходная точка и брани, только другою стороною. Сознаніе и произволеніе, переходя на сторону добра, съ возлюбленіемъ его, поражаетъ ненавистію всякое

зло и всю страстность, и притомъ именно свою. Въ этомъ собственно и состоитъ переходъ, переломъ. Потому сила, борящаяся со страстьми, есть также умъ или духъ, въ коемъ сознаніе и свобода, — духъ, держимый и укрѣпляемый благодатію. Чрезъ него, какъ мы видѣли, цѣлительная сила проходитъ къ силамъ сквозь подвиги; чрезъ него же сила, поражающая, разрушительная, проходитъ къ страстямъ въ бореніи. И обратно: когда страсти возстаютъ, то мѣтятъ прямо на умъ, или духъ, то-есть на покореніе сознанія и свободы. Онѣ—во святилищѣ нашего внутренняго, куда врагъ чрезъ страсти пускаетъ свои разженныя стрѣлы изъ душевно-тѣлесности, какъ изъ засадъ. И пока цѣлы сознаніе и свобода, то-есть стоятъ на сторонѣ добра, то какъ бы ни было велико нападеніе, побѣда наша.

Этимъ однако-же не утверждается, будто вся сила побѣды отъ насъ, а показывается только исходище. Точка опоры для брани есть нашъ возстановленный духъ; сила же побѣдительная и разрушительная для страстей есть благодать. Она въ насъ одно созидаетъ, а другое разоряетъ, — но опять чрезъ духъ, или сознаніе и произволеніе. Борющійся съ воплемъ повергаетъ себя Богу, жалуясь на враговъ и ненавидя ихъ, и Богъ въ немъ и чрезъ него прогоняетъ ихъ и поражаетъ. *Дерзайте,* говоритъ Господь, *яко Азъ побѣдихъ міръ* (Іоан. 16, 33). *Вся могу о укрѣпляющемъ мя Христѣ,* исповѣдуетъ апостолъ (Филип. 4, 13),— точно такъ, какъ безъ Него мы ничего не можемъ. Кто хочетъ побѣдить самъ, тотъ несомнѣнно падетъ или въ

ту страсть, съ коею борется, или въ побочную. Предавши же себя Богу, словно изъ ничего стяжаетъ побѣду. Этимъ опять-таки не отвергается свое противодѣйствіе, а показывается только, что, при всемъ противодѣйствіи, успѣхъ его или побѣда никогда не можетъ быть нашею, а если есть она, то всегда отъ Бога. Потому-то всевозможно противоборствуй и борись, но не оставляй возлагать всю печаль свою на Бога живаго, Который говоритъ: „съ тобою есмь въ день золъ,—не бойся".

Какъ же долженъ дѣйствовать теперь человѣкъ, или какіе вообще способы пригодны къ покоренію страстей? Чтобы опредѣлить это нужно разсмотрѣть и указать всѣхъ враговъ его, а равно и то, въ какихъ видахъ они являются и дѣйствуютъ; отсюда само собою опредѣлится и образъ брани съ ними. Успѣхъ въ брани много зависитъ отъ видѣнія всего ея состава.

Не бываетъ мирно преспѣяніе наше въ добрѣ, потому что живы еще страсти и сильно подкрѣпляются предлежащимъ миромъ, суетнымъ, видимымъ, и темными силами, властвующими въ немъ. Вотъ источники возстающихъ въ насъ на добро движеній.

Человѣкъ весь страстенъ до обращенія. По обращеніи, духъ, исполнясь ревности, является чистымъ. Душа же и тѣло остаются страстными. Когда начнется ихъ очищеніе и врачеваніе, они упорствуютъ и возстаютъ за свою жизнь на гоняющій ихъ духъ. Эти возстанія совершаются болѣе чрезъ тѣлесныя и душевныя силы и поражаютъ духъ, поколику имъ усвояются эти силы. Но бываютъ движенія, прямо устремленныя

на духъ. Это разженныя стрѣлы, кои врагъ пускаетъ изъ засадъ тѣлесно-душевности на избѣгшаго отъ его тиранства плѣнника. Отсюда, несмотря на то, что есть въ насъ часть уврачеванная или цѣлая, — возстанія грѣха и страстей выказываются и ощущаются на всемъ протяженіи нашего существа.

1) *Въ тѣлѣ*: источное ихъ начало — плотоугодіе, или упокоеніе плоти, съ коимъ въ непосредственной связи состоитъ взыграніе тѣлесной жизни и услажденіе чувственное. Гдѣ они есть, тамъ есть похоть блудная, чревоугодіе, сластолюбіе, лѣность, изнѣженность, блужданіе чувствъ, говорливость, разсѣянность, непосѣстность, вольность во всемъ, смѣхотворство, празднословіе, сонливость, дреманіе зѣницъ, жажда пріятнаго и всякаго рода творенія угодія плоти въ похоти.

2) *Въ душѣ*: а) *Въ умственной части* — своеуміе, вѣра въ свой только умъ, прекословіе, возстаніе на умъ Божій, сомнѣніе, дмѣніе и киченіе, пытливость, расхищеніе ума, блужданіе помысловъ. б) *Въ части желательной* — своеволіе, непокоривость, властолюбіе, жестокость, предпріимчивость, самонадѣянность, себѣприсвоеніе, неблагодарность, любообладаніе, лихоиманіе. в) *Въ части чувствующей* — потрясающія покой и миръ сердца страсти, или разнаго рода пріятности и непріятности: гнѣвъ, зависть, ненависть, злоба, месть, осужденіе, презорство, славолюбіе, тщеславіе, гордость, тоска, печаль, скорби, уныніе, радости, веселости, страхи, надежды, ожиданія.

Источникъ всѣхъ сихъ душевно-тѣлесныхъ страстей—самолюбіе или самость, которая хотя побѣждена

или отвержена вначалѣ, но часто возстаетъ и, облекаясь какою-либо страстію, вступаетъ въ брань съ духомъ. Это оставшаяся самость, со всѣмъ полкомъ страстей, составляетъ тлѣющаго теперь плотскаго человѣка и именно есть тотъ *инъ законъ во удѣхъ*, о коемъ упоминаетъ апостолъ (Рим. 7, 23), отъ котораго всегда возстаетъ, что-нибудь противное тому, что изволяетъ духъ. Св. отцы, чтобы не развлекать вниманія духовнаго борца-христіанина, старались всѣ страсти свесть къ началамъ, чтобы видѣть, на что должно мѣтить борющемуся. Съ этою цѣлью около исходища, самости, они помѣщаютъ три: сласть, любоиманіе и гордость, а потомъ другихъ еще пять, кои происходятъ болѣе отъ сихъ. Ограничившись этимъ, они описывали ихъ возстаніе и указывали способъ боренія. Кто отсѣкъ сласть самоозлобленіемъ, любоиманіе—нестяжательностію, гордость—смиреніемъ, тотъ побѣдилъ самость, ибо ее легче истреблять въ ея дѣтяхъ, нежели саму въ себѣ.

Все это—въ душѣ и тѣлѣ. Но и духъ, ожившій или, лучше, оживающій, не свободенъ отъ прираженій, которыя тѣмъ опаснѣе, что касаются исходища жизни и нерѣдко бываютъ незамѣчаемы, по своей тонкости и глубинѣ. И здѣсь, также какъ въ душѣ и тѣлѣ, противъ всего состава духовной жизни внутренней есть противный рядъ движеній и состояній, отгоняющій и заслоняющій его. Такъ, часто бываетъ, вмѣсто внутрь-пребыванія и собранности—изверженія изъ себя, исходъ въ чувства; вмѣсто трехъ актовъ внутрь-пребыванія: вниманія, бодренности и трезвенія — расхищеніе ума, внутреннее смятеніе, суета, ослаба, льгота, опущеніе

себя, вольность, дерзость, плѣнъ, пристрастіе, уязвленіе сердца; вмѣсто сознанія духовнаго міра—забвеніе Бога, смерти, суда, всего духовнаго.

Какъ главное въ духѣ—сознаніе, зиждемое внутрьпребываніемъ, то, когда оно падаетъ, падаетъ и жизнедѣятельность. Отъ этого возстаетъ вмѣсто страха Божія и чувства зависимости отъ него, безстрашіе, вмѣсто избранія и дороженія духовнымъ—равнодушіе къ нему, вмѣсто отрѣшенія отъ всего себя—упокоеніе (что, дескать, себя нудить), вмѣсто познанія грѣховности — стояніе въ прелести и мнѣніи, вмѣсто покаянныхъ чувствъ—нечувствіе, окаменѣніе сердца, вмѣсто вѣры въ Господа—самооправданіе, вмѣсто ревности—охлажденіе, вялость, невозбужденіе и вмѣсто преданности Богу—самодѣланіе.

Нападши на сознаніе или свободу, одно какое-нибудь изъ таковыхъ чувствъ или заграждаетъ совсѣмъ, или сокращаетъ истокъ духовной нашей жизни и поставляетъ въ крайнюю опасность. Вотъ когда сторонняя помощь крайне необходима. Эти искусительныя движенія иногда человѣкъ самъ и не сознаетъ, ибо они принадлежатъ къ числу тончайшихъ помышленій. Душевныя и тѣлесныя страсти очевиднѣе, грубѣе, хотя и въ нихъ есть тонкія, какъ, напримѣръ, упокоеніе тѣла, или своеуміе и прекословіе. Въ словѣ онѣ понятны, но въ дѣлахъ часто сокрыты.

Вотъ полчище каждоминутно готовыхъ погасить нашу новую жизнь возстаній грѣха... Человѣкъ ходитъ по землѣ существа своего, какъ по трясинѣ, готовый къ каждое мгновеніе провалиться. Когда идешь,

—съ опаствомъ иди, да не преткнеши о камень ногу твою.

Пребывая, впрочемъ, внутри подъ гнетомъ новыхъ правилъ и порядка, при дѣятельности духа, — всѣ сіи неправыя движенія не такъ были бы свирѣпы, еслибы не вспомоществуемы были сосѣдствующими имъ родителями ихъ міромъ и бѣсами.

Міръ есть осущественный міръ страстей, или ходячія страсти въ лицахъ, обычаяхъ, дѣлахъ. Прикасаясь къ нему какою-нибудь частію, нельзя не растревожить и соотвѣтственной въ себѣ раны, или страсти, по сходству ихъ и подобонастроенію. Потому всякій живущій въ мірѣ устремляется къ нимъ чрезъ посредство живущихъ въ себѣ страстей, по поводамъ и соблазнамъ.

Но есть нѣкоторыя возбужденія, собственно принадлежащія міру. Тяковы: его прелестный видъ и во всемъ успѣшность, ужасающая сила—чувство оставленія и пустынство среди многихъ, во всемъ—препятствія, колкости, насмѣшки, презрѣніе, невниманіе, мученіе беззаконными дѣлами. За этимъ слѣдуютъ потомъ притѣсненія, гоненія, озлобленія, лишенія, скорби всякаго рода.

И бѣсы, какъ источники всякаго зла, своими полчищами всюду окружая людей, научаютъ ихъ на всякій грѣхъ, дѣйствуя чрезъ плоть, особенно чувства и ту стихію, въ коей душа и самые бѣсы. Потому-то всякую страсть и всякое возстаніе грѣховное можно относить къ нимъ, какъ къ причинѣ. Но есть нѣчто въ грѣховномъ кругѣ, что бѣсы только одни и могутъ

навѣять, къ чему, при всей порчѣ, естество представляется неспособнымъ: такъ, помыслы хульные—сомнѣнія, невѣрія, необыкновеннаго отвращенія, омраченіе, разнаго рода прелести и, вообще, искушенія страстныя, дмящіяся, напримѣръ — неукротимая блудная страсть, посмертная и упорная ненависть, и проч. Кромѣ сихъ невидимыхъ бореній отъ бѣсовъ, есть нападенія отъ нихъ видимыя, осязаемыя чрезъ тѣло: это —разнаго рода привидѣнія, простирающіяся даже до власти ихъ надъ тѣломъ. Для распознанія всего коварства бѣсовъ, полезно прочитать житія Нифонта, Спиридона и другія.

Вотъ все, возстающее на новаго человѣка внутрь и внѣ. Внимательные говорятъ, что и минуты не проходитъ безъ прираженія какого-нибудь изъ этихъ движеній, что и необходимо; ибо видимъ, какъ внутреннее, ревнующее по добромъ, лице окружено враждебнымъ, со всѣхъ сторонъ, полчищемъ, погружено въ немъ, какъ въ морѣ. Впрочемъ, кромѣ видѣнія сего многовражія, для успѣха въ брани нужно еще знать и то, въ какомъ видѣ бываютъ эти нападенія.

Вообразимъ, гдѣ лице человѣка по обращеніи. Оно внутрь, въ иномъ мірѣ, стоитъ и дѣйствуетъ иное. У него духовные предметы въ мысли и духовныя дѣла въ намѣреніи. Значитъ онъ отошелъ отъ страстнаго, грѣховнаго. Когда потомъ построится благопріятствующій развитію добра порядокъ въ правилахъ, то можно будетъ видѣть, что онъ весь состоитъ въ области свѣта духовной, святой. Грѣховное, страстное устранено изъ вниманія и лежитъ подъ гнетомъ правилъ. Оно выска-

киваетъ изрѣдка, по временамъ, и опять отбѣгаетъ, занимая или не занимая вниманія. Оно только показываетъ себя внутреннему оку, напоминаетъ о себѣ, хочетъ только, чтобы имъ занялись, о немъ подумали, помыслили. Потому главный видъ въ какомъ является враждебное въ насъ, есть *помыселъ*. Когда врагъ успѣетъ занять нашу мысль худымъ помысломъ, онъ уже не безъ прибыли, а не рѣдко можетъ торжествовать и побѣду, потому что къ помыслу скорѣе можетъ склониться и пожеланіе, а за пожеланіемъ рѣшеніе и на дѣло; а это уже грѣхъ и паденіе. На семъ основаніи св. отцы, внимавшіе себѣ, виды и степени возстанія страстей и увлеченія ими замѣчаютъ такіе: набѣгъ мысли, помыслъ, услажденіе, пожеланіе, страсть, влеченіе, рѣшеніе, а за нимъ и дѣло. Въ образѣ явленія своего иногда они развиваются постепенно, одно за другимъ, иногда же каждое является отдѣльно, какъ внѣ порядка, кромѣ *рѣшенія*, которое всегда есть актъ не непосредственный, а предшествуемый размышленіемъ и склоненіемъ свободы: пока его нѣтъ, чистота цѣла и совѣсть чиста. Потому всѣ до него акты обозначаются однимъ словомъ: *помыслъ* — просто, или съ приложеніемъ помыслъ простой, страстный, похотный; то онъ является въ насъ или какъ просто помыслъ, представленіе только грѣховнаго предмета, или какъ похоть, вожделѣніе, желаніе, или наконецъ, какъ страсть, какъ влеченіе. Всѣ они позываютъ, искушаютъ умъ или духъ на страстное, грѣховное; но это еще не зло, не грѣхъ, пока умъ не соизволяетъ на нихъ, вступаетъ съ ними въ борьбу каждый разъ когда

они появляются, пока не изгонитъ ихъ. Предѣлы брани —съ появленія помысла, похоти, страсти, влеченія до ихъ исчезновенія и вычищеніе всякаго слѣда ихъ; къ тому и направлены всѣ правила этой брани. Правда, міръ дѣйствуетъ совнѣ, равно какъ и сатана; но ихъ искусительныя дѣйствія доходятъ до нашего сознанія не иначе, какъ въ какомъ-нибудь изъ этихъ трехъ, ибо вся ихъ забота состоитъ въ томъ, чтобы поколебать внутреннее состояніе, склонить на нихъ. Сюда направляются всѣ ихъ хитрости, такъ что въ этомъ отношеніи не способъ, не дѣла, какія они обращаютъ на насъ, а то, что они мѣтятъ возбудить въ насъ, то важно и цѣнно въ жизни и дѣятельности. Напримѣръ, въ гоненіяхъ не страданіе человѣка—цѣль, а помыслъ ропота или отчаянія или оставленія добродѣтели. Вслѣдствіе сего, въ отношеніи къ духовной брани, можно рѣшительно положить: не смотря на то, откуда и какъ возбуждается грѣховное, всю силу и все вниманіе обращай на это самое грѣховное, съ нимъ начинай дѣло и борись. Законъ этотъ превеликой важности: онъ будетъ держать человѣка внутрь, слѣдовательно, въ силѣ и, нѣкоторымъ образомъ, въ безопасности. Потому-то у св. отцовъ всѣ правила обращены на помыслы, страсти, пожеланія и примѣняются къ ихъ свойству; причины же не упоминаются, или если и упоминаются, то безъ приданія имъ въ особеннаго въ этомъ отношеніи значенія и нерѣдко безъ разграниченія. Ибо и міръ, и бѣсы, и похоть могутъ возбуждать и возбуждаютъ одну и ту же страсть; но она отъ того не получаетъ особаго характера. Итакъ, вотъ куда должно быть обра-

щено все вниманіе подвижника, внутрь себя: — на помыслы, пожеланія, страсти, влеченія. — преимущественно, впрочемъ, на помыслы, ибо сердце и воля не такъ подвижны, какъ мысль, а страсти и желанія рѣдко возстаютъ отдѣльно, большею же частію рождаются изъ помысловъ. Отсюда правило: отсѣки помыслъ—и все отсѣчешь.

Послѣ сего очень легко сдѣлать общій очеркъ духовной брани. Онъ достаточно изображенъ въ „Письмахъ о христіанской жизни". Выписываемъ его оттуда.

Изъ правилъ брани духовной, составляющихъ воинское искусство христіанина, одни способствуютъ къ предупрежденію нападеній, другіе къ легчайшему и успѣшнѣйшему окончанію брани, третьи къ прочнѣйшему утвержденію за собою плодовъ побѣды, или къ скорѣйшему истребленію слѣдствій пораженія,—и кои, потому, естественно раздѣляются на три класса: а) на правила, кои надо наблюдать прежде брани, б) во время самой брани и в) послѣ оной.

Прежде брани воинъ долженъ такъ дѣйствовать, чтобы дѣятельностью своею или предотвратить нападенія или дать себѣ возможность замѣчать ихъ въ самомъ началѣ, или даже пріуготовить побѣду. Посему первѣе всего онъ долженъ—стѣснить область грѣховныхъ движеній, свесть ихъ въ одно мѣсто, ибо такимъ образомъ ему не только будетъ легче замѣчать возмущенія, но и виднѣе, куда направлять свои силы.

1) Внѣшній очеркъ области грѣховной вообще таковъ: утвердившись въ центрѣ жизни — сердцѣ, грѣхъ

проникаетъ въ душу и тѣло по всѣмъ ихъ отправленіямъ, проходитъ потомъ во всѣ внѣшнія отношенія человѣка, и набрасываетъ, наконецъ, свой покровъ на все окружающее его. Теперь и изгнанный изъ глубины сердца, онъ все еще витаетъ въ окрестностяхъ его, все еще питается тѣмъ, чѣмъ питался прежде; лица, вещи, случаи легко могутъ возбуждать тѣ же мысли и чувства, какія соединялъ съ ними человѣкъ, когда работалъ грѣху. Благоразумный воинъ долженъ теперь преградить это внѣшнее продовольствіе врага. А для сего ему необходимо: а) Перестроить все свое внѣшнее поведеніе, всему въ немъ дать новый видъ, новыя побужденія, новое время и проч. по духу новой жизни. б) Распредѣлить время свое такъ, чтобы не оставалось ни одного часа безъ должнаго занятія. Промежутки, свободные отъ необходимыхъ занятій, должны быть наполняемы не чѣмъ-нибудь, но занятіями способствующими умерщвленію грѣха и укрѣпленію духа. Сколько въ этомъ отношеніи полезны нѣкоторые тѣлесные подвиги, противоложные замѣченнымъ наклонностямъ, это можетъ испытать всякій. в) Связать свои чувства, особенно глаза, слухъ и языкъ, легчайшіе проводники грѣха изъ сердца вовнѣ и извнѣ въ сердце. г) Всему вообще, съ чѣмъ необходимо встрѣчаться,—вещамъ, лицамъ, случаямъ,—дать духовное знаменованіе и, особенно, мѣсто постояннаго своего пребыванія исполнить вещами поразительнѣйшими для души, чтобы, такимъ образомъ, живя во внѣшнемъ, человѣкъ жилъ какъ бы въ нѣкоемъ божественномъ училищѣ. Вообще, всю свою внѣшность должно такъ устроить, чтобы она, съ одной стороны, не тре-

бовала уже особеннаго вниманія и избавляла насъ отъ всякой о себѣ заботы, а съ другой—не только дѣлала насъ безпечными отъ нечаянныхъ возстаній грѣха, но питала и укрѣпляла возникающую новую жизнь по духу. При такомъ порядкѣ грѣхъ будетъ совершенно отражденъ совнѣ, не будетъ уже получать отсюда себѣ пищи и подкрѣпленія.

2) Если теперь со внутренней стороны человѣкъ употребитъ все усиліе къ тому, чтобы сохранить себя, какъ есть, въ такомъ видѣ, какъ вышелъ изъ первой побѣды, — если, то-есть, будетъ постоянно возгрѣвать тѣ чувства и расположенія, какія возродились въ немъ тогда, то грѣхъ этимъ отградится и изнутри и останется здѣсь уже навсегда безъ опоры и твердости. Грѣхъ же, лишенный такимъ образомъ пищи и опоры, если не уничтожится вдругъ, то, по крайней мѣрѣ, долженъ слабѣть болѣе и болѣе, до совершеннаго истощенія. Послѣ сего брань со грѣхомъ, очевидно, сократится и вся сосредоточится въ брань съ помыслами (кои особенно будутъ клониться къ растроенію новаго порядка), рѣдко со страстями и наклонностями, гдѣ остается только *тщательно блюстись*... Именно два бдительныхъ стража долженъ имѣть постоянно воинъ Христовъ: трезвленіе и благоразсмотрѣніе. Первый обращенъ внутрь, а послѣдній во внѣ; тотъ наблюдаетъ за движеніями, выходящими изъ самаго сердца, а этотъ предугадываетъ движенія, имѣющія возникнуть въ немъ по внѣшнему вліянію. Законъ для перваго; послѣ того, какъ памятію о Божіемъ присутствіи изгнано изъ души всякое помышленіе, стань у дверей сердца и тща-

тельно блюди за всѣмъ входящимъ въ него и выходящимъ изъ него, особенно же не давай предупреждать дѣйствій чувству и желанію, ибо отсюда все зло. Законъ для втораго: сначала каждаго дня сядь и разчисли всѣ возможныя встрѣчи и случаи, всѣ возможныя чувства и движенія, какія могутъ произойти по ихъ поводу, и предварительно заготовь въ себѣ должный противъ того оплотъ, чтобы не смутиться и не пасть при нечаянномъ нападеніи. Для того, впрочемъ, чтобы успѣшнее дѣйствовать при самомъ нападеніи, полезно предварительно устроять намѣренную мысленную брань, мысленно поставлять себя въ тѣ или другія обстоятельства, съ тѣми или другими чувствами, при тѣхъ или другихъ желаніяхъ, и здѣсь изобрѣтать разные способы, какъ удержать себя въ должныхъ границахъ, и наблюдать, что особенно помогло намъ въ томъ, что—въ другомъ случаѣ. Такое предварительное упражненіе и образуетъ воинственный духъ, пріучаетъ безъ робости встрѣчать врага и безъ большихъ трудовъ побѣждать его, какъ бы по опытно узнанымъ пріемамъ. Сверхъ того, прежде нежели приступимъ къ сраженію, должны предварительно узнать, когда дѣйствовать наступательно, когда оборонительно и когда отступательно. Кромѣ того, что употребленіе того или другаго способа брани соотвѣтствуетъ степенямъ духовнаго возрастанія, сначала лучше всего отступать, то-есть укрываться подъ кровъ Господа, не противодѣйствуя. Далѣе, когда опытно уже узнаемъ враговъ и изучимъ ихъ нападенія, не теряя времени, можно отражать ихъ; но намѣренно давать свободу возбуждаться

въ себѣ страстямъ, или поставлять себя въ такія обстоятельства, гдѣ онѣ должны дѣйствовать во всей силѣ, съ тѣмъ, чтобы имѣть случай къ брани и побѣдѣ, не должно. Есть особенныя страстныя возбужденія, кои можно побѣждать исключительно только тѣмъ или другимъ способомъ. Помыслы непремѣнно надобно прогонять; но не всегда это возможно сдѣлать съ наклонностями и страстями, особенно тѣлесными. Въ томъ и другомъ случаѣ можно потерять побѣду по одному невѣдѣнію. Наконецъ, никогда не должно выходить на брань безъ главной побѣждающей мысли, — это какъ бы побѣдоносное знамя. Какъ прежде она рѣшила дѣло между добромъ и зломъ въ пользу перваго, такъ и теперь, во время брани съ каждымъ въ частности грѣховнымъ движеніемъ души, она безъ затрудненія сдѣлаетъ насъ побѣдителями. Съ появленіемъ ея должны разсѣятся всѣ полчища враговъ, всѣ порочные помыслы и желанія. Они имѣютъ силу воодушевлять и возносить человѣка надъ собою; потому надобно какъ можно чаще приводить ее въ сознаніе и доводить до чувства, —утвердить навсегда на мысленной тверди это свѣтило, прогоняющее мракъ. Ничто не можетъ сильнѣе возгрѣвать рвенія къ истребленію грѣха, какъ эта мысль, — рвенія, этого быстраго потока живой воды, который, волнуясь, но не возмущаясь, дѣлаетъ незамѣтными всѣ волны отъ ввержения камней искушеній.

Съ такими предосторожностями и правилами иди, воинъ Христовъ, съ упованіемъ на брань. Впрочемъ, и во время самой брани тебѣ должно дѣйствовать по

извѣстнымъ правиламъ, чтобы не уподобиться въ оборонѣ безпорядочно нападающимъ врагомъ. Часто одинъ порядокъ дѣйствованія, безъ особеннаго напряженія, можетъ увѣнчать тебя успѣхомъ. Замѣтивъ приближеніе врага—начинающееся возбужденіе или помысла, или страсти, или наклонности, первѣе всего спѣши сознать, что это враги. Великая ошибка, и ошибка всеобщая — почитать все, возникающее въ насъ, кровною собственностію, за которую должно стоять какъ за себя. Все грѣховное есть пришлое къ намъ; потому его всегда должно отдѣлять отъ себя, иначе мы будемъ имѣть измѣнника въ себѣ самихъ. Кто хочетъ вести брань съ собою, тотъ долженъ раздѣлить себя на себя и на врага, кроющагося въ немъ. Отдѣливъ отъ себя извѣстное порочное движеніе и сознавъ его врагомъ, передай потомъ это сознаніе и чувству, возроди въ сердцѣ непріязнь къ нему. Это — самое спасительное средство къ прогнанію грѣха. Всякое грѣховное движеніе держится въ душѣ чрезъ ощущеніе нѣкоторой пріятности отъ него; потому, когда возбуждена непріязнь къ нему, оно, лишаясь всякой опоры, само собою исчезаетъ. Впрочемъ, это не всегда легко и не всегда возможно: легко поражать гнѣвомъ помыслы, труднѣе—желанія, но еще труднѣе—страсти, ибо онѣ и сами суть сердечныя движенія. Когда это не помогаетъ и врагъ не уступаетъ такимъ образомъ побѣды безъ сраженія,—мужественно, но безъ самовозношенія и самонадѣянности, вступай въ борьбу. Робость приводитъ душу въ смятеніе, въ нѣкоторую подвижность и разслабленіе, а неутвержденная въ себѣ, она легко

можетъ пасть. Самонадѣянность и самомнѣніе — сами враги, съ коими должно бороться: кто попустилъ ихъ, тотъ уже палъ, и еще предрасположилъ себя къ новымъ паденіямъ, потому что они поставляютъ человѣка въ бездѣйственность и оплошность. Началась брань, —храни преимущественно сердце: не давай доходить возникающимъ движеніямъ до чувства, встрѣчай ихъ у самаго входа въ душу и старайся поразить здѣсь. А для сего спѣши возставить въ душѣ убѣжденія, противоположныя тѣмъ, на коихъ держится смущающій помыселъ. Такія противоубѣжденія суть въ мысленной брани не только щитъ, но и стрѣлы, — защищаютъ сердце твое и поражаютъ врага въ самое сердце. Съ тѣхъ поръ въ томъ и будетъ состоять брань, что возникшій грѣхъ будетъ постоянно ограждаться мыслями и представленіями противоположными. Время продолженія ея зависитъ отъ многоразличныхъ обстоятельствъ, кои опредѣлить совершенно невозможно. Не должно только ослабѣвать и сколько-нибудь, даже въ мысли, склоняться на сторону врага, — и побѣда несомнѣнна, ибо грѣховное движеніе, какъ мы замѣтили прежде, не имѣетъ въ насъ твердой опоры и потому, естественно, должно скоро прекратиться. Если и послѣ сего, добросовѣстнаго впрочемъ, дѣйствованія въ защиту себя врагъ все еще стоитъ въ душѣ, какъ привидѣніе, и не хочетъ уступить мѣста, то это явный знакъ, что онъ поддерживается стороннею силою; посему и тебѣ должно обратиться къ сторонней, земной или небесной, помощи,—открыться своему наставнику и въ усердной молитвѣ призывать Господа, всѣхъ святыхъ и особен-

но ангела-хранителя. Преданность Богу никогда не оставалась постыженною. Надобно, впрочемъ, замѣтить, что иное дѣло—брань съ помыслами, иное — со страстьми, иное — съ желаніями: и помыслъ отъ помысла, и желаніе отъ желанія, и страсть отъ страсти разнятся. Во всемъ этомъ должно употреблять особые пріемы, кои предварительно должно опредѣлить или чрезъ размышленіе, или изъ подвижническихъ опытовъ и наставленій. Но не всегда должно строго браться за сопротивленіе: иногда одно презрѣніе прогоняетъ врага, а сопротивленіе только размножаетъ его и раздражаетъ. Врага должно преслѣдовать до тѣхъ поръ, пока и слѣдовъ его не останется; иначе даже простой помыслъ, оставленный въ сердцѣ, какъ злое сѣмя, принесетъ свой плодъ, въ непримѣтномъ склоненіи къ себѣ души. Во время самой брани не должно предпринимать средствъ къ будущему предотвращенію ея. Придуманныя здѣсь правила всегда бываютъ очень строги, и потому всегда необходимо бываетъ ихъ измѣнить и, слѣдовательно, представлять опытъ несостоятельности, столько вредной въ духовной брани и соблазнительной для воина.

Брань кончена. Благодари Господа за избавленіе отъ пораженія, но не предавайся чрезъ мѣру радости спасенія, не попускай безпечности, не ослабляй ревности, — врагъ часто притворяется только побѣжденнымъ, чтобы, когда ты предашься чувству безопасности, нечаяннымъ нападеніемъ тѣмъ легче поразить тебя. Потому не снимай бранныхъ оружій и не забывай предохранительныхъ правилъ. Будь всегда бод-

рымъ и бдительнымъ воиномъ. Сядь лучше и разчисли добычу; осмотри весь ходъ брани—ея начало, продолженіе и, наконецъ, что подало поводъ къ ней, что особенно усиливало и что положило ей конецъ. Это будетъ своего рода дань съ побѣжденныхъ, которая чрезвычайно облегчить будущія побѣды надъ ними; такъ стяжавается, наконецъ, духовная мудрость и опытность подвижническая. Не говори никому о побѣдѣ, — это сильно раздражить врага, а тебя обезсилитъ. Тщеславіе, котораго при семъ избѣжать нельзя, отворитъ двери душевнаго укрѣпленія и послѣ побѣды надъ однимъ врагомъ должно будетъ сражаться съ цѣлою ихъ толпою. Если же и пораженъ будешь, — сокрушайся, но не бѣгай отъ Бога, не упорствуй; спѣши умягчить сердце и довесть его до раскаянія. Нельзя не падать; но можно и должно, упавши, возставать. Бѣгущій спѣшно, если и споткнется на что, спѣшно встаетъ и опять устремляется по пути къ цѣли,—подражай ему. Господь нашъ подобенъ матери, которая ведетъ дитя за руку и не покидаетъ его, хотя бы онъ очень часто спотыкался и падалъ. Лучше, вмѣсто бездѣйственнаго уныніе, ободрись къ новымъ подвигамъ, извлекши изъ настоящаго паденія урокъ смиренія и осмотрительности, чтобы не ходить тамъ, гдѣ скользко и гдѣ нельзя не падать. Если не изгладишь грѣха искреннимъ раскаяніемъ, то, получивъ нѣкоторую въ тебѣ крѣпость, онъ неминуемо повлечетъ тебя, внизъ на дно грѣшнаго моря. Грѣхъ возобладаетъ тобою и тебѣ опять нужно будетъ начинать съ первой брани; но, Богъ знаетъ, будетъ ли возможно это. Можетъ быть, предавшись те-

перь грѣху, ты перейдешь черту обращенія; можетъ-быть, послѣ уже не найдется ни одной истины, которая могла бы поразить твое сердце: можетъ-быть, даже тебѣ не будетъ дарована и благодать. Тогда еще здѣсь ты будешь принадлежать къ числу осужденныхъ на вѣчное мученіе.

Вообще о правилахъ брани надобно замѣтить, что они въ существѣ своемъ суть не что иное, какъ приложеніе всеоружія къ частнымъ случаямъ, и что потому ихъ всѣхъ изобразить нельзя. Дѣло внутренней брани непостижимо, и сокровенно; случаи къ ней чрезвычайно разнообразны; лица воюющія слишкомъ различны: что для одного соблазнъ, то для другаго ничего не значитъ; что одного поражаетъ, къ тому другой совершенно равнодушенъ. Потому одного для всѣхъ установить рѣшительно невозможно. Лучшій изобрѣтатель правилъ брани — каждое лицо само для себя. Опытъ всему научитъ, — надобно только имѣть ревностное желаніе побѣждать себя. Первые подвижники не учились изъ книгъ, и однако-же представляютъ собою образцы побѣдителей. При томъ не должно слишкомъ полагаться на эти правила,—они представляютъ только внѣшнее очертаніе. То, что составляетъ существо дѣла, каждый узнаетъ только изъ опыта, когда станетъ сражаться самымъ дѣломъ. И въ этомъ дѣлѣ руководителями ему остаются только собственное благоразуміе и преданіе себя Богу. Внутренній ходъ христіанской жизни въ каждомъ лицѣ приводитъ на мысль древніе подземные ходы, чрезвычайно замысловатые и сокровенные. Вступая въ нихъ, испытуемый получаетъ

нѣсколько наставленій въ общихъ чертахъ—тамъ сдѣлать то, тамъ другое, здѣсь по такой-то примѣтѣ. а здѣсь по такой-то, и потомъ оставляется одинъ среди мрака, иногда съ слабымъ свѣтомъ лампады. Все дѣло у него зависитъ отъ присутствія духа, благоразумія и осмотрительности и отъ невидимаго руководства. Подобная же сокровенность и во внутренней христіанской жизни. Здѣсь всякій идетъ одинъ, хотя-бы былъ окруженъ множествомъ правилъ. Только чувства сердца обученныя и особенно внушенія благодати для него суть всегдашніе, необманчивые и неотлучные руководители въ брани съ собою; все прочее оставляетъ его.

Таковъ ходъ брани со всякою страстію пожеланіемъ и помысломъ. Какъ страсти, пожеланія и помыслы, они всѣ равны; слѣдовательно, касаться въ частности боренія съ каждымъ помысломъ нѣтъ особенной нужды. Сдѣлаемъ только нѣсколько замѣчаній:

1) Есть помыслы *тонкіе* и тончайшіе, есть грубые и грубѣйшіе. Послѣдніе всякій можетъ замѣчать и самъ; первые незамѣтны въ часъ пребыванія своего въ сердцѣ, а открываются уже послѣ — изъ дѣлъ, и притомъ болѣе другимъ, нежели себѣ. Вотъ побужденіе не вѣрить своему покою, добротѣ и чистотѣ ни на одну іоту, а всегда ее подозрѣвать,—внимательно слѣдить за ходомъ дѣла и смотрѣть, какими помыслами они сопровождаются, оканчиваются, чтобы по сему судить потомъ, что первоначально лежало внутри. Лучше всего, впрочемъ, имѣть другаго повѣреннаго, — привычный глазъ совнѣ тотчасъ укажетъ, что внутрь насъ кроется,

хотя мы этого не замѣчаемъ. Когда говорится о тончайшихъ помыслахъ, то не разумѣются одни только духовные: бываютъ они со стороны тѣла и души. Отличительное ихъ свойство—незамѣчаемость, сокровенность въ глуби, такъ что человѣкъ думаетъ, что дѣйствуетъ чисто, безъ примѣси страсти, а на дѣлѣ — по страсти. Причина сего—неутвердившаяся еще чистота сердца, или, лучше, необразовавшееся разрѣшеніе естественнаго отъ пришлаго. Когда это будетъ, тогда тонкое и тончайшее сдѣлается грубымъ и грубѣйшимъ, ибо тогда изострится вниманіе опытностію и обучатся чувства сердца къ различенію добра и зла.

2) Есть помыслы, пожеланія и страсти—приходящіе въ видѣ набѣговъ и кратковременныхъ возмущеній, и есть постоянные, продолжающіеся дни, мѣсяцы и годы. Первые легки, но и ихъ презирать не должно, а внимательно смотрѣть не только за ними, но и за порядкомъ ихъ. У врага есть будто законъ—не вдругъ начинать со страсти, а съ помысла и часто повторять его. Прогнанный гнѣвомъ въ первый разъ снисходительнѣе можетъ быть принятъ во второй, въ третій, потомъ родится желаніе и страсть, а отсюда—одинъ шагъ до согласія и дѣла. Продолжительные помыслы тяжелы, убійственны; имъ преимущественно принадлежитъ названіе *искушающихъ*. Знать касательно ихъ надобно то, что они не отъ природы, хотя и свойственны ей по свойству своему, а всегда отъ врага; что Господь попущаетъ ихъ съ особеннымъ касательно нашего очищенія, намѣреніемъ, чтобъ испытать и утвердить нашу вѣрность, вѣру, постоянство и умѣнье сози-

дать внутренняго человѣка,—потому должно благодушно терпѣть ихъ, хотя бы они слишкомъ были оскорбительны для новаго благодатнаго сердца, каковы — хулы, отчаяніе, невѣріе. Главное дѣло—во все время никакъ не склоняться на нихъ, не усвоять себя и держать сердце въ свободѣ отъ нихъ, отдѣляя ихъ отъ себя и своей свободы мыслію и вѣрою.

3) Помыслы, съ которыми должно бороться, не всегда бываютъ худы, а нерѣдко и добры съ виду и очень часто безразличны. Касательно худыхъ одинъ законъ — тотчасъ гнать; послѣдніе же должно разбирать, или разсуждать. Сюда относится всѣми восхваляемая опытность различать помыслы, какіе, то-есть, исполнять и какіе отвергать. Правила для сего предложить нельзя: всякій пусть учится самъ изъ собственныхъ своихъ опытовъ, ибо человѣкъ на человѣка не приходитъ, чтобы, то-есть, чужое годилось для насъ. Лучше такъ: заведенъ порядокъ дѣлъ — и ходи въ немъ, а все приходящее вновь, какъ бы благовидно оно ни казалось, гони вонъ. Если помыселъ ничего не представляетъ худаго ни въ себѣ, ни въ послѣдствіи, то и тогда не вдругъ склоняться на него, а терпѣть до времени, чтобы не быть опрометчивымъ. Иные пять лѣтъ ждали и не исполняли помысла. Главнѣйшій же законъ—не довѣрять своему разуму и сердцу и всякій помыселъ повѣрять своему руководителю. Нарушеніе сего правила всегда было и есть причиною великихъ паденій и прельщеній.

4) Худой помыселъ искушаетъ, а благовидный прельщаетъ. Кто увлекается первымъ, тотъ считается

согрѣшившимъ, падшимъ, а кто увлекается послѣднимъ, тотъ — состоящимъ въ прелести. Изобразить всѣ прельщенія въ ихъ началахъ и свойствахъ возможно ли? Къ свойству ихъ относится преимущественно то, что человѣкъ съ увѣренностью считаетъ себя такимъ, каковъ онъ ни есть,—напримѣръ, воззваннымъ вразумлять другихъ, способнымъ къ необыкновенной жизни и проч. Источники ихъ—тончайшая мысль, что я значу нѣчто, и значу не малое... Ничтожный мнитъ о себѣ нѣчто. Къ этой-то тайнѣйшей гордынѣ прицѣпляется врагъ и опутываетъ человѣка. Впрочемъ, и всякій тонкій худой помыселъ, нами не замѣчаемый, держитъ насъ въ прелести; когда мы думаемъ, что водимся помысломъ добрымъ и благочестивымъ. Въ этомъ отношеніи можно сказать, что минуты не проходитъ, когда бы не были въ прелести, ходимъ словно въ призракахъ, опутаны ими то въ томъ, то въ другомъ видѣ. Это потому, что зло еще внутри, не испарилось, а добро на поверхности; оттого въ глазахъ у насъ точно туманъ отъ испареній.

5) Что касается до каждаго въ частности помысла, то хорошо предварительно собирать о нихъ свѣдѣнія, имѣть, то-есть, понятіе о немъ, причинахъ его происхожденія, слѣдствіяхъ и способахъ прогонять. Это будетъ запасной магазинъ, очень годный на случай брани, — именно: когда ненавистію не прогонится помыслъ и начинаетъ плодиться, соблазняя и убѣждая, то надобно и ему противополагать что-либо опровержительное. Но чтобъ это сдѣлать, надобно имѣть мысли въ запасѣ. Въ этомъ отношеніи св. отцы избрали

главнѣйшія *восемь* страстей и ихъ въ образецъ описали, чѣмъ и можно пользоваться всякому ищущему. Впрочемъ, это не исключительные предметы брани, а только главнѣйшіе. Посему у другихъ находимъ описанія другихъ страстей и правила для нихъ. Богатѣйшее ихъ собраніе у Іоанна Лѣствичника.

6) Есть помыслы тѣлесные, есть душевные и духовные. Для всякаго очевидно, что они всѣ могутъ быть и во всякое время; но, естественно, вначалѣ замѣтнѣе быть тѣлеснымъ, далѣе открываться душевнымъ и духовнымъ. Соотвѣтственно сему должна переходить и брань, или мѣнять свои позиціи. Знать это должно для того, чтобы побѣдившему, напримѣръ, тѣло не предаться безпечности отъ чувства безопасности, потому что онъ можетъ быть побѣжденъ черезъ душу, и умирившій душу можетъ быть пораженъ въ духѣ. Вообще, пока есть дыханіе, брань не прекратится, хотя можетъ стихать, и иногда надолго.

7) У св. Дороѳея говорится: „есть дѣйствуяй страсть, есть боряй и есть побѣждаяй“. Первый грѣшитъ, второй начинаетъ очищаться, третій близокъ къ безстрастію. Чѣмъ рѣшительнѣе кто возстаетъ на страсти, не уступая имъ даже помысла, а не только пожеланія и услажденія, или если это случается, спѣшно исторгая ихъ изъ сердца подъ корень, доводя себя всегда до противочувствія, то тѣмъ скорѣе достигаетъ чистоты. Чѣмъ кто уступчивѣе, снисходительнѣе къ себѣ, тѣмъ долѣе тянется дѣло, съ остановками, неровностями. Это зависитъ отъ саможенанія, или неотдѣле-

нія себя отъ страсти: жалѣя будто себя, человѣкъ лелѣетъ врага и вражитъ противъ себя самъ.

8) Слѣдствіемъ брани бываетъ чистота ума отъ помысловъ, сердца — отъ страстей, воли — отъ склонностей. Когда она образуется, человѣкъ поступаетъ въ безстрастіе. Его внутреннее становится чистымъ зеркаломъ, отражающимъ духовные предметы.

9) Мысленная брань съ помыслами, похотьми и страстями не должна составлять исключительнаго, всѣ другія отстраняющаго и замѣняющаго средства къ очищенію нашихъ сквернъ, не смотря на всю рѣшительную необходимость неизбѣжность и побѣдоносную силу. Съ нею должно быть поставлено въ непрерывной связи *дѣятельное побраніе страстей*, или искорененіе, погашеніе и истненіе ихъ посредствомъ противоположныхъ имъ дѣлъ. Причина сему та, что страстность проникала силы наши, и проникала потому, что мы дѣйствовали страстно. Каждое дѣло страстное полагало въ силу свою частичку страстности, и совокупностію всѣхъ дѣлъ переполнилась сила, какъ губка водою, или платье—вонью. Слѣдуетъ и обратно, для выжатія сей страстности, употреблять противоположныя первымъ дѣла, чтобы такимъ образомъ каждое дѣло, осаждаясь въ силу, вытѣсняло изъ нея соотвѣтственную часть страстности и множество такихъ дѣлъ, часто и непрерывно дѣлаемыхъ, всю страсть. Такое средство, если только употребляется надлежащимъ образомъ, такъ сильно, что дѣйствующіе по нему, послѣ нѣсколькихъ опытовъ, начинаютъ уже ощущать умаленіе страстей, льготу и, свободу и нѣкоторый свѣтъ въ душѣ. Мыслен-

ная брань одна изгоняетъ страсть изъ сознанія: но она все еще остается живою, а только скрылась. Напротивъ, противоположное дѣло поражаетъ сего змія во главу. Изъ сего не слѣдуетъ однакоже, чтобы при дѣланіи можно было прекращать бореніе мысленное. Этому должно быть неотлучно при томъ, иначе оно можетъ остаться безъ всякаго плода и даже распложать, а не умалять страстность, потому что, при дѣлѣ противъ одной страсти, можетъ прилипать другая, напримѣръ, при постѣ — тщеславіе. Если это оставить безъ вниманія, то, при всемъ усиліи, не будетъ никакого плода отъ дѣланія. Брань мысленная въ связи съ дѣятельною, поражая страсть извнѣ и изнутрь, истребляетъ ее также скоро, какъ скоро погибаетъ врагъ, когда бываетъ обойденъ и побивается и сзади и спереди.

10) Въ этомъ дѣятельномъ себя-исправленіи должно соблюдать извѣстный порядокъ и чинъ, въ построеніи котораго должно обращать вниманіе на свойство страстности вообще, на свой характеръ и на добродѣланіе, о которомъ упомянуто въ положительной дѣятельности. Въ первомъ случаѣ должно мѣтить на главнѣйшія страсти: удовольственность, любоиманіе и высокоуміе—и, слѣдовательно, главнымъ образомъ упражнять себя въ замозлобленіи и жестокостяхъ, въ расточеніи имущества и погубленіи вещей, въ подчиненіи и покореніи себя другимъ, или не себя-вмѣненіи (смотр. у Варсануфія). У святыхъ, дѣятельно взявшихся очищать себя, всегда видны такого рода дѣла на первомъ планѣ. Во второмъ — на главную свою страсть. Эта

главная страсть явится при обращеніи, во время познанія своей грѣховности и покаянія. Когда дается обѣтъ не грѣшить,—больше всего держится во вниманіи эта страсть. Потому и послѣ она должна составлять ближайшую мету противодѣйствія живущему въ насъ грѣху. Она заслоняетъ собою всѣ страсти, равно какъ и связываетъ ихъ около себя, или даетъ на себя точку опоры. Другія страсти и открыться могутъ не иначе, какъ по ослабленіи и одолѣніи этой, и вмѣстѣ съ нею быть распуженными. Должно всею силою вооружиться противъ нея съ перваго раза, тѣмъ болѣе, что тутъ бываетъ и много ненависти къ ней, дающей силу противиться. И къ покоренію начальныхъ страстей нельзя перейти, не покоривъ ее. Въ третьемъ отношеніи самъ собою виденъ порядокъ добродѣланія. Именно сперва пойдутъ дѣла противъ господствующей страсти, далѣе противъ источныхъ страстей, а потомъ, когда стихнутъ та и эти, добродѣланію остается свобода добивать остатки враждебнаго полчища, по своему усмотрѣнію, а болѣе по указанію внутреннему. Какая оживетъ и выкажется страсть, противъ той и назначать дѣла. Это — меты борительнаго дѣйствія, и ими должно заниматься по извѣстному закону. Кромѣ того, что должно соблюдать показанный порядокъ, — въ самомъ противодѣйствіи должна быть степенность, ровность, чтобы не перебѣгать отъ одного къ другому, подобно разсѣянному. Плода не будетъ истиннаго, а посѣется киченіе. Дѣйствовать рѣшительнѣе, неослабнѣе,—тѣмъ ближе къ концу и покою. Терпѣть въ начатомъ дѣланіи до явленія плода, ибо конецъ вѣнчаетъ

дѣло... И другое, что дѣятелю явитъ опытъ, наблюдать должно. Кажется, такъ идетъ дѣло: прямо за обращеніемъ—сейчасъ дѣятельное бореніе страстей: изъ него или съ нимъ—тотчасъ и бореніе внутреннее: потомъ, далѣе, они во взаимно-подкрѣпленіи и усиленіи: ростетъ внутреннее, ростетъ и внѣшнее,—ростетъ внѣшнее, ростетъ и внутреннее: наконецъ, когда то и другое довольно окрѣпнетъ, человѣку приходятъ помышленія о подвигахъ и дѣлахъ къ рѣшительному погашенію страстей, къ посѣченію ихъ въ корнѣ. Большихъ подвиговъ и дѣлъ не должно ни самому брать, ни другимъ совѣтывать. Дѣйствовать должно исподоволь, постепенно возрастая и усиливаясь, чтобы было въ подъемъ и моготу. Иначе наше дѣяніе будетъ походить на новую заплату на старомъ платьѣ. Требованіе подвига должно изыти извнутри, какъ больному иногда рѣшительно-цѣлительное врачевство указываетъ позывъ и чутье.

11) Мысленное и дѣятельное бореніе страстей—и само по себѣ сильно; но несравненно спѣшнѣе, плоднѣе и скорѣе идетъ дѣло, когда оно ведется подъ руководствомъ другаго. Самъ не всегда замѣтишь врага въ мысленной брани, не всегда сумѣешь дѣйствовать противъ него и сохранить ревность и рѣшительность къ тому, а главное—въ томъ и другомъ случаѣ не можешь имѣть одного плана, предварительнаго очертанія, чтобы по нему весть все воеваніе. Исполненіе этого совершенно невозможно самому. Надобно, чтобы кто-нибудь видѣлъ и наше настоящее, и наше будущее со стороны. Потому преданіе себя руководителю должно почитать лучшимъ и рѣшительнымъ средствомъ къ са-

моисправленію. Онъ будетъ употреблять надъ нами и въ насъ то же средство—брань дѣятельно-мысленную, но, главное — по своему усмотрѣнію, начертанію, съ усмотрѣніемъ цѣли, пути и распутій. И такъ, желающій и ищущій очищенія, обрѣти и вымоли у Господа руководителя отца; обрѣтши разскажи ему все о себѣ что знаешь и что въ себѣ видишь. Потомъ предай ему себя всего и внутренно, и внѣшно,—предай, какъ матеріалъ необработанный, чтобъ онъ строилъ изъ него домъ Господу, человѣка новаго. Поступивъ такимъ образомъ, покинь уже всю заботу о себѣ и безпопечительно укрывайся подъ руку отца. Пусть ведетъ, куда и какъ хочетъ,—пусть заставляетъ дѣлать, что, когда и гдѣ хочетъ. Съ нашей стороны ему—безпрекословное повиновеніе, не размышляющее, вѣрующее, охотное и полное открытіе ему совѣсти или повѣданіе своихъ помысловъ, желаній, страстей, дѣлъ, словъ,—всего, что дѣлаемъ и что съ нами бываетъ. Этимъ дается ему способъ видѣть, гдѣ мы и въ какомъ состояніи наше внутреннее устроеніе, и подается поводъ, соотвѣтственно тому, давать намъ совѣты и назначать намъ дѣла *). Открываніе помысловъ и повиновеніе отцу — это рѣшительные истнители страстей и побѣдители бѣсовъ. Всякій разъ, какъ дѣлается откровеніе и потомъ исполняется то, что назначено по сему поводу, это то же, что очищеніе раны и перемѣна пластыря. Врачевство спѣшное! Открывшійся извергаетъ вонъ все нечистое и, чрезъ послушаніе, беретъ потомъ чистое, новую

*) Книга Варсануфія вся и состоитъ въ этомъ.

кладь, цѣльную пищу, сокъ чистый,—какъ рвотное, кто приметъ, и потомъ хорошую пищу. Но что главное — имъ подсѣкается самый корень страстей, именно: самость *я*. Ведущій самъ собою брань все же ведетъ ее *самъ* и такимъ образомъ, въ то время, какъ дѣйствуетъ противъ самости, нѣкоторымъ образомъ питаетъ ее. При руководителѣ же наше *я* рѣшительно исчезаетъ въ волѣ его съ перваго раза, а съ тѣмъ вмѣстѣ теряютъ опору и всѣ страсти и послѣ наступаютъ и дѣйствуютъ уже безъ порядка, въ смятеніи; но и тутъ все ихъ коварство перехитряется и дѣлается безуспѣшнымъ посредствомъ откровенности. Вообще, это могущественный способъ убивать страсти и востекать скоро къ чистотѣ. Всѣ опыты святыхъ идутъ сюда, и примѣровъ безчисленное множество... Надобно еще замѣтить, что чѣмъ скорѣе, по обращеніи, найдется и изберется руководитель тѣмъ лучше. Ревность жива и на все готова, и мудрый правитель чего не сдѣлаетъ съ нею, особенно когда не успѣло еще образоваться самодѣланіе, которое надѣляетъ упорствомъ, недовѣріемъ, прекословіемъ, поправками... Болящій имъ, и избравъ руководителя, долженъ быть прежде исцѣленъ отъ него, чтобы поступить въ чинъ добраго сына, способнаго къ образованію. Бѣда, когда привыкнетъ душа все дѣлать по своему разумѣнію и хотѣнію.

12) Наконецъ, окончательная какъ бы перечистка всего нашего состава, очищеніе его какъ въ огнѣ, совершается самымъ Господомъ. Именно: совнѣ—скорбьми, извнутрь — слезами. Нельзя сказать, чтобъ онѣ явля-

лись лишь въ концѣ, а прежде ихъ не бывало. Нѣтъ, онѣ начинаются съ перваго раза съ самаго начала, и сопровождаютъ человѣка въ видѣ различныхъ напріятностей и сокрушенія сердечнаго, и чѣмъ болѣе возрастаетъ человѣкъ, тѣмъ онѣ болѣе усиливаются. Но тамъ Господь вводитъ ихъ въ насъ, пуская и какъ бы благословляя во благо намъ обыкновенное теченіе дѣлъ внѣшнихъ и внутреннихъ. Къ концу же онъ намѣренно устрояетъ ихъ, даетъ слезы, наводитъ скорби—или вмѣстѣ, или одно за другимъ, и то одно прежде, то другое, и даже одно у одного, а другое у другаго. Скорби—огонь, слезы—вода. Это — крещеніе *водою* и *огнемъ*. У св. Исаака Сиріанина это изображается взытіемъ на крестъ, или окончательнымъ распятіемъ внѣшняго человѣка. Это минута, какъ говорятъ, искусительнѣйшая, подобная той, какая была у Авраама, приносившаго сына въ жертву: въ умѣ—мракъ, въ сердцѣ—безотрадное томленіе, свыше — чаяніе гнѣва, снизу — готовый адъ; человѣкъ зритъ себя гибнувшимъ, висящимъ надъ бездною. Отсюда одни выходятъ съ торжествомъ, другіе падаютъ и возвращаются вспять, чтобъ опять взбираться на эту гору. Прошедшіе эту ступень, какъ восшедшіе на небо, уже не земны, а небесны, вземлются Духомъ божественнымъ и носятся имъ, подобно колесамъ въ видѣніи Іезекіиля. Богъ въ нихъ есть дѣйствуяй. Состояніе ихъ непостижимо для мысли. Его узнаютъ только опытомъ, потому о немъ и не говорятъ прошедшіе его; оно и не полезно, а можетъ быть даже и не безвредно.

Такъ это въ концѣ. До того же времени, на ряду

съ другими способами, какъ сильнѣйшее средство очищенія, должны быть очищаемы постоянныя скорбности и непріятности, Богомъ устрояемыя, и духъ сокрушенія, Имъ же подаваемый. По силѣ оно равняется руководителю и, при недостаткѣ его, можетъ довольно его замѣнять, да и замѣняетъ у человѣка вѣрующаго и смиреннаго. Ибо въ такомъ случаѣ Самъ Богъ есть руководитель, а Онъ, безъ сомнѣнія премудрѣе человѣка. У св. Исаака Сиріанина подробно изображается, съ какою постепенностью Господь вводитъ очищаемаго все болѣе и болѣе въ скорби чистительныя и какъ разогрѣваетъ въ немъ духъ сокрушенія. Съ нашей стороны требуется только вѣра въ благое промышленіе и готовое, радостное, благодарное пріятіе отъ Него всего посылаемаго. Недостатокъ сего отнимаетъ чистительную силу у скорбныхъ случаевъ, не пропускаетъ ее до сердца и глубинъ нашихъ. Это — въ отношеніи къ скорбямъ. Въ отношеніи же къ сокрушенію — внимательное познаваніе своихъ грѣховъ, своего разстройства, чрезъ наблюденіе за собою и за тѣмъ, что бываетъ въ насъ, и потомъ чистое исповѣданіе, съ искреннимъ раскаяніемъ и болѣзнованіемъ. Безъ внѣшнихъ скорбей трудно устоять человѣку противъ гордости и самомнѣнія, а безъ слезъ сокрушенія, какъ избавиться отъ внутренняго эгоизма фарисейской самоправедности *)? Тотъ, кто не имѣетъ первыхъ, почитается у апостола прелюбодѣйчищемъ. Такъ какъ онѣ не въ нашей власти, а въ рукахъ Божіихъ, то, опасаясь просить ихъ по не-

*) У св. Исаака Сиріанина внѣшнія скорби, слезы и сокрушенія восхваляются по всему пространству его словъ.

довѣрію къ своимъ силамъ и незнанію, устроимся ли въ нихъ, по крайней мѣрѣ никакъ не должно оставаться въ небреженіи о послѣднемъ. Оно—въ рукахъ нашихъ большею половиною и молиться о немъ не воспрещается. Итакъ, сколько есть способовъ и мудрости, напрягайся сколько можно чаще сокрушаться предъ Богомъ въ раскаяніи, падая предъ Нимъ и моля о помилованіи. Видя трудъ, Онъ подастъ и непрестанное сокрушеніе и, если нужно, изобильныя слезы, коими омоется и очистится, наконецъ, совершенно лицо души. Благополучіе должно вести не къ самонадѣянности и велехваленію, а къ спасенію, не оставилъ ли уже Господь, какъ ненужнаго, а потому—къ сильнѣйшему ревновенію о сокрушеніи сердечномъ, которое всегда есть жертва Богу пріятная. Даже можно сказать, когда нѣтъ у тебя внѣшняго скорбѣнія, то скорби внутренно, ибо къ этому какъ бы призываетъ тебя Богъ. Между тѣмъ, и наоборотъ, тому, кто скорбитъ внѣшно, Самъ Господь посылаетъ утѣшенія — минуты восхитительнаго радованія, заставляющія забыть скорби, залѣчивающія раны, при чемъ сѣтованіе и невозможно. Слезы при этомъ могутъ быть и не быть: все дѣло — въ болѣзнованіи предъ Богомъ о нечистотахъ своихъ.

Вотъ всѣ способы, коими въ насъ истребляются страсти — то собственнымъ нашимъ умнодѣлательнымъ трудомъ, то руководителями, то Самимъ Господомъ. Уже было замѣчено, что безъ мысленнаго внутренняго боренія, бореніе внѣшнее не можетъ быть успѣшнымъ; то же самое должно сказать и о бореніи подъ руководствомъ, а также и о промыслительномъ очищеніи.

Слѣдовательно, внутреннее бореніе должно быть непрекращаемо и неизмѣняемо. Само одно оно не такъ сильно; но когда нѣтъ его, всѣ другія—бездѣйственны, не въ пользу. И дѣлатели, и страдатели, слезники и послушники гибли и гибнутъ отъ недостатка внутренняго боренія или храненія ума. Если припомнить при этомъ и то, что сказано прежде о внутреннемъ положительномъ дѣланіи, именно что въ немъ—цѣль и сила внѣшняго положительнаго дѣланія, — то во всей силѣ откроется все значеніе дѣланія внутренняго, и всякому будетъ видно, что оно—исходище, основа и цѣль всего подвижничества. Все дѣланіе наше можетъ быть сокращено въ слѣдующую формулу: собравшись внутрь себя, возставь духовное сознаніе и жизнедѣятельность и въ этомъ настроеніи ходи по начертанному внѣшнему дѣланію подъ руководителемъ или Промысломъ; но при этомъ съ строгимъ и напряженнымъ вниманіемъ замѣчай и слѣди все возникающее внутри. Коль скоро родится страстное возстаніе, — гони его и поражай, и мысленно и дѣятельно, не забывая возгрѣвать въ себѣ духъ сокрушенный и болѣзнующій о грѣхахъ своихъ.

Сюда должно быть сведено все вниманіе подвижника, чтобы, подвизаясь, онъ не разсѣявался и былъ какъ бы связанъ или препоясанъ по чреслам помышленій своихъ. Хожденіе съ такимъ внутрь-пребываніемъ и храненіемъ есть хожденіе трезвенное, а наука о семъ есть наука трезвенія. Теперь понятно, почему всѣ подвижники главнѣйшею изъ добродѣлей подвижническихъ считали добродѣтель трезвенія и неимѣю-

щаго ея почитали безплоднымъ. Потому оно и должно быть отмѣчено особенно. О немъ уже была рѣчь, но то — лишь начало. Тамъ говорено было о немъ для того, дабы показать, что исходить на дѣятельность самопротивленія и самопринужденія должно не иначе, какъ извнутрь, или, лучше, ходить въ ней—утвердившись внутрь. Теперь ту же точку изберемъ для восхожденія вверхъ, ибо тамъ—цѣль, а внѣшнее — средство должно, то-есть, показать существенное тяготѣніе подвизающагося духа къ Богу, условія къ скорѣйшему приближенію къ Нему и состояніе приближеннаго или, лучше способнаго къ тому, ибо само приближеніе—отъ Бога.

4. Начатки восхожденія къ живому богообщенію.

Утвердившись внутрь, обратившійся всю силу ревности своей обращаетъ на дѣла самоисправленія себя отъ нечистотъ и страстей, на высвобожденіе своихъ силъ и укрѣпленіе ихъ въ дѣятельности богоугодной. Эта работа поглощаетъ все его вниманіе, всѣ труды и все время. По мѣрѣ пріученія себя къ этому дѣланію и, вмѣстѣ, упорядоченія и организованія своего внутренняго состоянія, онъ естественно болѣе и болѣе входитъ въ себѣ, собирается внутрь и полагаетъ начало неисходному въ немъ пребыванію. Это цѣль начальнаго подвизанія, вступленія въ себя.

Въ то же самое время, какъ человѣкъ начинаетъ утверждаться въ себѣ, мало-по-малу раскрывается предъ нимъ главная цѣль, которой долженъ искать и

которая прежде какъ бы скрывалась за множествомъ дѣлъ. Но и само собою естественно, по мѣрѣ удаленія изъ области страстей, оказаться главному стремленію и тяготѣнію нашего духа, ради распространенія круга коего и предпринимается весь трудъ. Эта цѣль и стремленіе есть тяготѣніе къ Богу, какъ верховному благу. Оно возможно подъ условіемъ ощущенія сладости жизни въ Богѣ или вкушенія—сколь благъ Богъ, потому является не вдругъ. Сначала страхъ лежитъ на человѣкѣ: онъ служитъ какъ рабъ, по долгу, обязанности, которую созналъ въ минуту пробужденія. Потомъ страхъ стихнетъ и, не исчезая, даетъ мѣсто сладости въ работѣ Господу, ощущенію въ немъ пріятности. Явленіе этого есть явленіе перваго оживленія души для Бога, узрѣніе свѣтлой своей цѣли. Когда это тяготѣніе явится, то начинаетъ расти уже само собою въ томъ же порядкѣ, среди котораго и родилось. Не должно однакоже ждать только его, а самимъ оставаться недѣйствующими для него, — нѣтъ, человѣкъ долженъ самъ дѣйствовать извѣстнымъ образомъ, дабы споспѣшествовать скорѣйшему раскрытію этого тяготѣнія. Къ этому въ прежнемъ порядкѣ, назначается преимущественно внутреннее положительное дѣланіе; но и всѣ дѣла такъ совершаемыя, поколику будутъ совершаться, не выходя извнутрь, способны подать помощь своему тяготѣнію, возвращать и укрѣплять, съ чаяніемъ всего отъ Бога и обращеніемъ всего во славу Божію. Это должно быть духомъ всего показаннаго дѣланія, иначе оно останется безплоднымъ, и, что особенно, человѣкъ не можетъ вынесть его тяготы безъ

этой внутренней силы, влагаемой въ него. Такъ прежніе подвиги могутъ развивать тяготѣніе къ Богу; но надобно направлять ихъ къ тому особымъ внутреннимъ настроеніемъ, какое должно держать, проходя ихъ.

Восхожденіе къ Богу.

Восхожденіе ума къ Богу, или тяготѣніе къ Нему, образуется по мѣрѣ укрѣпленія внутреннихъ дѣланій. Оно въ нихъ заграждается, какъ сѣмя, и зрѣетъ на нихъ какъ на почвѣ. Храня, потому, сіе внутреннее, для того, чтобы возбудить скорѣе тяготѣніе къ Богу, должно при этомъ:

1) Навыкать умомъ хожденію предъ Богомъ. Пусть человѣкъ напрягается непрестанно зрѣть Бога, яко одесную есть, и восходить до чувства, что онъ есть зримый Богомъ. Навыкновеніе въ этомъ есть дверь къ Богу, отверстіе неба ума.

2) Все творить во славу Божію и ни въ чемъ — ни во внѣ, ни внутрь—не имѣть въ виду ничего кромѣ сей славы: она должна быть мѣрою начинаній и налагать на нихъ печать свою.

3) Все дѣлать по сознанію на то воли Божіей, ходить въ этой волѣ и ей во всемъ повиноваться и вседушно покорствовать *). Дѣйствованіе по волѣ Божіей обнимаетъ все бывающее отъ человѣка, а покорность ей обнимаетъ все бывающее съ человѣкомъ. Что ни дѣлаешь, напрягайся увидѣть, что Богъ хочетъ отъ

*) Лѣств. сл. 27 г. 66.

тебя сего дѣла; что ни встрѣтится съ тобою, пріими то, какъ отъ руки Господней. Лицо, вещь, случай, радость, горе—все прими съ радостію всему покорись съ охотою, миромъ, услажденіемъ, не смотря на противность.

Сими духовными дѣланіями все болѣе и болѣе умъ будетъ прозрѣвать къ Богу и утверждаться въ богозрѣніи, — навыкнетъ стоять умомъ въ зрѣніи Бога съ Его безконечными совершенствами. Это зрѣніе дается, большею частію, во время молитвеннаго Богу предстоянія и зрѣть посредствомъ сего же молитвеннаго предстоянія Богу. Оно есть начатокъ восхожденія къ живому богообщенію.

Современно съ богозрѣніемъ является и совершенствуется благоговѣйное Богу поклоненіе духомъ, когда онъ, въ болѣзненномъ взываніи къ Богу, падаетъ предъ Нимъ въ самоуничиженіи, яко тварь, съ не болѣзненнымъ однако-же чувствомъ, что онъ есть попираемый и отвергаемый, а съ сознаніемъ того, что онъ—пріемлемый, милуемый и ущедряемый.

Вслѣдствіе сего будутъ появляться неудержимыя влеченія внутрь и къ Богу восхищеніе.

Стремленіе къ Богу—цѣль. Но сначала оно—лишь въ намѣреніи, искомое. Должно сдѣлать его дѣйствительнымъ, живымъ, какъ естественное тяготѣніе, сладостное, охотное, неудержимое. Только такого рода тяготѣніе и показываетъ, что мы—въ своемъ чинѣ, что Богъ воспріемлетъ насъ, что мы идемъ къ Нему. Когда желѣзо тянется къ магниту, это значитъ, что прикасается къ нему сила магнитая; то же и въ духовномъ отношеніи:

тогда только и видно, что Богъ касается насъ, когда это есть живое стремленіе, — когда духъ, минуя все, устремляется къ Богу, восхищается. Сначала не бываетъ этого,—человѣкъ ревнующій весь обращенъ на себя, хоть и для Бога; но это возрѣніе на Бога есть только мысленное. Еще Господь не даетъ вкусить Себя, да и человѣкъ неспособенъ, потому что нечистъ. Онъ служитъ Богу, такъ сказать, безвкусно. Потомъ, по мѣрѣ очищенія и исправленія сердца начинаетъ ощущать сладость въ богоугодной жизни, съ любовію и охотою ходитъ въ ней, — она становится его услаждающею стихіею. Душа начинаетъ отрываться отъ всего, какъ отъ холода, и тяготѣетъ къ Богу, согрѣвающему ее. Полагаются начатки сего тяготѣнія въ духѣ, ревнующемъ божественною благодатію. Ея же наитіями и руководствомъ и зрѣетъ оно среди указаннаго порядка, коимъ питается даже безъ вѣдома самаго дѣйствователя. Знаменіе сего рожденія суть: охотное, тихое, не напряженное внутрьпребываніе предъ Богомъ, сопровождаемое чувствомъ благоговѣнія, страха радости и т. п. Прежде внутрь себя втѣснялъ себя духъ, а теперь самъ устанавливается тамъ и стоитъ неисходно. Ему радостно быть тамъ одному съ Богомъ въ удаленіи отъ другихъ, или безъ вниманія ко всему внѣшнему. Онъ обрѣтаетъ внутрь себя царство Божіе, которое есть *миръ и радость о Духѣ Святѣ*. Такое погруженіе внутрь, или погруженіе въ Бога, называется умнымъ безмолвіемъ или восхищеніемъ къ Богу. Бываетъ оно преходящимъ, но должно сдѣлать его постояннымъ, потому что въ этомъ — цѣль. Богъ въ насъ, когда духъ нашъ въ Богѣ истинно, ибо это

есть не мысленное общеніе, а живое, безмолвное, отчужденное отъ всего, погруженіе въ Бога. Какъ лучъ солнца уноситъ каплю росы, такъ и Господь восхищаетъ духъ, прикасаясь къ нему. *Взя ми духъ* говоритъ пророкъ. Многіе изъ святыхъ бывали постоянно въ восхищеніи къ Богу, а на иныхъ духъ нападалъ временно, но часто. Такъ и зачинается, и зрѣетъ, и совершенствуется такое тяготѣніе, или вступленіе въ Бога, божественною благодатіею въ томъ, кто ищетъ Бога искренно, добросовѣстно, усердно.

Существенное условіе для сего есть очищеніе сердца для принятія влекущаго Бога: *чистіи сердцемъ Бога узрятъ*. Потому всѣ, доселѣ указанные подвиги, упражненія и дѣла суть необходимое, неминуемое къ тому приготовленіе. Только всѣ они должны быть проходимы должнымъ образомъ, и именно съ направленіемъ къ сему. Главное здѣсь—храненіе сердца: хранилище ревнующаго духа — внутрь; условіе дѣйствительности подвиговъ, упражненій и дѣлъ, когда они идутъ извнутрь, успѣхи боренія только извнутрь; лучшій способъ образованія тяготѣнія къ Богу—внутренній. Слѣдовательно, внутреннее дѣланіе есть центральное исходище духовной, истинно-христіанской жизни. Посему у св. отцовъ оно одно и поставляется единственнымъ путемъ къ совершенству. *Трезвитеся и бодрствуйте, бдите и молитеся*, говоритъ Господь. Трезвеніе, или храненіе сердца — главный подвигъ. У св. отцовъ сюда и направлено все: все — въ сердцѣ, ибо что въ немъ, то и на дѣлѣ.

Рѣшительный же шагъ въ восхожденіи къ Богу,

самое предверіе богообщенія есть совершенное преданіе Ему себя, послѣ коего Онъ уже есть дѣйствуяй, а не человѣкъ. Въ чемъ вся сила, или чего мы ищемъ? —Богообщенія, того, то-есть, чтобы Богъ вселился въ насъ и началъ ходить въ насъ, облекся какъ бы въ нашъ духъ, правилъ и его разумомъ, и волею, и чувствомъ чтобъ и *еже хотѣти и еже дѣяти въ насъ* было бы его дѣломъ, чтобъ Онъ былъ дѣйствуяй все во всемъ, а мы сдѣлались бы орудіями Его, или дѣемыми отъ Него, и въ помышленіяхъ, и хотѣніяхъ, и чувствахъ, и словахъ, и дѣлахъ. Этого ищетъ Господь, владыка всяческихъ, ибо Онъ одинъ все въ тваряхъ дѣлаетъ чрезъ твари же. Того же долженъ искать и понявшій себя духъ.

Условіе къ сему боговселенію въ насъ и воцаренію, или пріятію вседѣйствія, есть отреченіе отъ своей свободы. Свободная тварь, по своему сознанію и опредѣленію, дѣйствуетъ сама отъ себя; но этому не должно быть такъ. Въ царствѣ Божіемъ не долженъ быть кто дѣйствующій самъ, но чтобы во всемъ дѣйствовалъ Богъ; а этого не будетъ, пока свобода сама стоитъ, — она отрицаетъ и отвергаетъ силу Божію. И тогда только прекратится это управство противъ силы Божіей, когда падетъ предъ Нимъ наша свобода, или самостоятельная и самодичная дѣятельность, когда въ человѣкѣ произносится рѣшительное прошеніе: „Ты Господи, твори во мнѣ, что хощешь, а я и слѣпъ, и слабъ“.

Въ этотъ-то моментъ вступаетъ сила Божія въ духъ человѣка и начинаетъ вседѣйствіе свое. И такъ,

условіе боговселенія въ насъ есть рѣшительное преданіе Ему себя.

Преданіе себя Богу есть внутреннѣйшій, сокровеннѣйшій актъ нашего духа, мгновенный, какъ и всѣ, но не мгновенно достигаемый, а зрѣющій постепенно, продолжительно или кратко, судя по умѣнію и благоразумію дѣлателя-христіанина. Начало его полагается въ первомъ обращеніи, ибо тамъ кающійся, полагая обѣтъ, непремѣнно говоритъ: „буду бѣгать зла и творить благо; только Ты, Господи, не оставь меня Своею благодатною помощію“. Съ этимъ расположеніемъ онъ и вступаетъ на поприще подвижничества и ревностно дѣйствуетъ въ немъ, въ чаяніи пріятія Божіей помощи. Но видимо, что здѣсь впереди идетъ его ревнованіе, Божіе же дѣйствіе послѣдуетъ за нимъ. Это необходимо и по строенію начинающаго, и по намѣренію Божію. Начинающій хочетъ потрудиться ради Господа, услужить Ему — и трудится. Этимъ образуется у него благонадежность и какъ бы смѣлость воззрѣнія на Бога. Но очевидно, что это не должно такъ оставаться. Необходимо, чтобы человѣкъ послѣдовалъ влеченію Божію, погасивъ самочинное ревнованіе. Слѣдовательно, человѣку не должно оставаться въ первомъ своемъ настроеніи, но, не ослабляя той же ревности, надлежитъ подчинять себя Богу, вводиться подъ Его мановеніе, пріучиться послѣдовать Его внушеніямъ и влеченіямъ. Тайно о семъ намекается, когда говорится Петру: „когда ты былъ юнъ, поясался самъ и ходилъ куда хотѣлъ; а когда состарѣешься, *инъ тя пояшетъ и ведетъ, аможе не хощеши*“. Сначала самъ ревнуетъ че-

ловѣкъ, а потомъ говоритъ: „Самъ Господи, ими же вѣси судьбами, устрояй мое спасеніе. Какъ связанный буду идти, куда повелишь“. Это и есть актъ рѣшительной Богу преданности. Первый родъ дѣятельности такъ благовиденъ и красенъ, — сколько плодовъ! Потому-то онъ и можетъ привязать къ себѣ навсегда. Но этого должно опасаться, потому что это будетъ то же, что потѣть надъ неблагодарною землею: много песку и камней, а нѣтъ жизненности. Надо стараться, отшедши отъ нея, перейти въ богопреданность. Правда, она нѣкоторымъ образомъ и сама можетъ расти въ продолженіи перваго дѣланія, однако-же должно слѣдить за этимъ растеніемъ и способствовать ему, или, лучше, принимать образуемое и растимое. Собственно и тогда дѣйствуяй есть Богъ, ибо безъ Него мы ничто: но человѣкъ говоритъ: „я избралъ, я хотѣлъ, я трудился, и Богъ помогъ“. И хотѣніе, и избраніе, и труды, суть тоже добрыя дѣла и, слѣдовательно, Божіи; но человѣку, за хлопотами и усиліями, думается, что тутъ его сила. Потому совершающійся внутри переходъ отъ ревности къ богопреданности ревностной есть не что иное, какъ раскрытіе и явленіе нашему сознанію дѣйствія Божія въ насъ, или въ устроеніи нашего спасенія и очищенія. Ревнующій вразумляется о семъ частыми неуспѣхами при всемъ усиліи, — успѣхами нечаянными и большими безъ особаго напряженія, — ошибками и паденіями, особенно вразумительными, какъ отступленіямъ благодати. Всѣми ими приводится человѣкъ къ мысли и вѣрѣ, что онъ — ничто, а все — Богъ и Его всесильная благодать. Это—послѣдняя точка пригото-

вительнаго къ богопреданности курса. Она не иначе возможна, какъ когда человѣкъ возчувствуетъ, что онъ — ничто. Съ своей стороны человѣкъ можетъ приложить слѣдующее: разсмотрѣніе дѣлъ и случаевъ, какъ они строятся, чтобъ узрѣть силу Божію въ нихъ; углубленіе съ сильною вѣрою въ условія оправданія, до воззванія: „ими же *вѣси судьбами, спаси мя*“; зрѣніе безчисленнаго множества враговъ, сокрытіе пути, мракъ предъ лицомъ, неисчетность распутій, сокровенность опредѣленій Божіихъ. Эти мысленныя приготовленія получаютъ особенную силу отъ дѣятельнаго, именно: раздаяніе всего имѣнія, преданія себя всеобщему поруганію (въ юродствѣ), затворъ, пустынничество. Это такіе повороты жизни, послѣ которыхъ некуда болѣе обращаться, какъ къ Богу. Всѣ такіе прямо повергаютъ себя въ руки Божіе и Имъ пріемлются. Въ этомъ отношеніи неоцѣненна помощь руководителя, если онъ, невидимо для руководимаго, поставляетъ его въ такія обстоятельства, изъ коихъ можетъ высвободить одна только невидимая помощь Божія. Древніе отцы говорили: должно послушникамъ доставлять вѣнцы. Лучше всего это чувство ничтожества своего и богопреданіе образуются непрестанными скорбьми и особенно чрезвычайными, Богомъ посылаемыми, крестами, о коихъ мы упоминали выше.

Предавшій себя Богу, или удостоившійся сего дара, начинаетъ быть дѣйствуемый отъ Бога и пребывать въ Немъ. Свобода не уничтожается, а существуетъ, ибо самопреданіе не есть окончательный, утвержденный актъ, а непрестанно повторяемый. Человѣкъ по-

вергаетъ себя Богу, и Богъ вземлетъ его и дѣйствуетъ въ немъ, или его силами. Въ этомъ — жизнь духа нашего истинная, божественная. Повергающій себя въ руки Божіе пріемлетъ отъ Бога и дѣйствуетъ тѣмъ, что пріемлетъ. Это — живой союзъ, жизнь въ Богѣ утвержденіе въ Немъ всѣмъ существомъ: мыслію, сердцемъ, волею. Оно является по самопреданіи. Но какъ самопреданіе ростетъ постепенно и, именно, въ продолженіе еще перваго дѣйствованія, то, вмѣстѣ съ тѣмъ, нельзя не возвышаться и сему богопріятію и пребыванію въ немъ. Оно такъ и есть; оно и возвышается само. Но опять-таки и съ нашей стороны должно быть нѣчто въ содѣйствіе ей или спѣшнѣйше созрѣваніе. Поприще богообщенія, область, въ коей оно образуется и дѣйствуетъ, есть умная духовая молитва... Молящійся пребываетъ въ Богѣ и, слѣдовательно, очень готовъ и способенъ къ тому, чтобъ и Богъ сталъ пребывать въ немъ. Но эта молитва не то же, что молитвованіе: это — особое дѣйствіе духовное, не столько руководимое, а болѣе безвѣстно зрѣющее и для руководимаго и для руководящаго. Въ ней, можно сказать, послѣдній предѣлъ правилъ подвижническихъ *). Ибо, когда станетъ и утвердится эта молитва, Богъ есть едино съ духомъ нашимъ. И правила касаются только начатковъ ея; а что бываетъ въ ней по усовершенствованіи, то сокрыто, становится невиднымъ, какъ Моисей за облакомъ.

*) См. у Семеона Богослова.

Живое богообщеніе совершается въ состояніи безмолвія, приводящаго къ безстрастію.

У кого начали появляться эти невольныя влеченія внутрь и эти восхищенія къ Богу, и особенно у кого начали дѣйствовать совершенное преданіе себя Богу и непристанная молитва, тотъ готовъ и способенъ вступить въ безмолвіе. Только онъ и силенъ вынесть этотъ подвигъ и проходить его съ плодомъ. Удержать такого въ общежитіи и сожительствѣ съ другими невозможно.

Что гнало Арсенія Великаго отъ людей? Это тяготѣніе внутрь предъ Богомъ. „Люблю васъ, говорилъ онъ, но не могу быть вмѣстѣ съ Богомъ и съ людьми“. —„Истинный безмолвникъ, говоритъ Іоаннъ Лѣствичникъ, не желая лишиться сладости Божіей, такъ удаляется отъ всѣхъ людей, безъ ненависти къ нимъ, какъ усердно другіе съ нимъ сближаются“.

Выписываемъ нужное къ понятію о безмолвіи изъ 27-го слова „Лѣствицы“:

„Есть безмолвіе внѣшнее, когда кто, отъ всѣхъ отдѣлившись, живетъ одинъ; и есть безмолвіе внутреннее, когда кто въ духѣ одинъ съ Богомъ пребываетъ не напряженно, а свободно, какъ свободно грудь дышетъ, и глазъ видитъ. Они совмѣстны, но первому безъ послѣдняго нельзя быть. Посему собственно безмолвникъ тотъ, кто существо безтѣлесное, душу свою усиливается удерживать въ предѣлахъ тѣлеснаго дома.

Пусть келія безмолвника заключаетъ въ себѣ тѣло его, а сіе послѣднее имѣетъ въ себѣ храмину разума".

На безмолвіе не потянетъ того, кто не вкусилъ еще сладости Божіей; сладости же сей не вкуситъ тотъ, кто не побѣдилъ еще страстей. Недугующій душевною страстію и покающійся на безмолвіе подобенъ тому, кто соскочилъ съ корабля въ пучину и думаетъ безбѣдно достигнуть берега на доскѣ.

Никто изъ тѣхъ, которые подвержены раздражительности и возношенію, лицемѣрію и памятозлобію, да не дерзнетъ когда-либо увидѣть и слѣдъ безмолвія безъ того, чтобы не впасть въ изступленіе ума.

„Вкусившій сладости Божіей стремится на безмолвіе, чтобы ненасытно насыщатся имъ, безъ всякихъ препонъ, и непрестанно порождать въ себѣ огнь огнемъ, раченіе раченіемъ и вожделѣніе вожделѣніемъ. Посему безмолвникъ есть земной образъ ангела; на хартіи вожделѣнія, рукописаніемъ тщанія, освободилъ онъ молитву свою отъ лѣности и нерадѣнія... Безмолвникъ—тотъ, кто духодвижно вопіетъ: *готово сердце мое, Боже!* Безмолвникъ—тотъ, кто говоритъ: *азъ сплю, а сердце мое бдитъ*".

Такимъ образомъ, все занятіе безмолвника—быть съ Единымъ Господомъ, съ Коимъ и бесѣдуетъ онъ лицомъ къ лицу, какъ любимцы царя говорятъ ему на ухо. Это серцевое дѣланіе ограждается и охраняется другимъ блюденіемъ безмятежія помысловъ. Благочиніе помысловъ и неокрадываемая мысль о божественномъ составляютъ существо безмолвія и еще безпопеченіе. Сидя на высотѣ, наблюдай, если только знаешь это, и

тогда увидишь, какъ и когда, откуда сколько многіе и какіе тати хотятъ войти и украсть грозды винограда. Когда стражъ сей утрудится, то встаетъ и молится, а потомъ опять садится и принимается за первое дѣло съ новымъ мужествомъ.

Возлюбившіе блаженное безмолвіе проходятъ дѣланія умныхъ силъ и подражаютъ образу ихъ жизни. Не насытятся они во вѣки вѣковъ, восхваляя Творца: такъ и возшедшій на небо безмолвія не насытится, воспѣвая Создателя.

Но ни молитвы безлѣностной, ни храненіе сердца неокрадомаго нельзя возмѣть, если не утвердилось на передъ въ сердцѣ совершенное безпопеченіе. Нельзя съ разумомъ проходить первыхъ двухъ, кто не пріобрѣлъ послѣдняго, подобно тому, какъ не выучивши буквъ, нельзя читать. „Малый волосъ смущаетъ око и малое попеченіе губитъ безмолвіе“. Кто желаетъ представить Богу чистый умъ и смущаетъ себя попеченіями, тотъ подобенъ крѣпко сковавшему свои ноги и покушавшемуся скоро идти. Посему истинное безмолвіе и начинается по преданіи себя Богу и глубокомъ увѣрованіи сердца въ Его о насъ попеченіи.

Только тѣ, кои сочетались съ безмолвіемъ для наслажденія любовію Божіею, для утоленія жажды этой любви, будучи влекомы сладостію ея, суть настоящіе безмолвники. Такіе, если проходятъ безмолвіе съ разумомъ, скоро начинаютъ вкушать и плоды его, кои суть: умъ неволнуемый, мысль очищенная, восхищеніе къ Господу, молитва ненасытная, стража неокрадаемая, всегдашнія слезы и проч.

Такимъ образомъ влечетъ на безмолвіе влеченіе внутрь къ сладостному стоянію предъ Богомъ; путь по нему пролагаетъ очищеніе отъ страстей всѣми подвигами, коими укрѣпляется въ насъ добро и истощается зло; непосредственное предверіе его есть преданіе себя Богу въ безпопеченіи; существо его—ничѣмъ невозмутимое молитвенное стояніе предъ Богомъ умомъ въ сердцѣ, отъ коего огнь къ огню прилагается.

Горѣніе духа отъ Божія прикосновенія окончательно очищаетъ человѣка и возводитъ его въ состояніе безстрастія. Въ этомъ огнѣ переплавляется естество наше, какъ металъ неочищенный въ горнилѣ, и является сіяющимъ небесной чистотою, дѣлающимъ его готовымъ Богу жилищемъ.

Такъ, на пути къ живому богообщенію, стоитъ неминуемо безмолвіе, если не всегда какъ извѣстный образъ подвижническаго житія, то всегда какъ состояніе, въ коемъ внутрь собранный и углубленный духъ, огнемъ духа божественнаго, возводится къ серафимской чистотѣ и пламененію къ Богу и въ Богѣ.

Огнь этотъ внѣдряется въ минуты обращенія и начинаетъ дѣйствовать, какъ только, по обѣтѣ, вступитъ человѣкъ въ трудъ; но это есть начальная теплота, то появляющаяся, то скрывающаяся. Она дѣйствуетъ во все продолженіе труда надъ очищеніемъ сердца; иначе не вынесть человѣку трудовъ сихъ. Но всей силы своей она въ то время явить не можетъ, по причинѣ холода страстей, еще качествующихъ въ человѣкѣ. Всю силу свою являетъ она уже тогда, когда умолкнутъ страсти. Первая теплота похожа на горѣ-

ніе дровъ сырыхъ и намоченныхъ, а вторая на горѣніе тѣхъ же дровъ, когда огонь изсушитъ ихъ и проникнетъ весь ихъ составъ. По другому сравненію, первая теплота похожа на ту, которая бываетъ въ водѣ, содержащей льдину, еще нерастаянную: теплота есть, но вода не вскипаетъ и не вскипитъ, пока не растаетъ льдина. Когда же растаетъ льдина, теплота проникая всю массу воды, разгорячаетъ ее все сильнѣе и сильнѣе; отъ этого вода перекипаетъ и перечищается. Вотъ на это похожа вторая теплота. Послѣдніе два образа дѣйствій огня изображаютъ дѣйствія духовнаго горенія въ послѣднихъ степеняхъ совершенства христіанскаго, возводящаго къ совершенной чистотѣ и безстрастію.

Вещество страстей, будучи изнуряемо божественнымъ огнемъ, потребляется; а по мѣрѣ того, какъ вещество искореняется и душа очищается, отходятъ и страсти [1]).

Вотъ значеніе безстрастія, по указанію „Лѣствицы“ въ словѣ 29-мъ.

Безстрастіе есть воскресеніе души прежде воскресенія тѣла.

Воскресеніемъ души должно называть исшествіе изъ ветхости, именно когда произойдетъ новый человѣкъ, въ которомъ нѣтъ ничего отъ ветхаго человѣка, по сказанному: *и дамъ вамъ сердце ново и духъ новъ* (Іезек. 36, 26) [2]).

Это полное и между тѣмъ всегда возрастающее

---

[1]) Лѣств. сл. 26, 63.

[2]) Исаак. Сир., стр. 138.

совершенство совершившихся о Господѣ такъ освящаетъ умъ и восхищаетъ его отъ вещества, что часто отъ жизни въ тѣлѣ изступленіемъ возноситъ на небо къ видѣнію.

Безстрастіе показалъ апостолъ, написавъ *умъ Господень имамы* (1 Кор. 2, 16). Безстрастіе показалъ и тотъ сиріанинъ-подвижникъ, который взывалъ: „ослаби ми волны благодати Твоея!“

Безстрастный ко всѣмъ предметамъ, возбуждающимъ и питающимъ страсти, сталъ нечувствителенъ такъ, что они никакого дѣйствія на него не производятъ, хотя находятся предъ очами его. Это оттого, что онъ весь соединенъ съ Богомъ. Приходитъ онъ въ блудилище—и не только не чувствуетъ движеній страсти, но и блудницу приводитъ къ чистому и подвижническому житію [1]).

Кто сподобился быть въ семъ устроеніи, тотъ еще здѣсь обложенный бренною плотію, бываетъ храмомъ живаго Бога, Который руководствуетъ и наставляетъ его во всѣхъ словахъ, дѣлахъ и помышленіяхъ; и онъ, по причинѣ внутренняго просвѣщенія, познаетъ волю Господню, какъ бы слышалъ нѣкоторый гласъ, и, будучи выше всякаго человѣческаго ученія, говоритъ: *когда пріиду и явлюся лицу Божію*,—ибо не могу болѣе сносить дѣйствій его вожделѣнія, но ищу той безсмертной доброты, которую Ты даровалъ мнѣ прежде, нежели я впалъ въ тлѣніе. Но что много говорить! Безстрастный не къ тому живетъ себѣ, но живетъ въ немъ Хри-

[1]) Сл. 26, ст. 5, 139.

стосъ (Галат. 2, 20), какъ сказалъ подвигомъ добрымъ подвизавшійся, теченіе скончавшій и вѣру православную соблюдшій.

Безстрастіе есть небесная палата небеснаго Царя.

И вотъ, наконецъ, богообщеніе и боговселеніе — послѣдняя цѣль исканія духа человѣческаго, когда онъ бываетъ въ Богѣ, и Богъ въ немъ. Исполняется, наконецъ, благоволеніе Господа и молитва Его, чтобы какъ Онъ въ Отцѣ и Отецъ въ Немъ, такъ и всякій вѣрующій едино былъ съ Нимъ (Іоан. 17, 21). Исполняется утѣшительное увѣреніе Его: кто слово Его соблюдетъ, того возлюбитъ Отецъ Его, и Они къ тому пріидутъ и обитель у него сотворятъ (Іоан. 14, 23). Исполняется апостольское опредѣленіе умершихъ безстрастіемъ, что животъ ихъ сокровенъ есть со Христомъ въ Богѣ (Кол. 3, 3). Таковые суть храмъ Божій (1 Кор. 3, 16), и духъ Божій живетъ въ нихъ (Рим. 8, 9).

Достигшіе сего суть таинники Божіи, и состояніе ихъ есть тоже, что составленіе апостоловъ, потому что и они во всемъ познаютъ волю Божію, слыша какъ бы нѣкій гласъ [1]), и они, совершенно соединивъ чувства свои съ Богомъ, тайно научаются отъ Него словамъ Его [2]). Знаменуется такое состояніе пламенемъ любви, по коей они съ дерзновеніемъ удостовѣряютъ: *кто ны разлучитъ?* (Рим. 8, 35) А любовь есть подательница пророчества, причина чудотвореній, бездна просвѣщенія, источникъ огня бо-

[1]) Лѣств. 29, 11.
[2]) Лѣств. 30, 21.

жественнаго, который чѣмъ болѣе истекаетъ, тѣмъ болѣе распаляетъ жаждущаго [1]).

Поелику такое состояніе есть плодъ безмолвія, когда проходятъ его съ разумомъ, то не всѣ безмолвники оставляются Богомъ въ безмолвіи навсегда. Достигающіе чрезъ безмолвіе безстрастія и чрезъ то удостоивающіеся преискренняго богообщенія и боговселенія изводятся оттуда на служеніе ищущимъ спасенія и служатъ имъ, просвѣщая, руководя, чудодѣйствуя. И Антонію Великому, какъ Іоанну въ пустынѣ, гласъ былъ въ его безмолвіи, изведшій его на труды руководства другихъ на пути спасенія,—и всѣмъ извѣстны плоды трудовъ его. То же было и со многими другими.

Выше сего стоянія апостольскаго мы не знаемъ на землѣ. Здѣсь — и конецъ обозрѣнію порядка богоугодной жизни [2]).

---

[1]) Тамъ же 30, 35.

[2]) Желающіе знать о послѣднихъ степеняхъ христіанскаго совершенства пусть читаютъ св. Исаака Сиріанина, „Лѣствицу“ и „Добротолюбіе“.

ОПЕЧАТКИ:

Стр.	Стр.	Напечатано:	Слѣдуетъ читать
4 —	8	еи	ей
5 —	6	на распутіи	на распутія
6 —	11 сн.	обратиться	обратить
9 —	5	самонаправленіемъ	самоисправленіемъ
11 —	3 сн.	жизнь	жить
12 —	2	дѣятельномъ	дѣятельнымъ
13 —	7 сн.	сожалѣнія	жалѣнія
14 —	13	доброхочетъ	добро хочетъ
15 —	6	когда	тогда
17 —	5 сн.	сдѣлать?!	сдѣлать.
18 —	15	свою	сею
19 —	8	прахъ, вѣтромъ	прахъ вѣтромъ,
21 —	5	будетъ	бываетъ
24 —	5	Равенство	Главенство
— —	11	Укрѣпленія	изъ укрѣпленія
— —	15	80. Гл. 9	79 и далѣе
— —	7 сн.	Отдѣлъ!	отдѣлъ.
— —	6 сн.	слабовѣдѣніе	любовѣдѣніе
27 —	14	--предложить	предлежитъ
— —	13 сн.	требуемый	и требуемый
28 —	14 сн.	несамонадѣятельно	не самодѣятельно
29 —	2	дѣйствительныя	дѣйственныя
— —	13	преимущественно	преимущественное
33 —	1	въ духѣ, совершается	въ духѣ совершаемая
34 —	6 сн.	видѣніемъ	вѣдѣніемъ
39 —	2	всегда	всего
40 —	13	дѣятельности, воображенія	дѣятельности воображенія
— —	13 сн.	къ настоящее	въ настоящее
— —	8 сн.	а разнообразится	и разнообразится
41 —	11	у насъ	у него
45 —	8	когда	какъ
48 —	14 сн.	безпорочностію	безпорядочностію
49 —	5	проявился	проявлялся
— —	14	напечатлѣются	напечатлѣютъ въ ней
— —	13 сн.	въ совѣтливости	къ совѣстливости
50 —	3 сн.	не премѣнно	непремѣнное
55 —	11 сн.	завладѣваютъ	завладѣютъ
— —	10 сн.	исповѣданія	исповѣданіе
— —	9 сн.	сознавалъ	сознаетъ
57 —	15	и	но
59 —	3	отъ	изъ
60 —	12	къ одному	одному
61 —	6	такимъ	тамъ
64 —	9 сн.	говорить	говоритъ
61 —	4	все	всѣ
— —	5	забываютъ	забиваютъ
73 —	8	отъ	изъ
75 —	13	міръ	миръ
76 —	13	первое	правое
90 —	11	Тамъ	Тамъ всѣ
— —	2 сн.	такимъ	съ такимъ
91 —	14 сн.	любомудрамъ	такимъ любомудрамъ
— —	5 сн.	Таково	Таковъ истинный любомудръ, таково
95 —	10 сн.	съ нимъ	къ намъ

96 —	9 сн.	треть	третье
87 —	13 сн.	себѣ. . охранять	себѣ.... сохранять
— —	12 сн.	судъ	судъ (Быт. 18, 19).
100 —	5 сн.	слабомудріи	любомудріи
109 —	12 сн.	посылаша	посылаше
118 —	1	грѣши	не грѣши
— —	3 сн.	болѣзнь	болѣзнованіе,
128 —	14 сн.	ставить	ставитъ
137 —	8 сн.	*Нн.*	*Не*
438 —	14	Б)	Б) (латинское b
147 —	8	межу	мету
149 —	4 сн.	набиваетъ ее	набиваютъ его
154 —	5	ожестевали	ожестѣвали
— —	11 сн.	И отрѣшеніе	отрѣшеніе же
163 —	16	порода	родъ
168 —	5 сн.	пробождать	прободать
170 —	11	рѣшительнѣе.	рѣшительнѣе—
181 —	9 сн.	Тогда	То—
185 —	8	душевно-тлѣнности	душевно-тѣлесности
205 —	6 сн.	избираотъ	избираетъ
206 —	10	одолѣвъ всѣми	овладѣвъ всѣми
212 —	11	посредствуетъ	посредствуется
215 —	1	дескать	— —
— —	13 сн.	Влачась	Влаясь
222 —	7 сн.	неисцѣляющаго	всеисцѣляющаго
240 —	2	Еще	Еще:
242 —	6	пріобрѣтается,	пріобрѣтается“, —
— —	7	первое	не первое
— —	9	что благодать	что „благодать
243 —	12 сн.	*яко стропино*	съ начала строки
— —	10 сн.	*боязнь же и страхъ*	съ начала строки
— —	4 сн.	*и помучитъ*	съ начала строки
244 —	4	*дондежи*	съ начала строки съ уступомъ
— —	12	*и паки воз...*	съ начала строки
— —	9 сн.	*И возвеселитъ*	съ начала строки
245 —	4	*И открыетъ*	съ начала строки
— —	7	Промышленія тварей	промышленій о тваряхъ
— —	2 сн.	проходящая	приходящая
249 —	9	не въ нынѣшней	ни въ нынѣшней
— —	12	восполненій	въ восполненье
250 —	2	Грѣхъ	Св. Іоаннъ
— —	4	похоть	похоть (I Іоан. 2, 10. 11. 15).
— —	6	Грѣхъ	Свѣтъ
253 —	2 сн.	она... подавалась	оно... подавалось
254 —	16	Плоды его	плоды трудовъ его и подвиговъ
— —	—	содѣйствіе	воздѣйствіе
255 —	3	съ	въ
— —	6	чаетъ	самъ чаетъ
— —	1 сн.	строеніе	настроеніе
258 —	13 сн.	деревами	деревнею
259 —	—	Подъ чертой замѣтку измѣнить такъ: подробнѣе о руководителѣ—въ особой брошюркѣ подъ заглавіемъ: *что потребно покаявшемуся*,—и проч.	
260 —	5 сн.	необразуется	не образуются
262 —	—	Подъ чертой такъ: подробнѣе о правилахъ — въ указанной выше брошюркѣ.	
266 —	9	огнь, котораго	огнь Котораго
267 —	16	въ самоисправленіи	въ самопротивленіи

—	—	4 сн.	основанія	основаніе
268	—	15	всей	великой
270	—	1 сн.	вниманіе	вниманіемъ
271	—	14	состоитъ	стоитъ
—	—	6 сн.	въ внѣшнемъ	во внѣшнемъ мірѣ
277	—	14	смерти	рая
279	—	10 сн.	имѣетъ	имѣть
280	—	2 сн.	тогда, когда	и тогда, когда бы
281	—	1	въ чувствѣ	въ чувство
287	—	2 сн.	встань	стань
—	—	—	свое, у сердца	свое у сердца,
288	—	6	пламенѣетъ	пламенѣть
—	—	13	и къ сему	и не къ сему
—	—	3 сн.	исподоволь; надо	исподоволь, должно
191	—	9	они укажутъ	онѣ окажутся
292	—	14	проникаетъ	проникается
—	—	6 сн.	увращевается	увращевывается
294	—	8	вниманіе совѣсти	вниманіе къ совѣсти
297	—	10 сн.	упражненія	упражненія же
304	—	11 сн.	предѣляютъ	опредѣляютъ.
305	—	9	не вдругъ	не вдругъ;
—	—	2 сн.	и другія	и на другія
308	—	4	тяготѣющаго	тяготящаго
—	—	8 сн.	слушанію	служенію
—	—	6 сн.	друдихъ	другихъ
311	—	1	постъ	потъ.
—	—	1 сн.	дѣятельной	дѣлательной
315	—	15	есть не	она есть ни
—	—	12 сн.	возвышенія	возвышеніе
—	—	11 сн.	соедины	соединены
316	—	8	встрѣтяться	встрѣтятся
—	—	10	утомлены	утомительны
—	—	13	Такъ-то. Крайне	Такъ-то крайне
—	—	7 сн.	условіемъ	усвоеніемъ
—	—	2 сн.	питанія	питія
317	—	5 сн.	жизнь.	жизнь!
318	—	1	о здобленіи, изсушеніи	ослабленіи, изсушеніи
—	—	13	связаны	связны
—	—	—	плотнѣе	плотяніе
—	—	15	сонъ	Сонъ,
—	—	6 сн.	насиліемъ	насильнымъ
319	—	11	награды	наградѣ
321	—	1	дѣломъ	дѣломъ,
325	—	2	страшится	страшиться
327	—	6	таинство	таинства
329	—	2	и сокрушенія, обѣта	съ сокрушеніемъ и обѣтомъ.
—	—	15	ограждаютъ крѣпость	къ огражденію крѣпости
330	—	1 сн.	хрѣхопаденій	грѣхопаденій
331	—	1	было	была
333	—	6	движеніяхъ, движеніяхъ	чувствахъ и движеніяхъ
—	—	13 сн.	помыселъ	помыслъ
336	—	14	возвращенію	возращенію
—	—	10 сн.	къ внѣшнему	въ отношеніи къ внѣшнему быту
338	—	11 сн.	сихъ	силъ
—	—	1 сн.	непрямое направленіе	не прямое, направленное
339	—	1	возстающіе	возстающей
—	—	7	самопоставленій	самопостиженія
341	—	1	Предавши	Предавшій
—	—	11 сн.	миромъ	міромъ
343	—	4 сн.	изверженія	изверженіе
344	—	9	отъ всего себя—упокоеніе	отъ всего—себя упокоеніе

—	—	—	дескать	———
346	—	3 сн.	состоитъ	стоитъ
947	—	6	помыселъ	помыслъ
—	—	9	скорѣе	скоро
—	—	7 сн.	то	потому что
348	—	5 сн.	въ особеннаго	особеннаго
349	—	6	рождаются	раждаются
—	—	11	цитатъ (выпускъ первый Б.)	
351	—	3	безпечными	безопасными
—	—	13 сн.	и стощенья	истощанія
352	—	13 сн.	пріучаетъ	и пріучаетъ
353	—	12 сн.	Они имѣютъ	Она имѣетъ
355	—	16	Между словомъ: представленіями и словомъ: противоположными—должно читать: „Защищающими его а борющійся будетъ съ своей стороны уничтожать сіи оплоты мыслями и представленіями“.	
356	—	2	постыженною	постыженною
361	—	5	себя	себѣ
—	—	11 сн.	помыселъ	помыслъ
—	—	5 сн.	помыселъ	помыслъ
362	—	6	ни есть	не есть
—	—	16	не были	мы не были
—	—	8 сн.	о немъ... его	о нихъ... ихъ
363	—	6	Послѣ слова: Лѣстничника, — читать: „Это составляетъ преимущественный предметъ втораго тома русскаго Добротолюбія“.	
—	—	4 сн.	то	тотъ
364	—	14	побраніе	побораніе
—	—	11 сн.	сила	сила страстію
365	—	6 сн.	Замозлобленіи	самоозлобленіи
636	—	7	на себя	на себѣ
370	—	6	пуская	попуская
371	—	2	очищаемы	ощущаемы
—	—	8 сн.	Чистое	частое
372	—	1	у строимся	устоимъ ли
—	—	12	спасенію	опасенію
374	—	9	средство должно	средство. Должно
—	—	6 сн.	въ себѣ	въ себя
—	—	4 сн.	вступленія	вступленіе
375	—	12	стихнетъ	стихаетъ
—	—	5 сн.	возвращать	возращать
376	—	8	Заграждается	зараждается
—	—	11 сн.	ума	уму
377	—	11	Зрѣть	Зрѣетъ
—	—	1 сн.	магнитая	Магнитная
378	—	2	Это есть	есть это
3—	—	14	въ духѣ, ревнующемъ	въ духѣ ревнующемъ
—	—	11 сн.	страха радости	страха, радости
79	—	4	*Ми*	*Мя*
380	—	8 сн.	управство	упрямство
381	—	16	по строенію	по настроенію
82	—	4 сн.	отступленіямъ	отступленьями
84	—	13	спѣшнѣйше	спѣшнѣйшее
385	—	12	предъ Богомъ	предъ Бога
—	—	11 сн.	съ нимъ	съ ними
386	—	6	покающійся	покушающійся
3—	—	12	безъ того	———
—	—	14	насыщатся	насыщаться
—	—	4 сн.	другимъ блюденіемъ	другимъ,—блюденьемъ
—	—	3 сн.	пимысломъ	помысломъ
387		1	сколько	сколь
3—	—	11	храненіе	храненій
и—	—	12 сн.	покушавшемуся	покушающемуся

Библиотека ООН